



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

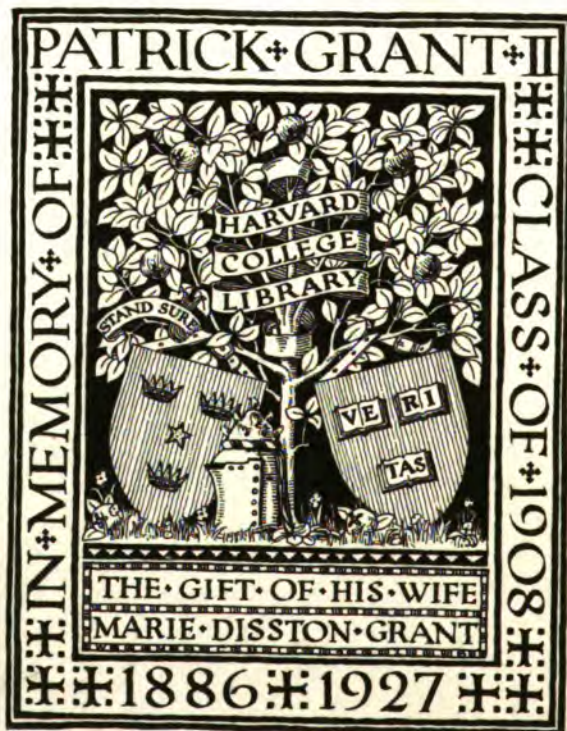
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27222.16.23



О С Л О В Ъ
О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

I

ЛИТЕРАТУРА СЛОВА СО ВРЕМЕНИ ОТ-
КРЫТІЯ ЕГО ДО 1876 Г.

А. Смирнова.

Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1877 г.

.....

О С Л О В Ъ

О ПОДКУ ИГОРЕВЪ.

I

ЛИТЕРАТУРА СЛОВА СО ВРЕМЕНИ ОТ-
КРЫТІЯ ЕГО ДО 1876 Г.

А. Смирнова.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „Филологическихъ Записокъ.“

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1877 г.

27222.16.23



trans. line

Дозволено Цензурой. Москва, 28-го Декабря 1876 г.

О СЛОВѢ

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

I.

Литература Слова со времени открытія его до

1875 г.

Предисловіе.

Сочиненія и статьи о Словѣ, появившіяся въ первыя пятьдесятъ лѣтъ послѣ открытія его, имѣли нѣсколько обзоровъ (Максимовича, Сахарова, Дубенскаго, Головина), за послѣдующее же время не было не только никакого обзора, но даже и полнаго указателя. Между тѣмъ за послѣднія тридцать лѣтъ литература о Словѣ увеличилась вдвое противъ прежняго. Она заключается во многихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, большею частію очень мало распространенныхъ, и въ старыхъ журнальныхъ статьяхъ, которыя могутъ отыскаться только въ рѣдкихъ библіотекахъ. Цѣль предлагаемаго труда указать на все то, что въ послѣднее время писалось о Словѣ, и представить самое существенное изъ этой литературы. Кромѣ того онъ дополненъ подробнымъ обзоромъ и прежней литературы. Въ настоящее время многія изъ давнихъ сочиненій и статей о Словѣ сдѣлались библіографическою рѣдкостію; такъ напр. брошюрку Руссова мнѣ удалось отыскать только въ Императорской Публичной библіотекѣ; князю Вяземскому, занимавшемуся Словомъ болѣе двадцати лѣтъ, уже не уда-

лось достать примѣчаній Головина, на которыя онъ ссылается чрезъ посредство Кораблева (Замѣч. на Сл. о Пол. Иг. 1875 г. стр. 481.); вслѣдствіе этого въ оглавленіи его замѣчательнаго труда допущена даже ошибка, именно: догадка, что сочинителемъ Слова былъ книжникъ Тимофей, приписывается Кораблеву, который только выписалъ ее пзъ примѣчаній Головина. По причинѣ трудности, а иногда и невозможности достать все, что писалось о Словѣ, у занимающихся имъ въ послѣднее время часто повторяется то же самое, что и у предшественниковъ. Это особенно замѣчается въ толкованіи темныхъ мѣстъ и непонятныхъ словъ: такъ на Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ говорилось о раздѣльномъ чтеніи слова „истигну“, какъ о новой догадкѣ (сообщилъ Кондаковъ), между тѣмъ такое чтеніе предложилъ еще Дубенскій въ 1844 г. (стр. 13).

Мнѣніямъ и замѣткамъ второстепенныхъ представителей литературы Слова иногда здѣсь дано больше мѣста, чѣмъ мнѣніямъ первостепенныхъ. Это зависѣло оттого, что съ послѣдними придется опять встрѣтиться въ продолженіи этого труда: мнѣнія ихъ требуютъ разбора, а не одного изложенія и замѣчаній, что только и составляетъ задачу предлагаемаго обзора.

Одесса.
7 окт. 1875 г.

Слово о Полку Игоревѣ сдѣлалось извѣстно ученому міру только съ 1795 г., когда оно было приобрѣтено въ собственность графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. До этого времени единственная рукопись его находилась въ рукахъ людей или не понимавшихъ важности его, какъ драгоценнаго памятника русской литературы XII в., или же и понимавшихъ, но не охотниковъ дѣлиться своими сокровищами съ другими, какимъ былъ напр. владѣлецъ Іоакимовской лѣтописи (Уч. Зап. 2. От. Ав. Наукъ, кн. 2. в. 1. стр. 94—95.). Последнимъ такимъ владѣльцемъ рукописи Слова былъ архимандритъ Іоиль. О немъ, а также и о приобрѣтеніи отъ него рукописи Слова гр. Мусинъ-Пушкинъ въ концѣ 1813 г. рассказывалъ слѣдующее: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ на общаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комисіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной подъ № 323, подъ названіемъ хронографъ, въ концѣ найдено Слово о Пол. Иг.^а (Зап. и тр. Общ. ист. и др. Рос. при Моск. Ун. ч. II. 1824, стр. 36.)

Такимъ образомъ съ 1795 г. рукопись Слова изъ Ярославля была взята и поступила въ собраніе рукописей Мусина-Пушкина. Въ новомъ хранилищѣ она сдѣлалась доступною для занимающихся русскими древностями, что видно изъ слѣдующаго свидѣтельства Калайдовича: изъ сего древностей и рѣдкостей собранія (библіотеки М.-Пушкина) всѣ справки, относящіяся къ отечественной исторіи, Великая Екатерина требовала, а г.г. Болтинъ, Елагинъ, исторіографъ Карамзинъ и члены Общества исторіи и древностей Россійскихъ невозбранно онымъ пользовались (Зап. и тр. Общ. Ист. и др. Р. при Моск. Ун. 1824 г. кн. II. стр. 18). Екатерина, кромѣ лѣтописей и бумагъ, при-

надлежавших М.-Пушкину, дѣйствительно, одна изъ первыхъ между образованными русскими людьми была заинтересована Словомъ. Свидѣтельствомъ этого служить списокъ Слова, найденный въ ся бумагахъ. Этотъ списокъ былъ читанъ и притомъ со вниманіемъ, какъ доказываютъ сдѣланные въ немъ карандашомъ отиѣтки противъ нѣкоторыхъ выраженій (Екатер. спис., Пекарскаго, 1864 г. стр. 6-я).

Первое извѣстіе о Словѣ сообщено было свѣту Карамзиннымъ (Гербель, Поэз. Сл. стр. 4) въ 1797 г. въ Октябр. кн. Гамбургск. журнала *Spectateur du Nord* (р. 53 et set.). Въ этомъ извѣстіи объ открытіи былъ высказанъ и взглядъ на Слово тогдашнихъ нашихъ ученыхъ. Онъ по запискамъ Калайдовича былъ слѣдующій: Вы, можетъ быть, удивитесь болѣе, если узнаете, что два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: Пѣснь Игоревыхъ воиновъ, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами и которая написана въ XII столѣтіи. Слогъ исполненный силы, чувствія высочайшаго героизма; разительныя изображенія, черпнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинство сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: увы, чувствую, что кисть моя слаба; я не имѣю дара великаго Бояна, сего сословья временъ прошедшихъ; слѣд., въ Россіи и до него были великіе поэты, которыхъ творенія поглощены вѣками. Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Боянѣ, мы не знаемъ, когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почитеніе, воздаваемое его дарованіямъ такимъ поэтомъ, заставляетъ чувствительно сожалѣть о потерѣ его твореній (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г ч. 2. стр. 38).

Въ первые пять лѣтъ послѣ открытія, между тогдашними учеными шли толки о Словѣ. Одни были увѣрены въ подлинности Слова, другіе сомнѣвались. Во главѣ послѣднихъ стоялъ извѣстный Шлецеръ. Онъ сомнѣвался въ

подлинности Слова на томъ основаніи, что не зналъ, къ какому вѣку отнести языкъ пѣсни, находя въ ономъ большое отличіе языка библейскаго и лѣтописей (Зап. и тр. Общ. Ист. и др. 1824 г. ч. II стр. 39). Самъ новый владѣтель рукописи въ это время много потрудился надъ ней. Онъ впослѣдствіи рассказывалъ объ этомъ слѣдующее: „Во время службы моей въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оныя пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было ее раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я, не бывъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь наче всего, чтобы не сдѣлать ошибки подобной кн. Щербатову, который, разбирая Грамоту Новгородцевъ къ Ярославу, напечаталъ въ оной между прочимъ: почто отъялъ еси поле Заячь и Миловцы? (вмѣсто заячьими ловцы). По переѣздѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ я у А. Ѳ. Малиновскаго къ удивленію моему переводъ мой въ очень неисправной перепискѣ и по убѣдительному совѣту его и друга моего Н. Н. Бантышъ-Каменскаго рѣшился обще съ ними свѣрить переложеніе съ подлинникомъ и, исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдать въ печать.“ (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г. кн. II, стр. 37.)

Первое изданіе Слова печаталось въ Москвѣ въ 1800 г. и печаталось съ большимъ стараніемъ. Типографщикъ С. А. Селивановскій рассказывалъ Калайдовичу объ этомъ: корректуру держали Малиновскій и Б.-Каменскій, а третью уже читалъ Мусинъ-Пушкинъ. Они дѣлали частыя поправки въ корректурѣ, съ точностью издавая подлинникъ,

отчего печатаніе шло медленно (Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь, стр. 17). Точность изданія рукописи засвидѣтельствована и такимъ знатокомъ старорусской литературы, какъ Карамзинъ. Въ запискахъ Тимковского, отъ 21-го окт. 1814 г., писанныхъ рукою самого Тимковского, подъ рубр. 3 читаемъ: „Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ сличенію (рукописи съ печатнымъ изданіемъ) оказалось, что пѣснь со всюю точностію напечатана противъ подлинника, выключая словъ—вѣчи Трояни вм. подл. „сѣчи.“ „Касательно же поставленнаго въ скобкахъ слова Олегъ (увѣрялъ), то это учинено для большей ясности рѣчи“ (Сынъ От. 1839 г. т. 8 см. стр. 20). Выше, въ запискахъ Тимковского рукою Калайдовича написано: „Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникѣ вмѣсто вѣчи Трояни въ двухъ мѣстахъ было написано „сѣчи Трояни“ (тамъ же, Сынъ От. 1839 г.). Калайдовичъ въ своихъ запискахъ прибавляетъ еще къ этому: „Онъ (Карамзинъ) тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собою буквы в и с были принимаемы противно (Лѣт. р. л. кн. 6. стр. 90).*)

Печатное изданіе Слова вышло съ предисловіемъ, примѣчаніями, переводомъ на новый языкъ и съ родословною князей, упоминаемыхъ въ Словѣ. Въ предисловіи Мусинъ-Пушкинъ повторилъ мысль Карамзина о сходствѣ Слова по духу съ Оссіаномъ. Подъ текстомъ напечатано нѣсколько историческихъ примѣчаній, которыя, по свидѣтельству Сахарова, основанному на преданіи, писалъ извѣстный Болтинъ (Сахаровъ, Пѣсни Рус. народа, ч. 5, стр. 178), трудившійся также и надъ переложеніемъ, какъ засвидѣтельствовалъ Шишковъ (см. Полное собр. соч. Шишкова ч. XI, стр. 384). Большая часть примѣчаній составлена на основаніи исторіи Татищева. Филологичес-

*) Сюда, вѣроятно, относятся: повелѣ я (стр. 16), которое Карамзинъ читалъ посѣчѣ я, съ ты плѣкы (стр. 17) вм. въ ты плѣкы.

скихъ примѣчаній не много, но и тѣ мало имѣютъ цѣны. Что касается перевода, то, не смотря на все усердіе М. Пушкина, онъ вышелъ неудовлетворителенъ и для того времени.

О вѣкъ рукописи первые издатели выразились въ общихъ словахъ: „подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя“ (VII стр.). Но послѣ гибели подлинной рукописи М. Пушкинъ писалъ Калайдовичу: „по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. (Зап. и тр. Общ. Ист. и древ. 1824 г. Сынъ Отеч. 1839 г. т. 8, стр. 16.). Вѣроятно, это не личное мнѣніе М.-Пушкина, а общее мнѣніе первыхъ издателей—Малиновскаго и Бятышъ-Каменскаго.*) Малиновскій, не смотря на всѣ разысканія Калайдовича, который на основаніи свидѣтельства Селивановскаго сталъ относить рукопись къ XVI в.), до конца своей жизни не могъ отказаться отъ своего мнѣнія. что рукопись именно конца 14 в. Дубенскій въ своемъ изданіи замѣчаетъ: „я имѣлъ счастье быть у перваго редактора Слова (Малиновскаго), не задолго до его смерти; онъ съ чувствомъ истиннаго уваженія говорилъ объ этомъ твореніи, горько жаловался на критиковъ и завѣщалъ выставить XIV-й в. рукописи (Дуб. предисл. прим. къ 8 стр.).

Изданіе Слова Мусинымъ-Пушкинымъ на время прекратило толки о поддѣлкѣ Слова. Глава этихъ толковъ Шлецеръ, прочитавши его въ печатномъ изданіи, признался, при изданіи Нестора на Нѣм. языкѣ въ 1802 г., что

*) Малиновскій самъ занимался разборомъ Слова: у него М. Пушкинъ нашелъ въ 1800 г. свой переводъ въ неисправленномъ видѣ (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г. кн. II, стр. 37). Онъ впоследствии старался отыскать другой списокъ Слова (Строевъ. Крат. Обзор. Мнѣол. Слав. стр. 10—11) и отъ него дошли до насъ записки, въ которыхъ говорится о Словѣ. Въ настоящее время онъ находится въ рукахъ Барсова, который на основаніи ихъ старается опредѣлить, какой форматъ носила рукопись, сколько было страницъ, и на основаніи этого протолковать нѣкоторые непонятныя мѣста. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ изданія этихъ записокъ.

„это твореніе въ пѣтической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь я болѣе не сомнѣваюсь“ (Нест. Шлец. т. 1 стр. 384. 1809 г.).

Перваго изданія напечатано 1200 экз., и хотя большая часть ихъ погибла въ пожаръ 1812 г., „сожжена въ Москвѣ съ домоу моимъ отъ злодѣя,“ какъ писалъ въ послѣдствіи М. Пушкинъ (С. От. 1839, стр. 16), однако оно довольно распространилось и стало занимать многихъ. Скоро стали появляться новыя переводы и изданія. Такъ въ 1803 г. вышелъ въ Петербургѣ стихотворный переводъ Сѣрякова: „Походъ Игоря противу Половцевъ.“ Этотъ переводъ въ тонѣ народныхъ пѣсенъ былъ довольно хорошъ для своего времени. Въ томъ же 1803 г. вышелъ въ Ригѣ переводъ на Нѣмецкій языкъ, напечатанный Н. Рихтеромъ въ Nordische Miscellen. *)

Въ 1805 году Шишковъ перепечаталъ 1-е изданіе Слова въ 1-й ч. сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею (8 кн. стр. 23—234.); къ этому изданію онъ приложилъ свои примѣчанія и переводъ. Это же самое изданіе Шишкова перепечатано было въ его полномъ собраніи сочиненій и переводовъ въ 1826 г. въ VII ч. (цитат. по 2 изд.)

а). Поводомъ къ изданію Слова было недовольство Шишкова первымъ изданіемъ и переводомъ: „свѣряя предложеніе сіе (Мусина-Пушкина) съ подлинникомъ, нахожу я, говорить онъ, что оное не можетъ удовлетворять читателя, любопытствующаго вникнуть во всю красоту слога и разобратъ каждую мысль сего только древняго творенія. Мнѣ кажется, не столько переложеніе сей пѣсни полезно, сколь-

*) Переводы на иностранныя языки продолжались и послѣ. На Нѣмецкій языкъ Слово было переведено еще пять разъ: 1, Юнг-лапомъ въ 1810 г. 2, Мюллеромъ въ 1811 г. въ Прагѣ; 3, Ганкой въ 1821 г. въ Прагѣ; 4, Зедергольмомъ въ 1825 г. въ Москвѣ и 5, Болътцемъ въ 1854 г. въ Берлинѣ. На Французскій языкъ Фланшардомъ въ 1823 г. въ Москвѣ и Экштейномъ въ журналѣ Le Catholique. На Венгерскій—Ридлемъ Сенде въ 1858 г.

во основанное на вѣроятныхъ догадкахъ истолкованіе сомнительныхъ или темныхъ мѣстъ ея. также и разсмотрѣніе многихъ заключающихся въ ней прекрасныхъ мыслей, словъ и выраженій“ (стр. 37—38). Поэтому примѣчанія Шишкова двоякаго рода: одни объясняютъ темныя мѣста, другія показываютъ прекрасныя мысли и выраженія.

Неудачный во многихъ мѣстахъ переводъ Мусина-Пушкина далъ обильную пищу критикѣ Шишкова. Въ его примѣчаніяхъ больше полемики, чѣмъ разъясненій текста Слова. Не смотря на это, его примѣчанія составляютъ шагъ впередъ. Нѣкоторыя изъ объясненій его довольно удачны, какъ напр. были (89), хотя (70); инныя натолкнули другихъ на болѣе вѣрныя разъясненія, напр. ц в ѣ л и т ь (45-46). Поправки самаго текста Слова у него всѣ неудачны, но онъ самъ не придавалъ имъ несомнѣнности, постоянно оговариваясь: „кажется, вѣроятно,“ и не внесъ ихъ въ текстъ. Все-таки они были первыми поправками и положили собою начало всѣмъ слѣдующимъ поправкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя оказываются теперь не только удачными, но и необходимыми. Примѣчанія, въ которыхъ онъ толкуетъ прекрасныя мысли и выраженія, назывались тогда эстетическими. Слѣдующія два мѣста могутъ дать полное понятіе о всѣхъ примѣчаніяхъ въ этомъ родѣ. 1., Б о я н ь-б о в ѣ щ и й—и далѣе... Примѣтимъ, во 1-хъ, богатство сей мысли, когда Боянь воспѣвать кого хотѣлъ, растекался мыслию по деревьямъ по лѣсамъ, носился воображеніемъ по землѣ, какъ рыщущій за снѣдію сѣрый волкъ, парилъ подъ облаками, какъ сизый орелъ, вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ, чѣмъ бы наполнить умъ свой и обогатить воображеніе, дабы потомъ, взявъ лиру, возгласить на ней пѣснь громкую. Какой великолѣпный приступъ! Во 2-хъ, примѣтимъ силу и знаменованіе слѣдующихъ выраженій: 1, растекался мыслию по деревьямъ, по землѣ, подъ облаками.. Какъ знаменательнъ здѣсь глаголъ растекался! Не видимъ ли мы выходящую изъ головы

Бояна рѣку мыслей, растекающуюся по всему пространству міра? 2, Б о я н ъ-б о в ѣ щ і й... чѣмъ замѣнимъ мы нынѣ частицу б о и прилагательное вѣщій? Союзъ и б о дѣлаетъ слогъ повѣствовательнымъ, простымъ; напротивъ того частица б о дѣла ть его стихотворческимъ, высокопарнымъ. Слово мудрый можетъ приличествовать всякому разумному человеку; напротивъ того вѣщій не иначе можетъ приличествовать какъ человеку свѣдущему въ вѣщапіяхъ, т. е. имѣющему превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ; такъ подъ словомъ — вѣщій Боянъ — я тотчасъ понимаю, что онъ былъ искусный вѣщатель, стихотворецъ, писатель (40 — 42 стр.).

б). Изображеніе въ Словѣ Игоря и Всеволода вызываетъ въ Шишковѣ такія чувства и соображенія: Съ какимъ огнемъ и краспорѣчіемъ сочинитель изображаетъ Игоря, приготовляющагося къ походу и ожидающаго брата своего Всеволода? Вся Россія кажется быть въ движеніи: комони ржутъ за Сулою и пр. Игорь ждетъ мида брата. Сіе толико многшумное и важное ожиданіе Всеволода обращаетъ на него все мое вниманіе. Колико восхищаетъ меня сіе единое слово — Буй-туръ. Въ самомъ дѣлѣ разберемъ силу онаго. Буй значитъ дикій, необузданный; ярый-туръ значитъ воля. Сіи два понятія, соединенныя въ одномъ словѣ, не представляютъ ли намъ Всеволода исполненнымъ, имѣющимъ необыкновенный ростъ, широкія плечи, толстыя руки, огненные глаза, мужественный духъ. Еслибъ намѣсто — и рече ему Буй-туръ Всеволодъ — поставить — и рекъ ему герой Всеволодъ, то конечно бы въ семъ второмъ выраженіи сила перваго уменьшилась (48 стр.).

Въ примѣчаніи къ переводу (стр. 125) Шишковъ говоритъ: „разсудилось мнѣ преложить, или паче передѣлать оную (пѣснь) такимъ образомъ, чтобы, оставляя всѣ красоты подлинника безъ всякой, по-колику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста сократить или пропустить, прочія же, требующія распространенія, допол-

нить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умышленіями. Симъ средствомъ пѣснь сія отъ начала до конца сдѣлается ясною.“ Сообразно съ симъ Шишковъ напр. краткое описаніе въ Словѣ первого сраженія: „съ заранія въ патокъ потопташа поганья плѣкы Половецкія и рассушася стрѣлами по полю помчаша красныя дѣвки половецкія“ распространяетъ въ переводѣ такъ: Но одинъ день рано поутру сражаются они съ Половцами, едва узрѣлися, ужъ летятъ другъ на друга; брань мгновенно возкипѣла, кровь потекла съ мечей и многіе ратники пали прежде, нежели восходящаго солнца лучи въ померкающихъ очахъ ихъ возблистать успѣли. Уже нечестивые поля опрокинуты, разбиты, потоптаны. Храбрые Россіяне въ разны стороны разсыпались, и какъ быстрыя стрѣлы, по полямъ летая, мчатъ оттолѣ красныхъ Половецкихъ дѣвъ (стр. 130—131). Или, не понимая напризмѣръ выраженія: „и ходы на Святославля и проч. онъ во все пропустилъ это мѣсто въ переводѣ. Вообще переводъ его вышелъ не лучше перевода первыхъ издателей.

Въ 1807 г. напечатанъ былъ въ Харьковѣ стихотворный переводъ Палицына. Авторъ въ стилѣ ложно-классическихкихъ поэмъ перевелъ Слово шестистопными ямбами.

Въ 1809 г. вышло въ Москвѣ Разсужденіе о древней русской словесности (по свидѣтельству Востокова — это разсужденіе Граматина, опытъ о русск. стих. стр. 93 прим.). Въ этомъ разсужденіи нѣсколько страницъ посвящено и Слову о пол. Иг. Сначала авторъ опровергаетъ мнѣніе первыхъ издателей, что Боянъ былъ язычникъ, говорить, что онъ писалъ прозою и пользовался извѣстностію за свои изреченія или притчи. За симъ онъ трактуетъ о самомъ Словѣ, объ авторѣ его, какъ современникъ описываемаго событія, лицѣ свѣтскомъ. Мнѣніе автора—разсужденія объ языкѣ, если и не вѣрны, все-таки ближе стоятъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣнія многихъ послѣдующихъ толкователей. Онъ называетъ его древнимъ простонароднымъ

языкомъ, который труднѣе понимать, чѣмъ языкъ Библіи, но за то онъ ближе къ современному намъ, отъ Библейскаго же онъ весьма отличенъ (стр. 9—10). Послѣ этого авторъ разсуждаетъ о стилѣ Слова: отрицаетъ мнѣніе, что бы это была правильная эпическая поэма, которую можно было-бы разбирать по правиламъ Аристотеля, Горация или Буало. говоритъ, что онъ не имѣетъ никакихъ чудесныхъ вымысловъ. Очинитель ся былъ человѣкъ неученый, но ученикъ природы, съ которой картины онъ списывалъ вѣрно и удачно (стр. 10.) Онъ любилъ сравненія и аллегоріи; но они вездѣ чрезвычайно кратки, правильны и матеріалы для нихъ всѣ отечественныя (11 стр.). Встрѣчаются и одушевленія, но только предметовъ существенныхъ, а не отвлеченныхъ (Кіевъ, Черниговъ). Описанія пѣвца очень удачны, хоть и кратки, и могутъ быть сравнены съ Гомеровскими и Оссіановскими. (13 стр.). Вымыслы не многочисленны, но есть напр. сонъ Святослава (14 стр.).

Въ 1812 году Слово переведено было Язвизкимъ стихами и напечатано въ С.-Петербургѣ въ Чтеніяхъ въ бесѣдѣ любителей рус. слова (ч. IV): переводъ вышелъ не лучше предшествующихъ, а размѣръ стиховъ похожъ на размѣръ стиховъ Сѣрякова.

Въ этомъ же году погибла единственная рукопись Слова. Библіотска Мусина-Пушкина, въ которой она находилась вмѣстѣ съ другими историческими сокровищами, сгорѣла вся, вмѣстѣ съ домомъ его, бывшимъ на Разгуляѣ въ Москвѣ (Переп. Карамзина съ Малиновскимъ стр. 3, прим. 2).

Въ 4-й ч. Трудовъ Общества любителей русской словесности при Имп. Моск. Унив. за 1812 г. напечатана была записка Калайдовича, въ которой онъ предложилъ для рѣшенія слѣдующій вопросъ: На какомъ языкѣ писана была пѣснь о полку Игоря, на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій (древняго язы-

ка Славянскаго)? Этотъ вопросъ предложенъ имъ съ тою цѣлю, чтобы или разрушить сомнѣнія въ подлинности Слова, или же увѣрить въ подложности его (Тр. Общ. л. р. сл. при М. Унив. 1812 г. ч. IV, стр. 159, 177—181). Отвѣтъ на этотъ вопросъ Калайдовичъ представилъ самъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1813 г. въ С.-Петербургѣ напечатанъ былъ переводъ Левитскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Ироническая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, написанная на Славянскомъ языкѣ въ XII ст., нынѣ переложенная въ стихи старинной русской мѣры.“ Этотъ переводъ тономъ и размеромъ тоже, какъ и Язвицкаго, напоминаетъ переводъ Сврякова.

Съ 1813 г. началъ свои изысканія, кромѣ языка, и о самой рукописи Слова—Калайдовичъ. На этотъ вопросъ натолкнулъ его Тимковскій, который, по свидѣтельству Калайдовича, уже прежде этого нѣсколько времени занимался филологическимъ разборомъ пѣсни Игорева (Лѣт. р. лит. и древ. кн. 6, стр. 108).

Въ своихъ запискахъ Калайдовичъ замѣтилъ подъ 12 фев 1814 г. слѣдующее: г. Тимковскій просилъ меня написать къ гр. М. Пушкину: чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игорева, и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторые слова? вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? почему слово Олегъ поставлено въ скобкахъ и другія? еще нѣсколько вопросовъ въ разсужденіи сего несравненнаго сочиненія онъ общалъ мнѣ доставить письменно (Лѣт. р. л. и др. кн. 6, стр. 90.).

Вѣроятно, вопросы, которые общалъ Тимковскій доставить письменно, именно тѣ, которые уцѣлѣли въ запискахъ Тимковскаго: 1. На чемъ, когда и какъ писано? 2. гдѣ найдено? 3. сколько экземпляровъ напечатано? и 4, о прежнихъ переводахъ и кто былъ участникомъ

въ изданіи? (Сынъ От. 1839 г. т. 8 см. стр. 15—16). Отвѣтъ Калайдовичу отъ М.-Пушкина послѣдовалъ 31-го дек. 1813 г., такой: „писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣтописи, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о приобрѣтеніи рукописи, о занятіяхъ ею и о печатаніи (Зап. и тр. Общ. Ист. и др. 1824 г. С. От. 1839 г. т. 8, см. стр. 15—16.).

Въ запискахъ Калайдовича подъ слѣдующими числами находятся другія его замѣтки о Словѣ, или по поводу Слова: 1, о другой рукописи, 2, о сомнѣніи Графа С. П. Румянцева въ подлинности первой и объ опроверженіи этого сомнѣнія Карамзиннымъ, 3, объ отысканіи Тимковскимъ и Карамзиннымъ сочиненія о походѣ Дмитрія Донскаго, 4, о сходствѣ Слова по выраженіямъ съ Волынской лѣтописью, 5, о пѣсни объ убогомъ Лазарѣ, 6, о перепискѣ Калайдовича съ Евгеніемъ по поводу Слова и 7, о занятіяхъ Тимковского Словомъ.

1. О другой рукописи въ запискахъ замѣчено: графъ С. П. Румянцевъ сказалъ, что онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, лично увѣрить своего брата (Н. П. Румянцева, основателя извѣстнаго Музеума), что онъ нашелъ такого человѣка, который удобно можетъ представить ему другую пѣснь Игореву (Лѣт. рус. лит. кн. 6 стр. 94).

Эта замѣтка указываетъ на поддѣлки рукописи, которыя начались, значить, только съ 1812 г., съ года гибели подлинной рукописи. Къ разряду такихъ поддѣлокъ относится, конечно, тотъ пергаменный списокъ, который находился у Малиновскаго и который, по свидѣтельству Строева, писанъ свитеомъ въ концѣ XIV в. и кромѣ нѣкоторыхъ буквальныхъ разностей, совершенно согласуется съ печатною поэмою (Строева, Краткое обзор. Мнѣ. Славянъ Россійскихъ 1815 г. стр. 10 -- 11. пр. 1). Такимъ образомъ Строевъ признавалъ этотъ списокъ тоже

подлиннымъ; но Карамзинъ сомнѣвался въ подлинности его. Въ письмѣ къ Тургеневу изъ Остафьева отъ 20 Октября 1815 г. онъ пишетъ: „А. Θ. Малиновскій купилъ за 160 р. харатейное Слово о П. Иг. Жаль только, что списокъ неисправенъ и не пополняетъ печатнаго. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ продолжаетъ: „когда Богъ позволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное А. Θ. Слово: это любопытный подлогъ. Значить, Карамзинъ не только хорошо зналъ подлинникъ, но и признавалъ его подлинникомъ (Библ. для Чт. 1855 г., Отд. Журн. съ 13 стр.)

Такихъ подложныхъ списковъ распространилось тогда нѣсколько, и всѣ они, конечно, работы Бардина.*)

Недавно сдѣлано приношеніе въ Румянцевскій Музей подобнаго поддѣльнаго списка Слова, какого доселѣ не находилось въ собраніи рукописей Музеевъ. Онъ тоже, вѣроятно, работы Бардина, писанъ на пергаментѣ въ 4° въ два столбца, на 28 листахъ. Поддѣлка довольно искусная: текстъ писанъ блѣдными чернилами, а заглавія и заглавныя литеры и знаки препинанія (точки, которыя однѣ только встрѣчаются) золотомъ. Письмо довольно близко подходитъ къ почерку древнерусскихъ рукописей и грамотъ

*) По поводу смерти его, въ 1841 году въ Москвитанинѣ напечатанъ былъ некрологъ слѣдующаго содержанія: Покойникъ Антонъ Ивановичъ Бардинъ былъ мастеръ подписываться подъ древніе почерки. Рассказывается одинъ анекдотъ, какъ онъ подшутилъ надъ знатоками графомъ М. Пушкинымъ и А. Θ. Малиновскимъ. Графъ призываетъ въ восторгъ въ Историческое общество. «Драгоценность, Господа, приобрѣлъ я! Что такое?—Приѣзжайте ко мнѣ. Поѣхали послѣ собранія. Графъ выноситъ харатейную тетрадку, пожелтѣлую, почернѣлую: Списокъ Слова о П. Иг. Всѣ удивляются, радуются, одинъ Малиновскій выказываетъ сомнѣніе. Что же вы? Да, вѣдь, и я, графъ, купилъ вчера списокъ подобный.—У кого? У Бардина. По сличеніи, списки оказались одной работы (Москв. 1841 г. № 3 стр. 245).

Бардинъ не только занимался поддѣлкою, но и собиралъ древнія рукописи. Такъ въ собраніи рукописей славянскихъ и русскіхъ Царскаго, описанныхъ Строевымъ въ 1848 г., въ концѣ сборника, написаннаго почеркомъ 18 в. находится приписка: Сія книга Московскаго мѣщанина Антонова Иванова сына Бардина въ лѣто отъ сотв. 7325, а отъ Р. Хр. 1815 г.

ХІІ — ХІІІ в.; первая строка заглавія и заглавныя литеры ХVІ в. Текстъ начинается съ обратной страницы перваго листа, а на лицевой страницѣ какая-то надпись въ кругу, сдѣланная запутанною вязью, также въ стилѣ ХVІ и ХVІІ в. Пергамень совершенно свѣжій и прозрачный, по видимому пропитанный масломъ. (Отч. Моск. публ. и Румянц. Муз. за 1870 — 72 гг. стр. 66, приложения № 21).

2. Сомнѣніе касательно подлинности Слова у графа С. П. Румянцева возникло по слѣдующему поводу, какъ онъ говорилъ Калайдовичу: „Если образъ Богоматери, привезенный Пирогощю въ 1160 г., былъ перевезенъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издатель), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 г. изъ плѣна Половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей?“ Я, говоритъ Калайдовичъ, не могши ничего припомнить, согласился—было съ нимъ, но г. Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощиной и писанной Евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно, дѣйствительно, полагать въ 1160 г., что не противно будетъ не подверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревою (Дѣт. рус. лит. 6 стр. 97-я).

Въ запискахъ Тимковскаго рукою Калайдовича приписаны еще слѣдующіе доводы гр. С. П. Румянцева касательно подложности Слова: въ ней встрѣчается имя Салтаново, появившееся гораздо позже ХІІ в., новое названіе народа Венедицы и мѣстоименіе „который“, неприличное (будто бы) тому времени. (Сынъ От. 1839, т. 8, смѣсь, 18 стр.). Кажется, что и піитическое описаніе Игорева похода у Татищева возбуждало въ графѣ сомнѣніе въ подлинности Слова, какъ можно заключить изъ словъ Калайдовича: „говорилъ Румянцеву о новомъ открытіи (пѣсни о Димитріи), онъ не вѣрилъ. Онъ говорилъ мнѣ, что походъ Иго-

ря на Половцевъ описанъ пѣстически у Татищева (Лѣт. рус. лѣт. 6, стр. 109 и Сынъ Отеч. 1839 т. 8, смѣсь, 15—20.)

3. Честъ открытія перваго списка Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ принадлежитъ проф. Гимковскому. Оно, по разсказу Калайдовича, найдено въ одной книгѣ, содержащей много пѣсней историческихъ на площади въ Москвѣ. Въ сей же книгѣ помѣщена съ Арабскаго переведенная сказка „Синагрипъ, царь Адоровъ Инализскія страны“ (какъ и въ пѣснѣ Игоревой). Рукопись сія принадлежитъ временамъ царя Михаила Ѳеодоровича. Начинается она (пѣснь о побѣдѣ) воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть, сочинителю пѣснѣ Игоревой такимъ образомъ: „Повѣдай Уранъ,“ оканчивается: а Владимиръ есть глава всѣмъ градомъ „Русскимъ“ (Лѣт. р. л. 6, стр. 108). Пѣснь сія, подобно Игоревой, исполнена сильными выраженіями, красотою слога и во многихъ мѣстахъ столь сходна съ первою, что нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель послѣдней имѣлъ пѣснь Игореву образцомъ своимъ. Въ ней также вм. Курчанъ описывается Московское войнство, вмѣсто необыкновеннаго Всеслава изображенъ такимъ же смѣлымъ, предприимчивымъ гадателемъ Дмитрій Волинецъ, вмѣсто супруги Игоря представлена Евдокія, жена великаго князя, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ надъ Москвою рѣкою, пригорюнившись, и сѣтующая о разлукѣ съ любезнымъ ей Дмитриемъ. Походъ Донскаго, гдѣ встрѣчается выраженіе „трубы трубятъ звонко съ поволокою“, и описаніе послѣдней ночи предъ сраженіемъ—живописны. Многія слова, какъ-то: харалужный, стягъ, галицы и пр. находятся въ ней такъ, какъ и въ пѣснѣ Игоревой (Лѣт. р. л. 6, стр. 108 и Зап. и тр. Общ. Истор. и др. Р. при Моск. Унив. 1824 г. ч. II, стр. 40).

Въ этоже время другой списокъ Сказанія о Дмитріи найденъ былъ Карамзинымъ. Калайдовичъ говоритъ объ этомъ: „говорилъ Карамзину о новомъ открытіи: оно ему нѣ-

сколько известно, но видно изъ другаго не полного списка (Лѣт. р. л. 6, стр. 109). Черезъ нѣсколько дней Калайдовичъ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: Карамзинъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись, въ коей помѣщено описаніе сраженія кн. Дмитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: „Повѣдай уранъ“ и послѣднія о Владимірѣ, и не находятся лучшія историческія картины (Лѣт. Рус. л. 6, стр. 112 и Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь, стр. 19).

4. О сходствѣ слова съ Волынскою лѣтописью, найденною Карамзинимъ, Калайдовичъ говоритъ еще, кромѣ записокъ, и въ библиографическихъ свѣдѣніяхъ о Мусинѣ-Пушкинѣ, опровергая этимъ сомнѣніе въ подлинности Слова (Лѣт. р. л. кн. 6, стр. 110 и Зап. и Тр. Общ. Ист. и др. 1824 г. ч. 2, стр. 41). Тимковскій въ запискахъ своихъ прибавляетъ къ этому извѣстію: „Слышалъ отъ Калайдовича: Карамзинъ увѣрялъ его, что Волынская лѣтопись имѣетъ великое сходство въ языкѣ съ пѣснію и что въ ней встрѣчаются слова—харалужный и тлоковины (Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь, стр. 20).

5. Касательно пѣсни объ убогомъ Лазарѣ у Калайдовича въ запискахъ отмѣчено: „Тимковскій въ книгѣ, содержащей походъ Дмитрія Донскаго на Мамаю, показывалъ мнѣ пѣснь о убогомъ Лазарѣ, пѣваемую, кажется, въ Малороссіи, любопытную по слогу и мыслямъ.“ Черезъ нѣсколько строчекъ опять замѣчено: „Въ пѣсни объ убогомъ Лазарѣ написано, что когда пророкъ Давидъ прикасался своими перстами къ живымъ струнамъ, то они сами славили величіе Божіе.“ (Лѣт. Рус. л. 6, стр. 110; См. еще изд. Тихонравова. примѣч. къ 1-й стр.)

6. Переписку съ Митрополитомъ Енгеніемъ Калайдовичъ началъ по просьбѣ Тимковскаго, который просилъ меня, какъ говорится въ запискахъ (на 110 стр.), приложить всѣ старанія о сысканіи другаго списка пѣсни о побѣдѣ Дмитрія и объ изъясненіи семи словъ для него

непонятныхъ въ пѣсни Игоревой: 1, зегзица, 2, орть-
ма, 3, папорози, 4, стрикусы, 5, тльковины, 6, хара-
лужный, 7, шерешеры. Также онъ желалъ бы имѣть вѣр-
ное извѣстіе о Пльснскѣ, о дебри Кисани и о Дудуткахъ,
бывшихъ гдѣ-то близъ Новгорода. На стр. 111, подъ 26
окт. 1814 г. Калайдовичъ замѣчаетъ: написалъ къ Сопи-
кону, къ ксендзу Мореловскому и прежде еще къ преосв.
Евгенію о семи непонятныхъ словахъ въ пѣсни Игоревой,
а на стр. 114 говорить: получилъ ноября 5 отъ преосв.
Евгенія письмо: онъ не можетъ объяснить положеніе Пльсн-
ска, дебри Кисановой и Дудутокъ, равно какъ словъ—
зегзица, стрикусы и пр. Въ запискахъ Тимковского ру-
кою Калайдовича прибавлено еще: совѣтуетъ (Евгеній о
семи словахъ) справиться у Линда (Чинъ От. 1839 г.
т. 8, смѣсь, стр. 19). Значить, Тимковский надѣялся, что
М. Евгений, уже прославившійся тогда своими учеными и
литературными трудами, слышавшій за большаго знатока рус-
ской словесности, *) прольетъ свѣтъ на нашу древнюю

Въ 1806 г. Евгений писалъ въ гр. Хвостову: «что коренной,
или лучше сказать древнѣйшій Славянскій языкъ потерянъ и что
такимъ Славянскимъ языкомъ, какой дошелъ до насъ въ церковныхъ
книгахъ, никогда не говорили—это мнѣніе Шледера. Я согласенъ
въ томъ, такъ какъ и мы не говоримъ въ обществѣ такимъ Рус-
скимъ языкомъ, какимъ сами же пишемъ Богословскія, Философскія
и математическія и др. книги. При переводѣ книгъ на Славянскій
языкъ много словъ подражательно Греческому выдуманно и произведено
изъ Славянскаго, много также безъ перевода принято изъ Греческаго.
Все это значить только, что дошедшій до насъ языкъ Славянскій
пополненъ и распрѣст апенъ. Но чтобы чрезъ то древній языкъ
былъ потерянъ, того доказать нельзя. Ибо если бы первоначальные
Европейскіе Славяне новопереведенныхъ и чуждъ книгъ не понимали, то
не для чего было переводить ихъ. Что Русскій языкъ самъ корен-
ной, или лучше сказать древній отродокъ сѣверныхъ языковъ, этому
я вѣрю. Но чтобы Несторъ, Ярославъ 1-й, пѣснопѣвецъ Игорева,
писали не тогдашнимъ Русскимъ, тому я не вѣрю и думаю, что эти
сочиненія писаны на Кіевскомъ славянскомъ съ примѣсью Русскаго
языка (Сбор. стат. чит. въ Ак. Наукъ въ Отд. Р. яз. и сл. т. 5,
вып. 1, стр. 138).

Къ Евгению обращались за совѣтами и пособіями универ-
ситетскіе профессора словесности. Такъ въ 1806 г. Горюханиновъ,
по случаю перѣзда своего въ Казань адъюнктомъ словесности, про-

пѣснь; но ожиданія его остались напрасны. Евгений все отказался изъяснять даже такія слова, которыя ему не трудно было изъяснить, какъ напр. тльковины... Такое холодное отношеніе Евгения къ Слову можно объяснить его взглядомъ на Слово, выраженнымъ въ письмѣ отъ 18 января 1814 г. занесенномъ въ записки Тимковского рукою Калайдовича. Евгений писалъ: „объ Игорева пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давняя и могла сочинена быть въ XV в., когда изображеніе и духъ Россіяны уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII в., на это потребны доказательства яснѣе игумена Зосимы. Растолкуйте мнѣ, къ чему авторъ написалъ въ самомъ началѣ: „не лѣпо ли ны башеть старыми словесы?“ Не значить ли это, что онъ силился написать стариннымъ прежнихъ временъ слогомъ, а не современнымъ себѣ? Слѣд. онъ не современникъ событій. Много у насъ и Русскихъ пѣсней, писанныхъ стариннымъ слогомъ о временахъ даже Владиміровыхъ. Кто же отнесетъ ихъ къ тѣмъ временамъ? Сѣверное пѣснопѣіе древнее (ссылаюсь на Скандинавскія Саги и Эдды) никогда не было такъ высокопарно, какъ пѣснь Игорева. Это воображеніе восточное, похожее на Арабскія и Татарскія

сплзъ Евгения означить ему пособія для преподаванія словесности. Въ 1807 г. Ев. еній пишетъ ему: вы спрашиваете задачи у меня для какого нибудь классическаго сочиненія въ русской словесности. Прежде спросите: имѣемъ ли мы о сю пору свою классическую словесность? Не все ли у насъ запустованное? Есть ли хотя 200 книгъ оригинальныхъ Русскихъ? Исчислите ихъ и опишите, тогда и эта книга будетъ классическою въ словесности нашей. Въ 1815 г. онъ пишетъ тому же Городчанину: При сочиненіи диссертациі о русскомъ языкѣ: подобно ссылаться больше на мертвыхъ писателей, а не на живыхъ, которыхъ и хвалить, и критиковать еще не время (Сб. ст. чт. въ А. Н. т. 5, вып. 1, стр. 54 - 55). Въ послѣдствіи Максимовичъ говоритъ, по случаю смерти Евгения въ 1837 г.: въ особенности чувствую себя одолженнымъ ему, вспоминая тогдашнее занятіе мое исторіею русской словесности.. Поступивъ въ 1834 г. на кафедру русской словесности, я имѣлъ счастье пользоваться бесѣдами многознающаго Евгения и видѣлъ его любовь къ распространенію знанія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для моихъ лекцій, я находилъ у него немедленно пособіе (Р. Арх. 1874 г. № 12, стр. 1077).

пѣсни, а не на Греческія“ (Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь, стр. 18). Если Евгеній считалъ Слово произведеніемъ позднѣйшимъ, то, конечно, онъ не хотѣлъ утруждать себя разысканіями о словахъ, можетъ быть, случайно вошедшихъ въ него. Это мнѣніе о Словѣ, какъ о позднѣйшемъ произведеніи, подробнѣе развиваемо было въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ особенно въ Библ. для Чт. (смотри тоже и Уч. зап. М. Унив. 1834 г.). Кромѣ Калайдовича тоже мнѣніе о Словѣ высказано Евгеніемъ и Державину: „Пѣвецъ Игоря упоминаетъ въ Словѣ о Боянѣ, который есть первый извѣстный намъ Славянорусскій лирикъ. Пѣсни о полку Игоря, имѣющей на себѣ признаки древности, хотя и не слишкомъ отдаленной, не извѣстны ни творецъ, ни вѣкъ Но пѣснь сія есть больше эпическое, нежели лирическое твореніе (о Славян. лирикахъ Москвит. 1842 г. № 1. стр. 165.)

7. О занятіяхъ профессора Тимковского Словомъ племянникъ его Максимовичъ писалъ впоследствии: покойный дядя мой, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, много и долго занимался изъясненіемъ сей пѣсни, уже приготовилъ ее къ печати, показывалъ ее нѣкоторымъ археологамъ и писалъ къ В. О. Т., что только три мѣста остались для него неясными. Но послѣ смерти его не осталось и слѣдовъ сихъ разысканій. (Молва 1833 г. № 24 стр. 96 и Ж. М. Н. Пр. 1836 г. ч. 10 стр. 9. ст. Максимовича. *)

Труды Тимковского, послѣ смерти, случившейся въ 1820 г. погибли во время Петербургскаго новодненія въ 1824 г.; изъ нихъ сохранился небольшой отрывокъ записокъ, который былъ напечатанъ Н. П. (Полевымъ) въ Сынѣ Отечества за 1839 г. (Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь

*) Въ одинъ годъ съ Максимовичемъ свидѣтельствовалъ тоже и Полевой (Москов. Тел. 1833 ч. 5, стр. 436 прим.). Я слышалъ нѣкогда отъ Калайдовича, что Р. О. Тимковскій подробно занимался изслѣдованіями о Словѣ Игоревѣ, не сомнѣваясь въ подлинности его, такъ же какъ и самъ Калайдовичъ.

15—20 стр.). Но и въ этомъ отрывкѣ по большей части записано рукою Калайдовича, а рукою Тимковского записано только слышанное отъ Калайдовича или сообщенное имъ. Рукою Калайдовича здѣсь записано: 1, подмѣченное имъ противорѣчіе о мѣстѣ Слова въ книгѣ. Въ отвѣтъ М. Пушкина сказано, что Слово помѣщено въ концѣ лѣтописи, а въ печатномъ изданіи послѣ Синагрипа. 2, Типографщикъ С. А. Селивановскій говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву Она написана точно въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, письмомъ не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго. 3, Объясненіе словъ: усобица, кикахуть, путы, лукоморье, убуди, любо, трудныхъ, стрикусы. При объясненіи ссылки на лѣтописи, Малорусское нарѣчіе и Словарь Алексѣева. 4, поправки: а сице и рати на сицеи рати, розынося имъ на розыносящимъ. 5, Определеніе времени жизни Бояна. Рукою Тимковского слышанное чрезъ Калайдовича отъ Карамзина, кромѣ указаннаго выше о Волынской лѣтописи и о сличеніи рукописи съ печатнымъ изданіемъ, записано еще: 1, что городъ Плѣсньскъ встрѣчается въ печатной книгѣ Большаго Чертежа, сочиненной около времени Михаила Огдоровича; 2, Что пѣснь сочинена въ княжествѣ Новгородъ-Сѣверскомъ; 3, Что слово ортыма встрѣчается въ древнихъ грамматахъ архивныхъ. Сюда же относится замѣтка Тимковского: Карамзинъ полагалъ, что Слово относится къ исходу XV в.

Во времени этихъ разысканій относится и открытіе Калайдовичемъ приписки въ пергаменномъ Апостолѣ 1307 г. *) Эта приписка сдѣлана игуменомъ Пантелеи-

*) Этотъ Апостолъ находится въ Московской Синодальной библиотекѣ подъ № 45. Приписка къ нему приводится въ описаніи Синодальныхъ рукописей Горска о и Невоструева (т. I, стр. 293) и въ описаніи Ундольскаго (Чт. въ Моск. Общ. Ист. и древ. 1867 г. Кн. II. Отд. III. стр. 13/).

монова монастыря *) Зосимой. Онъ, описывая гибельную войну Михаила (св. Тверскаго) и Юрія (Даниловича Московскаго) за княженіе Новгородское, подобію пѣвцу Игореву, изображающему бѣдствія Россіи при Олегѣ Гориславичѣ, говоритъ:

(А п о с т .)

При сихъ князехъ сѣяшется и ростиаше усобицами гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣцп скоротисяся челоувѣкомъ.

(С л о в о)

Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами погибашеть жизнь Дажь-Божа внука въ княжихъ крамолахъ вѣцп челоувѣкомъ скротисяся.

(Опытъ рѣш. воп. въ Трудахъ Общ. л. р. сл. 1818 г. ч. II, стр. 18).

Въ 1815 г. П. Строевъ въ краткомъ обзорѣніи миѳологіи Славянъ Россійскихъ, кромѣ указаннаго выше за мѣчанія о спискѣ Слова, находящемся у Малиновскаго, высказалъ свой взглядъ на время сочиненія Слова (XII XIII в.) и на размѣръ (прозаическій). Къ этому онъ еще прибавляетъ: „нѣкоторые находятъ въ сей пѣсни духъ Оссіана (Sp. du N.), но это не справедливо: оно написано въ духѣ библейской, или лучше сказать восточной словесности (Кр. Об. миѳ. Сл. Р. стр. 10—11 прим.).

*) Пантелеимоновскій монастырь былъ въ 3 верстахъ отъ Новгорода близъ озера Мячина, на горѣ, и впоследствии упраздненъ (Ист. Иерарх. т. V, стр. 451). Другой монастырь Пантелеимоновскій, Краснонорскій, былъ въ Псковѣ, на красной улицѣ. Третій во Псковѣ же въ бору, при устьѣ рѣки Черехи. Митрополитъ Евгений полагаетъ, что изъ сего послѣдняго взятъ Апостолъ, подлинный Зосимой (Ист. Княж. Псков. ч. III, 117.). Полевой предполагалъ, что отсюда достался М. Пушкину сборникъ, въ которомъ нашелъ онъ Слово о Пол. Иг. (Моск. Тел. 1831 г. ч. 5, с. прим. къ 423 стр.)

Въ 1816 г. вышли изъ печати первые томы Исторіи Государства Россійскаго—Карамзина, приготовленные еще въ 1815 г. Въ нихъ разсѣяно много замѣтокъ касательно Слова, какъ филологическихъ, такъ и историческихъ, положившихъ начало исторической критикѣ Слова (См. прим. ко 2 т. 118, 125, 132, 174; къ 3 т. 68, 70 и 88; къ 1 т., 71, 72, 114, 262, 263, 266, 268, 271.). Въ 7-й главѣ 1-го тома Карамзинъ говоритъ о писателѣ Слова, что онъ не монахъ, жилъ въ XII в.; въ слогѣ, оборотахъ и сравненіяхъ подражалъ древнѣйшимъ русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей: такъ онъ хвалитъ соловья стараго времени—Болна. Въ 1 т. въ 69 прим. говоритъ о Троянѣ Римскомъ по отношенію къ Слову. Въ 272 прим. III т. онъ излагаетъ содержаніе другихъ сочиненій, находившихся въ одной рукописи съ Словомъ,—именно: „Сказаніе объ Индіи богатой, Синагрипѣ, царь Адоровъ и Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ чело-вѣкъ (къ этому послѣднему относятся и слѣдующія двѣ статьи, озаглавленныя въ рукописи: „Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ. Аще думно есь слышати о свадѣбѣ Девгѣевѣ и о всѣхъщеніи Стратигонѣ). Изъ Синагрипа и Дѣянія Карамзинъ сдѣлалъ значительныя выдержки.

Въ 1817 г. вышелъ вторымъ изданіемъ „Опытъ о русскомъ стихотвореніи Востокова (первое изданіе напечатано въ С-ПБ. Вѣст. за 1812 г.). Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сказочнаго или чувствительнаго размѣра въ русскихъ народныхъ стихахъ, Востоковъ замѣчаетъ: „Въ древнѣйшемъ, какое до насъ дошло, эпическомъ произведеніи Русской музы, въ Словѣ о пол. Иг., не слыхать никакого подобнаго размѣра (сказочнаго о трехъ удареніяхъ съ дактилическимъ окончаніемъ и пѣсеннаго о двухъ удареніяхъ съ дактилическимъ же или трибрахическимъ окончаніемъ): въ немъ съ начала до конца, какъ кажется, голая проза.—Но во-первыхъ, не извѣстно, для пѣнья ли сочи-

нено сіе Слово, или только для чтенія, такъ какъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ отличается оно только своею витіеватостью? если же для пѣнья оно сочинено, то въ стихахъ ли, или въ прозѣ? ибо и прозу можно пѣть, такъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные стихи, никакого опредѣленнаго размѣра не имѣющіе. Наконецъ, почему мы можемъ знать, что въ Словѣ о Пол. Иг. не было какогонибудь размѣра, который сжели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ (что уже весьма сомнительно) подъ перомъ безтолковыхъ переписчиковъ; то мы при всемъ томъ не только судить объ немъ, ни даже примѣтить его теперь не могли бы, за его древностью; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно скольконибудь измѣнилась и просодія языка Русскаго? и потому Слово о Пол. Иг. не можетъ имѣть никакого отношенія къ позднѣйшему русскому стихотворству и размѣру (Оп. о рус. ст. стр. 159—160). Въ примѣчаніи къ этому Востоковъ совѣтуетъ новымъ издателямъ Слова, чтобы они, хотя для типографической исправности, для облегченія читателю отысканія мѣстъ, раздѣлили его на стихи, подобные библейскимъ и означили оныя, какъ водится, числами. Можетъ быть, говоритъ онъ, такимъ образомъ яснѣе окажется, былъ ли въ ней какойнибудь размѣръ. Признаюсь, что я испытывалъ сію операцію надъ всей поэмой, и она у меня раздѣлилась безъ всякой принужденной растяжки и безъ всякой перестановки словъ на довольно равные и мѣрные періоды, или стихи. Этимъ благоразумнымъ совѣтомъ стали пользоваться только въ послѣднее время (Малашевъ, кн. Вяземскій).

Въ 1818 г. Калайдовичъ напечаталъ въ Трудахъ Общ. любит. р. словесн. „Опытъ рѣшенія вопроса (предложеннаго имъ-же въ 1812): на какомъ языкѣ писана пѣснь о Полку Иг.? Въ этомъ разсужденіи онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1., пѣснь Игорева писана не

на томъ Славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Свящ. Писанія, не на какомъ либо древнемъ областномъ нарѣчіи, или нынѣ употребляемомъ, но сочинена Славяно-русскимъ языкомъ. подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; 2, пѣснь Игоревою не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія; 3, она сочинена по всѣмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи; 4, нарѣчіе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, суди по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому (Тр. Общ. л. р. сл. 1818 г. стр. 31—32. ч. II).

Въ первомъ выводѣ говорится, что она сочинена на Славяно-русскомъ языкѣ, какой былъ тогда (въ XII в.) въ Библіи, лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ. Онъ нѣсколько отличенъ отъ прежняго Славянскаго языка, бывшаго въ Россіи до перевода свящ. книгъ, не есть какое либо областное древнее нарѣчіе (которыхъ тогда не существовало еще, стр. 5—6) современное намъ. Значить, Калайдовичъ признавалъ старый языкъ Славянской, существовавшій въ Россіи до перевода свящ. книгъ, хотя и не считалъ его особеннымъ (стр. 24), и языкъ Славяно-русскій въ переводѣ книгъ Свящ. Писанія, наложившій свою печать и на всю старую Русскую письменность—на лѣтописи, грамоты, которыя, по его мнѣнію, писаны простонароднымъ языкомъ своего времени (стр. 5), сдѣлавшіяся въ письменности общенароднымъ (стр. 19). Отличительное свойство послѣдняго, по мнѣнію Калайдовича, синтаксическая близость къ Греческому: „Словосочиненіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно расположено по образцу выраженій Греческаго языка. Примѣры сего открываются изъ двойственнаго числа, заимствованнаго (будто-бы) въ славянскую грамматику отъ нашихъ учителей Грековъ (стр. 8). Кроме этого близость языка пѣсни къ библейскому, лѣтописному и языку другихъ древнихъ пись-

менныхъ памятниковъ, Калайдовичъ доказываетъ сходствомъ словъ ея съ словами, находящимися въ послѣднихъ, каковы: куръ, паполома, сморци, трудъ, щиты, сулицы и племы, Волось, Хръсъ, Дажьбогъ, живыя струны, не кресити, стружіе, пардусъ, стягъ, растя (потяну), любо, ногата, рѣзана, судъ Божій въ значеніи смерти (стр. 9—11, 19—23).

Этими выписками словъ и выраженій изъ старыхъ книгъ положено начало сравнительному изученію Слова въ связи съ другими древними письменными памятниками.

Второе положеніе Калайдовича основывается на слѣдующихъ догадкахъ: хотя доселѣ (пѣснь) есть единственное, особенное въ своемъ родѣ произведеніе, но не менѣе того бытіе оной скрывается въ разсѣянныхъ памятникахъ древней Россійской словесности. Она не первая на свѣтъ появилась; сочинитель ея, вѣроятно, имѣлъ предъ собою источники, откуда заимствовалъ красоты чувствъ и выраженія, намъ совсѣмъ теперь неизвѣстныя, подобно какъ и самъ служилъ образцомъ для другихъ писателей. Кто не согласится, что мѣсто, найденное въ Апостолѣ 1307 г., есть близкое подражаніе нашей пѣснѣ? Новый пѣвецъ побѣды Дмитрія надъ Мамаемъ силою выраженій, красотою слога и близкимъ сходствомъ съ пѣснію Игоревою открываетъ въ себѣ совершенство подражателя оной. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ пѣтическаго восторга, обращается къ Бояну, соловью древнихъ временъ, ожидая отъ него вдохновенія; пѣвецъ же Дмитріевъ признаетъ нѣкотораго Урана для одушевленія предмета. имъ воспѣваемаго (стр. 17—18).

Третье положеніе, что пѣснь сочинена въ нынѣшней Малороссіи, Калайдовичъ основываетъ на особенностяхъ языка ея: „образъ выраженія пѣсни и самыя слова — кресить, болоные, смага, годипа, неизвѣстныя великороссіянамъ и теперь употребляемыя въ Украинѣ, показываютъ, что сочинитель принадлежалъ къ нынѣшней Малороссіи (стр. 26).

Мнѣніе о близости нарѣчія Слова къ Польскому языку у Калайдовича основывается на выраженіяхъ: наниче ся годины обратиша — на пісе się godziny obróciłi; слово мужаймѣся подобно польскому мужаймося, комони — лошади у поляковъ, яръ—iag, яруга—jaguga—яма, оврагъ, босый—bosu, означаетъ иногда пуждающагося, голоднаго (стр. 27—28, и Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г. ч. 2, стр. 40).

Кромѣ этого Калайдовичъ рѣшаетъ здѣсь еще два вопроса. 1. что такое старыя словеса и 2, откуда заимствованы слова: зегзица, орьтъма, напорози, харалужный, шерешеры, стрикусы и пр., неотысканныя доселѣ въ древней письменности? На первый онъ отвѣчаетъ: „Старыя словеса не могутъ означать древняго особеннаго Славянскаго языка, который, вѣроятно, на письмѣ не существовалъ въ Россіи до перевода Свящ. Писанія. Древній переводъ Іоанна Дамаскина IX в., сдѣланный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, столь ясенъ и понятенъ, что, исключая очевидной печати древности и нѣкоторыхъ обветшалыхъ словъ, удобенъ для разумѣнія cadaго. Языкъ же пѣсни Игоревой, подъ именемъ старыхъ словесъ извѣстный, есть не что иное какъ возвышенный способъ выраженія, приличный предмету, поэтомъ воспѣваемому стр. 24—25).

На второй вопросъ онъ отвѣчаетъ: „Когда соберутся всѣ письменныя памятники того времени и составлены будутъ словари, тогда можно будетъ судить о недостаткѣ сихъ (см. выше) словъ въ языкѣ Славянскомъ. Слово „проси-нецъ“ для насъ непонятно, хотя давно извѣстно. Нѣсколь-ко словъ, не объясненныхъ еще въ пѣсни Игоревой, не даютъ слогу ея никакого первенства предъ слогомъ XII в., въ которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, она писана; ибо сочинитель ея вездѣ является современникомъ повѣствуемыхъ происшествій (стр. 25—26).

Что касается до почерка пѣсни, говоритъ Калайдовичъ, и правописанія оной, то первый, по свидѣтельству очевидцевъ (конечно, одного только Селивановскаго), не

восходитъ далѣе XVI в. и есть Вѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ, а второе согласно съ древними рукописами (стр. 28).

Въ 1819 г. Я. Пожарскій вновь издалъ Слово, при-
сокупивъ къ изданію свой переводъ и примѣчанія. Въ
предисловіи Пожарскій указываетъ на побудившія его об-
стоятельства сдѣлать новое переложеніе и приложить при-
мѣчанія; это тоже недовольство, какъ и у Шишкова, пе-
реводомъ и примѣчаніями первыхъ издателей: „Палицынъ,
говоритъ онъ въ предисловіи, Язвическій и нѣкто Левитскій
переложили въ стихи, а Мюллеръ перевелъ (Слово) на
Нѣмецкій языкъ, но сіи послѣдніе твердо положились на
переложеніе и примѣчанія, не обративъ вниманія на под-
линникъ, а симъ самымъ, можетъ быть, и другихъ увѣри-
ли въ основательности переложенія и примѣчаній (т. е.
первыхъ издателей и Шишкова, стр. 5).

Переводъ Пожарскаго, дѣйствительно, ближе къ под-
линнику, чѣмъ у его предшественниковъ. Примѣчанія глав-
нымъ образомъ состоятъ въ сличеніи Слова по языку съ
Польскимъ нарѣчіемъ. Это заставляетъ думать, что насто-
ящая причина изданія не та только, которая высказана
въ предисловіи, а еще и та, чтобы подробнѣе развить
мысль Калайдовича (см. выше) о близости языка Слова
къ Польскому нарѣчію. Пожарскій, дѣйствительно, подобралъ
много словъ и выраженій въ Польскомъ языкѣ, сходныхъ
съ Словомъ, и ими пожалуй, нѣсколько уяснилъ смыслъ
нѣкоторыхъ словъ, напр. челка (55 стр.), смага (65—
66 стр.), это-то современниками и вмѣнялось ему въ за-
слугу, когда у насъ еще мало было обращено вниманія на
сличеніе Слова съ языкомъ лѣтописей и грамотъ и почти
вовсе не принимались во вниманіе областныя нарѣчія Рус-
скаго языка. Но онъ до того увлекся оближеніями, что
слово нѣгують объяснилъ польскимъ негује, противорѣчу,
спору, явившимся изъ Латинскаго nego. Примѣчанія По-
жарскаго имѣли большое вліяніе на польскихъ ученыхъ.

Въ слѣдъ за нимъ нѣкоторые начали развивать мысль, что Слово принадлежитъ Польской литературѣ, или написано польско-русскимъ языкомъ (Бѣлевскій въ Н. Р. Л. т. 1. 208, Вишневскій въ 1 т. стр. 224, Лукашевичъ, Рус. dz. piś. Poł. 1836 г.). Изъ нихъ Мацѣевскій прямо ссылается на русскихъ ученыхъ, разумѣя, конечно, и Пожарскаго: „изъ самой пѣсни о Пол. Иг. можно заключить, что она написана польско-русскимъ нарѣчіемъ и безъ сомнѣнія явилась тогда, какъ вліяніе Польши на Русь болѣе и болѣе начинало обнаруживаться. Это видно, какъ замѣчаютъ русскіе ученые, изъ Польщизны, встрѣчающейся въ этой пѣсни (Оп. ист. пис. до XIV в. въ 7 т. въ Общ. ист. и др. при Москов. Унив. 1846 г. № 2, Мат. иностр. стр. 27.).

Кромѣ примѣчаній Пожарскій предложилъ двѣ поправки въ текстъ (54—55 и 62 стр.). Изъ нихъ одна заслуживаетъ вѣроятія: повелѣ яти ви. повелѣ я. Текстъ напечатанъ по 1-му изданію; въ перепечаткѣ текста допущены ошибки, неговоренныя въ погрѣшностяхъ, что дало поводъ послѣдующимъ издателямъ упрекать Пожарскаго въ небрежности изданія и искаженіи текста (Граммат. Слово о П. Иг. стр. 87).

Въ томъ же 1819 г. Шишковъ напечаталъ рядъ статей, въ Рускомъ Инвалидѣ (№№ 157—161), по поводу примѣчаній Пожарскаго. Эти же статьи перепечатаны въ 1826 г. (Полн. собр. соч. Шишк. т. XI 332—401) подъ заглавіемъ Нѣкоторыя примѣчанія на книгу, вновь изданную подъ названіемъ: „Слово о Пол. Игоря Свято-славича, вновь переложенное Я. П. съ присовокупленіемъ примѣчаній. Здѣсь Шишковъ главнымъ образомъ нападаетъ на тѣ примѣчанія, въ которыхъ затрогиваются его мнѣнія. Всѣ толкованія Пожарскаго Шишковъ находитъ или ненужными (потому что многія слова объяснены прежде), или неудачными, за исключеніемъ одного слова: „кають“, жалѣють, и сіе замѣчаніе, говоритъ онъ, весьма основательно; ибо и глаголъ каются или раскаяваться

значить болѣе сожалѣть о содѣянномъ, нежели хулить себя за содѣянное, хоть оба эти понятія близки между собою.

Въ 1820 г. Раковецкій въ сочиненіи *Prauda Ruska* упоминаетъ о пѣсни Игоря, считая её подлиннымъ произведеніемъ XII в. „Въ ней, говоритъ онъ, упоминается о неизвѣстномъ намъ Боляѣ, поэтѣ славы богатырской, кто знаетъ, можетъ быть, а другомъ Гомерѣ славянскомъ? Все произведение увѣчено (*ubagwiona*) славянской мифологіей, по образцу другихъ старѣйшихъ поговъ, и есть произведение свѣтскаго лица (стр. 78).

Въ 1821 году напечатаны разысканія Буткова и переводы Ганки.

Бутковъ напечаталъ свои разысканія о Словѣ въ Вѣстникѣ Европы, подъ заглавіемъ: „Нѣчто къ Слову о полку Игоря. (Вѣст. Евр. въ 1821 г. № 21, стр. 34—537. № 22, стр. 100—115). Его разысканія болѣею частію историческія, но между ними есть и филологическія. Какъ тѣ, такъ и другія основаны на прилежномъ изученіи источниковъ и пособій, относящихся къ изслѣдуемой имъ эпохѣ. Въ филологическихъ розысканіяхъ онъ главнымъ образомъ опирался на Туранскія и Кавказскія нарѣчія, которыми объяснялъ слова: хоть, чага и др. Нѣкоторые изъ его объясненій имѣютъ значеніе и теперь, напр. харалужный (ногайское сл. знач. сдѣланный изъ чернаго желѣза, стали, булата, стр. 38), другія указали путь новымъ изслѣдователямъ къ болѣе основательнымъ изысканіямъ, напр. по-Осетинки хорошъ, хорсъ, добро, благо, хоръ и хуръ—солнце (прим. 32). Кромѣ историческихъ и филологическихъ объясненій Бутковъ предложилъ нѣсколько поправокъ въ текстъ Слова; изъ нихъ одна только заслуживаетъ вниманія, потому что помогла другимъ угадать истинный смыслъ выраженія,—это вмѣсто „тоже звонъ слыша Ярославъ сынъ Всеволожъ а Владимиръ,“ Бутковъ читаетъ: „слыша Ярославъ, а Всеволожъ сынъ Владимиръ“ (стр. 47—48).

Ганка перевелъ Слово на Чешскій языкъ *), написавъ къ нему предисловіе на Чешскомъ и Русскомъ языкахъ и чешскія примѣчанія. Въ предисловіи на Русскомъ языкѣ онъ говоритъ о языкѣ Слова: „языкъ подлинника сей пѣсни великолѣпенъ и крѣпокъ, дѣлаетъ переходъ изъ Славянскаго въ старый Русскій, потому разнится не только отъ стараго перевода Свящ. Писанія, но и отъ самаго лѣтописца Нестора. Далѣе онъ говоритъ о сходствѣ Слова съ Краледворскою рукописью: кто бы хотѣлъ царедворскую рукопись староческу съ Игоремъ сравнить, завѣрно бы нашелъ много сходства не только въ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мысленія, какъ напр. заключеніе героической пѣсни Ольдрихъ и Болеславъ съ заключеніемъ Игоря совсѣмъ сходно.“ Здѣсь же онъ предлагаетъ нѣсколько поправокъ въ текстѣ, изъ нихъ только одна основательна, именно: бремены меча вм. арменны. Въ чешскихъ примѣчаніяхъ новы его замѣтки о Троянѣ, Велесѣ, дивѣ и тѣлковинахъ.

Въ 1821 же году выступилъ въ литературѣ съ своими мнѣніями о Словѣ митр. Евгеній. Онъ между біографіями русскихъ писателей помѣстилъ въ Сынѣ Отеч. двѣ статьи: о Боянѣ (С. О. 1821 г. ч. 70, стр. 172—175) и о пѣснопѣвцѣ Игоревомъ (С. От. ч. 72, стр. 34—37). Мнѣнія его здѣсь нѣсколько измѣнились сравнительно съ тѣмъ, что онъ высказалъ въ письмѣ къ Каалайдовичу въ 1814 г. Послѣ того времени вышла Исторія Г. Рос. Карамзина, засвидѣтельствовавшего, что пѣвецъ Игоря жилъ въ XII в. За симъ Евгеній имѣлъ случай размышлять о Словѣ по поводу выхода „Опыта рѣшенія вопроса о языкѣ“ Каалайдовича и Толкованій Пожар-

*) Переводы Слова на славянскія нарѣчія начались съ 1808 г., но они не были сначала печатаны, таковы напр. переводъ на Чешскій языкъ Юнгмана (въ прозѣ) въ 1808 г. и Разная или Разныя (въ стихахъ) тоже на Чешскій; кромѣ того на Чешскій Слово переведено и напечатано было Гатталой въ 1853 г. и Эрбеномъ въ 1870 году. На Польскомъ языкѣ извѣстны три перевода: 1) Купріяна

скаго. Съ нѣкоторыми изъ мнѣній Калайдовича онъ согласился; но собственныхъ разысканій о Слово онъ не дѣлалъ.*)

Гадебскаго, который считалъ Слово за поддѣльное произведение самого Мусина-Пушкина. Этотъ переводъ сдѣлавъ даже не съ Русскаго, а съ Французскаго языка; 2) Бѣлевскаго «Wyprawa Jgora na Palowców, poemat Slawiański.» Lwow 1833 г. Бѣленскій въ предисловіи къ переводу выражаетъ ту мысль, что пѣвецъ Игоря принадлежалъ къ Польской народности. «Śpiewaka naszej ziemi.» Туже мысль развиваетъ и Войцицкій въ своей исторіи литературы Польской: Jak twórca wyprawy Jgora był śpiewakiem naszej ziemi, ułożył pieśń tę w polsko-ruskim narzeczu w okolicy Kijowa, gdzie odwiecznie mieszkali Polanie szczep Lachów: tam gdzie jeszcze za Nestora biesoskie śpiewano dumy, musiał, więc przechować ducha pieśni naszego ludu, i jego wyobrażeń (Wóycickiego H. L. P. m. t. 1, 208—209). Мнѣніе, что Слово написано Польско-рускимъ нарѣчіемъ, Войцицкій, вѣроятно заимствовалъ у Матѣевскаго (Чт. въ Общ. ист. и др. при Моск. ун-в. 1846 г. № 2, Мат. иностр., стр. 27.), который разнилъ еѣ въ очеркѣ исторіи письменности и просвѣщенія Славянскихъ народовъ, или у Вишневскаго, который въ 1 т. своей исторіи польской литературы говоритъ: Pieśń o wyprawie Jgora na Polowców rowne do Rossyjskiej jak Polskiej literatury należy: est to bowiem pieśń w Polsko Ruskim ułożona narzeczu, w wieku XII lub XIII, kiedy wpływ Polski na Ruś coraz mocniej działał i w literaturze Ruskiej obławił se (Стр. 224). Гораздо умѣреннѣе въ желаніяхъ приурочить Слово къ Польской литературѣ были послѣдующіе Польскіе ученые. Кондратовичъ въ исторіи Польской литературы говоритъ: «Посредственную, какъ выразился Леставъ Лукашевичъ, собственность нашу составляютъ пѣсни, какъ Слово о полку Игоревѣ, написанное на языкѣ Бѣлорусскомъ, неизвѣстнымъ сочинителемъ въ концѣ XII в. Слово это сдѣлалось нашею народною собственностью, благодаря прекрасному переводу его на языкъ отечественный Авг. Бѣлевскаго (Кондр. И. П. Л. т. 1, стр. 68—69). 3) Третій переводъ Красинскаго 1856 г.; этотъ переводъ въ стихахъ, довольно вѣренъ и близокъ къ подлиннику. На Сербскомъ языкѣ есть два перевода 1) Ювана Хаджича подъ псевдонимъ Милоша Свѣтича, напечатанный въ Бѣлград. альманахѣ «Голубица» въ 40 годахъ. 2) Давида Медица, или Медича (Голосъ 1869 г. № 360). На Болгарскій языкъ Слово переведено Живизифовымъ въ 1863 г. Въ 1862 г. Гушачевичъ перевелъ Слово на Галицкое нарѣчіе, издавши сначала текстъ его въ 1859 г., съ примѣчаніями, составленными по Дубенскому и Маєхмовичу.

*) Въ 1816 г. онъ писалъ къ гр. Хвостову, приславшему изданіе Пожарскаго Чухонскій нашъ Псковъ не будетъ покупать сей книги, да не почувствуетъ и пѣны и предпочтетъ всякій романъ. Вѣрю и я, что появленіе сей книги, въ упрекъ прежнимъ толкователямъ, обратитъ на себя строгій критическій взглядъ по крайней мѣрѣ живыхъ сверстниковъ Пожарскаго въ семь трудѣ. А есть и мѣста, къ коимъ легко привязаться критикѣ. Но отъ того, можетъ быть, больше объяснится сія поэма, во многомъ еще темная для насъ (Сб. чт. въ 2 Отд. Имп. Ак. Н. вып. 1, 5-го т., стр. 177). Въ томъ же

Въ біографіи Бояна Евгеній говоритъ: „Боянъ—древній стихотворецъ или Бардъ Русскій, отъ котораго одна-кожъ кромѣ имени и славы его почти ничего до насъ не дошло. Давній также, но неизвѣстный русскій пѣтъ, написавшій пѣснь о походѣ Игоря, воспоминаетъ о Боянѣ въ такихъ восхищенныхъ выраженіяхъ, какими Гораций описываетъ неподражаемаго Пиндара. Кто былъ сей Боянъ и въ которомъ вѣкѣ жилъ онъ, рѣшительно сказать нельзя. Первые издатели пѣсни заключаютъ, что жилъ еще до введенія христіанской вѣры въ Россію, потому что названъ внукомъ Велеса, языческаго бога, а сочинитель разсужденія о древней рус. словесности замѣчаетъ, что онъ жилъ при князѣ Всеславѣ въ концѣ XI в. Другіе, находя въ лѣтописяхъ нашихъ между татарскими посланниками XVI в. имена Бояна и Боянда (Лѣт. Русск. изд. Льв. ч. 3, стр. 431 и ч. 5, стр. 153 и 185), покушаются думать, не былъ ли и стихотворецъ Боянъ Татарскій; но въ такомъ случаѣ пѣснопѣвецъ не наименовалъ бы его внукомъ Велеса. Было и у древнихъ Болгаръ сіе имя, ибо у Византійскихъ историковъ еще въ VIII в. упоминается Аварскій князь Боянъ (Стрит. ч. 1, стр. 45 и 47). Есть въ Черногоріи рѣка Бояна, была и въ Новгородѣ улица Боянова. Нѣкоторые находятъ даже словопроизводство сему имени въ Слав. языкѣ, производя отъ слова—баять, т. е. разсказывать, и потому имя Бояна почитается нарицательнымъ, значащимъ вообще разсказчика. или пѣвца“.*)

году на письмо графа Н. П. Румянцова, въ которомъ тотъ писалъ, что „переложеніе и толкованіе Пожарскаго меня прельщаютъ: сочинитель не малую пользу извлекъ изъ переданной мною на тотъ конецъ ему Богемской древней рукописи“,—Евгеній отвѣчалъ: «въ переложеніи Пожарскаго я и Келпневъ замѣтили во многихъ мѣстахъ удачную догадливость переводчика (Переп. Митр. Евгения съ госуд. Календ. Румянц. стр. 19—20.)

*) Въ послѣдствіи Евгеній въ 1834 г. на вопросъ Хвостова о Боянѣ, какъ нарицательномъ имени, вѣроятно, возникшій по поводу статьи Полеваго, такъ отвѣтилъ: «Боянъ въ Игоревой пѣсни есть имя собственное, а не нарицательное. Слѣдовательно, онъ былъ лицомъ на свѣтѣ. Имя Бояна есть въ исторіи Аваровъ (Сб. ст. 2 Отд. Ак. Н., т. 5, вып. 1, стр. 206).

Въ этой же статьѣ (С. От. ч. 70, стр. 175) Евгений упомянулъ и о мнимомъ гимнѣ Бояна Лѣтиславу, замѣтивъ, что гимнъ сей въ свѣтъ еще не изданъ и критикою не удостовѣренъ, а потому за историческое доказательство принять быть не можетъ. Но въ 1811 г. онъ еще писалъ Городничанову объ этомъ въ такомъ родѣ: Петербургскіе палеофилы отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго славянорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ пѣсни о полку Иг., и еще оракулы древнихъ Новгородскихъ жрецовъ; а въ 1812 г. онъ добавилъ: „о Бояновомъ гимнѣ спорять, но большая часть вѣрить неподложности его“ (Об. ст. 2 отд. А. Н. т. 5, вып. 1. стр. 56—57). Значить, въ 11 и 12 гг. Евгений питалъ надежду, что неподложность гимна можетъ быть доказана, въ тѣнадцать же годовъ для него эта надежда почти была уже потеряна.

Въ статьѣ о пѣснопѣвцѣ Игоря Евгений говоритъ: „М. Пушкинъ нашелъ его поэму при одномъ старинномъ Бѣлорусскаго письма хронографѣ, по увѣренію его якобы конца XIV или начала XV в., а по увѣренію другихъ очевидцевъ не старѣе XVI в. Но поелику подлинникъ погибъ, то и остается сіе нерѣшеннымъ. Перечисливши всѣ изданія и переводы Слова, Евгений останавливается на рѣшеніи вопроса о языкѣ, которое предложилъ Калайдовичъ, что онъ чистый Словено-русскій. При этомъ Евгений замѣчаетъ: „весьма многія слова и цѣлыя словосочиненія польскія, видимыя въ сей поэмѣ, и сходство ихъ съ Волинскою лѣтописью заставляютъ полагать, что языкъ ея хотя Русскій, однакожъ больше Заднѣпровскій и особенно Волинскій, сближенный съ Польскимъ, а не нашъ Украинскій, который началъ смѣшиваться съ Польскимъ уже по завладѣніи Украинскихъ странъ Литвою съ XIV в. или еще позже. Кажется даже, что сочинитель старался писать и несовременнымъ себѣ слогомъ; ибо самъ онъ въ началѣ пѣсни говоритъ: „не лѣпо ли ны начати старыми словесы.“

Въ этомъ сужденіи о языкѣ Евгений какъ будтобы измѣняетъ прежнее свое мнѣніе и приурочиваетъ написаніе Слова къ столѣтію раннему, чѣмъ XIV-е. Выше, говоря о вѣкѣ пѣвца, онъ передаетъ только мнѣнія другихъ: „одни приурочиваютъ пѣвца къ XII в., потому только, что онъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ о князьяхъ, недалѣе сего времени жившихъ, но иные относятъ сіе сочиненіе къ послѣдующимъ вѣкамъ“ (стр. 35).

Въ 1822 году Граматинъ напечаталъ свое критическое разсужденіе о Словѣ (Вѣстн. Евр. 1822 г. № 18); въ 1823 г. онъ вновь принедалъ это разсужденіе къ новому изданію Слова, которое вышло съ двумя переводами — стихотворнымъ и прозаическимъ. При этомъ изданіи есть предисловіе и примѣчаніе. Въ предисловіи Граматинъ говоритъ о причинахъ, побудившихъ его къ новымъ переводамъ, и о необходимости поправокъ въ текстѣ. Побужденіемъ къ новымъ переводамъ было недовольство Граматина прежними переводами и желаніе сдѣлать Слово общедоступнымъ. „Всѣ они (прежніе переводчики) различно понимали своего автора, хотя сей не столько темень, чтобъ всякій могъ понимать его по-своему. Для сей причины, также и для той, что Слово о П. Иг. писано Славянск. языкомъ, съ смѣсю стариннаго Русскаго, которыхъ самая большая часть читателей не въ состояніи понимать, рѣшился я, сверхъ перевода стихами, нереложить другой прозою и слово въ слово такъ, чтобъ оный могъ замѣнить подлинникъ, отъ котораго отдѣляла бы его одна грамматика (стран. 3).“ Необходимость проправокъ въ текстѣ Слова Граматинъ оправдываетъ тѣмъ, что первые издатели съ дипломатическою точностью напечатали всѣ ошибки и безъ всякаго правописанія. „Такая книга (съ ошибками) не годится для общаго употребленія (стр. 5). Первый шагъ къ выразумѣнію Слова о П. Иг. есть однообразное правописаніе, коего образъ

цы находятся въ разныхъ произведеніяхъ XI и XII в. и отчасти въ самомъ Словѣ (стр. 6—7); кромѣ правописанія въ семъ изданіи исправлены и грамматическія ошибки автора, особливо ошибался онъ въ употребленіи двойственного числа, котораго въ Русскомъ языкѣ нѣтъ, а онъ на сей часто сбивается, какъ на живое нарѣчіе; что подходитъ подѣ правила старинной русской грамматики, то оставлено безъ всякой перемѣны, напр. онъ позволялъ выпускать предлоги, и сіе ни мало не препятствовало смыслу.“ Граматинъ предполагаетъ предлоги при словахъ: временъ (о) усобицѣ преломити (о) конецъ; князю (въ) умъ; телѣги (въ) полунощи, погосаша (въ) вечеру, сами (съ) побѣдами; слово (съ) слезами; (къ) чему? (стр. 7—8).

Разсматривая поправки Граматина въ текстѣ Слова, которыя перечислены и приложены въ концѣ книги (стр. 197—199), мы видимъ, что большая часть изъ нихъ вовсе напрасны. Желая возстановить русское правописание XII в., Граматинъ самъ не имѣлъ вѣрнаго понятія о немъ: такъ напр. совершенно правильную фор. туча, имен. пад. множ. ч., онъ передѣлываетъ въ тучи, минула лѣта въ минули лѣта и др. Онъ лишилъ Слово характеристической особенности др.-русск. правописанія, уничтоживъ окончаніе *тъ* въ 3-хъ лицахъ прошедшаго времени. Упрекая автора въ ошибкахъ противъ славянскаго двойствен. числа, онъ самъ имѣетъ о немъ менѣе вѣрное понятіе, нежели пѣвецъ Игоря, напр. вмѣсто правильнаго есѣвъ ставилъ неправильное, позднѣйшее искусственное въ церковныхъ книгахъ—есма, вм. растрѣляевѣ—растрѣляема. Въ правописаніи Граматина развѣ то можно поставить ему въ заслугу, что онъ невѣрно выведенныя первыми издателями Слова изъ-подъ титла исправилъ, напр. бысть вм. бысь, пѣсьнъ вм. пѣсь и вмѣсто *а* послѣ гласной ставить *я*: вѣщія вм. вѣща. Что касается поправокъ въ словахъ, то болѣе удачныя заимствованы Граматинимъ у предшественниковъ, его же собственныя имѣютъ мало вѣроятія.

Въ критическомъ разсужденіи Граматинъ говоритъ, что не смотря на грубость языка, впрочемъ гармоническаго, въ немъ есть красоты, самыя блестящія и долговѣчныя, а именно: красоты мыслей (стр. 11-я). Въ живомъ и вѣрномъ изображеніи природы пѣвецъ не уступаетъ Гомеру и Оссіану (стр. 12-я). Онъ имѣлъ образцомъ своимъ Пояна, современника Всеслава Полоцкаго, съ котораго и начинается русская поэзія (ст. 13—14). Значить, муза поэзіи въ древней Руси родилась въ одно время съ музою исторіи и находилась въ самомъ младенчествѣ: Слово о Пол. Иг. при всѣхъ его красотахъ есть дѣтское лепетанье неродившаго ей языка, грубою прозою (стр. 14). Послѣ этого Граматинъ сравниваетъ пѣвца съ Гомеромъ и Оссіаномъ: а) „тѣ пѣли на языкѣ образованномъ, а пѣвецъ на варварскомъ; б) они вводили въ свои произведенія много чудеснаго, у пѣвца осталось оно только въ именахъ языческихъ боговъ; поэтому Слово можно называть не эпическою поэмою, а историческою; (15—16);“ в) слѣдую ложно классической теоріи въ своихъ сужденіяхъ, Граматинъ находитъ далѣе въ Словѣ единство дѣйствія (походъ и возвращеніе—оба полны сего времени), времени (одинъ годъ); г) о единствѣ мѣста говоритъ, что оно было, но не объясняетъ, въ чемъ онъ его полагаетъ (стр. 17—18). За симъ у Граматина слѣдуетъ характеристика дѣйствующихъ лицъ и самого пѣвца: Игоря представляетъ образцомъ благоразумія, твердости, мужества и благочестія, Всеволода—храбрости, Святослава Кіевского—нѣжнаго родственника, жену Игоря—супружеской вѣрности, самого пѣвца образцомъ патріотизма (18—22). О пѣвцѣ Граматинъ говоритъ, что онъ былъ современникъ, что къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его отечества. Онъ приобрѣлъ это познаніе опытомъ. Онъ не былъ какой нибудь презрѣнный домохозяинъ или неизвѣстный престолюдинъ. Можетъ быть, его украшалъ высокій санъ боярства, и онъ бывалъ мирнымъ

посломъ при княжескихъ дворахъ, или почтенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигалъ копіе брани на защиту воюющаго отечества (стр. 22—23). Онъ сходится съ Оссіаномъ въ простотѣ, возвышенности, краткости и живости слога, который чрезвычайно обилень смѣлыми и искусственными фигурами, метафорами (битва въ образѣ пира), сравненіями и уподобленіями (волкомъ, горностаемъ) и гиперболами. Въ словѣ о П. Иг. встрѣчается еще родъ сравненія, имѣющаго форму отрицанія, особенно свойственнаго простонародной рѣчи (не десять соколовъ на свои вѣщія персты (стр. 23—31). О размѣрѣ Слова Граматинъ замѣчаетъ: „періоды его кратки, и заключаютъ въ себѣ не только сами, но и части ихъ отдѣльный смыслъ; отъ этого происходитъ гармонія, похожая на нѣкоторый размѣръ (стр. 31—32).

Въ примѣчаніяхъ къ тексту, которыхъ у Граматина 171, новаго не много. Онъ большею частію полемизируетъ здѣсь съ Пожарскимъ, которымъ иногда и самъ пользуется; напр. въ 28 прим. при объясненіи словъ „свивая славы оба полн,“ Пожарскій на стран. 42 говорить: свивая не значить сравнивая, славы не вин., а тв. п.; оба полн означаютъ обѣ стороны, обѣ половины; почти тоже говорить и Граматинъ.

Къ чести Граматина нужно сказать, что онъ первый разъяснилъ положительно—отрицательное сравненіе о десяти соколахъ (прим. 14), опровергнувъ всѣ предъидущія толкованія, которыя впрочемъ долго держались и послѣ Граматина (Ист. Р. Н. Полев. т. 2, стр. 269. Шеввр. 10-я лекц., В. М. 1871 г. Сл. о П. Иг.)*)

*) Первые издатели перевели «тогда пущаше» и пр.: памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ 10 соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долетѣлъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо и пр. Шишковъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказалъ, что соколиная охота въ древности служила къ рѣшенію спора, кому изъ князей или военачальниковъ отдать преимущество. Они въ числѣ не болѣе 10, можетъ быть, выѣзжали въ поле съ соколами въ рукахъ, и чей прежде долеталъ до стада лебе-

Касательно примѣчаній и переводовъ Граматина митрополитъ Евгеній выразился: „Новый толкъ Игоревой пѣсни Граматина индѣ и безтолковый я читалъ. Стихотворный его переводъ размазанный. Послѣ Палицина, Язвицкаго и другихъ, перепѣвавшихъ стихами Игоря, не нужны бы ужъ намъ сн карикатуры Игорева пѣснопѣвца (Сб. ст. 2 отд. Ак. Наукъ т. 5, в. 1, стран. 200). Въ Сынѣ Отеч. (1823 г. № 7, Библ. стр. 329) тоже была помѣщена замѣтка, въ которой рецензентъ, признавая мнѣнія Граматина основательными и безпристрастными въ критическомъ разсужденіи, находитъ много лишняго и посторонняго въ примѣчаніяхъ, а стихотворный переводъ считаетъ вовсе ненужнымъ.

Въ 1824 году (въ Запискахъ и трудахъ общества истор. и древ. Рос. при Москв. Унив. ч. II.) Калайдовичъ напечаталъ статью „Библиографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ древностей гр. А. Ив. М. Пушкина“. Въ эту статью Калайдовичъ помѣстилъ касательно Слова слѣдующее: 1) свои вопросы о рукописи и отвѣтъ на нихъ М. Пушкина; 2) отзывъ типографика Селивановскаго о рукописи; 3) статью о Словѣ изъ Spect. du Nord; 4) мнѣніе Шлецера о Словѣ; 5) свое мнѣніе о языкѣ Слова, которое высказано было имъ въ опытѣ рѣшенія вопроса еще въ 1818 году и сравненіе Слова съ сказаніемъ о Димитріи; 6) приписку къ толковому Апостолу 1307 г., открытую имъ.

1826 г. Н. Арцыбашевъ напечаталъ двѣ статьи подъ названіемъ: „Игорь или война половецкая“ (Вѣст.

дей, тому (князю) первому и приносилось общее поздравленіе. Пожарскій замѣтилъ, что обрядъ пусканія соколовъ соблюдался не князьями, а стихотворцами, не хотѣвшими изъ скромности выставить себя предъ товарищами. Бутковъ (Вѣст. Евр. 1821 г. № 22, стр. 111—115) къ этому прибавилъ, что пѣвцы древнерусскіе и славянскіе, можетъ быть, составляли между собою сообщества, подобныя сообществамъ, существующимъ и нынѣ на Кавказѣ у пѣвцовъ Кабардинскихъ Черкесовъ.

Евр. 1826 г., т. 147, № 11 июнь, стр. 177—193 и № 12 июль, стр. 241—260). Онъ представилъ въ нихъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о походѣ Игоря, какія у него были тогда подъ руками. И хотя эти извѣстія у него были не всѣ (Кіев. лѣт. въ извлеч. у Карамз. и переводѣ Татищева, Воскр., Радз., Никонов., Лѣтоп. Русск., Новг. лѣтописецъ, Соф. вр., Соф. лѣт.), онъ и по нимъ опредѣлилъ разницу въ показаніяхъ о сыновьяхъ Игоря, участвовавшихъ въ походѣ, (стр. 190), о днѣ второй битвы съ Половцами (стр. 242), о мѣстѣ второй битвы (247). Главная цѣль этихъ статей опредѣлить топографію похода, объяснить, что за рѣки—Сальница, Сюрля, Каала.

Въ 1830 г. въ Вѣстникѣ Европы выѣстъ съ нападки на всю нашу древнюю литературу, на ея историческую цѣнность, на богатство ея (Вѣст. Евр. 1830 г, № 1, стр. 68, N 8, ст. 287) встрѣчаются нападки и на Слово о П. Иг. Конечно, кроется иронія въ слѣд. отзывѣ о Словѣ: „Нѣкогда безвѣстный ревнитель Бояна, соловья стараго времени, услаждаясь и дымомъ отчизны, не поскучалъ въѣрить заунывнымъ звукамъ злополучное пораженіе и поносный плѣнь Игоря“ (Вѣст. Евр. 1830 г. № 2, стр. 146). Въ № 19 и 20 (стр. 286—295) помѣщена цѣлая статья подъ названіемъ литературныя привязки, посвященная исключительно отрицанію всей нашей древней литературы и вмѣстѣ съ нею, конечно, и Слова о Полку Иг. „Я желалъ-бы, говорить С. С., знать, откуда подвижники наши XI в., съ такимъ прилежаніемъ упражнявшіеся въ писаніи, откуда они получали свой пергаментъ? изъ чего и какъ они дѣлали свои чернила? по скольку часовъ они могли трудиться въ своихъ клѣткахъ безъ каминовъ и трубъ, при мерцаніи дымящейся лучины? Откуда они выписывали стекла или слюду для оконъ? Пѣснь о П. Иг. XII ст. открываетъ намъ какой-то особенный вѣкъ нашихъ трубадуровъ, миннезингеровъ, современныхъ чужеземнымъ! Жаль только, что завистливое время утаило отъ насъ имена, жи-

тіе и подвиги всѣхъ другихъ пѣснотворцевъ, а еще болѣе жалъ, что драгоцѣнная пѣснь о Пол. Игор. дошла до насъ написанная новымъ почеркомъ, лѣтъ пятьсотъ спустя, послѣ кончины своего автора“ (стр. 288—289). Значить, авторъ полагалъ, что оно было написано почеркомъ конца XVII в. на этомъ, можетъ быть, основаніи впослѣдствіи стали приписывать переписку его Димитрію Ростовскому.

Въ 1830 же г. вышла исторія Рус. нар. Полеваго. О Словѣ въ ней говорится во 2 и 3 т.; къ 3 тому приложенъ и самый текстъ, перепечатанный съ перваго изданія, съ поправками самого Полеваго. Во 2 т. Полевой, говоря вообще о народной, русской поэзіи, замѣчаетъ о Словѣ, что оно было древнѣйшій памятникъ русской поэзіи и относится къ началу XIII вѣка. „Въ немъ находимъ мы слѣды другихъ пѣснопѣній, но въ темныхъ и не ясныхъ намекахъ (стр. 261 г. т. 2). Достоверность Слова не подвержена никакому сомнѣнію (стр. 262). Пѣвецъ Игоря пѣлъ по примѣру прежнихъ пѣвцовъ. Былъ прежде какой-то Боянъ, пѣвецъ превосходившій всѣхъ и пѣвшій безъ жребія (стр. 269). Въ третьемъ томѣ находится нѣсколько замѣчаній къ поясненію Слова (пр. 108, 109, 112.)

Въ 1833 г. Вельтманъ къ своему изданію Слова присоединилъ прозаическій переводъ и 60 примѣчаній (2-е изданіе 1867 г.). Въ предисловіи къ переводу Вельтманъ, по примѣру предшественниковъ, старается рѣшить вопросъ, предложенный Калайдовичемъ,—на какомъ языкѣ написано Слово. Онъ рѣшаетъ его такъ: „на языкѣ собственно пѣвцу Игоря принадлежащемъ: на соединеніи всѣхъ нарѣчій славянскихъ; на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была наполнена его душа. Сравните Сл. о П. Иг. съ звуками настоящаго Русскаго языка, вашъ слухъ замѣтитъ близкое родство между ними. Кто же искажилъ эту чистую, гордую породу языка какимъ-то дикимъ, грубымъ, ложнымъ славянизмомъ послѣдующихъ столѣтій до XIX вѣка? Читая

подлинникъ Сл. о П. Иг., я понималъ его, или мнѣ казалось, что я понималъ, ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы, я не понималъ ихъ.“ За сими въ предисловіи говорится о времени написаніи Слова: „Та (пѣснь) писана современникомъ: несовременный пѣвецъ не обратилъ бы вниманія на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его могъ принадлежать только тому, кто зналъ Игоря лично, а не по преданіямъ, кто любилъ его.“ Въ примѣчаніяхъ Вельтманъ пытается объяснить нѣкоторыя темныя мѣста, но эти объясненія неудачны, объясненія отдѣльныхъ словъ, у Вельтмана основаны большею частію на сличеніи ихъ съ сербскими, — нѣсколько предложенныхъ имъ поправокъ въ текстъ вовсе неудачны.

Въ томъ же 1833 г., по поводу изданія Слова Вельтманомъ, напечатаны были двѣ статьи: одна принадлежитъ Максимовичу, другая Н. Полевому. Статья Максимовича напечатана въ Молвѣ (1833 г. №№ 23, 24, стр. 89--95). Въ ней Максимовичъ говоритъ сначала о прежнихъ прозаическихъ переводахъ и замѣчаетъ, что они не могутъ дать понятія о той жизни, которою красно сіе Слово, потому что основаны только на грамматическихъ и историческихъ розысканіяхъ. Еще менѣе могутъ дать понятіе о поэзіи пѣвца стихотворные переводы, ибо переводчики были слишкомъ произвольны и небрежны съ своимъ подлинникомъ. Новый переводчикъ старался постигнуть поэтическій смыслъ его своимъ чувствомъ; онъ изъяснилъ Слово во многихъ мѣстахъ естественнѣе и вѣрнѣе (стр. 89). Переводъ его не буквальный, а поэтическій и написанъ тою же размѣрною, благозвучною прозою, какъ и подлинникъ (стр. 90). За сими Максимовичъ переходитъ къ разбору мнѣнія Вельтмана о языкѣ Слова. Соглашаясь съ мнѣніемъ Вельтмана, что языкъ Слова древне-Русскій, но принадлежащій собственно пѣвцу Игоря, имъ избранный, какъ у Ломоносова, Карамзина, Пушкина или имъ пересозданный (стр.

90), Максимовичъ ограничиваетъ это мнѣніе тѣмъ, что въ языкѣ Слова замѣтно большое вліяніе тогдашняго книжнаго Церковно-Славянскаго языка. При этомъ вліяніи, говорить онъ, видно безпрестанное отступленіе отъ формъ его, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку природному, живому (стр. 91). Этими живыми языкомъ, второю стихією Слова, было нарѣчіе южнорусское, изъ коего впоследствии вышелъ языкъ Малороссійскій. Малороссійскій языкъ сохранилъ много словъ и оборотовъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ Великорусскомъ языкѣ. Поэтому многія мѣста въ Словѣ о П. Иг. очень легко объясняются изъ языка Малороссійскаго (стр. 93). Кто сроднился съ духомъ пѣсенъ и думъ украинскихъ и вдумывался въ красоты Слова о П. Иг., тому не покажется страннымъ, если сказать, что въ нихъ есть однородство поэтическихъ характеровъ, что Слово о П. Иг. есть начало южнорусской поэзіи, которая потомъ звучала и звучитъ еще въ думахъ бандуристовъ и во многихъ пѣсняхъ украинскихъ, и что пѣснь Ярославны есть, такъ сказать, тема, которая распѣвается въ дышащихъ любовію женскихъ пѣсняхъ украинскихъ (стр. 94). Послѣ общихъ замѣчаній о языкѣ Максимовичъ переходитъ къ разбору примѣчаній Вельтмана. Изъ нихъ беретъ тѣ слова, которыя, помимо Сербскаго языка, могутъ быть объяснены Малорусскимъ, напр. цвѣлить, стрікусы, туга; статью Максимовичъ заключаетъ сожалѣніемъ о потерѣ трудовъ Тимковского, относившихся къ Слову (стр. 96).

Полевой въ своей статьѣ, напечатанной въ Моск. Тел. (1833 г. часть 5-я, стр. 419—442). а послѣ перепечатанной въ Очеркахъ русской литературы (Полеваго, 1839 г. т. 2, 132—150), сначала развиваетъ подробнѣе свое мнѣніе о неподдѣльности Слова, высказанное въ 2 т. его исторіи и о слѣдахъ другихъ древнихъ пѣснопѣній (см.

Ист. Рус. нар. т. 2, стр. 261—262). Слѣды другихъ подобныхъ поэмъ онъ указываетъ въ словахъ Митуси, въ сказаніи о Задонской битвѣ (стр. 424). Слѣды поэтическихъ разсказовъ онъ находитъ во многихъ лѣтописныхъ описаніяхъ до XIII в. напр: въ описаніи смерти Аскольда и Дира, похода Олега къ Царьгороду, смерти Олега и въ другихъ разсказахъ о первыхъ князьяхъ. Въ этихъ разсказахъ онъ находитъ полное сходство съ сагами (425). Характеръ ихъ, по его словамъ, какое-то добродушное, свирѣпое удалство, совершенное удаление отъ восточнаго многоглаголанія и витѣватости схоластической, простота образовъ, жаръ души, сила слова, повтореніе одного и того же, повтореніе извѣстныхъ нѣсколькихъ выраженій, какъ будто пословицъ и поговорокъ. Со введеніемъ христіанской вѣры мнѣческо-героическая поэзія Руссовъ казалась неумѣстной. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или она должна была облекаться въ формы христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ. Тутъ являются Хорсъ, Дажьбогъ и Пирогошая Богоматерь; герои—христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы, они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ, море смерчами идетъ на нихъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе русскія саги принимали схоластическую и религіозную форму. Поэзія переходила въ религіозно-героическій характеръ и прозаическую форму. Рядъ поэмъ продолжался непрерывно, напр. походъ Мстислава Удалаго на Суздаль, сказаніе о житіи Александра Невскаго, Сказаніе о Задонской битвѣ (426—428). Но послѣднее есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Въ то время, какъ поэзію гнали изъ княжескихъ чертоговъ и боярскихъ теремовъ, она укрывалась въ хижины и шалаши въ видѣ былинъ, сказокъ и пѣсенъ (стр. 429—430). Языкъ, на какомъ писано Слово, есть языкъ Русскій, юга русскаго, коимъ говорили въ XII в. въ Кіевѣ, Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопробываніи Олеговичей. Но онъ возведенъ въ Словъ въ ту

поэтическую степень изящества, до которой достигает и ныне язык простолюдина въ народной пѣснѣ (стр. 432). Слово о. П. Иг. писано метромъ, изъ коего образовались потомъ метръ былинъ и метръ пѣсень (433.). Сказавши нѣсколько словъ о сомнѣвающихся и несомнѣвающихся въ подлинности рукописи и укоривши тѣхъ и другихъ въ малодоказательности ихъ сужденій, Полевой переходитъ къ разсмотрѣнiю изданiя Вельмана (434—436). Рѣшенiе вопроса о языкѣ Слова Полевой находитъ недостаточнымъ, а переложенiе текста на современный языкъ мѣрною прозою хорошимъ, исключая нѣкоторыхъ изысканностей (стр. 437—438). Разбирая примѣчанiя, Полевой даетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свои объясненiя. Новы его объясненiя о Троянѣ; зная, что Владимiра называютъ въ одномъ древнемъ русскомъ памятникѣ Трояномъ, говорить, не должно ли скорѣе искать тропу Трояна и вѣщи Трояни на Руси и у Половцевъ? (438). Кромѣ всего этого Полевой предложилъ нѣсколько поправокъ въ текстъ. Изъ нихъ одна — горѣ вм. горъ — въ пѣсни Ярославны принята всѣми; другiя поправки, если не имѣютъ основательности, все-таки повторяются у послѣдующихъ толкователей.

Въ 1834 г. литература о Словѣ началась съ мнѣнiй о немъ Глаголева, высказанныхъ въ Умозрительныхъ и опытныхъ основанiяхъ словесности (1834 ч. 4., стр. 17—25). Онъ признаетъ его драгоценнымъ памятникомъ древней русской поэзiи и высказываетъ свой взглядъ на языкъ, слогъ и правописанiе его. Предположенiе нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей, что пѣснь написана въ Малороссiи и на нарѣчiи, ближе подходящемъ къ Польскому, нежели къ остальнымъ Славянскимъ, находитъ неосновательнымъ (§ 17). Для отысканiя ключа къ языку и нарѣчiю древняго памятника, говорить онъ, недостаточно однихъ реченiй и формъ, нужно еще углубляться въ духъ памятника, во внутреннiя его качества (§ 18). Отличительныя черты его тѣ же, что и въ народномъ Русскомъ язы-

кѣ. Онѣ суть: 1, постоянные эпитеты, 2, сравненія, особенно въ творит. падежѣ, 3, символика, 4, сравненія отрицательныя безъ поправленія (не буря соколи занесе чрезъ поля широкая, галици стади бѣжать къ Дону), 5, сравненіе изъ русской природы, 6, изображеніе сраженія въ образѣ брачнаго пира, 7, отбѣнки русскихъ нравовъ, обычаевъ и суевѣрій (§ 19). Самыя формы ея въ Русскомъ яз. не новыя; наприм. окончаніе 3 л. н. вр. на *тъ* употребляется не только въ Малороссіи, но и въ губ. Ярославской и Тульской (§ 20).

Почеркъ, по свидѣтельству Калайдовича, бѣлорусскій, а, по свидѣтельству Ермолаева, полууставъ XV в. Правописаніе согласно съ лѣтописями. Итакъ несправедливо было бы по нѣсколькимъ словамъ и оборотамъ заключить о сходствѣ самаго стиля нѣсни съ нарѣчіемъ Польскимъ, тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, употребляемыя въ древнихъ памятникахъ Богемскихъ. Вѣроятно, такіе обороты оставались еще отъ древней славянской поэзіи и принадлежали равно всѣмъ нарѣчіямъ (§ 21).

Въ томъ же 1834 г. высказаны были мнѣнія Строевыиъ, Каченовскимъ, Бѣликовымъ, Давыдовымъ, Сенковскимъ, Пушкинымъ, Бутковымъ и Руссовымъ.

Строевъ напечаталъ „Указатель матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и проч.; въ § 14 этого указателя онъ выразился о Словѣ: „Слово о П. Иг. и Слово Давида Заточника проблемы Русской словесности XII в.“ (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. 1. стр. 155). Этою замѣткою Строева открылся рядъ статей скептиковъ, которые выражали недовѣріе къ подлинности Слова. Но главѣ этой скептической школы стоялъ Каченовскій, профессоръ Московскаго университета, который перенесъ споры изъ области эстетики въ область исторіи и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ слушателей.

Доводы Каченовскаго противъ подлинности Слова не дошли до насъ непосредственно отъ него самаго. Большая часть ихъ вошла въ нашу литературу чрезъ учениковъ его, особенно Бѣликова.*) Бѣликовъ въ своихъ статьяхъ привелъ нѣсколько подлинныхъ замѣчаній Каченовскаго. Вотъ эти замѣчанія: 1, хочу копіе преложити—фраза—рыцарская; 2, чили—слово польское, новѣе XIV в.; 3, Велесовъ внукъ... изъ св. Власія невѣжды сдѣлали небывалаго бога Воло-са, или Велеса; 4, туръ—дикій баранъ горъ Кавказ-скихъ; 5, оксамить—шелковая матерія, польское слово греческаго происхожденія; но шелководствомъ начали зани-маться въ Венеціи только съ XIV в.; 6, свнчая и обычая—слова польскія, новыя; 7, давеча—украдено изъ вели-ко-русскаго просторѣчія новѣйшаго; 8, ногаты—принад-лежность сѣвера, а не юга; 9, нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтопи-си: учашеть, бяшеть и т. п.

Бѣликовъ свои статьи напечаталъ подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о П. Иг.“ (Уч. Зап. Моск. Унив. 1834 г., ч. 5, стр. 295—308, 449—490). Слово, по его мнѣнію, остается загадкою, потому что не было пред-метомъ строгаго и безпристрастнаго разбора. Изслѣдовате-ли болѣе восхищались имъ, чѣмъ занимались изслѣдова-ніемъ (295). Недоразумѣнія касательно подлинности являют-ся отъ слѣдующихъ причинъ: 1, Пѣвецъ совершенно неиз-вѣстенъ; 2, древнихъ варіантовъ не открыто; 3, посторон-нихъ свидѣтельствъ не находимъ; 4, неизвѣстно, какимъ образомъ произведеііе XII в. перешло къ XIX; 5, въ древ-

*) Сохранилось свидѣтельство тогдашняго слушателя Каче-новскаго, который рассказывалъ Майкову, что Каченовскій въ при-сутствіи Уварова и Пушкина сталъ уничтожать въ своей лекціи Слово (Майковъ, № 1 Зари 1870 г. стр. 106). У этого слушателя удер-жался взглядъ на Слово до 1870 года, вѣроятно, внушенный Каче-новскимъ. что «противъ подлинности Слова говоритъ одинъ аргу-ментъ: послѣднѣе всѣхъ доказательствъ защитниковъ, это—то уеди-ненное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней лите-ратурѣ Киевской Руси» (Майк. № 1 Зари. 1870 г. стр. 83).

нихъ памятникахъ о немъ мертвое молчаніе; 6, имъ не воспользовались лѣтописи; 7, пѣвецъ. XII в. не могъ говорить ни на какомъ состарѣвшемся языкѣ; писатель. XV или XVI в., намѣреваясь оживить словесное преданіе, дошедшее до него подъ одеждой современнаго ему языка или даже иностраннаго, могъ желать написать это преданіе языкомъ старымъ (стр. 297—299. Здѣсь авторъ развиваетъ только прежнее мнѣніе, высказанное митр. Евгеніемъ); 8, логика слаба, много непонятныхъ отступленій,—это можетъ быть слѣдствіе вставокъ и компиляцій изъ разныхъ историческихъ преданій (303); 9, оно не можетъ дать понятія ни о духѣ того времени, ни о жизни Руси XII в, потому что въ немъ есть анахронизмы,—напр. упоминаются леопарды (304). Въ эстетическомъ отношеніи оно возвышается надъ всѣми древними славянскими произведеніями (305). Слогъ пѣсни ниже и грубѣе слога нашихъ древнихъ монашескихъ писаній, а выше и чище слога иныхъ грамотъ; намъ сдается, что онъ больше подходитъ къ слогу нашихъ сказокъ (307). Въ историко-филологическомъ отношеніи—матеріалъ языка Слова о П. Иг. принадлежитъ болѣею частію къ нашему древнему церковному языку. Одни слова вышли теперь изъ употребленія, другія живутъ (449), есть не много словъ новыхъ, которыя должны возбудить сомнѣніе въ подлинности Слова, каковы: оксамиты, салтаны, сабля, телѣга, кровать тесова, дорога, нынѣшній, давеча (451—452). Въ статистическомъ отношеніи Слово представляетъ смѣсь разныхъ языковъ. Большая часть принадлежитъ Великоорусскому языку, но есть южнорусскія слова (болонье), много польскихъ: (зегзица), сербскихъ (стрикусы) и татарскихъ (харалугъ, куръ). Здѣсь тоже рождается сомнѣніе въ подлинности: слѣдовало бы ожидать преобладанія Малорусскаго языка, если, дѣйствительно, Слово написано въ Малороссіи, а выходитъ на оборотъ, преобладаетъ языкъ Великоорусскій (452). Въ формахъ замѣчаемъ смѣсь говоровъ и нарѣчій: и смѣши-

вается съ и, полногласныя формы съ неполногласными. Сочетаніе согласныхъ обличаетъ пѣвца малорусскаго: гортанные сочетаются съ грубыми ы, а шипящіе съ двугласными: (скачють) (453); прилагательныя имѣютъ и полную форму—позднѣйшую и краткую—древнѣйшую; прошедшее время оканчивается и на лѣ и на хъ, дѣепричастіе уже установилось, а не склоняется какъ въ древности (!54). Вообще грамматика большею частію великороссійская, исключая словосочиненіе, которое въ иныхъ мѣстахъ совершенно не русское, а потому пѣвецъ представляется переводчикомъ, который не понялъ подлинника, наставилъ русскія слова кое-какъ, по словотеченію иностранному (455). Статья заканчивается драгоценными замѣчаніями профессора Каченовскаго (см. выше) и слѣдующими соображеніями о происхожденіи Слова и авторѣ его: „Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ своей первобытной чистотѣ; она чрезъ нѣсколько вѣковъ уже писана пѣвцомъ съ словеснаго преданія, сохранившагося въ сказкѣ, или въ пѣсни, или переложена съ иностраннаго языка. Въ XVI в., когда книгопечатаніе породило въ русскихъ чрезвычайную охоту къ чтенію, нашелся любитель изящнаго, которому понравилась сказка, или пѣсня объ Игорѣ; онъ рѣшился записать ее, и какъ былъ хорошій начетчикъ старыхъ книгъ, вздумалъ изложить оную языкомъ XII в., старыми словами, притомъ языкомъ сочинителя, который, по его мнѣнію, былъ южный русинъ. Это намѣреніе заставило его искать старинныхъ формъ языка, словъ южнаго нарѣчія и почерпать по невѣдѣнію слова изъ Польскаго и Сербскаго языковъ. Безъ сомнѣнія, чрезъ это онъ изказилъ прекрасную пѣснь Игоря, но ему это казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его же усердіемъ вставлены отступленія о междоусобіяхъ князей, заимствованныя имъ изъ другихъ преданій; можетъ статься, что писатель Слова о Полку Игоревѣ и не былъ его слагателемъ, а только переводчикомъ. Въ XII ст., какъ извѣстно, приходили къ нашимъ князь-

ямъ Норманны, Греки; неудивительно, что изъ сихъ пришельцевъ кто либо, обрусѣвъ, записалъ или воспѣлъ на своемъ языкѣ походъ Игоря, и эти записки дошли до граматниковъ XVI в., которые переложили ее стариннымъ Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писателямъ; но не понимая хорошо подлинника, переводили буквально, пособляя своему неумѣнію словами изъ разныхъ языковъ (459—460).

Давыдовъ въ статьяхъ своихъ „Составныя начала и направленіе древней отечественной словесности“ (Уч. зап. Моск. Унив. 1834 г., ч. III, стр. съ 281—307, 490—519.) мимоходомъ коснулся и Слова. По его мнѣнію, Слово несходно съ рандсдіями, а похоже на саги Исландскія (298). Изложивши содержаніе Слова, Давыдовъ говоритъ: „до сихъ поръ есть вѣроятность въ разсужденіи нашей поэмы, но филологическая критика, прежде нежели приступить къ эстетическому разбору писателя, испытываетъ достоверность его языка (299). Предложимъ нѣкоторыя изъ ея условій. Если встрѣчается сочиненіе, о которомъ не говорятъ писатели послѣдующихъ вѣковъ, то достоверность онаго почитается сомнительною,—Слово дошло до нихъ въ одной рукописи. Не приступая къ объясненію или предложенію сочиненія, критикъ старается вывести надлежащій смыслъ, исправляетъ ошибки переписчика, знаки препинанія, смѣшанные слоги и слитныя цѣлыя реченія; на это доселѣ не было обращено вниманія (стр. 300). Далѣе онъ повторяетъ мнѣніе Бѣликова о смѣшеніи формъ краткихъ и полныхъ и о неумѣстности дѣепричастія въ Словѣ, какъ въ древнемъ памятникѣ (301). О Словѣ говорятъ, что оно писано на смѣси всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Но кто могъ говорить разными нарѣчіями? (302) Затѣмъ въ Словѣ встрѣчаются понятія, несвойственныя вѣку—драгія оксамиты. Эти указанія достаточны, чтобы родилось сомнѣніе въ подлинности Слова. Вмѣсто переводовъ и предложеній будемъ ожидать филологическаго оной разбора“ (стр. 302).

По поводу книги Плаголева издатель Библиотеки для Чтенія, Сенковский помѣстилъ въ своемъ журналѣ небольшую статейку (Биб. для Чт. 1834 г., кн. 4, стр. 5—7). Въ ней онъ, говоря о русской филологіи, замѣчаетъ, что она еще находится въ ребячествѣ,—она требуетъ слишкомъ твердаго знанія, во 1-хъ, Польскаго языка и его словесности такъ называемыхъ вѣковъ Сигизмундовыхъ, во-вторыхъ, языковъ Моравскаго, Сербскаго, Болгарскаго и Малороссійскаго и въ особенности кореннаго Бѣлорусскаго нарѣчія, изъ котораго собственно возникъ Великороссійскій языкъ. Авторъ въ своемъ разсужденіи, не приложивъ духа анализа къ Слову о П. Игор., которое слишкомъ опрометчиво причислено къ источникамъ Русскаго языка, не принявъ на себя труда сравнить его критически съ Галицкою поэзіею почтеннаго Макферсона. Надъ Словомъ носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ, его фразы словно выкроены по Макферсоновымъ, его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII в.; многія прилагательныя въ новѣйшей польской поэзіи, особенно слово вѣщій въ смыслѣ „поэтическій“, весьма поздно созданное для выраженія латинскаго *Vates* въ переводахъ Горация и Виргилія, быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, прилетаніе мысли издадеча и подоб. выраженія совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ и явно заимствованы изъ новаго поэтического языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій—уже, тутъ, изысканное сочетаніе междоиметія „о“ съ неопредѣлен. наклоненіемъ и т. д. напоминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана, а частое употребленіе мѣстоименія „свой“, столь рѣдкаго въ старинныхъ слав. писаніяхъ, показываетъ въ сочинителѣ челоѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галицизмы напр. „кричатъ телѣги полунощныя: тутъ и глаголь и прилагательное не старѣе насъ лѣтами. Самое открытіе Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіа-

номъ, и совершенное отсутствіе всякихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣніе.

Статьи скептиковъ вызвали рядъ статей въ защиту подлинности Слова. Прежде всего безпощадное отрицаніе подлинности Слова затронуло Пушкина, который своимъ поэтическимъ чутьемъ понималъ невозможность такой поддѣлки. Онъ въ 1834 г. началъ писать свои замѣчанія о Словѣ, но не окончилъ. Видно, другія болѣе спѣшныя работы отвлекли его отъ занятія Словомъ, если принять во вниманіе его работы по собиранію матеріаловъ для исторіи Петра и по изданію Современника, надъ которымъ его застигла и смерть. Анненковъ (Соч. Пушкин. 1855 г. т. 1, стр. 478 и Мат. для біогр. Пушкина 1873 г., стр. 467.) предполагаетъ, что замѣчанія его написаны по поводу переложенія Слова Вельтманомъ въ 1833 г. и только приписку въ концѣ признаетъ вызванною статьей въ Библиотекѣ для Чтенія (Анненковъ. т. 1, стр. 487.) Но первое предположеніе произвольно и основано только, какъ видно, на томъ, что въ замѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Вельтмана. А. Майковъ въ своей статьѣ о Словѣ (Заря 1870 г. № 1, стр. 105—106) говоритъ: „сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ, что когда Каченовскій читалъ лекцію о Словѣ, графъ Уваровъ привелъ на лекцію Пушкина. Вотъ, господа, сказалъ Уваровъ студентамъ, указывая на Каченовскаго, вотъ передъ вами наука, а вотъ, указывая на Пушкина, само искусство! Каченовскій сталъ читать лекцію о Словѣ и уничтожать его. Пушкинъ, давно желѣявшій передать пѣснь объ Игорѣ своими стихами, не выдержалъ и пустился защищать. Но защита, должно быть, была слаба, говоритъ Майковъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и вызвало Пушкина на замѣчанія.

Сказавши нѣсколько словъ о переводахъ Слова, о скептикахъ и очевидцахъ сгорѣвшей рукописи, Пушкинъ свистнулъ къ замѣчаніямъ, которыя кончаются на объ-

ясненіи словъ—кмети подъ трубами повити. Засимъ сдѣлана приписка карандашемъ, въ которой онъ возражаетъ на мнѣніе издателя Библ. д. Чтен. Вотъ она: „подлинность самой пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ XVIII в. могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе не имѣли всѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому бы пришло въ голову взять предметомъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ Слав. нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало-бы знаніе всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ—неужто такая смѣсь естественна!.....

Замѣчанія Пушкина почти не дали ничего новаго для разъясненія вопросовъ о Словѣ. Это зависѣло оттого, что они не окончены, не отдѣланы и составляютъ черновыя наброски. Но и по нимъ можно судить, что Пушкинъ былъ въ состояніи написать дѣльные замѣчанія. Изъ нихъ видно, что онъ при объясненіи хотѣлъ руководствоваться русской народной поэзіей и сербскими пѣснями. То и другое онъ зналъ и понималъ хорошо. *)

Уже въ Русланѣ и Людмилѣ онъ вноситъ элементы народной поэзіи (Анненк. т. I, стр. 64—65). Внесеніе его увеличивается въ послѣдующихъ произведеніяхъ, по мѣрѣ большаго знакомства съ народной поэзіей (Анненк. т. I, стр. 119—122). Кромѣ слышанаго отъ Арины Родіоновны, онъ самъ собиралъ народные пѣсни, составилъ сборникъ ихъ и подражалъ имъ (Ан. т. I, стр. 151—156), изучилъ Русский языкъ не только по устной народной рѣчи, но и по старой литературѣ (Ан. т. I, стр. 254—256). Изучая отечественную словесность, онъ сдѣлалъ много намѣтокъ, въ которыхъ опредѣлялъ, въ чемъ состоитъ народность поэта и какое значеніе имѣетъ Слово о Пол. Иг. въ древней литературѣ, которая, за исключеніемъ его, представляется ему почти степью (Ан. т. I, стр. 262—263). Изъ этихъ намѣтокъ видно, что онъ признавалъ Слово произ-

Бутковъ напечаталъ статью „О войнѣ В. К. Святополка съ Половецкимъ княземъ Тугорканомъ въ 1096 г. (С. От. 1834 г., № 52, стр. 616—630). Главная цѣль этой статьи доказать, что сраженіе Святополка съ Тугорканомъ произошло не у Переяславля на Трубежѣ, какъ въ лѣтописяхъ, а на Каялѣ. Каялою онъ считаетъ (стр. 623) Калміюсъ. Выраженіе въ Сл. о Пол. Иг.—съ тояже Каяли Святополкъ повелѣ я отца своего... ко Святой Софіи Къеву—онъ приурочиваетъ именно къ войнѣ Святополка съ Тугорканомъ, не замѣчая того, что не кстати бы нехристя везти къ Святой Софіи и что лучше бы похоронить Тугоркана въ его землѣ, чтобы отдать ему честь („съ честію“ говорится въ лѣтописи), чѣмъ для этого вывозить въ чужую за 570 верстъ. Топографія Игорева похода вѣроятно представлена у Буткова, чѣмъ у Арцыбашева. Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Бутковъ повторяетъ прежнія свои замѣчанія на Слово, упрекаетъ автора статьи Уч. Зап. М. Унив. (1834 г., ч. 1) въ незнаніи лѣтописныхъ пардусовъ и оксамитъ, которые упоминаются подъ годами 1147, 1159 и 1169, тура, встрѣчаемаго въ Поученіи Мономаха (пр. 6. 119.).

С. Руссовъ издалъ книжку подъ заглавіемъ—о подлинности древняго русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ Слово о Полку Игоревѣ (1834). Она состоитъ изъ трехъ главъ. Первая глава исключительно направлена противъ мнѣній Сенковского, высказанныхъ имъ въ Библ. для Чт. (см. выше); 2-я глава написана противъ статьи, напечатанной въ Учен. Зап. М. У. (№ № 2 и 3); въ 3-й главѣ говорится о трудности поддѣлки Русскихъ старинныхъ памятниковъ.

веденіемъ народнымъ въ полномъ смыслѣ. богѣ народнымъ, чѣмъ сказки и пѣсни, постоянно подновляемыя, сохранившія полупоэтическія черты народности (262—263). Знаніе Сербскаго языка у Пушкина видно изъ прекраснаго перевода его Сербскихъ пѣсенъ (Ан. стр. 373—380 т. 1).

На всё мнѣніе какъ Сенковскаго, такъ и автора статьи въ ученыхъ запискахъ—Бѣликова Руссовъ представилъ свои возраженія. Хотя они слабы, даже ничтожны и не внесли ничего новаго для разъясненія Слова; но въ общей своей совокупности; какъ статья популярная, они частію могли достигнуть своей цѣли—поколебать нѣскольکو вѣру въ несомнѣнность доводовъ Сенковскаго и Бѣликова, особенно при такомъ заключеніи: „по сознанію критиковъ, Слово превосходно и можетъ дать автору почетное мѣсто между литераторами XVIII в., но онъ отказывается отъ сей чести, принимаетъ названіе поддѣльщика и покупаетъ это очень не дешево: онъ изучаетъ 6 языковъ, или нарѣчій, изучаетъ археологію всей Европы, собираетъ по разнымъ частямъ Россіи и по разнымъ монастырямъ семь древнихъ памятниковъ словесности и, списывая ими около тысячи страницъ, почеркомъ XV или XVI ст., помѣщаетъ среди ихъ собственное сочиненіе. Этого мало, авторъ для сборника своего отыскиваетъ потребное количество лощеной бумаги XV или XVI ст., что едва ли можно приобрѣсти сотнею тысячъ рублей“ (стр. 26).

Слабая доказательствами статья Руссова вызвала рецензію, въ которой выставлены были на видъ болѣе всего несостоятельныя сужденія или слишкомъ поверхностное отношеніе къ дѣлу защитника Слова. Рецензія на книжку Руссова напечатана въ Сѣвер. Пчелѣ съ подписью Скромненко (Сѣв. Пч. 1834 г. № 294, стр. 1269 1272). Авторъ говоритъ здѣсь, что, безспорно, мнѣніе г. Сенковскаго, будто Слово о Пол. Иг. есть поддѣлка XVIII в., не справедливо, а возраженія противъ древности этого Слова болѣею частію слабы и не заслуживаютъ особаго вниманія; но опроверженія Руссова столь ничтожны, что не могутъ устоять противъ самой ничтожной критики. Напр. 1., На мнѣніе Сенковскаго, что рус. филологія еще теперь въ ребячествѣ, Руссовъ отвѣчаетъ, что она началась съ принятія христіанства при переводѣ книгъ Св. Писанія. Поэтому

нужно признать и отагитскую филологію? 2) Руссовъ утверждаетъ, что Польскій языкъ намъ вовсе ненуженъ; равно и 3) Моравскій, Сербскій, Болгарскій, Малороссійскій и Бѣлорусскій—пусть изучаютъ, у кого есть досугъ и охота.... 4) Ему представлялся случай сравнить Слово съ поэмою Макферсона и доказать, что Слово не поддѣлка XVIII в., но вмѣсто этого Руссовъ придрался къ мелочамъ и миновалъ вовсе эту задачу. 5) Ему слѣдовало бы сравнить Слово съ поэмою Оссіана и показать несходство, но онъ замѣтилъ только, что у Оссіана всѣ лица вымышленны. 6) Что обороты и выраженія большею частію относятся къ слогу XVIII в.—это Руссовъ объясняетъ тѣмъ, что авторъ былъ гений, а первое свойство гения опередить свой вѣкъ. Такъ же слабы и возраженія противъ Бѣликова; напр. старый языкъ—это тотъ, которымъ говорили Варяги, пришедшіе съ Рюрикомъ; вѣкъ Трояновъ—это вѣкъ Карла Великаго. Статья кончается сожалѣніемъ, что Руссовъ не опровергнулъ такъ дѣльно своихъ противниковъ по Словоу, какъ онъ въ 3-й главѣ мастерски умѣлъ вывести на свѣжую воду поддѣлку записокъ о дѣлахъ московскихъ Гримовскаго.

Въ 1836 и 1837 гг. Максимовичъ напечаталъ въ Жур. М. Н. Пр. три статьи о Словѣ. Въ началѣ первой статьи (Ж. М. Н. Пр. 1836 г. Ч. 10, № 4) Максимовичъ дѣлаетъ краткій обзоръ предшествующихъ ему изслѣдованій о Словѣ. Послѣ обзора онъ представляетъ нѣсколько доказательствъ въ защиту подлинности Слова противъ возраженій скептиковъ. „Если оно, говоритъ Максимовичъ, дошло въ одномъ спискѣ, то, вѣдь, и другія важныя произведенія древней Руси дошли тоже въ одномъ, или въ немногихъ. При томъ же въ древнее время до XVIII ст. народную мірскую поэзію не хотѣли слушать, даже воспрещали. Наконецъ поврежденность списка не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ ея подлинности,—другія старыя рукописи не исправятъ

ей. " После этого онъ предлагаетъ вопросъ для рѣшенія: была ли извѣстна пѣснь въ средніе вѣка нашей исторіи? На него отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь во-первыхъ на Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, а во-вторыхъ на приписку къ Псковскому Апостолу. Но лучшее доказательство ея древности, говоритъ онъ, есть она сама. Она представляетъ живую картину событій и происшествій своего времени, согласно съ показаніями лѣтописей. Лѣтописи сохранили многія подробности, относящіяся къ сему походу. Но пѣснь Игоря, какъ поэма, а не лѣтопись и не исторія, чужда этихъ подробностей, однако она полна исторической истины. Изложивши содержаніе пѣсни, Максимовичъ предлагаетъ дѣленіе ея на 14 главъ или пѣсней. Изъ нихъ двѣ главы (6-я Воспоминанія объ Олегѣ, Борисѣ и Святославѣ и 11-я о Полоцкихъ князьяхъ) составляютъ отступление, — безъ нихъ вся пѣснь представляетъ непрерывный рядъ живыхъ картинъ. Въ заключеніе Максимовичъ говоритъ, въ чемъ должна состоять критика Слова. Она должна разсмотрѣть пѣснь, какъ выраженіе тогдашней жизни въ совокупности съ другими памятниками древней нашей словесности и народною поэзіею нашей и другихъ Славянъ и въ сообразности только съ общими требованіями вкуса, только съ общими условіями и законами изящнаго.

Во второй статьѣ (Ж. М. Н. Пр. 1836 г. іюнь). Максимовичъ говоритъ о духѣ пѣсни. Отличительный характеръ духа пѣсни состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ Русской и ея славы, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Изъ любви къ землѣ истекаетъ во-первыхъ разлитый по всей пѣсни ратный духъ, соединенный съ истиннымъ чувствомъ обиды къ поганымъ Половцамъ, во-вторыхъ любовь къ минувшему, воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ Русской славы и силы; въ-третьихъ духъ скорби и гнѣва на междоусобія и крамолы удѣльныхъ князей, столь бѣдственные для Русской земли и недостойныя пречней

славн ея; въ-четвертыхъ грустный тонъ цѣлой пѣсни, который отзывается и въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ ея, гдѣ онъ вообще переищается на радостное движеніе (стр. 440—441). За симъ общимъ опредѣленіемъ Максимовичъ разсматриваетъ въ пѣсни выраженія—а) ратнаго духа (442), б) любви къ минувшему и скорби о настоящемъ (стр. 447), в) битвы и смерти (гдѣ сравненіе битвы съ жатвою и молотбою Максимовичъ сопоставляетъ съ подобнымъ же изображеніемъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, а изображеніе смерти въ образѣ брачнаго пира сопоставляетъ не только съ Малорусскими, но также и съ Вѣлкорусскими пѣснями) (450—456); г) любви къ пѣснопѣнію (стр. 456), д) любви женской (457). Духъ вѣры въ пѣсни—это чувство религій врожденной, выражающееся въ глубокой преданности волѣ Божіей. Здѣсь видишь—а) христіанство (461), б) слѣды язычества въ упоминаніи языческихъ боговъ, в) вѣрованіе въ міръ духовъ—особенно недобрыхъ (463), г) вѣрованіе въ чудесное (465), д) вѣра въ знаменія природы (467), е) вѣра въ природу и сочувствіе съ нею (468).

Третья статья Максимовича (Ж. М. Н. Пр. 1837 года, Янв.)—объ образѣ выраженія и языкѣ. Образъ выраженія состоитъ въ подобіяхъ, аллегоріяхъ, символахъ и повтореніяхъ. Максимовичъ подробно разсмотрѣлъ 1, 3 и 4 виды. Подобія онъ подраздѣлилъ на положительныя,—выраженныя творительнымъ падежомъ, сравнительными союзами и соотвѣтствіемъ (параллелью), отрицательныя и положительно-отрицательныя. Символика подраздѣлена на символику птицъ и звѣрей; повторенія разсмотрѣны въ цѣлыхъ реченіяхъ и словахъ (эпитетахъ). Въ этомъ обзорѣніи постоянно дѣлаются ссылки на народныя пѣсни и вообще на народную поэзію. О языкѣ Максимовичъ замѣчаетъ, что онъ и по составу своему, т. е. въ лексикограмматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской лѣтописей, но

въ немъ болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, замѣтно бореніе народно-русскаго языка съ книжно-Славянскимъ. Это потому, что пѣснь есть произведеніе мірское, поэтическое XII в. Намѣреніе воспѣть старинны словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Славянскаго, новый, употребительный въ разговорѣ, а, вѣроятно, и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ южно-русскій (Сѣверской области), и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровы Словенскаго. Оттого у него находите одни и тѣже слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ, находите слова и ихъ измѣненія, донинѣ сохранившіяся въ украинскомъ языкѣ и несущіяся въ языкѣ собственно Великорусскомъ. За сими Максимовичъ перечисляетъ особенности южно-русскаго нарѣчія въ формахъ и словахъ, указываетъ слова татарскія и старославянскія.

Въ слѣдъ за этими статьями Максимовичъ напечаталъ текстъ слова съ переводомъ (Кіевъ, 1837 г. пѣснь о Полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII в. на южно-Русскомъ языкѣ), назвавъ въ послѣдствіи это изданіе корректурнымъ, для своихъ слушателей, и обѣщая полное изданіе съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ. Но такого изданія мы не дождались.

Текстъ напечатанъ по первому изданію съ нѣкоторыми поправками. Употребленіе ѣ и ѣ въ концѣ словъ Максимовичъ привелъ къ однообразію, глухіе, если были послѣ плавныхъ, поставилъ передъ плавными, послѣ шипящихъ поставилъ йотированныя, замѣнилъ „а“ послѣ гласной посредствомъ „я“ и сдѣлалъ нѣсколько перестановокъ въ текстѣ. Въ поправкахъ словъ онъ слѣдовалъ болѣею частью Граматину, а иногда и Вельтману. Переводъ Максимовича прозаическій и довольно близкій къ подлиннику.

По поводу перевода Максимовича напечатана Сенковскимъ статья въ Библ. для Чтен. (1837 г., т. 24. отд.

6, стр. 35—37). Въ ней онъ, издѣваясь надъ заглавіемъ: пѣснь XII., и надъ тѣмъ, что переводчикъ не можетъ растолковать темныхъ мѣстъ и просить у знатоковъ и любителей словесности замѣчаній на Слово, совѣтуетъ Максимовичу обратиться за этимъ къ тому Корпато-Россу или Сербу, хорошему латынщику, который сочинилъ это Слово.

Въ томъ же 1837 г. вышла книга Иванчина-Писарева, „Взглядъ на старинную русскую поэзію“. Въ ней авторъ держится еще того мнѣнія, что Слово сходно съ Оссіановскими пѣснями; оно дикое, но величественное содѣланіе (13 стр.). При этомъ замѣчаетъ, что въ то же время во Франціи не было ни малѣйшаго понятія о поэзии. Труверы ихъ не извлекали ни одного складнаго звука; ихъ трубадуръ, графъ Пуатьевскій, современникъ пѣвца, лишь низалъ слова для цитры и языкомъ ужаснымъ (44 стр.). Слово—произведеніе не поддѣльное и не новое. Въ немъ мы встрѣчаемъ подробности въ изображеніи мѣстностей, климата, нравовъ, обычаевъ, одеждъ и оружія, хотя все это открывается въ родѣ эскизовъ (50 стр.), но смѣлыхъ и оригинальныхъ.

Въ 1838 г. Снегиревъ, при изданіи Словаря свѣтскихъ писателей Евгенія, внесъ въ него свою статью о Боянѣ, какъ онъ говоритъ къ предисловію къ словарю (стр. VII.). Но въ основѣ ея лежитъ статья Евгенія, напечатанная въ С. От. 1821 г. Къ ней прибавлено только, что Боянъ называется вѣщимъ, подобно Олегу въ Несторовой лѣтописи, и славіемъ, подобно жрецу Богомилу въ Іоакимовомъ отрывкѣ; прозванія сіи сходны съ встрѣчающимися у Гомера въ Одиссеѣ 1., 349. — ἀνὴρ ἀλφειστὴς и у Эврипида Αἰδῶν, какииъ именуется Паламень.

Въ 1839 г. напечатаны: 1) переводъ Слова Деларю, 2) статья Сахарова, 3) отрывокъ изъ записокъ Тимковскаго и 4) изданіе Снегирева.

Деларю издалъ въ Одессѣ свой стихотворный переводъ Слова написанный гекзаметрами, къ переводу прило-

жены пригѣчанія, большею частію составленныя по прежнимъ комментаторамъ. Изъ собственныхъ его пригѣчаній обращаютъ на себя вниманіе только два: это—1) Велеса Деларю считаетъ просто дѣломъ Бояна, а не богомъ (пр. 12-е) и 2) рога нося имъ—принимаетъ за аллегорію: носящимъ рога, т. е. кичащимся своимъ могуществомъ, враги чешутъ хвосты, т. е. разоряютъ ихъ земли, между тѣмъ какъ они ратоборствуютъ на Дунаѣ (прим. 65).

Сахаровъ напечаталъ Слово въ V т. пѣсенъ Русскаго народа, присоединивъ къ нему большую статью (она перепечатана была потомъ въ I томѣ сказаній Русскаго народа въ 1841 году). Въ предисловіи къ статьѣ, которую онъ назвалъ „ислѣдованія критиковъ,“ Сахаровъ высказалъ нѣсколько словъ о судьбѣ рукописи, перечислилъ всѣ до него бывшія изданія и переводы и привелъ выдержки изъ нѣкоторыхъ переводовъ. (Изъ остальныхъ переводовъ выдержки сдѣлалъ впоследствии Малашевъ въ 1871 г.) Въ самомъ изслѣдованіи Сахаровъ сдѣлалъ подробный обзоръ почти всего того, что въ нашей литературѣ говорилось до него о Словѣ. Прежде всего онъ говоритъ о томъ, отъ чего происходили сомнѣнія въ подлинности Слова, и находитъ пять причинъ. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было объявленіе въ Sp. d. N. сходства Слова съ пѣснями Оссіана, которое было причиною толковъ, что Слово новѣйшая выдумка. Толки эти о поддѣлкѣ прекратились, когда Шлецеръ въ 1802 г. призналъ подлинность Слова. Толки о поддѣлкѣ возобновились, когда начали рѣшать вопросъ о языкѣ и нарѣчіи Слова. Споры эти были вторымъ поводомъ къ сомнѣнію. Третьимъ поводомъ къ сомнѣнію было разнорѣчивое показаніе очевидцевъ рукописи о почеркѣ ея. Четвертое сомнѣніе явилось отъ смѣшенія славяно-церковнаго языка съ народнымъ. Пятое сомнѣніе вытекало изъ непониманія нашей народности. Обзоръ изслѣдованій у Сахарова подраздѣляется на два отдѣла: отдѣлъ критическихъ изслѣдованій и—археологическихъ. Въ I отдѣлѣ

разсматриваются изданія Мусина-Пушкина, Шиникова, Пожарскаго, Граматина, Вельмана и Максимовича. Разсматривая всѣ эти изданія, перечисляя филологическія замѣтки въ нѣкоторыхъ, приводя взгляды на пѣвца и языкъ, Сахаровъ иногда вноситъ свои сужденія по тому или другому поводу. Такъ, выписавъ изъ изданія М. Пушкина филологическія примѣчанія, Сахаровъ говоритъ: „Недостатки этого изданія заключаются въ слѣдующее: 1) Нѣтъ палеографическихъ извѣстій, 2) нѣтъ списка съ рукописи, 3) не показано, точно ли соблюдено правописаніе въ печатаніи, 4) не означено, къ какому времени должно отнести произведеніе самаго Слова, 5) не раскрыты причины достовѣрности Слова въ отношеніи языка, 6) не вѣрность перевода съ самаго текста. Жаль, что издатели не успѣли напечатать другихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ (стр. 51), изъ нихъ мы бы узнали образъ правописанія и, быть можетъ, открыли бы варианты Слова“. Изъ указанныхъ недостатковъ только два первыхъ можно ставить въ вину издателей, пожалуй, и ненапечатаніе хотя бы выдержекъ изъ другихъ пьесъ; что касается четвертаго, пятаго и шестаго, то нужно правду сказать, что Сахаровъ едва ли бы и самъ избѣжалъ подобныхъ недостатковъ; третій недостатокъ своевременно былъ устраненъ показаніями лицъ, которыя свѣдали печатный текстъ съ рукописью (смъ выше).

При разсмотрѣніи перевода Граматина сдѣлана слѣд. замѣтка: За идеаль сказочнаго размѣра Граматинъ принялъ стихотвореніе Карамзина „Илья Богатырь.“ Жаль, что онъ не обратился къ народнымъ сказкамъ; онъ бы узналъ тогда, что наша народность имѣетъ совершенно другія стихи (53). Особенною наивностію отличается отзывъ его объ изданіи Максимовича. „Въ измѣненіи правописанія, говоритъ Сахаровъ, Максимовичъ, какъ видно, старается приблизиться къ южному выговору словъ. Онъ пишетъ вм. з—б: пьрьсть, умъ, пьрьвыхъ вм. пръьвыхъ, или вмѣсто а—іа, сіа вм. сіа“ (стр. 55).

Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Сахаровъ начинаетъ съ первыхъ издателей; онъ приводитъ ихъ мнѣніе о языкѣ. У нихъ онъ беретъ мнѣніе о Болнѣ и разбираетъ его (55). Но затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію эстетической критики Шишкова и его филологическихъ изысканій (56). Изложивши содержаніе сочиненія Калайдовича „Опытъ рѣшенія вопроса,“ Сахаровъ прибавляетъ: основная мысль, что Слово писано Славяно-рускимъ языкомъ, опирается на очевидныхъ доказательствахъ. Но филологическія изслѣдованія не оправдываютъ предположеній. Такъ для выраженія „до куръ“, онъ прискалъ изъ Евангелія 1144 года текстъ: „и абіе куръ возгласи“ и изъ Волынской лѣтописи: „яко бысть въ куръ“. По этому изслѣдованію куръ значитъ—пѣтухъ; трудный—прискорбный, Хорсъ языческій кумиръ (57). Послѣ обзора изысканій Калайдовича Сахаровъ опять переходитъ къ обсужденію критическихъ примѣчаній Пожарскаго, въ которыхъ не находитъ никакой пользы (57). Послѣ Пожарскаго Сахаровъ разбираетъ Карамзина, приводитъ его мнѣніе о вѣкѣ пѣсни, объ авторѣ ея и выписываетъ истолкованія имъ слова (58). Особенно посчастливилось у Сахарова Буткову, котораго восхваляетъ за самостоятельность изслѣдованій и изъ сочиненій котораго дѣлаетъ длинныя выдержки. Онъ не соглашается съ Бутковымъ только въ томъ, чтобы пѣвецъ былъ современникомъ Игоря, и чтобы пѣвцы въ древности составляли общества: „ни лѣтописи, ни акты не представляютъ намъ никакихъ доказательствъ (стр. 59). Изложивши кратко мнѣнія Полеваго, Сахаровъ подробно излагаетъ статьи Максимовича о Словѣ, въ эти изложенія онъ вноситъ и свои сужденія. Такъ, касательно второй статьи, онъ замѣчаетъ: „Совершенно поверхностное изложеніе предметовъ; вѣрованія въ міръ духовъ, чудесности знаменія природы: мы здѣсь совершенно не замѣтили критическихъ изслѣдованій“ (стр. 61, стр. 1.). Подробно излагая затѣмъ со-

держаніе третьей статьи, Сахаровъ постоянно напоминаетъ, что это старое, напр., мнѣніе объ языкѣ, о размѣрѣ и въ послѣднемъ случаѣ приводитъ чтенія Востокова, Дубенскаго и Полеваго.

Послѣ обзора археологическихъ изслѣдованій Сахаровъ излагаетъ мнѣнія скептиковъ. Сначала онъ объясняетъ, откуда появилась такъ называемая новая историческая школа, т. е. школа скептиковъ, заподозрившихъ всю русскую исторію до XIV в. За симъ приводитъ изъ статьи Вѣликова „драгоцѣнныя замѣчанія Каченовскаго“ и разбираетъ ихъ, ссылаясь на народныя пѣсни и лѣтописи; но опроверженія его стоятъ не много выше опроверженій Руссова. Изложивши мнѣнія Вѣликова, Сахаровъ не опровергаетъ ихъ самъ, а отсылаетъ „любопытныхъ“ къ статьямъ Руссова, Буткова и Максимовича. Къ этой школѣ скептиковъ Сахаровъ причисляетъ Строева, высказавшаго свое мнѣніе о Словѣ, что оно проблема рус. словесности XII в., и Давыдова. У послѣдняго особенно два мнѣнія обращаютъ на себя вниманіе Сахарова, противъ которыхъ онъ и нашелся сказать кое-что,—это сходство Слова съ исландскими Сагами, и что оно писано на смѣси славянскихъ нарѣчій. Эти мнѣнія, говоритъ, выдумали скептики, но не доказали, и доказать нельзя. Выписавши наконецъ всѣ мнѣнія Сенковскаго, Сахаровъ не произноситъ надъ ними никакого сужденія, а лишь отсылаетъ къ брошюрѣ Руссова, „въ которой читатель можетъ видѣть подробно, до какой степени доходятъ любопытныя сомнѣнія новой школы.“

Н. Полелевой напечаталъ въ Сынѣ Отечества „(т. 8., отд. 6, смѣсь, стр. 15—20.) „Любопытныя замѣчанія къ Слову о Полку Игоревѣ.“ Это есть не что иное, какъ небольшой отрывокъ изъ обширныхъ записокъ Р. Θ. Тимковскаго, въ которыхъ онъ изложилъ свои замѣчанія и изслѣдованія о Словѣ (содержаніе его см. выше).

Отрывкомъ изъ записокъ Тимковскаго пользовался и Снегиревъ при своемъ изданіи Слова (Русскій Истор. сбор.

т. 3, 1838—1839 г. стр. 107—128). Это изданіе онъ приложилъ къ своему 2 изданію Сказанія о побойщѣ Дим. Донскаго съ Мамасемъ (1-е изд. 1829 г. въ Русск. Зрит.) Въ предисловіи къ изданію Снегиревъ говоритъ слѣдующее объ отношеніи Сказанія къ Слову: При сличеніи открывається между ними разительное сходство не только въ планѣ и ходѣ, но и въ реченіяхъ, оборотахъ, сравненіяхъ и пріемахъ. Игорева пѣснь служила образцомъ и основною тканью для Сказанія о Донской битвѣ и послѣднее есть раболѣпное и часто буквальное подражаніе первому; въ своемъ составѣ, ходѣ и тонѣ не имѣетъ его единства, оригинальности и миѳическаго цвѣта, слѣд. и нельзя предполагать, чтобы послѣднее служило образцемъ для перваго. Это ведетъ еще насъ къ заключенію, что пѣснь сія уже существовала тогда, когда сочинено или передѣлано было Сказаніе (Пред. стр. 2—5.).

При изданіи текста Снегиревъ пользовался изданіемъ Ганки и внесъ въ него поправки послѣдняго, сдѣлалъ свои поправки, перемѣнилъ знаки препинанія. Собственныя поправки Снегирева не заслуживаютъ вниманія и не имѣютъ вѣроятности, какъ напр. *вм*, *давеча* — у него *до веча*. Примѣчанія при текстѣ большею частію филологическія; въ нихъ онъ часто прибѣгалъ къ пособію славянскихъ нарѣчій.

Въ 1841 г. напечатаны были: 1) извѣстіе о подѣлкѣхъ подъ рукопись Слова, сдѣланной Бардиннымъ (Москвит. 1841 г. № 3., стр. 215), 2) извѣстіе о чтеніяхъ Мицкевича въ Парижѣ, предметомъ которыхъ было Слово о П. Иг., признаваемое имъ подлиннымъ произведеніемъ XII в. (Москвит. 1841 г. № 10); 3) статья Прейса о Хорсѣ и 4) статья Вѣлинскаго.

Слову о П. Иг. Мицкевичъ посвятилъ двѣ лекціи (Cours de litter. Slav, по изд. 1860 г. въ Парижѣ). Объ авторѣ Слова Мицкевичъ говоритъ, что онъ былъ мірянинъ, между тѣмъ онъ зналъ Библію, потому что часто употреблялъ выраженія, которыя напоминаютъ тексты Свящ.

Писанія; къ этому еще прибавляетъ, что въ Словѣ есть нѣкоторое подражаніе Нормандской поэзіи тойже эпохи (стр. 184.). Касательно духа пѣсни Мицкевичъ замѣчаетъ, что характеръ ея важный, печальный, скорбный, совершенно отличный отъ той радости, той игривости, которая замѣчается у польскихъ поэтовъ—хроникеровъ той же эпохи (стр. 196). Форма пѣсни оригинальная: она не можетъ бытъ сравниваема ни съ эпосею Грековъ, ни съ лирической поэзіей нашего времени.

Прейсъ въ своемъ донесеніи Министру народнаго просвѣщенія изъ Праги (Ж. М. Н. Пр. 1841 г. Февр., ч. 29, отд. 4, стр. 32—37), говоря о своихъ изслѣдованіяхъ касательно русской мифологіи, между прочимъ высказалъ нѣсколько замѣчаній о словѣ Хорсъ, которое одинъ разъ встрѣчается въ Словѣ, именно: „Всеславъ великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерываше.“ Въ лѣтописи Всеславъ представленъ рожденнымъ отъ волхвованія; въ Словѣ поватіе о немъ, какъ о необыкновенномъ лицѣ, идетъ еще далѣе и рисуется живѣе. Поэтъ хотѣлъ представить Всеслава выходящимъ въ ночную пору на добычу: къ разсвѣту она уже въ его рукахъ. Ночная пора есть время, когда волкъ выходитъ на добычу. Поэтъ называетъ волка лютымъ звѣремъ, и въ Литов. языкѣ звѣремъ преимущественно называется волкъ: отъ этого и звѣзда *hesregus* носить имя звѣриной (*žwerinne*),—тоже и у Чеховъ и въ одномъ старинномъ переводѣ Іова. Выраженіе „волкомъ путь прерываше“ значитъ съ быстротою, стремительностью волка. Всеславъ изображается въ Словѣ какимъ-то духомъ, невидимкою, который ночью порою пробѣгалъ огромныя пространства. Впрочемъ отъ духовъ онъ разнится существенно: тѣ съ первыми лучами дня распадаются въ ничто, а Всеславъ только утромъ показывается, для чего ему нужна была ночь. Въ указанномъ выраженіи Хорсъ значитъ солнце, но для сочинителя Слова—оно предметъ живой, одушевленный, съ нимъ Всеславъ соперничаетъ и по-

бѣждаетъ его. Слово Хорсъ чужое и представляетъ слѣдующія особенности:

1) Нашъ народъ обыкновенно иностранное х обращаетъ въ к, напр. Корсунъ, но здѣсь этого нѣтъ потому, кажется, что здѣсь слышался слишкомъ сильный гортанный звукъ, котораго нельзя было превратить.

2) Оно заимствовано изъ арійскихъ языковъ. Новоперсидское Хоръ и Хуръ-солнце не могло перейти къ Славянамъ въ формѣ Хорса: Славяне не имѣли обыкновенія сами прибавлять къ иностраннымъ словамъ окончанія съ. Въ древнеперсидскомъ Куросъ можетъ быть съ греческой приставной. Скорѣе эта форма заимствована изъ еврейскаго подлинника Ветхаго Завѣта—Корешъ. Какъ слово, такъ и идея должны были зайти на Русь по крайней мѣрѣ не при Владимірѣ. Эпитетъ при Хорсѣ—великій соотвѣтствуетъ эпитету господинъ при солнцѣ въ плачѣ Ярославны; тотъ же эпитетъ господина встрѣчается и въ Зендскихъ книгахъ. Правописаніе въ похвалѣ Владиміра 1414 г. всего болѣе приближается къ слову--корешъ-Хъроса (в. пад.)

Статья Бѣлинскаго о Словѣ (Отеч. Зап. 1841 г., перепечатана въ 5 т Собр. соч. Бѣлин.) написана по поводу изданія 1 т. Сказ. Р. нар. Сахарова. Въ ней онъ разсматриваетъ Слово со стороны идеи и народности, къ которой оно принадлежитъ. „Слово о Пол. Иг., говоритъ Бѣлинскій, отличается неподдѣльными красотою выраженія. Но въ немъ нѣтъ никакой глубокой идеи. Это больше ничего, какъ простое и наивное повѣствованіе о походѣ Игоря на Половцевъ. Источникомъ историческаго произведенія поэзіи можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокою идеею, въ какой полна общимъ содержаніемъ жизнь народа. Времена междоусобій заключаютъ въ себѣ элементы только для поэзіи чувства и выраженія, но никакъ общества человѣческаго. Въ междоусобіяхъ князей нѣтъ никакой идеи, потому что ихъ причина не племенные различія, не борьба

разнородныхъ элементовъ, а просто личныя несогласія. Слово принадлежитъ къ героическому періоду жизни, но какъ героизмъ состоялъ въ удалствѣ и охотѣ подраться, то Слово и не можетъ назваться героическою поэмою. Здѣсь главное лицо Игорь не имѣетъ ничего индивидуальнаго, лишень всякаго характера, личности его не видно; онъ не можетъ считаться представителемъ народа.“ Касательно изложенія Бѣлинскій замѣчаетъ, что оно болѣе историческо-поэтическое, чѣмъ сказочное; не отличаясь особенною стройностію въ повѣствованіи, оно отличается благородствомъ тона и языка. Оно носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣческаго духа южной Руси, еще не знавшей варварскаго ярма татарщины, чуждой грубости и дикости сѣверной Руси. Въ языкѣ Слова есть что-то мягкое, напоминающее нынѣшнее малорусское нарѣчіе, особенно изобиліе гортанныхъ звуковъ и окончаніе на *о* въ глаголахъ наст. вр. 3 л. мн. ч., но болѣе всего за южно-русское происхожденіе говоритъ выражающійся въ немъ бытъ народа: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволодъ кротко и нѣжно высказываетъ Игорю свою родственную къ нему любовь; въ упорахъ Святослава слышится не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви. Плачъ Ярославны дышитъ глубокимъ чувствомъ влюбленной нѣжной женщ. За то и мужчина умѣетъ цѣнить такую женщину. Все это свойственно Малороссіи. Кромѣ того и въ духѣ богатырскаго удалства здѣсь есть сходство съ казачьими думами.

Въ Москвитинѣ 1842 г. (№ 1. матер. стр., 165) помѣщена статья митр. Евгенія для Державина „о Славянскихъ лирикахъ.“ гдѣ Евгеній не признаетъ глубокой древности Слова.

Въ этой же книгѣ (матер. стр. 213) Вельтманъ напечаталъ статью о томъ, что упоминаемый бо Янъ въ Словѣ о Пол. Иг. есть старецъ Янъ, упоминаемый Несторомъ. Въ такому мнѣнію Вельтманъ пришелъ по слѣдующимъ

соображеніямъ: 1) Боянъ жилъ во времена Нестора, а Несторъ упоминаетъ о Янѣ, умершемъ въ 1106 г. на 90 г. жизни, „у него же и азъ многа словеса слышахъ.“ Сказанія у насъ назывались Словами, а Янъ передавалъ Нестору словеса: значитъ, Боянъ Слова есть Янъ. 2) Изъ Янъ перепищики сдѣлали Боянъ, соединивъ частицу бо съ именемъ, сначала въ одномъ мѣстѣ, гдѣ она была, а потомъ и въ другихъ, гдѣ не было ея. 3) Думы Малороссійскія поются старцами, а Несторъ Яна именно называетъ старцемъ добрымъ.

Въ 11-мъ № Москвитянина за 1842 г. (крит. 203 стр.) г. Буслаевъ изложилъ Сербскую сказку о Троянѣ, напечатанную въ Сербскомъ словарѣ Караджича, для поясненія ея четырехъ мѣстъ Слова, въ которыхъ говорится о Троянѣ. Въ предисловіи г. Буслаевъ говоритъ, что Троянъ во всемъ Словѣ постоянно находится въ связи съ пѣснотворцемъ Бояномъ, съ божествами языческими и наконецъ съ Всеславомъ. Притомъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается Троянъ, чужды сознанію сочинителя Слова, ибо принадлежатъ замышленію Бояна, слѣд. давней порѣ. Троянъ связывается съ Всеславомъ, который ночью рыскалъ, прерывалъ путь Хорсу, т. е. ѣздилъ до восхода солнца; значитъ, онъ боялся его какъ и Сербскій Троянъ? Изложивши сказку о Троянѣ, ѣздившемъ по ночамъ въ Срѣмъ и разставившемъ отъ солнечныхъ лучей, г. Буслаевъ заканчиваетъ статью словами: „это Троянъ баснословный, поэтический.“

Въ томъ же 1842 г. Эрдманъ (Ж. М. Н. Пр. ч. 36, № 9-й) напечаталъ статью: „Слѣды азіатизма въ Словѣ о П. Иг.“ Въ этой статьѣ повторено многое изъ того, что высказано было Бутковымъ и другими. Въ собственныхъ замѣчаніяхъ Эрдманъ опирался на языки Еврейскій, Персидскій, Арабскій и Турецкій. Въ объясненіяхъ замѣтны большія натяжки и излишнее стремленіе находить во всемъ азіатизмъ, какъ напр. у Римъ у него слово еврейское.

Въ 1843 г. Шевыревъ, по поводу изданія Ипатьев-

своей лѣтописи напечаталъ статью (Москвит. № 12 стр. 425 и слѣд.), въ которой сличилъ многія слова и выраженія Слова съ подобными же въ Ипат. лѣтописи. Этимъ сличеніемъ онъ хотѣлъ показать, что языкъ Слова сходенъ съ языкомъ лѣтописи, веденной современникомъ описываемыхъ событій. При этомъ онъ замѣчаетъ, что обстоятельства битвы въ лѣтописи сходны съ Словомъ. Обращеніе къ князьямъ одно изъ лучшихъ доказательствъ современности Слова событію. Съ какою цѣлію могло-бы быть написано это обращеніе въ позднѣйшее время? Слово дошло до насъ въ единственномъ экземплярѣ, потому что не имѣло характера исключительно христіанскаго, а носитъ яркіе и живые слѣды язычества и писано, какъ видно, съ цѣлію политическою. (О политическомъ значеніи Слова подробнѣе говоритъ впоследствии кн. Вяземскій, см. изд. 1875 г.)

Въ 1844 г. Дубенскій (3-я кн. русскихъ достоп.) издалъ Слово съ переводомъ и примѣчаніями, полнымъ словаремъ и критической статьей, которая у него носитъ названіе: Взглядъ на исторію литературы Слова о Пол. Иг. Въ этой статьѣ онъ сдѣлалъ обзоръ прежнихъ изданій и болѣе важныхъ критическихъ статей, изъ которыхъ онъ выписывалъ преимущественно филологическія примѣчанія. Кромѣ того онъ представилъ свой взглядъ на языкъ и правописаніе Слова. При обзорѣ изданій критическихъ статей Дубенскій особенно останавливается на письмѣ Мусина-Пушкина къ Калайдовичу и на изданіяхъ Слова Пожарскаго, Граматина и Снегирева. Въ письмѣ М. Пушкина остановило вниманіе Дубенскаго выраженіе „не было правописанія.“ По поводу этого Дубенскій говоритъ, что это значитъ, когда критика находитъ въ изданіи его правописаніе вѣрное, согласное (за исключеніемъ вѣроятно выкинутыхъ издателями буквъ: є или іе и іа и др., строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ) съ правописаніемъ древнихъ славянскихъ памятниковъ? Если же онъ хотѣлъ сказать, что въ подлинникѣ не было правописанія новѣйшаго, упо-

требуемаго теперь при изданіяхъ, т. е. не выставлено удареній и строчныхъ знаковъ, не отдѣлены слова, то все же не такъ слѣдовало бы выразиться. Спищики держались правилъ своего времени, и кто называлъ бы ихъ способъ словеснаго начертанія не правописаніемъ, сдѣлалъ бы грубую ошибку. Наконецъ, ежели не правописаніемъ названы мѣста въ пѣсни, на свободѣ исправленныя, что дѣлаютъ и теперь издатели, мѣста, которыя показались М. Пушкину описками или явно обнаруживали ошибку переписчика, то все издатель не правъ, сдѣлавши наведеніе отъ части къ цѣлому творенію (стр. VII). Говоря объ изданіи Пожарскаго, Дубенскій замѣчаетъ: Пожарскій пытался отыскать многія слова подлинника въ Польскомъ языкѣ, а это увлекло его къ односторонности. Пѣснь Игорева въ лексикологическомъ отношеніи близка ко всѣмъ славянскимъ говорамъ, но не сама по себѣ, а потому что живой Русскій XII в. языкъ, которымъ она писана, былъ ближе въ то время ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Поэтому и объяснять какъ и въ другихъ памятникахъ письменности нашей нарѣчіями безъ необходимости едва ли полезно, когда лучше можно протолковать ихъ современными отечественными рукописями, при недостаткѣ замѣняющими разнорѣчія (стр. XI). Въ изданіи Граматина Дубенскаго возмущаетъ произвольная и неосновательная поправка текста: „какъ отважиться поправлять языкъ въ древнемъ письменномъ памятникѣ, гдѣ истинный археографъ долженъ дорожить каждой іотой, какъ драгоценностью? Не значить ли это стирать признаки вѣка, чистить дресвою монеты? (XIII). Но способъ объясненія текста у Граматина Дубенскому нравится: „Граматинъ воспользовался совѣтами Калайдовича, сталъ пояснять слова и тексты реченіями не славянскими, но чисто-русскими, родными: „Это лучшая сторона труда его.“ XIV стр.) Разсматривая изданія Снегирева, Дубенскій подробнѣе развиваетъ мысль Снегирева, что не Сказаніе послужило образцомъ для Слова, а на

оборотъ. Читая Повѣданіе, нельзя и подозрѣвать бытія пѣсни Игоревой—ея напѣва то важнаго и торжественнаго, то нѣжнаго и заунывнаго, въ концѣ пѣсни переходящаго въ веселый, удалой русскій юморъ; ея изящества въ выборѣ картинъ, подробностей и оборотовъ, ея поэтического взгляда на описываемое событіе, лица, время и подробности ихъ окружающія; нельзя изъ Сказанія вывести, что это въ немъ за выраженія: „диво вержеса на землю; тутошная земля, силніи молніи“, а еще болѣе того изъ нихъ составить подлинныя слова: „дивъ, тутно, синіи“, древнѣйшему вѣку принадлежащія. Напротивъ того, прочитавши Слово о Пол. Иг., вы все понимаете въ Повѣданіи: планъ, ходъ, выраженія, причины неумѣстности картинъ, валости языка и ошибки: оно подражаніе и притомъ дѣтское. Сочинитель Сказанія о Донской битвѣ видимо набиралъ, наводилъ обстоятельства, соображаясь рабски съ планомъ пѣвца Игорева, и оттого у него анахронизмы, искусственные переходы „но ее паки оставимъ,“ перестановки. Въ Повѣданіи языкъ средній, смѣсь формъ книжныхъ съ простонародными безъ всякихъ правилъ, отзывается принужденнымъ удалствомъ и наборомъ словъ: „имамъ отдаріе отдать противникомъ.“ Въ пѣсни Игоревой языкъ, очевидно, древнѣйшій во всѣхъ правильныхъ формахъ вѣка. Въ Повѣданіи поэзія, или витіеватость слаба, безцвѣтна, сущее ребячество и скорѣе охладить читателя, нежели одушевить. Пѣснотворецъ Святославовъ, напротивъ, поражаетъ васъ, увлекаетъ къ подражанію; его краски ярки, смѣлы, естественны, необходимы для мысли своей и общей цѣли творенія, подробности—части въ цѣломъ. Лица въ Повѣданіи безъ образовъ, въ Словѣ—это люди и притомъ русскіе. Чудесное въ Повѣданіи насильственно, не готовится обстоятельствомъ повѣствуемыми; въ Игоревой пѣсни оно гениально, неразрывно съ событіемъ отъ самаго начала (XXXIII-XXXV):

Въ концѣ обозрѣнія изданій Слова и критическихъ

статей о немъ Дубенскій задаетъ вопросъ: есть ли хотя одно твореніе, замѣчательное по оригинальности, остроумію и изяществу рѣчи, равняющееся достоинствомъ съ Игоровою пѣснію, которое бы сохранилось отъ XII в.? На это онъ отвѣчаетъ: есть, и притомъ нѣсколько: Патерикъ Нестора съ продолжателями, Поученіе Владиміра Мономаха, Похвальное слово Митр. Никифора, и другія посланія, каково напр. Даніила Заточника, рѣчи Святителей и пр. XXXVIII стр). Изъ нихъ Дубенскій останавливается на Посланіи Даніила Заточника. Посланіе, говоритъ онъ, по духу, языку и формамъ грамматическимъ близко къ Слову; читая то и другое, невольно спросишь себя, не принадлежать ли они оба одному творцу? Такъ одинаково поражаютъ силою мысли и сходствомъ выраженій: златокованныя струны, быхъ мыслію, яко орелъ, паряй по воздуху, лѣпши ми смерть, дивѣ дива, висока стола и пр. Для рѣшенія вопроса: „на какомъ языкѣ писано Слово,“ Дубенскій говоритъ, потребенъ былъ трудъ огромный. Надобно было пересмотрѣть всѣ славянскія рукописи, показать существенныя, отличительныя признаки нарѣчій, подрѣчій и разнорѣчій, собрать корни словъ, указать по аналогіи на формы служебнаго языка и ихъ конечное измѣненіе или что то же, составить части грамматики древняго Славянскаго языка—аналитическую и синтетическую—потомъ опредѣлить, въ какомъ отношеніи къ этому языку состоялъ нашъ древній Русскій, какъ особое нарѣчіе и какъ то же? Тогда и понятно было бы, на какомъ языкѣ писано Слово. Калайдовичъ безъ этихъ данныхъ приступилъ къ рѣшенію задачи; взглядъ его оказался вѣрнымъ, но безъ доказательствъ не имѣлъ силы и не уваженъ. По Калайдовичу, языкъ Слова сходенъ съ языкомъ Св. Писанія, лѣтописей и другихъ древнихъ письменныхъ произведеній; по отзыву Ганки, онъ дѣлаетъ переходъ отъ Славянскаго въ старій Русскій. Справедливость такихъ отзывовъ о языкѣ доказывается грамматикой языка Славянскаго Добровскаго.

Онъ по древнимъ рукописямъ опредѣлилъ формы стараго языка, которыя оказались тѣже, что и въ Словѣ (XIII—XIV). Затѣмъ Дубенскій представляетъ характеристику грамматическихъ формъ Слова, сначала въ именахъ, потомъ въ глаголахъ и въ концѣ дѣлаетъ такое заключеніе: „Грамматика Слова, что касается до окончательныхъ формъ, или измѣненія словъ, есть грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, составленная Добровскимъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что словообразование въ пѣсни двоякое: одно древнеболгарское „славію“, а другое древне-русское „словію“. Правописаніе Слова сходно съ правописаніемъ грамоты 1229 года. Изъ этого видно, что поправлять правописаніе стараго памятника неумѣстно, оно въ свое время было правильное (LIII—LIV).

Примѣчаній подъ текстомъ у Дубенскаго болѣе семи сотъ. Въ нихъ весьма много выписокъ изъ лѣтописей и другихъ старыхъ письменныхъ памятниковъ, много ссылокъ на грамматику Добровскаго, подробный грамматическій разборъ формъ. Все это слишкомъ увеличило изданіе въ объемѣ, но самое дѣло—разъясненіе текста не много выиграло. Дѣлая выписки изъ старыхъ памятниковъ, Дубенскій, кажется, имѣлъ одну общую цѣль, которую онъ и высказалъ въ предисловіи: „дать вѣру въ самое Слово“ (LV) т. е. показать, что слова и выраженія въ немъ тѣже, что и въ другихъ древнихъ памятникахъ. Но преслѣдуя эту цѣль, онъ не выполнилъ ее художественно, не остановился на однихъ только характеристическихъ выраженіяхъ, а приводилъ ихъ много безъ всякаго разбору, что скорѣе способствуетъ утомленію вниманія читателя, а не „заохочиванію къ чтенію,“ вопреки ожиданію Дубенскаго. Выписки онъ дѣлалъ не только изъ свѣтскихъ памятниковъ, но и изъ церковныхъ, не отмежевавъ себѣ вѣковъ, близкихъ къ памятнику, а захватывая и отдаленные—16 и 17-й. Подробный грамматическій разборъ въ примѣчаніяхъ тоже излишенъ, когда онъ повторяется въ словарѣ.

Упрекая прежнихъ критиковъ въ томъ, что они старались подвести формы Слова подъ правила грамматики новоцерковнаго языка, Дубенскій самъ слишкомъ увѣренъ въ несомнѣнности выводовъ Добровскаго, и все, отступающее отъ правилъ его грамматики, считаетъ описками переписчиковъ. Предлагаемыя поправки въ текстъ не значительны и почти всѣ неудачны. Лучшую сторону его примѣчаній составляютъ: 1) ссылки на Бодянскаго, который сообщилъ ему нѣсколько замѣтокъ, проливающихъ свѣтъ на значеніе нѣкоторыхъ словъ и на законность грамматическихъ формъ (ч. I. пр. 126, 165. ч. II пр. 6, 10, 154, 167, 174. 178); 2) сравненіе Слова съ Брадворскою рукописью въ словахъ и выраженіяхъ; выписокъ изъ послѣдней у Дубенскаго приведено болѣе, чѣмъ у его предшественниковъ-комментаторовъ и онѣ сдѣланы съ большимъ разборомъ и вкусомъ, чѣмъ выписки изъ русскихъ памятниковъ; 3) сведеніе толкованій темныхъ мѣстъ и непонятныхъ словъ. Дубенскій въ этомъ отношеніи оказалъ большую услугу занимающимся Словомъ, избавивъ ихъ отъ излишняго труда перечитывать всѣ прежніе комментаріи и теряться въ ихъ разнообразіи. Потому онъ далъ возможность знать лучшее и существенное изъ комментарій тѣмъ, кто не имѣетъ возможности собрать ихъ всѣ. Словарь Дубенскаго, какъ азбучный указатель всѣхъ словъ въ Словѣ, составленъ весьма добросовѣстно, и всегда будетъ имѣть значеніе при занятіяхъ Словомъ; потерялъ только значеніе грамматическій разборъ словъ. Буквальный прозаическій переводъ Слова и въ настоящее время удовлетворителенъ, за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, которыя въ его время были неправильно толкованы, или гдѣ грамматическія формы были не вѣрно поняты. Вообще это изданіе Слова въ исторіи литературы составило эпоху, не смотря на то, что въ это время уже вѣяло новою жизнію въ изученіи древнихъ памятниковъ, возникало историческое изученіе языка древнихъ памятниковъ и словесности.

Въ 1844 году г. Буславъ издалъ книгу: „О преподаваніи отечественнаго языка (2 е изданіе напечатано въ 1867 г.). Въ приложеніи къ ней, Матеріалы для русской стилистики“ онъ всестороннее разобралъ слогъ Слова. Этотъ разборъ находится въ статьѣ „Исторія народнаго языка“. Сличая народный слогъ съ слогомъ Слова и другихъ древнихъ памятниковъ, онъ хотѣлъ показать тѣснѣе связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками нашей литературы и тѣмъ узаконить необходимость изученія народнаго языка (стр. 346.). Изъ синтаксическихъ формъ онъ привлекаетъ къ сравненію слѣдующія: а) тавтологію: „мосты мостити, свѣтъ свѣтлый, ни мыслію смыслити, ни душою сдумати; б) описательныя формы: Кончакъ ему слѣдъ править, в) постоянныя эпитеты: „удалые сыны Глѣбовы, красныя дѣвы, буюго Святославица, зелена трава, чисто поле, сине море, стрѣлы казенныя, брѣзъ комонъ; г) украшающіе эпитеты: златъ стремени, шеломъ, сѣдло, серебрено стружіе, въ теремѣ златоверсѣмъ, златоконанѣмъ престолѣ, серебрянѣхъ брезѣхъ; д) эпитеты, выраженные существительными: „Буй туръ Всеволодъ; е) параллелизмъ: солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ русской земли; ж) отрицательное сравненіе: тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, Боянъ же братіе не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше нѣ своя вѣщія персты на живныя струны въкладаше: з) олицетвореніе: Донецъ рече: княже Игорю! (346—355) Въ статьѣ „Объ архаизмахъ“ г. Буславъ такъ же, какъ и въ статьѣ: „Исторія народнаго языка,“ сопоставляетъ слова и выраженія Слова съ подобными же изъ другихъ памятниковъ. Цѣль этого сопоставленія—представить исторію старинныхъ любимыхъ выраженій, обычныхъ поговорокъ и фигуръ (стр. 363). Эта статья состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Изъ нихъ уважемъ на тѣ, въ которыхъ онъ ссылается на Слово. 1, ономастика; сюда изъ Слова о П. Иг. вошли слова: жизнь—въ значеніи изобилія, ижѣнія: (погибашеть жизнь

Дажьбожа внука); жиръ—въ значеніи имѣнія, состоянія жизни: (погрузи жиръ во днѣ Каялы); трудъ въ значеніи бѣдствія, болѣзни, душевнаго страданія: (чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено (365—369). 2) Быть воинскій; сочувствіе этому быту выражено въ Словѣ въ прекрасномъ описаніи Курской дружины Всеволода (370—374). 3) Языческій взглядъ на природу физическую; онъ виденъ здѣсь въ вѣрованіи въ предвѣщательное значеніе разныхъ знаменій: бѣдствія Игоря кажутся оправданіемъ зловѣщаго предзнаменованія: „Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся свои вои прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: луцезъ потяту быти, нежели полонену быти (388).“ Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ перечислены весьма многія явленія природы, имѣвшія встарь суевѣрное значеніе. Такъ какъ эти суевѣрія встрѣчаются и въ Словѣ, то г. Вуслаевъ для объясненія старинныхъ поэтическихъ выраженій сличаетъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи о ложныхъ книгахъ съ сходными въ Словѣ: 1) тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятелемъ, рыщетъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, и волкомъ. Въ Словѣ—„Всеславъ скочи лютымъ звѣремъ, въ ночь волкомъ рыскаше, Игорь соколомъ полетѣ.“ 2) Сносудецъ „сонъ страшенъ;“ въ Словѣ—мутенъ сонъ Святослава. 3) Веронограй; въ Словѣ—всю ночь босувѣ врани възгряху. 4) Курокликъ; въ Словѣ Всеславъ волкомъ дорискаше до куръ. 5) волхвующе птицами и звѣрьми, трава шумитъ, сорока пощекочетъ, дятель, волкъ воетъ; въ Словѣ—„кликну стукну земля, въ шумѣ трава, ничить трава жалошамѣ, а древо съ тугою къ земли преклонилося, а галици свою рѣчь говорахуть.“ Вообще въ Словѣ природа является сочувствующею человѣку въ счастьи и несчастьи. Къ этому онъ присовокупляетъ еще сличеніе изъ лѣтописи и громовника: 6) бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболочу велику, играющимъ же птицамъ,

орломъ же електъшущимъ и плавающимъ крилами своими и воспрометающимся на воздухъ, и се знаменіе на добро бысть. Въ Словѣ—„орлы клеткомъ на кости звѣри зовуть.“ 7) ащель магла низу паде, то рать многа будетъ (гром.), въ Словѣ предъ битвою: „мгла поля покрыла.“ 8) ащель потутнѣть, то прѣмененіе кнезомъ и страни той мятѣжь (гр.). Въ Словѣ—„земля тутнѣть (386—395). Къ одушевленнымъ существамъ — звѣрямъ, птицамъ и др. еще большее питалось въ старину сочувствіе, нежели въ природѣ неодушевленной. Потому для выраженія криковъ ихъ встрѣчаемъ множество словъ въ Словѣ: „врани граяхуть, лисицы брешуть, орлы клеткомъ зовуть, сороки не трескоташа, галицы говоряхуть; а также много эпитетовъ для выраженія ихъ свойствъ: волкъ свѣрый, звѣрь лютый, волкъ босый, орелъ сизый (396—400). Въ статьѣ: „Предложеніе, пословицы, періодъ, рѣчь“ г. Буслаевъ ссылается на Слово и приводитъ оттуда мѣста, показывающія способы построенія рѣчи,—1) припѣвку Бояна, 2) поговорку плачущихъ женъ: 3) пословицу—силлогизмъ. (420—421). Наконецъ г. Буслаевъ разсматриваетъ разные виды расположенія словъ въ рѣчи Слова (427—428).

Въ 1845 г. Буслаевъ напечаталъ критическую статью по поводу изданія Слова Дубенскимъ (Москвит. 1845 г. № 1. отд. крит., стр. 29—40.). Въ этой статьѣ г. Буслаевъ въ короткихъ словахъ произнесъ свой судъ надъ всѣми прежними комментаторами и издателями. Они, говоритъ онъ, обращали вниманіе только на объясненіе отдѣльныхъ выраженій и на доказательства подлинности, не касаясь внутренняго содержанія. Мѣста изъ древнихъ памятниковъ собраны; отношеніе Слова къ народной поэзіи и повѣрьямъ взялъ въ соображеніе Максимовичъ. О томъ же, какъ понимали это произведеніе наши предки, никто изъ комментаторовъ не подумалъ. Изданіе Дубенскаго есть результатъ и сборникъ предыдущаго. Существенный недостатокъ изданія его и его предшественниковъ тотъ,

что мало было обращено вниманія на отношеніе Слова къ нашей древней мѣологіи и народнымъ повѣрьямъ. Вслѣдствіе этого доселѣ остается неопредѣленнымъ поэтическое значеніе этого памятника. Встарину поэзія считалась дѣломъ бѣсовскимъ, вдохновеніе—наважденіемъ діавола. Въ глазахъ нашихъ предковъ сочинитель Слова, безъ всякаго сомнѣнія, казался вольнодумцемъ, еретикомъ. Какъ же могла примириться совѣсть чтецовъ съ Словомъ, гдѣ съ такимъ уваженіемъ воспоминается какой-то Боянъ, внукъ Велеса, т. е. дьявола, и гдѣ сами Русскіе называются внуками Дажьбога, т. е. дьявола? Извѣстно, каково было значеніе поэтовъ между стародавними языческими славянами. Въ Краледворской рукописи Забой—и поэтъ, и предводитель; сочинитель Суда Любуши—и поэтъ, и законъдѣ. Не одною забавою была встарину поэзія: въ ней видѣли силу страшную, чарующую, колдовство. Не даромъ поэты посылались для важныхъ переговоровъ съ тѣмъ, чтобы приворожить договаривающихся или лѣснію, или землемъ. Слово о П. Иг. носитъ еще на себѣ всѣ признаки язычества; народная мѣологія въ немъ не риторическое украшеніе, а вѣрованіе. Между тѣмъ комментаторы, чего не понимали исторически, старались объяснить тропами; оттого Слово получило видъ напыщенный. Слово сообщаетъ преданіе о Боянѣ и передаетъ его изреченія. Замѣчательно, что всѣ мѣста, которыя можно бы приписать вліянію Бояна, отзываются темнотою историческаго смысла и исполнены мѣологическихъ намековъ. Эти-то намеки и есть замышленіе Бояна, или старыя словеса. Если историческіе факты дали содержаніе Слову, то поэтическія преданія были для сочинителя вдохновеніемъ; мѣологическія повѣрья составляютъ душу этого произведенія, потому что въщее предназнаменованіе, оправданное гибелью дружины Игоревой, есть идея всего Слова, такъ что всѣ части Слова истекаютъ изъ оной: и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачь Ярославны. Отношеніе Слова

къ народной поэзіи Дубенскій не ясно представилъ. Онъ говоритъ, что Сл. о. П. Иг. и Моленіе Даниіла Заточника сходны и по духу, и по языку, и по граммат. формамъ; но народныя нравственныя пословицы и изреченія библейскія, прикрывающія сатирическую картину двора и общества того времени, вотъ сущность и характеръ посланія Даниілова. Языкъ сходенъ въ томъ и другомъ, но слогъ совсѣмъ иной—поэтически-миѳологическій въ Словѣ. Дубенскій говоритъ о сходствѣ Слова съ стихотвореніями Кирши Данилова, но этого не достаточно, слѣдовало бы доказать сходство сличеніями. Въ концѣ статьи г. Буслаевъ представляетъ опытъ отысканія миѳическихъ элементовъ въ слогѣ Слова и въ отдѣльныхъ словахъ, что въ послѣдствіи онъ развилъ подробнѣе въ своихъ сочиненіяхъ.

Въ отвѣтъ на эту статью Дубенскій написалъ въ томъ же году „О критическихъ замѣчаніяхъ г. Буслаева на изданіе Слова о Пол. Иг. Дубенскимъ“ (Отеч. З. 1845 г. № 6 смѣсь съ 105 стр.). Дубенскій оправдываетъ себя отъ обвиненій, возводимыхъ г. Буслаевымъ тѣмъ, что, при своемъ изданіи Слова, онъ имѣлъ цѣль объяснить текстъ его сходными словами въ лѣтописяхъ, а не сличать его съ Санскритомъ, какъ сдѣлалъ г. Буслаевъ. Замѣтивъ въ критикѣ Буслаева нѣкоторую непослѣдовательность въ выраженіяхъ, Дубенскій продолжаетъ возражать: чтобы доказать, что миѳологія въ Словѣ является не риторическимъ украшеніемъ, а живымъ вѣрованіемъ, г. Буслаевъ требуетъ, чтобы дивъ непременно былъ духомъ тьмы, дѣва божествомъ миѳологическимъ, лебединыя крылья скандинавскими валькиріями въ лебединыхъ сорочкахъ и другими женскими демонами среднихъ вѣковъ въ образѣ лебедей; солнце Сварогомъ или литовскимъ Сотваросомъ. Элементъ миѳологическій поддѣчиваетъ г. Буслаевъ даже въ отдѣльныхъ словахъ, напр., въ словѣ лелѣють (местъ Шароканю) онъ видитъ Леля, въ молотятъ—молотъ самолетъ, а въ молотѣ—молнію, неотъемлемую принадлежность Тора, бога грома,

употребленіе творительнаго падежа „полечу зегзицею“ считается не сравненіемъ, а языческимъ вѣрованіемъ въ оборотней. Въ миеологическому разряду г. Буслаевъ причисляетъ даже лиризмъ пѣсни, аллегорію, народные предразсудки и поэтическую символику птицъ и звѣрей. Основательно ли это, когда вся эта роскошная игра воображенія и движенія живаго чувства равно какъ и повѣрья доселѣ остаются и господствуютъ въ народѣ и литературѣ нашей и составляютъ, такъ сказать, неотъемлемую черту русскаго юмора и характера? Засимъ Дубенскій считаетъ несправедливымъ, чтобы старыя словеса и замышленіе Бояново были одно и то же что преданіе и миеологическіе намеки. Пѣвецъ Игоревъ, говоритъ Дубенскій, рѣзко означилъ въ пѣсни духъ Бояновскій или замышленіе его, и свой собственный, какъ онъ намѣревался описывать Игоря: „о Боянъ, соловей стараго времени! Когда бы ты захотѣлъ прославить походъ Игоря, ты бы воспѣлъ: не буря соколовъ унесла за широкіе поля, галки стадами летятъ къ Дону великому, или такъ: кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ знамена въ Путивлѣ.“ Что же замышленіе Бояново? Поэтический образъ и чувство, или изобразительность и одушевленіе рѣчи. А развѣ поэтический способъ описывать предметъ и средства украшеннаго Слова—миеологія? и преданія, и все, какъ писали язычники, также басня? Мысль г. Буслаева, что пѣвецъ въ свой вѣкъ казался вольнодумцемъ, еретикомъ, приводитъ къ слѣдствіямъ комическимъ, уничтожающимъ важное значеніе Слова въ нашей письменности. Самый походъ, кончившійся, будто бы, неудачно, но гнѣву враждующаго солнца—Дажьбога, дѣлается не естественнымъ, сонъ Святославовъ дьявольскимъ наважденіемъ. И это сатанинское наважденіе употреблено средствомъ пробудить въ христіанахъ XII в. патріотическую ревность къ истребленію поганныхъ Половцевъ!

Изъ этихъ возраженій видно, что Дубенскій вовсе

не понималъ того новаго направленія, которое вносилъ г. Вуслаевъ въ изученіе памятниковъ рус. словесности и языка.

Въ томъ же 1845 г. напечатаны письма о Словѣ Погодина и Максимовича. — Погодинъ написалъ письмо къ Шевыреву по поводу 10-й лекціи послѣдняго (Москвит. 1845 г. № 1. Моск. лѣт. 14—22) Въ своей лекціи Шевыревъ изъяснилъ свое удивленіе, почему авторъ избралъ предметомъ своимъ такое маловажное и вмѣстѣ несчастное происшествіе? „— Такоое удивленіе, говоритъ Погодинъ, можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, что у насъ въ древности только и было воспѣто, что походъ Игоря Святославича на Половцевъ. Нѣтъ, мы имѣли цѣлую пѣническую литературу, мы имѣли Слова или Саги о всѣхъ важныхъ и неважныхъ подвигахъ нашихъ князей, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ и далѣе. Доказательствомъ этого можетъ служить лѣтописный походъ Олега въ Константинополь и месть его, месть Ольги, избавленіе Кіева отъ Печенѣговъ, войны Святослава въ Болгаріи, походъ Владиміра на Рогвольда. Наши Слова имѣли одинъ источникъ съ сагами. Многія обстоятельства, встрѣчающіяся у Нестора, мы находимъ въ сагахъ напр. о смерти отъ коня, о взятіи города посредствомъ птицъ. За симъ, приведши мѣсто изъ жизни Θεодосія, гдѣ говорится объ музыкальныхъ увеселеніяхъ при дворѣ Святослава, Погодинъ спрашиваетъ: не очевидно ли въ этихъ словахъ изображается пиръ Норманскаго конунга съ его арфами, гусями, пѣснями и скальдами? На подобныхъ пирахъ князей воспѣвались ихъ подвиги, остатокъ чего сохранился въ стихотвореніяхъ Кириши Данилова. Подвиги воспѣвались пѣвцами, извѣстія о которыхъ остались въ самыхъ лѣтописяхъ, напр. подъ 1241—о Митусѣ, о Владимірѣ Васильковичѣ подъ годомъ 1288 сказано: „бѣ разумѣя притчи, много тыхъ словъ.“ Окончательно же убѣждаетъ въ бытіи пѣвцовъ самъ сочинитель Слова, у котораго безпрестанно встрѣчаются мѣста, доказывающія мно-

жество прежнихъ сочиненій этого рода, множество Словъ. Съ самаго начала онъ говоритъ о старыхъ словесахъ, потомъ о пѣсняхъ—старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святославичу, о пѣсняхъ Бояна. Упомянутія объ Олегѣ Святославичѣ, Борисѣ Вячеславичѣ, Всеславѣ Брячиславичѣ кажутся отрывками изъ Словъ объ этихъ князьяхъ. Говоря о Всеславѣ, пѣвецъ приводитъ слова Бояновъ: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Боянія не минути. Въ заключеніи пѣсни говорится еще о пѣснотворцѣ Святославѣ стараго времени Ярославова. Судя по началу Слова, можно его считать только отрывкомъ большаго Слова или поэмы, саги о всѣхъ русскихъ происшествіяхъ, ибо сочинитель говоритъ: „почнемъ повѣсть сію отъ стараго Владиміра,“ между тѣмъ о Владимірѣ и предшественникахъ не находимъ ни слова. Послѣ этого Погодинъ объясняетъ, откуда появилась у насъ историческая поэзія: „она, говоритъ Погодинъ, перенесена къ намъ съ Сѣвера, а лирическая развивалась изъ Славянскихъ элементовъ. Впрочемъ и историческая, по свойству нашего языка и народнаго характера, приняла у насъ другой, свой характеръ, и наше Слово представляетъ несравненно болѣе живости, теплоты, нежели саги, главная предель которыхъ состояла въ пѣтическомъ языкѣ. Что другія Слова не дошли до насъ,—не удивительно, когда наши татары, было не до записыванья, особенно на югѣ, гдѣ съ явленіемъ казачества являются другія саги—казачія историческія пѣсни и думы. Вторая причина—отращеніе нашего духовенства отъ всѣхъ мірскихъ свѣтскихъ предметовъ сочиненій, а кромѣ духовенства писать было некому.

Письмо Погодина подало поводъ Максимовичу напечатать свое письмо о народной исторической поэзіи въ древней Руси (Москвит. 1845 г. № 3., отд. науки). Въ этомъ письмѣ Максимовичъ выражаетъ свое несогласіе съ тѣмъ, чтобы какъ Слово, такъ и другія древнерусскія подобныя произведенія были во всемъ согласны съ Исланд-

скими сагами и были подражаніемъ послѣднимъ. Русская поэзія, хоть и сходна съ Скандинавскою, но самобытна и своеобразна. Она должна быть сличена съ русскими народными пѣснями, преимущественно южнорусскими, а потомъ съ славянскими. Пѣснь о Пол. Игор. не была пѣснопѣніемъ, сложеннымъ для пѣнія, какъ наши народные великорусскіе стихи, думы украинскія и саги Исландскія. Пѣвецъ не былъ гусларомъ, подобно Бояну. Пѣснь его не импровизирована и не пропѣта, а сочинена и написана, какъ пѣснь о Калашниковѣ. Поэтъ родился въ вѣкъ изустной поэзіи, полный пѣснями и вѣрованіями своего народа, но онъ виѣсть и поэтъ грамотный, поэтъ писатель. Его пѣсня полна еще всею искренностью и красотою народной поэзіи, но она есть уже сочиненіе написанное, поэтъ современникъ Игорю и близокъ ему.

Въ слѣдъ за этимъ письмомъ напечатано отвѣтное письмо Погодина (Москвит. 1845 № 3, стр. 7). Въ немъ Погодинъ частію согласился съ мнѣніемъ Максимовича: „Своеобразность и самобытность русской народной поэзіи я вполне принимаю, говоритъ онъ; но наша историческая поэзія изчужа, приняла только она у насъ другой, свой характеръ. Мнѣнія Максимовича, чтобы Слово было написано пѣвцомъ, Погодинъ не раздѣляетъ, въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, оно дошло бы до насъ во многихъ рукописяхъ.

Въ 1846 г. напечатаны были публичныя лекціи Шевырева, читанныя имъ въ 1845. Въ 1-й томъ его чтеній вошла и 10-я лекція, посвященная Слову о Пол. Игор. Въ ней Шевыревъ представилъ подробную характеристику Слова въ литературномъ отношеніи. Въ началѣ онъ сообщилъ краткія извѣстія объ открытіи Слова, объ изданіи, представилъ исторію мнѣній о немъ и привелъ доказательства подлинности, болѣе историческія. Эти доказательства у Шевырева частію носятъ полемическій характеръ противъ скептиковъ и сгруппированы въ такомъ видѣ: 1) Если оно дошло до насъ въ одномъ спискѣ, то

потому, что носить свѣтскій характеръ, а такія произведенія не были терпимы въ древней Руси; 2) сличеніе съ Апостоломъ 1307, 3) сличеніе съ Сказаніями о Мамаевомъ побоищѣ; 4) сличеніе съ Кіевскою лѣтописью; подъ этой рубрикой у него сведены мѣста изъ лѣтописей о занятіяхъ свѣтскихъ людей литературой, а именно: а) мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1205, въ которомъ говорится о премудромъ книжникѣ Тимофѣѣ, б) подъ 1202 г., гдѣ употреблено выраженіе: славяху бо Игоревича; в) подъ 1241, гдѣ говорится о славномъ пѣвцѣ Митусѣ; г) подъ 1251 г., гдѣ употреблено выраженіе: пѣснь славну пояху има (Данилу и Васильку) и. д) само Слово представляетъ доказательство подлинности, въ которомъ говорится объ нынѣшнемъ, т. е. современномъ пѣвцу Игорѣ и представляется живое отношеніе къ эпохѣ. Изложивши предметъ Слова по сказаніямъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей, Шевыревъ рѣшаетъ вопросъ, почему избранъ пѣвцомъ такой предметъ для своего пѣснопѣнія. Онъ говоритъ: „были предъ тѣмъ походы удачныя, но авторъ ихъ не выбралъ: ясно, что онъ имѣлъ въ виду не прославленіе личныхъ дѣяній Игоря,—у него была другая цѣль—земля Русская съ ея страданіями и горемъ, которую несли разныя и сыновья ея и враги. За сими Шевыревъ разсматриваетъ Слово со стороны исторической и поэтической. Въ историческомъ отношеніи Слово представляетъ три эпохи: а) къ первой эпохѣ относится X столѣтіе и первая половина XI, вторая эпоха начинается съ половины XI столѣтія и переходитъ въ XII ст; къ третьей принадлежатъ современныя автору событія. Здѣсь Шевыревъ, говоря о Боянѣ, какъ и Погодинъ, признаетъ другаго пѣвца Святослава, противника Боянова. Далѣе онъ повторяетъ прежнее свое мнѣніе, что воззваніе къ современнымъ князьямъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ подлинности Слова: „Какой писатель, говоритъ онъ, въ эпоху татаръ или позднѣе сталъ бы съ такою одушевленною рѣчью обращаться

къ князьямъ, которыхъ уже не было на свѣтѣ? Захотѣвъ поддѣлаться подъ 12. в., гдѣ бы нашелъ онъ тѣ краски жизни, которыя здѣсь такъ ярки на каждомъ словѣ, и откуда бы онъ взялъ чувство, согрѣвающее отъ начала до конца все воззваніе? Этотъ благородный голосъ въ пользу единства Русской земли обнаружилъ, что великая мысль о немъ въ лучшихъ умахъ русскихъ жила тогда.“

Поэтическая сторона Слова слита съ историческою. Особенно выдаются здѣсь краски южныхъ степей, они ярки и сняты именно съ малорусскихъ степей, гдѣ всѣ отголоски ярки. Вся природа въ Словѣ представляется живой, она полна сочувствія къ человѣку, она раздѣляетъ его волненія и особенно горе, угрожаетъ предвѣстіями, отклоняется и на радость. Лучшее выраженіе сочувствія природы при несчастіи это плачъ Ярославны; первая мысль плачей коренится въ древнемъ обычаѣ русскихъ женщинъ причитать. Горькому плачу сирой жены въ Словѣ сочувствуетъ и бездушная природа и прикрываетъ побѣгъ ея мужа.

Въ 1846 же году напечатаны: 1) статья Бодянского „О тождествѣ Хорса и Дажьбога; 2) Головина—„Примѣчанія на Слово о П. Иг.“ 3) Минаева—переводъ Слова и журнальныя рецензіи по поводу его перевода.

Статья Бодянского носитъ заглавіе: (Чт. Общ. ист. древ. при Моск. ун. 1846 г. № 2, стр. 10—20) „Объ одномъ прологѣ бібліотеки Московской Духовной типографіи и тождествѣ славянскихъ божествъ—Хорса и Дажьбога.“ Въ ней Бодянскій развилъ подробнѣе мнѣніе прежнихъ толкователей (Буткова и Прейса) о Хорсѣ, какъ божествѣ славянскомъ, заимствованномъ изчужа. Послѣ филологическаго разбора слова Хорсъ, опредѣленія его корня и первоначальнаго значенія, Бодянскій доказываетъ его тождество съ Дажьбогомъ по хронографу Малалы и по Слову о П. Иг. и въ концѣ дѣлаетъ такой выводъ: „Хорсъ есть слово чужое, именно зендское, и значитъ собственно солнце, въ переносномъ смыслѣ—богъ—солнце, творецъ,

податель всего добраго, коему Славяне русскіе покланялись, по свидѣтельству Нестора и другихъ, и коего имя, когда оно потеряло для нихъ первоначальный свой смыслъ, замѣнили словомъ Дажьбога, или просто Дажьбы, держась въ томъ не дословнаго перевода, но только главной идеи выраженной имъ, коего дѣйствія исполнѣ выражаетъ Дажьба, какъ главный богъ, податель всѣхъ благъ для народа земледѣльческаго, такъ много зависящаго отъ вліянія солнца на землю, его кормилицу (19—20 стр.) Но замѣнивши слово, потерявшее свое значеніе, другимъ понятнымъ, русскіе славяне не оставляли вовсе перваго, а ставили его рядомъ съ послѣднимъ, впереди послѣдняго, которымъ и уясняли себѣ первое—Хорсъ. Слово Хорсъ приводится почти всегда въ памятникахъ съ славянскимъ двойникомъ—Дажьбогъ, которое тоже значить солнце, какъ видно изъ выписки изъ хронографа Малалы: „И по семъ царствова сынъ его—солнце, его же наричють Дажьбогъ“ (ст. 11). Тоже самое встрѣчается и въ прологѣ бібліотеки Моск. дух. типографіи въ извѣстіи о Владимірѣ (стр. 19—20.).

Головинъ вновь издалъ текстъ Слова съ примѣчаніями и предисловіемъ. Въ предисловіи онъ указалъ на нѣкоторые изъ отличительныхъ признаковъ славянскихъ нарѣчій и нарѣчій Русскаго языка. Въ заключеніе обзора онъ замѣчаетъ: „Въ пѣсни Игровой господствуютъ два нарѣчія: Русское и церковное-Кириловское или Славянское. Изъ русскихъ нарѣчій Слово болѣе удалено отъ Бѣлорусскаго и Новгородскаго, а ближе къ Малорусскому и Великорусскому, но оттѣнки этихъ говоровъ, въ доевности, особенно въ смѣшеніи съ церковнымъ нарѣчіемъ, едва можно отличить“ (XII стр.). Находя всѣ слова и выраженія пѣвца у лѣтописцевъ нашихъ, писавшихъ въ Кіевѣ и на Волыни, мы замѣчаемъ въ языкѣ Слова одну разницу съ лѣтописами, въ которыхъ повѣствованіе простое, безъ витійства, въ словѣ же, наполненномъ метафорами и аллегоріями, вездѣ видна вудреватость выраженій, вездѣ яркій блескъ поэзии,

жизни, души,—словомъ, чего не достаетъ въ лѣтописяхъ, гдѣ все ровно, холодно, почтительно. Но когда лѣтописцы наши пускались витійствовать, то слогъ ихъ сблизжается, съ пѣвцомъ Игоря. Въ примѣръ этого Головинъ приводитъ описаніе Оршинской битвы 1513 г. по Псков. лѣт., характеристику Романа Галицкаго по Ипатьевской лѣтописи подъ 1201 г., рассказъ о Кончакѣ подъ тѣмъ же годомъ и рассказъ о пѣвцѣ Митусѣ подъ 1241 г. Ип. лѣт.

„Находя въ Словѣ смѣшеніе двухъ нарѣчій—Кирилловскаго и Русскаго, говоритъ Головинъ должно рѣшительно заключить, что это сочиненіе есть русское, потому что смѣшеніе этихъ двухъ нарѣчій свойственно только языку нашему и чуждо другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Къ тому же всѣ слова, вышедшія изъ употребленія и находящіяся въ Словѣ, мы находимъ у Нестора, Мономаха и въ Ипатьевскомъ лѣтописцѣ, какъ то: кметы, комони, папорзи, стязи, сулицы, чаги, кощені, гридниці, рѣзани, ногаты, болонье, челка, тутно, цвѣлить, и находимъ ихъ въ лѣтописцахъ, описывающихъ происшествія XI—XII вѣковъ, не позже XIII в., что даетъ намъ право заключить, что сочиненіе это писано не позже XIII в. Тоже самое удостовѣряетъ и слогъ, сходный съ лѣтописями 12 и 13 вѣковъ“ (стр. 14—18).“

Нужно замѣтить, что Головинъ писалъ это въ то время, когда съ одной стороны польскіе ученые и литераторы приурочивали Слово къ своей литературѣ и языкъ его называли польско-русскимъ (Маціев. Очеркъ исторіи, письм. и просвѣщ. Славян. народ. Чт. общ. ист. и др. при Моск. Унив. 1846 г. № 2., мат. иностр. стр. 27), съ другой стороны русскіе журналисты, особенно издатель Библ. для Чт. считали слогъ ея новымъ, образовавшимся подъ вліяніемъ изученія Горація, Виргилія и французскихъ писателей (Б. для Чт. 1834 г. т. 4, стр. 5—7. 1837 г. т. 24, отд. 6. 1847 г. № 9.). Послѣ этого Головинъ говоритъ о невозможности и неумѣстности поддѣлки въ позд-

лее время: неважная побѣда, одержанная Половцами по простествіи нѣсколькихъ вѣковъ, должна была почти изгладиться изъ памяти людей. И кто бы сталъ сочинять радостныя пѣсни на освобожденіе Игоря изъ плѣна, если не современникъ, желающій привѣтствовать своего князя съ счастливымъ возвращеніемъ на лоно родное? Кто, кромѣ современника, могъ знать съ такою точностію всѣ малѣйшія подробности того времени? Если бы Слово не было современное сочиненіе, то, изучая болѣе древній языкъ, исторію и лѣтописцевъ, мы бы яснѣе видѣли ошибки и поддѣлки; но, напротивъ, чѣмъ болѣе мы изучаемъ языкъ, тѣмъ яснѣе намъ становится подлинникъ. Если бы это сочиненіе было позднѣйшею поддѣлкою, то легко бы уличить сочинителя въ невѣрности показаній мѣстъ, именъ князей. Сочинитель легко бы могъ ошибиться, называя живыхъ умершими, или наоборотъ, особенно говоря о мелкихъ удѣльныхъ князьяхъ, едва извѣстныхъ исторіи. Кто поддѣлываетъ, тотъ старается избѣгать подробностей. Сочинитель же Слова называетъ всѣхъ почти князей удѣльныхъ, тогда жившихъ, вспоминаетъ объ умершихъ и пр. (стр. XX—XXI). Въ доказательство подлинности Головинъ, по примѣру предшественниковъ, ссылается еще на сходство съ нимъ Оказанія о Мамаевомъ побоищѣ и на приписку къ Апостолу 1307 г. Головинъ далѣе полагаетъ, что Слово написано между 1185—1187 годами. Пѣвецъ дѣлаетъ обращеніе къ Ярославу Галицкому, тестю Игоря, а Ярославъ умеръ въ 1187 г. (стр. 25). Потомъ онъ считаетъ пѣвца подданнымъ Игоря (стр. 29) и сближаетъ его съ упоминаемымъ въ лѣтописи пѣвцомъ Тимофеемъ. Это сближеніе основывается у него на такихъ соображеніяхъ: По кончинѣ Игоря въ 1202 г. пѣвецъ его, вѣроятно, остался при дѣтахъ его—Романѣ, Владимірѣ и Святославѣ. Въ 1205 г. князь Галицкій Романъ палъ въ битвѣ на берегахъ Вислы. Сынъ Игоря, пользуясь малолѣтствомъ дѣтей его, захватили Галичъ и стали тамъ господствовать; должно думать, что

и пѣвецъ нашъ переселился съ ними въ Галичъ. Король Венгерскій Андрей вступился за малолѣтнихъ. Полководецъ его Бенедиктъ, именемъ малолѣтняго Романова сына Даниила, отнялъ Галичъ у Игоревичей и передалъ ихъ въ 1211 г. ярости народной. Послѣ этого Бенедиктъ началъ какъ тиранъ самовластвовать въ землѣ Галицкой, предавая всѣмъ ужасамъ разврата и свирѣпости. Пылкая душа пѣвца Тимофея не осталась равнодушною къ жестокостямъ Бенедикта. Его уста пророкотали проклятіе Бенедикту, и острое словцо, сравнившее жестокаго Венгерца съ антихристомъ, заставило поэта бѣжать изъ земли Галицкой. Вотъ что пишетъ о томъ Ипатьевскій лѣтописецъ: „Бѣ бо Тимофей въ Галичѣ, премудрый книжникъ, отчество имѣя въ градѣ Кіевѣ, притчею рече слово о семъ томителѣ Бенедиктѣ яко въ послѣдняя времена трехъ именъ наречется антихристъ, бѣгаше бо Тимофей отъ лица его; бѣ бо (Бен.) томитель бояромъ и гражданомъ; въ правду бо антихристъ за скверныя дѣла.“ Въ это время книжники были рѣдки, особенно премудрые книжники, о которыхъ бы удостоивали говорить лѣтописцы. И неужели было два премудрыхъ книжника въ одно и тоже время при однихъ князьяхъ? Можетъ быть, упоминаемый здѣсь лѣтописцемъ премудрый книжникъ Тимофей—уроженецъ Кіева, бѣжавшій отъ тирана Бенедикта, губителя дѣтей Игоревыхъ, былъ пѣвцомъ Игоря (стр. 29—30.).

Примѣчанія къ тексту Слова, кромѣ сведенія толкованій предшественниковъ, представляютъ еще новыя и своеобразныя толкованія; болѣе всего они касаются историческихъ лицъ, упоминаемыхъ въ Словѣ: стараго Владимира, Романа, Мстислава, Ярослава, Олега Гориславича, сыновей Мстислава; потомъ касаются отдѣльных словъ—каковы: туръ, канина, Немига, Троянъ, Куръ, уши закладше, припѣшать, жемчугъ; наконецъ они представляютъ объясненіе именъ нѣкоторыхъ народовъ посредствомъ словъ, взятыхъ изъ Русскаго языка, напр. Обры отъ гл.

обратъ—грабители, также объяснены Топчаки отъ топтать, ревути отъ ревьтъ, были, могутъ пр. Кроме того въ примѣчаніяхъ предложено нѣсколько поправокъ въ текстъ, но самый текстъ остался неисправленнымъ. Предложенныя поправки не имѣютъ важности, и самимъ толкователемъ считались предположеніями, которыхъ онъ и не доказывалъ. Примѣчанія Головина долго пользовались авторитетомъ. Г. Буслаевъ, издавая въ 1861 г. текстъ Слова въ своей Исторической Христоматіи, постоянно ссылаясь на Головина.

Минаевъ перевелъ Слово стихами. По поводу этого перевода въ томъ же году и слѣдующемъ 1847 г. появилось въ разныхъ журналахъ нѣсколько библиографическихъ извѣстій (Совр. 1846 г. т. 44, стр. 330—331; Библ. для Чт. 1846 г. т. 79, отд. 6, стр. 28—32) и рецензій (Финскій Вѣст. 1847 г. т. 13, отд. 5, стр. 43—44. Сынъ Отеч. 1847 г. кн. 2, отд. 6, стр. 26—31). Отзывы объ новомъ переводѣ были неблагоприятны. Журналы упрекаютъ переводчика за то, что его переводъ не имѣетъ той вѣроятности, какая была въ прежнихъ переводахъ, что онъ ничего не внесъ новаго въ литературу Слова (В. для Чт.), что переводъ слишкомъ отдаленъ отъ оригинала (Фин. В), что онъ есть свободное вдохновеніе поэта, а не точная передача современнымъ языкомъ стараго подлинника. Послѣдній рецензентъ высказываетъ мысль о невозможности хорошихъ и точныхъ переводовъ до тѣхъ поръ, когда не будетъ понято суевѣрно-мифологическое міровоззрѣніе Слова, а понять его только можно при сравнительномъ изученіи поэтическихъ народныхъ произведеній всѣхъ Славянъ (Сынъ Отеч.).

Въ 1847 г. Сенковскій помѣстилъ въ своемъ журналѣ (Библ. для Чт. 1847 г. № 9, литер. лѣт. стр. 1.) замѣтку о Словѣ, по поводу перевода Бергомъ Краледворской рукописи. Здѣсь Сенковскій старается навлечь тѣмъ подозрѣнія на подлинность Слова, обращая вниманіе на то, что открытіе его совпадаетъ со временемъ поддѣлокъ ста-

рыхъ памятниковъ въ западной Европѣ: „Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, говоритъ онъ, нѣсколько отличныхъ талантовъ въ Англіи пустились вдругъ на поддѣлки. Чаттертонъ и Макферсонъ приобрѣли даже славу ими. Почти повсюду стали открываться народныя пѣсни. Въ это время открылось у насъ, неизвѣстно какъ, Слово о Пол. Игоревѣ, а въ Богеміи Краледворская рукопись. Всѣ подобныя находки непремѣнно въ одномъ спискѣ.

Въ 1848 г. вышло сочиненіе Буслаева „О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ.“ Въ первой главѣ его подъ названіемъ: „періодъ міеологическій“ Буслаевъ, рассматривая вѣрованія въ связи съ народными преданіями и эпическими формами, старается при этомъ пояснить и нѣкоторые темныя выраженія въ Словѣ, какъ напр.: смагу мнучи въ пламяхъ розѣ, копія поють, стязи глаголють (стр. 25), дивъ кличетъ верху древа (стр. 28), обѣда вступила дѣвою, всплескала лебедиными крылы (33 стр.), синяя молнія (стр. 60), изрони жемчужную душу (71—72). Всѣ эти выраженія онъ объясняетъ на основаніи народныхъ преданій, древнѣйшихъ представленій о разныхъ предметахъ не только у Славянскихъ народовъ, но и у другихъ Европейскихъ, особенно у Германцевъ. Сказанное здѣсь кратко въ послѣдствіи развито имъ подробнѣе въ другихъ сочиненіяхъ.

Въ 1849 г. Венелинъ въ своемъ сочиненіи „Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ“ пытался доказать, что Боянъ Сл. о Пол. Иг. есть сынъ Болгарскаго короля Владиміра (ум. 931 г.), котораго слава, какъ поэта, такъ вознеслась, что онъ прослылъ въ суевѣрномъ простомъ народѣ колдуномъ, превращающимъ волковъ въ людей и обратно. Свое мнѣніе Венелинъ построилъ на слѣдующихъ предположеніяхъ: 1) Достоверно, что Боянъ Владиміровичъ могъ ристать по тропѣ или дорогѣ Трояновой, ибо она находилась въ Болгарской державѣ. Но было бы не понятно, зачѣмъ пѣвецъ Игера заставилъ бы Русскаго пѣвца Бояна ристать въ Болгаріи, по дорогѣ Трояно-

вой, на горы Балканскія. 2) Пѣвецъ называетъ Бояна пѣвцомъ стараго времени; сіе же старое время въ отношеніи къ Игореву пѣвцу падаетъ именно на время Бояна Владиміровича, въ которое Русскіе еще не могли имѣть своего поэта и потому Боянъ не могъ принадлежать другому народу, кромѣ Болгарскаго, который гораздо прежде Русскихъ вкусилъ плоды образованности и просвѣщенія. 3) Пѣвецъ называетъ Бояна вѣщимъ, т. е. предсказателемъ, колдуномъ, волшебникомъ, что именно и приписывается Болгарскому Бояну. 4) По видимому пѣвецъ Игоря читалъ пѣснопѣнія Бояна, ибо онъ въ краткихъ словахъ изобразилъ характеръ его сочиненій; онъ говоритъ, что Боянъ воображеніемъ своимъ растекался по деревьямъ, или рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и парилъ орломъ по поднебесью, т. е. что воображеніе Бояна было самое пылкое, живое, увлекающее и обвораживающее его слушателей или читателей и что Боянъ употреблялъ выраженія метафорическія, и слогъ его былъ обильный, восточный. По одному преданію нашъ пѣвецъ не могъ судить о духѣ его пѣснопѣнія съ такою рѣшительностію (стр. 263—265).

Въ 1850 г. Буслаевъ напечаталъ статью: „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи, по поводу выхода сборника украинскихъ пѣсенъ Максимовича“ (Москвит. 1850 г. № 18, отд. науки съ 19-й стр.) Здѣсь онъ повторилъ сдѣланныя Максимовичемъ въ сборникѣ сличенія мѣстъ Слова съ подобными имъ мѣстами въ украинскихъ пѣсняхъ; но только привелъ замѣчанія Максимовича въ порядокъ и указалъ пропущенное имъ. При этомъ онъ указалъ на важность для науки такого сличенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: во-1-хъ) оно укажетъ на существованіе многихъ нынѣшнихъ эпическихъ формъ народной поэзіи уже въ XII в.; во 2-хъ) выставитъ на видъ простоту и безыскусственность языка Слова, въ которомъ прежніе толкователи и критики видѣли одну вычурность и неестественность, и въ 3-хъ) объяснить южное происхожденіе

Слова, доказавъ ближайшее сродство его съ русскою поэзіею, именно южною. Самое сличеніе онъ представляетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) представленіе битвы въ образѣ жизни земледѣльческой, 2) уподобленіе битвы пиршеству, 3) изображеніе приближающагося войска въ образѣ грозной тучи, 4) мощеніе мостовъ добычей, 5) названіе Днѣпра славутой, 6) употребленіе Дуная въ нарицательномъ смыслѣ, 7) символическій образъ кукушки, 8) представленіе людей въ образѣ птицъ и звѣрей (25—27) и участіе звѣрей и птицъ въ битвахъ (31—36).

Въ томъ же 1850 г. Мей (Москвит. 1850 г. № 22, 2-е изд. 1856 г. № 30.) перевелъ Слово на современный языкъ стихами, похожими на размѣръ народно-русскихъ стиховъ про веселыхъ молодцевъ Новгородскихъ, какъ выразился Максимовичъ (Москвит. 1855 г. № 1; переводъ Герб.). Этотъ переводъ почти остался не замѣченнымъ въ литературѣ. Появилось одно только библиографическое извѣстіе о новомъ переводѣ и то уже въ слѣд. 1851 г. (Библ. для Чт. 1851 г. № 1. т. 105. отд. 6 стр. 41—43).

Въ 1852 г. Бѣляевъ, при изданіи Слова о вел. кн. Дмитріи по списку Удольскаго, въ предисловіи высказалъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніи его къ Слово о П. Иг. (Врем. общ. ист. и др. при Моск. Унив., кн. 14). „На томъ основаніи, что въ Словѣ о Дмитріи есть указаніе на Бояна и Слово о Полку Игоревѣ, говоритъ Бѣляевъ, мы не имѣемъ причинъ отвергать, что Слово о Пол. Иг. въ древности хорошо было извѣстно на Руси, что оно пользовалось большимъ уваженіемъ, какъ изящное, образцовое поэтическое произведеніе, что его изучали, ему подражали; примѣръ этого подражанія представляетъ Слово о Дмитріи.“

По поводу изданія Бѣляева явилась замѣтка въ Отеч. Зал. (1853 г. Янв. № 2., отд. 5, стр. 23—25). Въ ней проводится мысль о сходствѣ Слова со Сказаніемъ о Дмитріи на основаніи пропуска въ началѣ какъ въ томъ, такъ

и въ другомъ и на основаніи заимствованій послѣднимъ изъ перваго.

Въ 1853 г. вышелъ 3-й томъ Исторіи Россіи Соловьева. Въ немъ о Словѣ высказываются слѣдующія мнѣнія: 1) Слово возможно было въ древней Руси, судя по подробностямъ похода, сохранившимся въ лѣтописи (ст. 109 по 2 изд. 1857 г.); 2) оно дошло не вполнѣ, а съ пропусками напр. поэтического сказанія о подвигахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи, послѣ его смерти (стр. 111); 3) Владиміръ старый есть Владиміръ Мономахъ (стр. 110); 4) въ Словѣ гораздо болѣе превозносятся похвалами Всеволодъ, чѣмъ Игорь (стр. 111); 5) сочинитель отъ имени Святослава обращается къ князьямъ (112). Въ 226 прим. къ 3 т. Соловьевъ представляетъ нѣсколько историческихъ и филологическихъ объясненій разныхъ мѣстъ Слова; изъ нихъ удачны: многовой — эпитеъ Ярославъ; нѣсе зло княже ми не пособіе.

Во Временникѣ Общества ист. и др. рус. при Моск. Унив. кн. Вяземскій началъ печатать свои замѣчанія на Слово о Пол. Иг., (Начало напечатано въ Вр. 1851 г. кн. 11-я, продолженіе съ 7 § во Вр. 1853 г. кн. 17, окончаніе съ 68 § выѣстъ съ напечатаннымъ во Времен. вышло отдѣльною книгою въ 1875 г.). Эти замѣчанія любопытны по тѣмъ новымъ взглядамъ на Слово, которые высказываетъ здѣсь Вяземскій. Самымъ замѣчаніямъ предшествуетъ предисловіе. Въ немъ авторъ говоритъ сначала о сродствѣ Греческаго народа съ Славянскими и въ частности съ Русскими, о вліяніи Греціи на Россію до Святослава, о вліяніи Византійской мірской словесности на Русскую въ XI и XII ст., о томъ, что пѣвецъ Игоря изучалъ Гомера и Еврипида. Послѣ этого онъ ставитъ вопросы, которые обыкновенно рождались и рождаются при изученіи Слова. Первый вопросъ касается подлинности Слова. Для рѣшенія его кн. Вяземскій разсматриваетъ современное Словоу состояніе образованности, литературное направленіе того времени въ Россіи,

въ Восточной имперіи и на западѣ. Разсмотрѣвши письменныя памятники XII в., находящіеся въ отношеніи съ Словомъ, кн. Вяземскій дѣлаетъ такой выводъ: „Единство, являющееся въ литературномъ направленіи XII ст. между всѣми современными писателями Восточной имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пѣвцомъ, а также и общее стремленіе къ изученію Троянскихъ сказаній и соединеніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ племенъ съ древними родами, сильно подтверждають въ историческомъ отношеніи подлинность Слова и современность его съ событіемъ, въ ономъ изложеннымъ. Но ни въ одномъ памятникѣ стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ этой пѣснѣ. Вездѣ видны слѣды учености и подражанія латинскимъ родословіямъ.“ Второй вопросъ—о нарѣчій Слова у Вяземскаго не представляетъ ничего новаго: „оно славянорусское“, какъ думали и предшественники. Третій вопросъ—о размѣрѣ Слова; Вяземскій здѣсь приводитъ прежнія мнѣнія и не приходитъ къ положительнымъ заключеніямъ. „Для разрѣшенія этого вопроса, говоритъ онъ, слѣдовало бы сравнить Слово съ современнымъ ему стихотвореніемъ въ Византіи и на Западѣ. Весьма можетъ быть, что Слово представляетъ соединеніе прозаической рѣчи съ лирическими порывами и даже отелками хора.“ Четвертый вопросъ—о языческомъ и христіанскомъ элементѣ въ Словѣ. Считая нравственное и духовное направленіе пѣсни чисто христіанскимъ, кн. Вяземскій языческій элементъ старается объяснить тѣмъ, что онъ зависѣлъ не столько отъ автора, сколько отъ времени и людей, описываемыхъ въ Словѣ, а языческія повѣрья, какъ видно изъ лѣтописей и пастырскихъ поученій XII в., тогда были въ силѣ; упоминаніе Дажьбога, какъ родоначальника Русскихъ, объясняется общимъ тогда увлеченіемъ прививать свою родословную къ многочисленнымъ родословнымъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ раздѣленіе Слова на 3 части и на 16 пѣсней; за раздѣленіемъ находится оглавленіе всѣхъ примѣчаній, даже и тѣхъ, которыя тогда не были

еще непечатали. Изъ напечатанныхъ примѣчаній особеннаго вниманія заслуживаютъ §§ 2, 3, 4, 5, 11, 12, 13, 15, 37, 46, 55. Въ этихъ параграфахъ кн. Вяземскій старался доказать, что пѣвецъ Игоря былъ хорошо знакомъ съ греческими языческими писателями и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражалъ имъ, что упоминаемый въ Словѣ Боянъ есть Гомеръ. Сначала онъ приводитъ доказательства о извѣстности Гомера на югѣ Россіи у Борисоенитовъ, ссылаясь на 34-ю рѣчь Діона Хризостома, здѣсь же старается доказать, что и на западѣ—въ Англіи, Франціи и Германіи кромѣ Троянскихъ сказаній Дареса и Диктиса, писатели изучали отъ X по XIII в. и самого Гомера. Изъ славянскихъ источниковъ, указывающихъ на извѣстность Гомера въ древней Руси, кн. Вяземскій ссылается на слѣдующіе: 1) Въ житіи Кирилла и Мефодія сказано, что Кириллъ „навнче всей вѣщней мудрости, грамматикѣ же и Омирову стихотворенію.“ 2) Въ Россіи изъ Византійскихъ писателей изучаемы были болѣе всего Василій Великій и Григорій Богословъ, бывшіе покровителями классическаго образованія. 3) Русскій переводчикъ посланія папы Леонта къ Флоріану на Евтихія говоритъ въ XII в., что онъ немощенъ въ Омировскихъ и риторскихъ книгахъ. 4) Въ Ипат. лѣт. 6741 приводится изреченіе изъ Гомера, не встрѣчающееся у Гомера: „о дестъ зла есть.“

Характеристику Бояна во вступленіи Слова кн. Вяземскій дѣлитъ на двѣ части: одну относитъ къ Гомеру, именно—растекался мыслію по древу—намеръ на его воспоминаіе про древніе роды и подвиги предковъ воспѣваемыхъ имъ героевъ,—сѣрныи волкомъ по земли—указаніе на глубокія географическія познанія творца Илліады,—сизныи орломъ подъ облаками, т. е. Зевсовымъ орломъ, упоминаемымъ у Гомера [§ 4.]. Другую часть характеристики Вяземскій относитъ къ Русскимъ пѣвцамъ происшествій временъ премудриковъ св. Владиміра, которые, по Русскимъ народнымъ пѣснямъ или былинамъ, обыкновенно сравниваются съ со-

колами (§ 4). Слѣдующія за симъ выраженія — „Воятъ же 10 соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а свои вѣщія персты клалъ на живыя струны“ — относитъ уже опять къ Гомеру, полагая, что этими выраженіями пѣвецъ будто бы хотѣлъ обозначить свое предпочтеніе Вояну-Омиру, не употреблявшему обычныхъ приступовъ (§ 5). Въ воззваніи пѣвца къ Вояну: „о Вояне, соловію стараго времени“ кн. Вяземскій находитъ сходство съ воззваніемъ хора въ Еврипидовой трагедіи „Елена“ къ соловью Гомеру (§ 11). Здѣсь же Вяземскій характеристику Вояна, — свивая славы оба полн, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы, — объясняетъ такъ: „во всѣ вѣка было расположеніе свивать славу своего имени съ славой Троянъ; тропа Трояня значитъ возвратный путь Троянъ, слѣдъ продолженный на горы и возвращающійся на себя; „того внуку“ значитъ — внуку Троянъ. Веденіе родовъ отъ Трояня находится у франкскихъ историковъ, въ Норманскихъ и Германскихъ поэмахъ и другихъ западныхъ произведеніяхъ до XVIII в. [§ 11]. О вліяніи на Слово Гомерическихъ сказаній о Троянской войнѣ Вяземскій особенно подробно говоритъ въ § 55 при объясненіи стиха: встала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ и Дону плещучи, — подѣ Обидою онъ здѣсь разумѣетъ именно Елену, дочь Немезисы или Лиды и Зевса, превращеннаго въ лебедя, вступившую на землю Троянскую для гибели силъ Пріама. потомка Дарданова. На это приводятся слѣдующія доказательства: Еврипидъ въ Орестѣ даетъ Еленѣ по отцу-лебедю прозваніе лебедокрылатой; въ Андромахѣ Еврипида Елена названа лебедью; названіе Елены дѣвою весьма древне; она есть въ Орестѣ Еврипида и у современника Игоря Чечеса. Елена въ языческой словесности, по толкованію гностиковъ, есть символъ взволнованной пытливой души, она духъ, неудовлетворяемый въ ограничивающемъ его порядкѣ вещей и склонный къ нарушенію сего порядка, къ

познанію и къ преобладанію. Во-вторыхъ, она воспринимаетъ на себя и изображеніе самой цѣли ея безпокойства, верховное управленіе дѣлами сего міра. На сей мысли основано сказаніе древнихъ, что Греки и Трояне дрались за идолъ. Въ-третьихъ, она воспринимаетъ на себя олицетвореніе послѣдствій своихъ склонностей: распри, ссоры, насиліе, обиду (ἀτι). И въ невидимомъ мірѣ она изображается, какъ нарушительница гармоніи и совершенства; на землѣ же она душа, запавшая въ темницу сего міра, страждущая въ узахъ житейскихъ, вѣчно впадающая въ грѣхъ и губящая человѣческій родъ. На распространеніе въ Россіи басни объ Еленѣ указываютъ нѣсколько памятниковъ: во 1-хъ, одна свадебная пѣсня (Сахар. т. 1. книг. 3, стр. 161, № 220), въ которой лебедь унесена была погодой въ чужую сторону, въ бурно море синее, во 2-хъ, описаніе, терема Запавы (души запавшей въ матерію) въ Соловьѣ Будинировичѣ (стр. 27-28) подобно описанію терема Елены въ Одиссеѣ; въ 3-хъ, сказка о семи Симеонахъ (Сах. ч. 1. стр. 122-203), семи Эонахъ, по ученію гностиковъ; она примиряетъ собою противорѣчія и разглагольствованія древнихъ объ Еленѣ (Гомера, Геродота, что Елена была въ Египтѣ во время Троянской войны, Еврипида, называвшаго ее лебедокрылой, и Филострата). Опредѣленіе мѣстности, гдѣ Елена плескала лебедиными крыльями (на синемъ морѣ у Дона), говоритъ Вяземскій, весьма поразительно по своему согласію съ древними свидѣтельствами о положеніи острова, обитаемаго Ахилломъ и Еленою у устьевъ Дуная и Азовскаго моря. Пѣвецъ Игоря упоминаетъ объ Еленѣ въ слѣдъ за описаніемъ пораженія и гибели Русскихъ на берегахъ Каапы, дабы связать славу современную съ прошедшею, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ имъ въ воззваніи къ Воину-Гомеру, дабы онъ свивалъ славы оба поля сего времени, переносясь изъ земли Русской въ тропу Трояню.

Кромѣ сходства съ Гомеромъ по содержанію и занн-

ствованій изъ него какъ напр. двухъ стиховъ (въ 116 §), пѣвецъ, по мнѣнію кн. Вяземскаго, и описаніе возюющихъ сторонъ составилъ въ гомерическомъ духѣ (§ 37). Въ примѣрѣ кн. Вяземскій приводитъ выраженія Слова: дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрыи русичи преградиша своими червленными щиты; съ ними онъ сопоставляетъ слѣдующіе стихи изъ Иліады: „Вои (греческіе) молчатъ, почитая начальниковъ. Трои сыны устремляются съ говоромъ, съ крикомъ, какъ птицы“. Сходство Слова съ классической мифологіею и словесностью Вяземскій видитъ еще въ томъ, что Велесъ представляется въ видѣ Аполлона-пастыря (νόμος, § 13); Дажьбогъ, родовой богъ Славянъ—въ родѣ Лардана, бога Троянъ и Римлянъ (§ 48); эпитетъ буй-туръ соотвѣтствуетъ прозвищамъ въ Иліадѣ: ταῦρος βοῦς и ἀριεσταῦρος (§ 15); выраженіе „не буря соколы занесе“ въ родѣ греческихъ хоровъ, объясняющее, что не бурныя страсти занесли русскихъ за границу, а напоръ къ Цону безчисленныхъ враговъ, скопляющихся съ востока (§ 12).

По поводу 1-й статьи кн. Вяземскаго напечатана была краткая рецензія (Отеч. Зап. 1852 г. № 2, отд. 7, стр. 35). Рецензентъ считаетъ способъ объясненій Вяземскаго увлеченіемъ, но которое не вредитъ дѣлу. Онъ предполагаетъ, что объясненія его поведутъ къ ученому спору и уясненію вслѣдствіе этого поднятаго вопроса. На объясненія Вяземскаго рецензентъ замѣтилъ, что если у Грековъ по преимуществу поэтомъ назывался Гомеръ, а у Римлянъ Вергилій, то почему бы и у насъ не называть Болякомъ cadaго изъ поэтовъ, составителей народныхъ пѣсенъ?

Въ 1853 г. касались Слова въ своихъ сочиненіяхъ Бѣляевъ и Туловъ.

Бѣляевъ въ статьѣ: „О сѣверномъ берегу Чернаго моря (Зап. Одесск. общ. ист. и др. 1853 г., т. 3) высказываетъ, что незнаемыя земли въ Словѣ значать—утраченныя Русью и въ концѣ XII в. считавшіяся незнакомыми,

чужини. Поэтому Сурожъ и Корсунъ, стоя въ одной категоріи съ Тигутараканью, не принадлежали ли когда-нибудь Руси? (стр. 35).

Туловъ въ руководствѣ къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи (1853 г.) помѣстилъ нѣсколько замѣчаній и касательно Слова (204—217 стр.). Онъ доказываетъ здѣсь, что оно не пѣсня, пѣвшаяся тогда въ честь Игоря или стихотвореніе книжное, написанное по образцу древнихъ эпическихъ пѣсень, а произведеніе прозаическое, сохранившее вслѣдствіе вліянія пѣсень краски поэзіи народной, вслѣдствіе же вліянія греческой учености—слѣды книжной витиеватости. Это доказываетъ онъ художественнымъ характеромъ Слова и свидѣтельствами, въ немъ сохранившимися. Языкъ Слова по составу представляетъ смѣсь языка Церковнославянскаго съ народно-русскимъ, которой нѣтъ въ народной поэзіи. Произведеніе, представляющее такую смѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, есть книжное, а не народное. Но будучи написано на языкѣ литературы книжной, оно не могло быть принято какъ вполне народное и передаваемо народу посредствомъ пѣнія, наравнѣ съ пѣснями, выливавшимся изъ его души на его родномъ нарѣчій. Слогъ Слова тоже представляетъ смѣсь выраженій и оборотовъ книжныхъ, явившихся вслѣдствіе подражанія слогу Св. Писанія и образцамъ Византійскимъ съ выраженіями и красками чисто-народными. Въ числу первыхъ Туловъ относитъ: „истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца мужествомъ (подражаніе слогу Св. Писанія), о Бояне, соловію, стараго времени, абы ты сія пѣлкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу“ и пр. (вліяніе византійскаго краснорѣчія). Кроме этого въ Словѣ есть еще риторическіе обороты мысли; напр. вопрошеніе „Что ми шумить?“ и вообще все Слово состоитъ изъ періодовъ, обработанныхъ тщательно. Подобная зрѣлость и утонченность ораторскаго искусства ничуть не противорѣчатъ степени развитія нашей книжной литературы того времени, въ чемъ убѣждаютъ насъ и дру-

гіе, современные Слову памятники, какъ напр. проповѣди Кирилла Туровскаго. Какъ доказательство того, что Слово написано поэтомъ книжнымъ, можетъ быть поставлено на видъ и господство въ немъ размышленія надъ описаніемъ и повѣствованіемъ, напр. послѣ описанія Всеволода, стоящаго на борони, пѣвецъ прибавляетъ въ видъ размышленія: „Какъ раны дорога, братіе,“ и пр. Наконецъ въ пользу искусственности Слова говоритъ и планъ его. Въ Словѣ въ очень многихъ, сравнительно съ народными пѣснями, словахъ рассказано очень не много. Въ концѣ замичаній Туловъ опредѣляетъ родъ и видъ поэзіи, къ которому относится Слово. Онъ называетъ его произведеніемъ эпической поэзіи, на основаніи вымысловъ фантазій, находящихся въ немъ поэтическихъ картинъ и идеи прославленія похода на поганыхъ. Но усматривая въ немъ господство исторической положительности, не находящейся въ героическомъ эпосѣ, онъ называетъ его поэмой эпико-историческаго характера, занимающей въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности. Но оно ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднему, т. е. роману, и находится въ началѣ, въ исходной точкѣ поэмы одного рода съ Словомъ, которымъ не дано возможности развиваться Монгольское нашествіе.

Въ 1854 г. по поводу призываній кн. Вяземскаго напечатаны были двѣ статьи. Въ первой статьѣ (Отеч. Зап. февр. отд. IV, стр. 76—79) рецензентъ разбираетъ нѣкоторыя изъ объясненій Вяземскаго и предлагаетъ свои замѣчанія на нихъ. Онъ не соглашается съ мнѣніемъ Вяземскаго, чтобы солнечное затмѣніе, бывшее по лѣтосписи 1-го Мая и знаменіе на небѣ (тогда Игорь вѣрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тмѣю вся своя вои прикрты), упоминаемое въ Словѣ, были явленія различныя. Вяземскій основываетъ мнѣніе о различіи знаменія въ Словѣ и затмѣнія въ лѣтосписи на томъ, что въ лѣтосписи прямо

не сказано, что Игорь выступилъ въ походъ и видѣлъ затмѣніе 1-го мая и что они описаны въ лѣтописи и въ Словѣ различно. Кн. Вяземскій знаменіе, упомянутое въ Словѣ, не считаетъ затмѣніемъ. На это ему рецензентъ справедливо возражаетъ, что еслибы оно не было затмѣніемъ, то не могло бы произвести страшнаго впечатлѣнія на Игоря. Находя правдоподобнымъ мнѣніе Вяземскаго о вліяніи на Слово литературныхъ преданій, господствовавшихъ у другихъ современныхъ народовъ, рецензентъ считаетъ только натяжкою объясненіе тропы Трояней въ смыслѣ перехода Троянскихъ племенъ на берега Адриатическаго моря, Дуная и Чернаго моря. Рецензентъ предлагаетъ разумѣть здѣсь подъ тропой знаменитое плаваніе Энея отъ береговъ Троянскихъ къ берегамъ Лаціума, увѣковѣченное Virgiliemъ, и тогда Воянъ, къ которому авторъ Слова обращается въ разбираемомъ мѣстѣ, будетъ Virgiliй, а не Гомеръ. Кромѣ этого рецензентъ предлагаетъ считать бѣды (пасеть птицъ) за имен. пад. един. числа, какъ сверхъ, раны (дорога) тоже за имен. ед. ч.

Во второй статьѣ (Совр. т. 48, № 12, отд. III, стр. 33. и слѣд.) критикъ считаетъ бесполезнымъ приступать къ толкованію Слова помимо исторической филологіи, безъ знанія славянскихъ нарѣчій, безъ знакомства съ народной поэзіей (стр. 35). Изъ толкованій кн. Вяземскаго объясненіе слова „Троянъ“ отъ Трои, а не отъ имени лица—Троянъ считаетъ противнымъ законамъ славянской этимологіи. Мнѣнія Вяземскаго, что дѣва Обида—Елена, Воянъ—Гомеръ, пѣвецъ Игоря подражалъ Гомеру и Еврипиду—рецензентъ считаетъ неосновательными, сходство, отысканное и указанное Вяземскимъ между Словомъ и греческими произведеніями—нигилизмъ (стр. 41). *)

Въ 1854 г. Гербель перевелъ Слово о Пол. Иг.

*) Въ Замѣч. на Слово о Пол. Иг. 1875 г. кн. Вяземскій отвѣтитъ на нѣкоторыя изъ этихъ нападокъ; напр. см. стр. 122.

стихами и къ переводу приложилъ предисловіе и примѣчанія (2-е изд. 1855 г., 3-е въ Отголоскахъ 1858 г., 4-е въ Поэзии Славянъ 1871 г. **). Въ предисловіи Гербель, по примѣру Сахарова, привелъ образцы стихотворныхъ переводовъ; привелъ мнѣнія Востокова, Дубенскаго, Полеваго, Максимовича и Тулова о размѣрѣ Слова. Стихи самаго перевода звучны, размѣры разнообразны и удачны, особенно гдѣ напоминаютъ размѣры нашихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ примѣчаніяхъ Гербель объясняетъ, почему онъ то или другое мѣсто переводилъ такъ, а не иначе, но въ нихъ почти ничего нѣтъ новаго. По поводу перевода Гербеля въ періодическихъ изданіяхъ появилось нѣсколько статей: 1) въ Санктпетерб. Вѣдомостяхъ (№ 24, 1854 г.), 2) въ Отеч. Зап. (1854 г. т. 93, Мартъ, отд. 4, стр. 1—10); 3) въ Москвит. (за подписью В. Мартъ, № 5 т. 2, кн. 1, отд. 5, библ. стр. 19—21); 4) въ Соврем. (№ 2, т. 43, отд. 4 библ.); 5) въ Библ. для Чт. (Мартъ, т. 124, отд. 6, крит.); 6) въ Русскомъ Инвалидѣ (№ 33, ст. К. Б. стр. 136 и слѣд.). Въ нѣкоторыхъ статьяхъ высказано мнѣніе, что переводъ удовлетворителенъ (СПБ, В.), что онъ лучше всѣхъ стихотворныхъ (Рус. Инв., Соврем.), но имѣетъ много добавленій противъ подлинника (Москвит.).

По поводу примѣчаній къ переводу высказаны были мнѣнія о размѣрѣ подлинника, объ отношеніи къ слову такихъ древнерусскихъ сочиненій, которыя по языку имѣютъ сходство со Словомъ, о нарѣчій Слова, о томъ, кто

**) Последнее, пятое изданіе перевода Гербеля вышло въ 1876 г. Въ предисловіи къ нему переводчикъ, какъ и въ прежнихъ изданіяхъ, перечисляетъ стихотворные и прозаическіе переводы Слова на современный Русскій языкъ и на иностранныя и приводитъ выдержки изъ нихъ. Изъ перечисленныхъ Гербелемъ переводовъ въ нашемъ обзорѣ не упомянуты—1) Кендзерскаго—переводъ на Малорусское нарѣчіе, напечатанный въ 1875 г. и 2) Огнеслова-Утѣшиновича—переводъ на Сербскій языкъ, напечатанный въ 1862 году.

сдѣлалъ списокъ и о поддѣлкѣ его.

1) Рецензентъ Москвитянина не согласенъ, чтобы въ Словѣ были метры или стихи; скорѣе всего, онъ говорить, это мѣрная проза въ родѣ арабской.

2) Сходство приписки къ Апостолу 1307 г. и нѣкоторыхъ выраженій въ Мамаевомъ побоищѣ съ Словомъ рецензентъ Отеч. Зап. объясняетъ не заимствованіемъ изъ послѣдняго, а общностью эпического языка и воззрѣнія. Тою же общностью объясняется сходство выраженій и въ Словѣ о знаменіяхъ Серапіона, и въ описаніи паденія Пскова при Василии III въ Псковской лѣтописи. Основаніемъ такого мнѣнія служить для рецензента тотъ взглядъ на Слово, что оно есть сборникъ эпическихъ выраженій нашего языка, старыхъ словесъ, которыми сочинитель пользовался для изображенія былинъ сего времени, точно такъ, какъ пользовались имъ составители народныхъ пѣсень до позднѣйшаго времени, съ тою только разницею, что составитель Слова употреблялъ ихъ болѣе сознательно, нежели составители пѣсень. „Всюду, гдѣ изображается природа и человѣкъ съ его обычною дѣятельностію, является готовый образъ народнаго эпоса. Этотъ образъ создала живучая народная фантазія или какъ народъ олицетворяетъ ее—поэтъ Боянъ вѣщій. Фантазія народная бережетъ этотъ образъ въ своемъ хранилищѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ и воззодаетъ его каждый разъ, когда приходится выразить ту или другую сторону жизни“ (стр. 4.).

3) Рецензентъ Современника высказалъ слѣдующее мнѣніе о нарѣчій Слова: оно написано на томъ языкѣ, на которомъ долженъ былъ говорить его сочинитель, по всей вѣроятности житель Новгорода Сѣверскаго. Новгородъ же Сѣверскій былъ столицею особаго племени. Языкъ этого племени долженъ быть самостоятеленъ. Онъ составлялъ срединное звено между нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ, Малорусскимъ, Новгородскимъ и Великорусскимъ. Вотъ почему въ языкѣ Слова смѣшеніе нарѣчій.

4) Тотъ же рецензентъ высказываетъ мнѣніе, что Слово могло быть переписано Димитріемъ Ростовскимъ, основывая это мнѣніе на томъ, что, по свидѣтельству типографа Селивановскаго, оно написано было Вѣлорусскимъ письмомъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго, и что оно найдено было въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, куда легко могли перейти книги св. Димитрія.

5) О поддѣлѣ Слова написалъ обширную статью Сенковскій (Библ. для чтенія.) Въ ней онъ опять повторилъ всѣ прежнія свои доводы противъ подлинности, присоединивъ къ нимъ новыя соображенія о томъ, кѣмъ и когда могло быть поддѣлано Слово. Статья его отличается необыкновеннымъ остроуміемъ.

Резюмируя все высказанное въ своей статьѣ, онъ заключаетъ ее слѣдующими общими сужденіями. Въ сочинителѣ Слова нельзя не видѣть ратора съ большимъ дарованіемъ. Онъ хотѣлъ сочинить рѣчь, речею о древней Руси, и это ему удалось. Онъ явилъ себя то изящнымъ, живымъ, бойкимъ, живописнымъ повѣствователемъ, то восторженнымъ и увлекающимся декламаторомъ. У него много огня, много души и даже краснорѣчія. Онъ горячій патриотъ, пламенно любитъ старую Русь, но говоритъ объ ея дѣлахъ, какъ человѣкъ обнимающій отечественную исторію въ цѣломъ. Во всѣхъ своихъ историческихъ понятіяхъ и сужденіяхъ онъ Русскій прошедшаго столѣтія, человѣкъ уже занимающійся отечественною исторіею ученымъ образомъ, какъ литераторъ, онъ не чуждъ вкуса, но новѣйшаго. Благодаря искусному введенію латинскихъ оборотовъ и выраженій и примѣся множества словъ русскихъ по наружности, но польскихъ по смыслу, языкъ его въ одно и тоже время кажется старинно-русскимъ и вовсе не русскимъ, яснымъ, легкимъ, даже красивымъ съ перваго взгляда, и чрезвычайно труднымъ и темнымъ. Но стариннаго въ немъ нѣтъ ничего. Воспитанъ онъ съ Семинаріи или духовной Академіи. Объ историческомъ предметѣ онъ

берется написать не сочиненіе свѣтскаго покроя, но Слово и даетъ труду своему форму Слова—начинаетъ обращеніемъ къ братіи и, истощивъ все свое риторическое искусство на перорачію, пропозицію, экспозицію, адмониціи, репетиціи, дисгресси, конклюдію, оканчиваетъ словомъ аминь. Онъ ученый мѣологъ, читавшій разныя археологическія о ней разысканія. Онъ пишетъ не Волось, Хоресь, а правильно —Велесь, Хорсь. Онъ критикуетъ Бояна. Этимъ онъ только и заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны археологической критики. Чтобы насмѣхаться надъ Бояномъ, кажется, нужно было имѣть его книгу предъ глазами. Онъ приводитъ слова Бояна, позволяя себѣ сарказмы на счетъ его странной поэтической манеры, лебедей, его соколовъ и соловьевъ, его подобострастія, лести князьмъ, склонности превозносить похвалами ту или другую сторону. Кажется, что Бояновскія пѣсни въ самомъ дѣлѣ были ему извѣстны въ какихъ либо сборникахъ старинныхъ червонно-русскихъ пѣсней, въ числѣ которыхъ находилась также и Словацкая сказка о Троянѣ.

Мнѣніе, что авторъ былъ хорошій начетчикъ классиковъ, Сенковскій основываетъ на разборѣ языка Слова: Слово, по его толкованію, есть переводъ - oratio—раца, вѣщій—польское *wieszcz*, введенное для приблизительной передачи латинскаго *vates* при переводахъ Горачія и Виргилія; замышленіе—переводъ „conceptio“, по-польски „*zamysl, zamyslenie*“; трудная повѣсть. *pienkna powiest*—*difficilis fabula*, мысленно древо—*objectum ideale*; пѣснь, какъ поэтическое произведеніе, тоже обнаруживаетъ въ немъ записнаго литератора, свыкшагося съ латинско-польскими терминами. Саркастическое отношеніе пѣвца къ Бояну, Сенковскій видитъ въ выраженіи: „о Бояне, абы ты сія полки ущекоталъ, скача славію.“ По его мнѣнію, нужно читать „ущекоталъ и славно,“ т. е. какъ бы ты славно польстилъ. О происхожденіи пѣвца Сенковскій говоритъ, что онъ или питомецъ Львовской Академіи изъ русскихъ, или питомецъ

Кіевской Академіи изъ Галичанъ, написалъ онъ это Слово на заданную тему по части реторики и піитики около времени Петра Великаго или въ началѣ царствованія Сигизмунда Августа, когда развилась страсть къ міеологiи и когда бывали поддѣлки. Нѣкоторыя особенности языка склоняють больше къ мнѣнію, что онъ Галичанинъ, потому что у него много польскихъ словъ, неудачно передѣланныхъ въ Русскія: истягну вм. стятно, жалость вм. сожалѣніе, потаты, повиты—рожденцы, болванъ—морская волна.

По поводу же перевода Гербеля, Березинъ напечаталъ статью о турчизмахъ въ Словѣ (Москвит. 1854 г. № 22, крит. съ 70 стр.). Туранское происхожденіе Березинъ находитъ въ словахъ: Кза—казъ, гусь, Кончакъ—кизи—коза, жемчугъ—инчу, инджу, жля—чалъ—сѣдой, карна, курна—тазь, кисанъ—хорекъ, коблякъ—копекъ—собака, кончакъ—кунчакъ—сука, салтанъ—государь, топчаки—хищная и легкая лошадь, куръ—курень, чага—дикое дитя, япончица, ортыма—покрывало. *)

*) Въ томъ же 1854 г. появилось нѣсколько бібліографическихъ замѣтокъ о Словѣ въ извѣстіяхъ Ак. Н. по 2 му отд. а) о разсужденіи Головацкаго: *Ueber Jhor's Heerszug gegen die Polovzen*. Въ Programm des R. K. Akademischen Staats-Gimnasiums in Lemberg (Изв. Ак. Н. по 2 отд. т. III, 1854 г. стр. 107), б) Объ изслѣдованіи кн. Вяземскаго, помѣщенномъ во Временникѣ общ. ист. и др. (т. III Изв. стр. 42); в) о переводѣ Слова Вольцемъ на Нѣмецкій языкъ, съ указаніемъ и на ошибки въ примѣчаніяхъ, которыя зависѣли отъ незнанія Русскаго языка (т. III стр. 301—302); г) о внесеніи Слова въ христоматію слав. и древ. русск., составленную Головацкимъ въ Видни въ 1854 г. (Изв. т. III, стр. 359); д) о переводѣ Слова на Малороссійскій языкъ Аванасьевымъ—Чужбинскимъ (т. III, стр. 198). Къ сожалѣнію, этотъ переводъ остался ненапечатаннымъ. Изъ него сохранился только отрывокъ, по которому мы можемъ судить, на сколько языкъ Слова относится къ теперешнему Южно-русскому языку. Перепечатываемъ этотъ отрывокъ изъ изданія Слова Гербеля, (стр. 24) для сличенія его съ переводами на общее русскій языкъ.

(Чы не лучше намъ буде, братця, почать давніми словами про тяжкый походъ Игорівъ. Игоря Святославича? и почынять сію пісню, якъ було тоді, а не по выгадкамъ Бояна. Боянъ бо віщій, коли що кого хотівъ пісню співати, то разбивався думкою по древу, сіримъ вовкомъ по полю, сизымъ орломъ підъ хмарами.)

Въ 1855 г. переводъ Гербеля вышелъ вторымъ изданіемъ. По поводу его въ томъ же году напечатаны были слѣдующія статьи: 1) Въ С. Петербургскихъ Вѣд. (ч. 67); 2) въ Современникѣ (№ 4, т. 50, отд. IV.), 3) Въ Библиот. для Чт. (т. 130, стр. 29. библ. изв.) и 4) въ Москвитинѣ (№ 1 и 2.)

Первыя три статьи сообщаютъ только извѣстіе о переводѣ, четвертая же, принадлежащая Максимовичу, представляетъ подробный разборъ перевода въ эстетическомъ отношеніи. Замѣчанія на Слово о Пол. Иг. Максимовичъ разбилъ на три части, — первая напечатана въ № 1 Москвит., а другія двѣ во 2-мъ. Въ нихъ онъ съ начала до конца прослѣдилъ переводъ Гербеля и сравнилъ его въ общихъ чертахъ съ переводами Деларю, Мея и Минаева, находя его лучшимъ, такъ какъ Гербель послѣдовалъ совѣту Максимовича разбить Слово на стихи неравной величины, подобно Украинскимъ пѣснямъ. —

Послѣ этого Максимовичъ переходитъ къ частностямъ. Здѣсь онъ находитъ, что Гербель замѣнялъ эпитеты Слова другими и неудачно, напр. вмѣсто червленый при шитѣ — стальной, вм. золотой при шлемѣ — стальной, при сѣдлѣ и стремени — чеканный (§ 9). Кромѣ этого Гербель иногда и вовсе пропускаетъ постоянные эпитеты, напр. при стрѣлы каленныя (§ 11), или часто прибавлялъ эпитетъ — родимый Донецъ, родной шлемъ (§ 26), или прибавочными словами онъ придавалъ иногда историческую невѣрность, напр. Игорь полки заворачаетъ — Гербель передаетъ: это Игорь съ дружиною удаю (въ лѣтописи говорится о возмущеніи Ковчуевъ § 32), или вовсе выдумывалъ небывалое, напр. у Игоря рана на груди, выдумана тюрьма для Игоря (§ 14, 15), или употребивъ прозаическое слово, отступалъ отъ подлинника: „обѣсися синѣ мгла“, согласно съ лѣтописью утася князь, у него переведено: „пользуясь синею мглою.“

О статьяхъ Максимовича сдѣланъ былъ отзывъ въ

Журналъ Мин. Нар. Пр. (1855 г. 87, обзор. газ. и журн. 6); въ этомъ отзывѣ обращается вниманіе на основательность и мѣткость замѣчаній Максимовича. Въ этой же книжкѣ и тотъ же рецензентъ, по поводу выхода Болгарскихъ пѣсенъ Безсонова, приводитъ мнѣніе Безсонова, что сказка о Троянѣ, растаявшемъ на солнцѣ, перенята Сербами отъ Болгаръ, отъ послѣднихъ вѣроятно идетъ у Славянъ преданіе о Воянѣ. Въ Библіотекѣ для Чтенія (т. 130, кн. 4, 1855 г. отд. журн. изв. 13—19 стр.) напечатаны нѣкоторые письма Карамзина; въ одномъ отъ 20 окт. 1815 г. говорится о купленной Малиновскимъ рукописи Слова, по мнѣнію Карамзина, подложной. Здѣсь же помѣщенъ и разборъ статьи Максимовича, написанной по поводу перевода Гербеля, приведены новыя и справедливыя замѣчанія его, но рецензентъ не во всемъ съ нимъ согласенъ; его замѣчанія, говоритъ онъ, не основанныя на лѣтописяхъ, отходятъ въ область догадокъ. Такими неосновательными догадками рецензентъ считаетъ 1) дѣленіе Слова на неравные стихи, на подобіе Украинскихъ; рецензентъ полагаетъ, что оно можетъ быть раздѣлено и на великорусскіе, но все-таки въ Словѣ нѣтъ правильнаго раздѣла. 2) Рецензентъ не согласенъ, чтобы Слово было древнею пѣснью Русскаго юга. Ему кажется, что русская былина и пѣсня—залетная птичка на югѣ, погостила, да и отлетѣла на родимый сѣверъ вмѣстѣ съ князьями.

Въ 1855 году напечатаны были еще статьи по поводу Слова—Максимовича и Дубенскаго. Максимовичъ въ Москвитинѣ напечаталъ объясненіе одного темнаго мѣста въ Словѣ (№ 6, стр. 175). Это мѣсто: „въ рози носи имъ хоботы пашутъ“. Принимая рози въ значеніи роговъ молодого мѣсяца, а хоботы въ значеніи стяговой челки, о которой упоминается въ Кіев. лѣтоп. подъ 1172 г., Максимовичъ считаетъ эти слова пословицей, сказанной въ укоръ знаменамъ Давидовымъ за то, что они призванныя Свято-славомъ, противъ Половцевъ, бездѣйственно только постояли

надъ Днѣпромъ у Треполя, только пахнули своими хвостами и удалились во свояси, сказавши: „уже ся есмы изнемогли.“ На такую догадку навела Максимовича старинная картина, приложенная къ Кіевлянину, съ надписью: „Борись идетъ на Печенѣги.“ На ней видѣются знамена — стяги, а на нихъ и рози, и хоботы — челки и копыя.

Дубенскій напечаталъ отмѣтки на нѣкоторыхъ мѣста Слова о Пол. Иг. (Отеч. Зап. т. 10, іюнь, отд. крит.). Поводомъ къ написанію этой статьи былъ неблагопріятный отзывъ Максимовича при разборѣ сочиненія Новикова „о важнѣйшихъ особенностяхъ Дужицкихъ нарѣчій“, объ изданіи Слова Дубенскимъ. Множество примѣчаній въ изданіи Дубенскаго Максимовичъ обозвалъ хламомъ, никуда не нужнымъ, ни идущимъ къ дѣлу и нич.го не объясняющимъ. Дубенскій съ своей стороны старается найти недостатки въ объясненіяхъ Максимовича; сначала выписываетъ его замѣчанія при словахъ: рекъ Боянъ и ходы..., въ которомъ приводятся только мнѣнія другихъ, а своего не высказано. Дубенскій, по поводу этого, пускается въ объясненія, что здѣсь подъ словами „Коганя хотъ“ разумѣются Половецкія ханы, на которыхъ шли Сѣверскіе князья, но объясняетъ слишкомъ туманно. Потомъ разбираетъ мнѣніе Максимовича, что въ выраженіи: Боянъ не 10 соколовъ пускалъ — положительно отрицательное сравненіе. Дубенскій никакъ не можетъ понять этого простаго и обыкновеннаго въ народныхъ пѣсняхъ эпического оборота, нападаетъ за симъ на поправки Максимовича: мглами и пардуже, на неудовлетворительность объясненія словъ: дивъ, дѣва-обида. Здѣсь онъ высказываетъ свой взглядъ, что земля Трояня — русская земля временъ, слѣдовавшихъ за Святославомъ 1, и принадлежащая тремъ братьямъ, что силы Дажьбога — Половцы. Сдѣлавши еще нѣсколько замѣчаній на толкованія кн. Вяземскаго, не удовлетворяясь его объясненіемъ выраженій — лебеди распущены — и объясненіемъ Головина: „по вся утра уши закладываше,“ Дубенскій заключаетъ статью сличеніемъ нѣ-

которыхъ словъ Слова съ подобными въ другихъ древнихъ памятникахъ: „ рассушась“ въ Лавр. лѣт. въ знач. разошлись, тлѣковины въ Лавр.— подручники, данники, „утрѣлъ солнцу свѣтъ“ въ Пересл. Сызд. лѣт. „Борись нача тѣломъ утрѣпати“—измѣняться, „въ рози нося“ въ Лавр.—Половцы землю нашу розно—несутъ, „тугою тули затче“ въ древн. канонѣ—льва въ зѣяніи въ ровѣ затче и др. Этими послѣдними замѣтками статья и имѣетъ значеніе. Полеми-ческая же часть ея вовсе неудовлетворительна.

Въ 1856 напечатаны были переводы Мея и Кораблева. Мей издалъ свой стихотворный переводъ отдѣльной книжкой съ примѣчаніями (1-е изд. см. въ 1850 г.). Примѣчанія сдѣланы наскоро и съ большими промахами; такъ напр. первое изд. Слова Мей относитъ къ 1804г. (пр. 1.)

Въ этихъ примѣчаніяхъ Мей указываетъ и причины, почему онъ перевелъ Слово размѣромъ народныхъ стиховъ. Онъ находитъ въ Словѣ тотъ же складъ рѣчи, тотъ же напѣвъ (пр. 1). Изъ примѣчаній, обращающихъ на себя вниманіе, укажемъ на объясненіе словъ: 1) „спала (князю умъ похоти)“. Мей считаетъ спала одного корня съ опала, похоти глаголомъ въ прошедшемъ времени, имѣющимъ сходство съ малор. сховать, спрятать, и переводитъ это такъ: занялись у князя думы пыломъ-полынемъ. 2) „Пороси“—Мей считаетъ туманами, производя отъ по-росѣ.—3) Шереширн—шересперы, рыба дѣлающая на водѣ огромныя скачки. Это предположеніе у него подтверждается словомъ по суху. 4) Клюками—переводитъ ходулями, „о кони“—изъ окна. Опираясь ходулями, изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву. Оправданія такому переводу Мей думаетъ найти у лѣтописца, который рассказываетъ, что бояре Изяславовы во время кіевского мятежа совѣтовали князю подозвать Всеслава къ окну темницы и убить стрѣлой. 5) Одни знамена достались Рюрику, другія Давиду, но у нихъ они развѣваются хвостами порознь.

По поводу перевода Мея была замѣтка въ Отеч. Зап. (1858 г. т. 147, отд. 4, стр. 34.) Рецензентъ, считая переводъ его лучшимъ между стихотворными, замѣчаетъ все-таки, что не слѣдовало-бы переводить Слово стихами, потому что въ немъ только изрѣдка слышится мѣрная рѣчь.

Кораблевъ издалъ Слово съ переводомъ, примѣчаніями и предисловіемъ. Въ предисловіи, по обычаю всѣхъ издателей, онъ говоритъ объ открытіи Слова, о мнѣніяхъ, высказанныхъ касательно подлинности и подложности, объ изданіяхъ, переводахъ, критическихъ изслѣдованіяхъ и т. п. Примѣчанія, которыя составлены по Соловьеву, Карамзину и Головину, ничего не возбуждаютъ противъ себя. Что же касается собственныхъ примѣчаній Кораблева, то они не что иное, какъ парадоксы; напр. испытъ шелоомъ Дону, по его мнѣнію, нужно читать шелоомъ т. е. на срединѣ рѣки, гдѣ вода чище (9 пр.), а Ярославъ сынъ Всеволожь—это у него Ярославъ Черниговскій, современникъ Олега (17 пр.), Бузь и Кисань—половецкіе ханы (32 пр.), Готскія дѣвы—это южно-русскія (35 пр.), на кровать—крѣпать—рѣзня, сраженіе (пр. 48.).

Самый переводъ отличается валостію, небрежностію и неточностію, онъ съ такими недостатками, какихъ не было ни прежде, ни послѣ его. Въ примѣръ приводимъ начало перевода: „Янъ расцвѣталъ мысленно кудравымъ деревомъ... помня поговорку первыхъ временъ усобицы, что напускали 10 соколовъ на стадо лебедей, и чей прежде налеталъ, тотъ и восхищалъ или стараго Ярослава и пр., или въ другомъ мѣстѣ: стяги перекликаются, и древо надсажася, клонилось къ землѣ, какъ сороки щебечуть.“

Въ Отечественныхъ Запискахъ (1856 г, Дек. № 12, т. 109, отд. III, стр. 101—102), по поводу изданія Кораблева появилась замѣтка, въ которой указаны недостатки перевода, отсутствіе всякой самостоятельности въ замѣчаніяхъ издателя. Здѣсь выставлено на видъ, что изда-

тель, видно, соблазнился успѣхомъ перевода Гербеля.

Въ томъ же 1856 г. въ Извѣстіяхъ Ак. Н. (т. V, стр. 80) напечатано извѣстіе о переводѣ Красинскимъ Слова на Польскій языкъ въ стихахъ. Переводъ сдѣланъ довольно близко къ подлиннику; но попытка объяснить темныя мѣста не вполне удачна; напр. трудъ, слово объясненное, часто встрѣчающееся въ лѣтописяхъ и понятное, объясняется здѣсь словомъ *trud*—въ значеніи лѣкарственной травы; розноса—рогоносцы, волы...

Въ 1857 году Срезневскій при изданіи своднаго текста Задонщины (по списку Ундольскаго и по списку Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря XV в.) въ предисловіи высказалъ предположеніе о томъ, что какъ Слово, такъ и Задонщина были сначала достояніемъ народной памяти, а потомъ уже записаны (Изв. II отд. Ак. Наукъ т. VI, №№ 22—25).

Въ 1857 же г. вышелъ переводъ Слова на Украинское нарѣчіе, сдѣланный Максимовичемъ. По поводу этого перевода появилось нѣсколько статей въ журналахъ:

1) въ Кіевскихъ Вѣдомостяхъ (1857 г. № 26, стр. 181—183.) проводится мысль, что въ Малороссіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранилось то нарѣчіе, которымъ говорили предки наши при старомъ Ярославѣ и при Храбромъ Мстиславѣ. Поэтому всѣ переводы на Великороссійскій языкъ никогда не передавали и не могутъ передать внутреннихъ красотъ подлинника, эти красоты просвѣчиваютъ только въ переводахъ на Малороссійскій языкъ.

2) Въ Русскомъ Инвалидѣ (1857 г. № 161, стр. 668—669) рецензентъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Кіевскаго рецензента о большей близости языка Слова къ Украинскому нарѣчію, чѣмъ къ Великорусскому, ставитъ переводъ Максимовича выше перевода Мея, утверждая, что въ первомъ больше простоты и задушевности, ярче блестятъ колоритъ старины.

3) Въ С.-петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1857 г., № 204) написана статья по поводу спора между Погосинимъ и Максимовичемъ о древне-русскомъ языкѣ, а также и о переводѣ Слова на Украинское нарѣчіе. Рецензентъ полагаетъ, что въ Словѣ нельзя видѣть цѣльнаго созданія, обязаннаго своимъ существованіемъ какому-нибудь отдѣльному лицу, но что изучать его слѣдуетъ съ той же точки зрѣнія, съ которой изучаются и всѣ другіе памятники самороднаго эпоса. Рецензентъ прямо не высказалъ, съ какою, но судить можно, что онъ думалъ. Онъ, конечно, полагалъ, что Слово есть сводъ разныхъ былинъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ: „раздѣленіемъ на пѣсни Максимовичъ, вѣроятно, хотѣлъ придать Слову то внѣшнее единство, котораго въ немъ нѣтъ и не можетъ быть; но на самомъ дѣлѣ это раздѣленіе приводитъ насъ къ результату діаметрально противоположному: вставочныя мѣста, не ладящія тономъ своимъ и содержаніемъ съ общимъ тономъ и содержаніемъ всей поэмы, выдѣляются еще рѣзче. Такъ, сама собою отпадаетъ 7-я глава 1-й части, т. е. дума о войнахъ Олеговыхъ и вся 2-я часть, исключая послѣдней главы—плача Ярославны.“

О языкѣ рецензентъ вдаетъ въ такіа сужденія: Внутренняя основа языка поэмы есть южнорусское нарѣчіе, и самое Слово есть плодъ поэтическаго творчества малорусскаго народа. Переложеніе Слова на Украинское нарѣчіе есть какъ бы возстановленіе древней, первоначальной основы, освобожденіе родоваго, кореннаго текста изъ подъ господства стѣснительной и чужой формы языка древне—церковнаго. Близкое, тѣсное родство Украинскаго нарѣчія съ языкомъ Слова о Пол. Игор. слышится здѣсь въ каждомъ почти словѣ, въ каждомъ почти оборотѣ, въ задушевности и мягкости общаго тона, въ какой-то особой, нѣжащей чисто южной поэтической граціи. Читая малорусскій переводъ Максимовича, какъ будто читаешь подлинный текстъ, такъ вѣрно схваченъ духъ этого созданія. Особенно рецен-

зента восхищаетъ слѣдующее мѣсто, которое онъ называетъ превосходнымъ переложениемъ словъ подлинника:

Море прыснуло въ пивночи,
Стовпъ туманный путагнувшъ;
То Богъ каже путь дорогу
Князю Игорю на Русь,
Щобъ въ неволи на отцовскій
Золотой престолъ вернувь.

Въ 1858 г. Назаровъ въ статьѣ „Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ“, говоря объ отношеніи Слова о Дмитріи къ Слову о Пол. Игор. замѣчаетъ, что пѣвецъ Дмитрія избралъ себѣ Слово о Пол. Иг. за образецъ, достойный подраженія, вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣлъ воспользоваться бывшими въ его время народными сказаніями о Мамаевомъ побоищѣ и тѣмъ придавъ своему произведенію характеръ самобытности (Ж. М. Нар. Пр. часть 99, стр. 84).

Въ томъ же году въ Извѣстіяхъ Ав. Н. напечатано нѣсколько библиографическихъ указаній и замѣтокъ касательно Слова: 1) О переводѣ Слова на Венгерскій языкъ Ридлемъ Сенде (т. 7, стр. 320:); 2) Разборъ замѣчаній Гзталы, приведенныхъ имъ при переводѣ Слова на Чешскій языкъ (т. 8, стр. 10 и 122—124); 3) догадка Данилевскаго о значеніи слова—Троянь (т. 7, стр. 330—333). Данилевскій слово Троянь производитъ отъ числительнаго тройной или троякій, сокращенно Троянь. Поэтому онъ объясняетъ четыре мѣста, въ которыхъ упоминается слово Троянь, такимъ образомъ: въ первомъ мѣстѣ сочинитель говоритъ: Боянь бо вѣщій, аще хоташе кому пѣснь творити, то растекашется (первое) мыслию по древу, (второе) сврымъ волкомъ по земли, (третье) сизымъ орломъ подъ облаками: Въ этомъ видитъ Данилевскій три душевные способности: умъ, чувство и воображеніе, это, по его мнѣнію, и есть три тропы творчества поэта, составляющія въ

сущности одну тройню, т. е. тройную, тройственную. Далѣе повторяется таже мысль: (первое) скача славю по мыслену древу, (второе) летая умомъ подъ облаки, (третье) свивая славны оба полы сего времени, (и такимъ образомъ) рища въ тропу тройню чрезъ поля на горы, т. е. носясь этимъ тройнымъ путемъ по полямъ и по горамъ.

Во второмъ мѣстѣ: были вѣчи трояни т. е. три различные вѣка, которые вслѣдъ за тѣмъ и названы: (первый) минула лѣта Ярославля, (второй) были плѣцы Олговны, (третій) съ тоя же Каялы Святополкъ повелѣя отца. Это три человѣческихъ вѣка, въ которые сѣялись и росли усобицы по Русской землѣ. Въ третьемъ мѣстѣ—слова—вступила обида дѣвою на землю трояню—значать: скорбь, посѣщавшая Русскую землю въ три различные вѣка, вступила (по плѣненіи Игоря) дѣвою (какъ бы не бывалою) на трояню (въ три различныя эпохи ею посѣщенную) землю. Въ четвертомъ мѣстѣ на седьмомъ вѣцѣ трояни, т. е. на 67 столѣтіи отъ сотворенія міра. Правда, Всеславъ жилъ только около этого столѣтія, но онъ жилъ въ одно время съ Олегомъ, вѣкъ котораго былъ троянь, т. е. одинъ изъ трехъ, ознаменованныхъ междоусобіями князей.

Пыпинъ въ своемъ сочиненіи: „Очеркъ литературной исторіи старинной повѣсти и сказокъ русскихъ“ (Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н. т. 4, 1858 г.) высказалъ нѣсколько мнѣній и замѣтокъ о Словѣ. По его мнѣнію, оно замѣчательно не только тѣмъ, что въ немъ обильною струею проходить образы народной поэзіи, но особенно тѣмъ, что въ немъ много частнаго авторскаго труда. (Это онъ ставитъ вопросомъ для изслѣдованій.) Его онъ считаетъ явленіемъ исключительнымъ, нераздѣльно связаннымъ съ народнымъ эпосомъ и по духу, и по формѣ (стр. 3). Но представляя примѣръ чистаго эпоса, оно осталось безъ послѣдствій; позднѣйшіе грамотѣи чувствовали его прелесть, но никогда не могли подняться до его эпической высоты; отличаясь болѣе всего многословіемъ и напыщенностію, эти сочинители могли

внести изъ Слова только отдѣльныя формы въ свои тяжелыя схоластическія сказанія, и дальше идти не могли (ст. 11). Касательно изслѣдованій кн. Вяземскаго о Словѣ, въ которыхъ онъ хотѣлъ показать тѣсную связь между Словомъ и Гомерическими сказаніями о Троѣ, Пыпинъ замѣчаетъ, что извѣстность Гомера въ средніе вѣка ограничивалась немногими Византійскими учеными, а вѣсто Гомера получили большой авторитетъ позднѣйшія, иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписываемыя Дарету и Диктису, которыя въ одной передѣлкѣ дошли и до русской литературы. Въ средніе вѣка Гомеръ извѣстенъ былъ только по имени. (стр. 51). На мнѣніе Вяземскаго, что авторъ Слова былъ ученый писатель своего времени, Пыпинъ отвѣтилъ, что это не подтверждается критикою, равно и вліянія Троянскихъ сказаній на Слово не видно (стр. 92). Всего естественнѣе, говоритъ Пыпинъ, находить здѣсь намеки не на Троянскую исторію, а на какія-то народныя преданія, теперь неизвѣстныя, но конечно не имѣвшія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ. Въ Словѣ съ начала до конца господствуетъ одна авторская мысль, развиваемая литературнымъ образомъ; Слово о Полку Иг. представляетъ въ нашей старинной письменности примѣръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала германская средневѣковая литература, т. е. эпоса возвысившагося уже надъ уровнемъ народной словесности устной до замѣчательной по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ извѣстной постепенности, имѣютъ свои причины и слѣдствія, то легко притти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало извѣстное литературное развитіе и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта. Это предыдущее указало тѣ пути, которымъ могъ слѣдовать авторъ стариннаго эпоса: съ одной стороны предъ нимъ лежали богатые запасы народной поэзіи, онъ ими и восполь-

зовался значительно, съ другой произведенія письменной литературы, вѣроятно, не оставшейся безъ вліянія на его форму (стр. 94—95). Къ разряду послѣднихъ. Пыпинъ относитъ—Синагрипа, Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ и Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ, въ которыхъ много отразилось той свѣжести, какая часто поражаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашихъ и какая становится болѣе рѣдкою въ книжныхъ произведеніяхъ поздней письменности (стр. 63).

Въ 1859 г. Максимовичъ (въ Украинцѣ № 1) напечаталъ текстъ Слова съ поправками и съ раздѣленіемъ его на 20 главъ. Къ нему присоединилъ онъ свой переводъ на Малороссійское нарѣчіе и примѣчанія. Въ вводномъ замѣчаніи Максимовичъ высказываетъ свое мнѣніе о пѣвцѣ, о времени написанія и о нарѣчій Слова. Пѣвца онъ считаетъ современникомъ и участникомъ похода. Первые двѣ части считаетъ написанными въ 1185 году, а послѣднюю въ 1186 г. Языкъ, по его мнѣнію, тотъ же, какимъ писалъ Несторъ и его Кіевскіе и Волынскіе продолжатели лѣтописанія, т. е. языкомъ церковно-славянскимъ въ живомъ сочтеніи съ народнымъ южно-русскимъ. Въ дошедшемъ до насъ спискѣ примѣтны слѣды сѣверно-русскаго нарѣчія, принадлежащіе не древнему подлиннику пѣсни, а позднѣйшему ея переписчику.

Въ примѣчаніяхъ къ тексту много мѣста занимаютъ тѣ, въ которыхъ онъ объясняетъ поправки текста; нѣкоторыя изъ нихъ оправдываются лѣтописями, какъ напр. оступиша (примѣч. 17), стругы (49 пр.); другія любопытны, по своей новостѣ, какъ напр. вѣста. Зви дивъ (9 пр.). Самый переводъ на Украинское нарѣчіе считается очень хорошимъ.

Въ 1859 же году Буслаевъ напечаталъ въ Лѣтописяхъ рус. литературы статью: „Русская поэзія XI в. и начала XII“ (перепечатана въ Истор. Очеркахъ т. 1. 1861 г.). Въ этой статьѣ главнымъ образомъ говорится о Волянѣ,

какъ представитель древнѣйшей русской поэзіи. Статья поставлена въ связь съ 10-й лекціей Шевырева и, кажется ею вызвана, потому что Буслаевъ въ началѣ замѣчаетъ, что у Шевырева достаточно объяснена историческая часть Слова, но поэтическая неудовлетворительна. Мифологія, на которой зиждется весь древнѣйшій періодъ народной поэзіи, и слѣды которой явственны въ Словѣ, вовсе не объяснена и не приведена въ органическую связь съ поэтическимъ міромъ старыхъ словесъ и замысловъ Бояна (стр. 378.). За этимъ Буслаевъ подвергаетъ критическому разбору мнѣніе Шевырева о Боянѣ, опровергаетъ его мнѣніе, что Боянъ не подвергалъ своего вдохновенія произволу жеребѣя и что онъ былъ противникомъ Святослава пѣснотворца. Опровергнувъ мнѣніе Шевырева, Буслаевъ излагаетъ свой опытъ о поэзіи Бояновой.

„Характеръ древнѣйшей нашей поэзіи, судя по указаніямъ въ Словѣ, историческій: герои-полубоги со всею своею чудесною, мифическою обстановкою, уступили мѣсто лицамъ историческимъ, князьямъ русскимъ съ ихъ усобицами: Боянъ уже помнилъ усобицы первыхъ временъ Ярославъ, Мстиславъ, былъ пѣснотворцемъ Святослава и его сыновей, особенно Олега. Но этотъ историческій эпосъ имѣлъ связь съ мифологическимъ; намеки на него сохранились въ Словѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, потерявшихъ уже свой полный смыслъ. Слѣды старыхъ словесъ изъ замысла Боянова видны въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) Се вѣтри, Стрибожа внуцы, 2) при Олегѣ Гориславичѣ погибаетъ жизнь Дажьбожа внука, 3) встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню: 4) Всеславъ... великому Хрѣсови влъкомъ путь прерывае, 5) Бояне, Велесовъ внуце. Изъ этихъ мѣстъ видно, что мифическія и героическія основы русской поэзіи еще были свѣжи въ памяти Бояна, когда онъ предавался замыслу эпоса уже историческаго. Люди у него стояли въ родственномъ отношеніи къ богамъ. Вмѣстѣ съ этимъ эпосъ

историческій помнитъ преданія о волкодлакахъ, объ обидѣ въ мнѣическомъ образѣ дѣвн. Къ этимъ же мнѣическимъ преданіямъ относится и загадочная личность Трояна. "Буслаевъ подробно разбираетъ всѣ мѣста, въ которыхъ о немъ упоминается въ Словѣ, сопоставляетъ упоминаніе о немъ съ Сербскими и Болгарскими сказками, въ которыхъ говорится о какомъ-то царѣ Троянѣ, "не выносившемъ солнечнаго свѣта и выѣзжавшемъ только по ночамъ, и соответствующемъ альфамъ и карликамъ сѣверной мѣологии, боявшимся дневнаго свѣта и хранителямъ золота и серебра." Изъ этого Буслаевъ дѣлаетъ выводъ, что Троянъ въ словѣ имѣетъ мнѣическое значеніе (стр. 389) и что историческая поэзія Бояна возрастала на мнѣическихъ основахъ, какъ на эпическомъ чудесномъ, извлекая изъ міра чудесъ свои эпическія и свѣжія силы. Особенно въ пѣсняхъ о Всеславѣ Боянъ умѣлъ искусно слить въ одно художественное цѣлое элементъ историческій съ мнѣическимъ. Всеславъ, по Слову, не только князь Полоцкій, но и оборотень, похожій на сказачнаго оборотня царя Китовраса.

За симъ Буслаевъ предлагаетъ характеристику пѣвцовъ XI в. Они были народные пѣвцы, представители эпической дѣятельности цѣлаго народа, но жившіе при князьяхъ, хотя и не составлявшіе своихъ пѣсенъ по заказу, таковъ былъ Боянъ. Отъ Бояна остались двѣ припѣвки: „1) ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія ни минути., 2) тяжко ти головы, кромѣ плечу, зло ти тѣлу, кромѣ головы.“ Ему же можно приписать и нѣкоторыя поэтическія выраженія, въ которыхъ авторъ Слова передаетъ содержаніе его пѣсенъ, напр. объ Олегѣ, что онъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ, что при немъ сѣялось и росло усобицами, погибала жизнь Дажьбожа внука, объ Всеславѣ, что при немъ на Немизѣ снопы стлали головами и пр. Авторъ Слова, какъ будто приводитъ слова Бояна, или говоритъ въ духѣ Бояна въ слѣдующемъ мѣстѣ: „не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици

стады бѣжать къ Дону великому.“ Разбирая характеристику Бояна въ Словѣ, Буслаевъ дѣлаетъ такіе выводы о немъ: Онъ самъ пѣлъ свои пѣсни, подобно другимъ народнымъ пѣвцамъ и сопровождалъ ихъ струннымъ инструментомъ, игрою на гусляхъ, какъ чешскій языческій пѣвецъ Забой на варито. Выраженіе о немъ, что онъ „растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подѣ облаками“—указываетъ на поэтическое одушевленіе его. Для объясненія этого вдохновеннаго полета фантазіи Бояна можетъ служить народная прелюдія:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Въ характеристику Бояна входитъ еще названіе его вѣщимъ, т. е. знахаремъ и чародѣемъ. Поэзія его называется замышленіемъ, для сочиненія пѣсни употребляется выраженіе: „пѣснь творити.“ Еще онъ называется соловьемъ, который считается символомъ художественнаго творчества, онъ уподобляется соколу, означающему быстроту, силу и ловкость, называется по старой привычкѣ внукомъ Велеса, бога быта мирнаго, земледѣльческаго. Не смотря на то, что Боянъ жилъ еще въ то время, когда языческая поэзія была въ полной силѣ, онъ съ своими историческими пѣснями выдвинулся изъ темной массы языческаго чествованія волхвовъ, онъ былъ другомъ князей, прославлялъ ихъ подвиги и осуждалъ усобицы. Какъ современникъ Нестора, онъ если и самъ заимствовалъ въ свои пѣсни изъ историческихъ рассказовъ его, то безъ сомнѣнія, могъ и передавать лѣтописцу въ звучныхъ пѣсняхъ преданія русской старины. Оба они смотрѣли на міръ одинаковыми глазами, оба обрабатывали одно и то же содержаніе и волею или неволею сходились на однихъ и тѣхъ же предметахъ, какъ напр. на прославленіи Храбраго Мстислава.

Кромѣ этого сочиненія Буслаевъ въ тоже самое время выяснялъ мнѣстическую сторону разныхъ мѣстъ Слова и въ другихъ сочиненіяхъ: въ Эпической поэзіи (т. 1 стр. 1—78); въ Русскомъ бытѣ и пословицахъ (т. 1 стр. 78—137); въ Мнѣстическихъ преданіяхъ о человѣкѣ и природѣ, сохранившихся въ языкѣ (т. 1 стр. 137—151); въ Областныхъ видоизмѣненіяхъ русской народности (т. 1 стр. 151—210); въ Древнѣйшихъ эпическихъ преданіяхъ славянскихъ племенъ (т. 1 стр. 355—377). Здѣсь между прочимъ выяснены слѣдующія мѣста Слова:

а) „Се вѣтри Стрибожи внуци вѣютъ съ моря стрѣлами.... О вѣтре, чему мычещи хановскія стрѣлки на своемъ не трудномъ крилицѣ.“ Эпическія формы здѣсь основаны на томъ, что въ древнее время вѣтеръ, стрѣла и быстрая птица обозначались однимъ словомъ, потому что производили одинаковое впечатлѣніе. Крылатый образъ вѣтра есть представленіе, основанное на естественномъ первобытномъ сочетаніи впечатлѣній, производимыхъ быстротою вѣтра и птицы и въ потребности олицетворять въ видимомъ образѣ невидимую силу вѣтра (т. 1 стр. 8).

б) Плачъ Ярославны, проникнутый мнѣстическимъ чествованіемъ солнца, и другихъ стихійныхъ божествъ, Буслаевъ считаетъ заговоромъ, заклинаніемъ, подобнымъ заклинаніямъ нѣмецкихъ идисъ на освобожденіе кого-нибудь изъ оковъ. Въ этомъ плачѣ одно темное мѣсто, именно: въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпраже, тугою имъ тули затче—удобно объясняется однимъ заговоромъ на оружіе, въ которомъ наузы, или чародѣйскія узлы играютъ главную роль: „завяжу я по пяти узловъ. Вы узлы заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки...“ [стр. 35—117 т. 1.]

в) Мѣсто: дивъ кличетъ врѣху древа—объясняется пословицею: изъ пустаго дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана, согласно съ древнимъ свидѣтельствомъ въ житіи князя Константина Муромскаго: „дуплиномъ древа-

нимъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ повлаивающеся.“ Эта пословица объясняется также однимъ польскимъ повѣрьемъ—будто бы дьяволъ, превратившись въ сову, обыкновенно сидитъ на старой дуплистой вербѣ и оттуда вѣщаетъ, кому умереть. Потому мужики опасаются срубить старыя вербы, боясь тѣмъ раздражить самаго бѣса; отсюда и польская пословица: *zakochał się, jak diabeł w suchej wierbie*, т. е. полюбилъ, какъ дьяволъ сухую вербу (стр. 80 т. 1.).

d) Выраженіе—великому хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше—вѣроятно заключаетъ намекъ на народное вѣрованіе, что солнце имѣетъ образъ животного и во время затмѣнія снѣдается волкомъ, о чемъ говорится и въ Ипат. лѣт.: погнѣе солнце и бысть, яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи: снѣдаемо солнце (стр. 93—95 т. 1).

e) Выраженіе: Изяславъ изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье—согласуется съ древне-индѣйскимъ представленіемъ душъ въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъ бы напизаны на одной нитѣ, потому что подлежатъ общему всѣмъ имъ вліянію (стр. 141 т. 1). Въ творительномъ падежѣ сравненія—осталось повѣрье въ переселеніе душъ (стр. 142—143 т. 1).

Кромѣ выясненія міеологическаго элемента въ Словѣ, Буславъ въ этихъ статьяхъ выясняетъ нѣкоторыя эпическія формы и указываетъ ихъ историческое значеніе. Древнія пословицы сохранялись поетами или вѣщими людьми. Сочинитель Слова помнилъ пословицу поэта Бояна: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути. Въ XII в. припѣвка эта была въ общемъ употребленіи, ее приводитъ и Даніилъ Заточникъ: повѣдаху ми яко той есть судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму, ни горазду не минути (стр. 37). На старыхъ пословицахъ, какъ на выраженіяхъ нравственнаго закона, основались логичны и происходилъ силлогизмъ, въ которомъ

большую посылку составляла старая пословица, а меньшую новый частный случай. Примеръ такого силлогизма представляетъ слѣдующее мѣсто въ Словѣ: „тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы, русской земли безъ Игоря.“ Самъ сочинитель свидѣтельствуесть, что эта пословица Боянова, т. е. старая (стр. 40 т. 1.). Много эпическихъ выраженій въ Словѣ уяснено Буслаевымъ посредствомъ сравненія ихъ съ другими старыми памятниками, старинными повѣрьями, пословицами и пѣснями; такъ эпитетъ „синій“ при молніи объясняется пословицею: „врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ“ (стр. 87 т. 1). Особенно много объяснено выраженій, относящихся къ древнему быту земледѣльческому, военному; напр. хочу главу свою приложить а любо испити шеложомъ Дону,“ подобными выраженіями въ Ипат. лѣтоп. (стр. 89 т. 1.); „не худа гнѣзда шестокрильцы“ объяснено славянскимъ преданіемъ, что Лѣхъ основалъ гнѣзно или гнѣздо въ тѣхъ рощахъ, гдѣ прежде гнѣздились орлы. Гнѣздо въ значеніи семьи занимаетъ среднее мѣсто между первоначальнымъ значеніемъ и названіемъ города (369 стр.).

По поводу 1-й статьи г. Буслаева Иловайскій напечаталъ нѣсколько словъ о древнѣйшей русской поэзіи (Рус. Слово 1859 г. № 12 отд. 1. стр. 515—520). Въ своей статьѣ Иловайскій сначала дѣлаетъ оцѣнку статьи Буслаева, потомъ предлагаетъ свои соображенія. Изслѣдованіе Буслаева, по словамъ Иловайскаго, проливаетъ свѣтъ на древне-русскую поэзію. Два вывода Буслаева, что Слово отрывокъ бывшаго цѣлаго историческаго эпоса, и что имя Бояна покрываетъ собою толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ, могутъ перейти въ научныя положенія. Цѣль собственныхъ соображеній Иловайскаго доказать существованіе придворной княжеской поэзіи, обычнаго явленія средневѣковой Европы. На основаніи Слова существованіе придворной княжеской поэзіи Иловайской видитъ во 1-хъ) въ томъ, что и Боянъ, и пѣвецъ воспѣвали князей; во 2-хъ) въ концѣ

Слова слава воздается князьямъ; въ 3-хъ) авторъ Слова подробно знакомъ съ современнымъ ему и прежнимъ политическимъ состояніемъ Россіи и со взаимными отношеніями всѣхъ князей, что возможно только для лицъ близкихъ къ князю; въ 4-хъ) Слово показываетъ значительную выработку оборотовъ и выраженій; въ 5-хъ) въ Словѣ выражается особенное участіе къ князьямъ и дружинѣ.

Въ 1861 г. Буслаевъ напечаталъ текстъ Слова въ Исторической христоматіи. Здѣсь онъ представилъ нѣсколько палеографическихъ замѣтокъ и приложилъ примѣчанія. Говоря о первомъ изданіи Слова, Буслаевъ замѣчаетъ: въ этомъ изданіи правописаніе подновлено по русскому прифугу т. е. постановлены е вм. іе, я вм. іа и ѡ, ѣ вм. и, уничтожены надстрочные знаки, раздѣлены слова и сокращенныя подъ титломъ прочтены сполна. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, вкрались въ печатный текстъ нѣкоторыя неточности, напр. рѣчь вм. рече, речѣ, пѣсь вм. пѣсь, пѣсѣ. Что касается до другихъ особенностей древняго правописанія (напр. ѣ и ѣ среди словъ), то онѣ въ точности удержаны. Вліяніе сербскаго правописанія оказалось въ ѣ въ концѣ словъ вм. „ѣ“ напр. соколовъ, умъ. Позднѣйшее правописаніе оказалось значительно въ постоянной замѣнѣ ѣ и ѣ буквами о, е вездѣ, гдѣ только писецъ не слѣдовалъ оригиналу, съ котораго списывалъ. Нѣкоторыя подновленія, вѣроятно, внесены первыми издателями, напр. солнце вм. сѣльнце изъ подъ титла сѣльнце, сердца; ѣ смѣшивается съ е и замѣняется иногда ѡ, іа. Южное произношеніе оказалось въ замѣнѣ ѣ и ѣ, ѡ и ѡ. ѡ и ѡ. О вѣбѣ рукописи Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что она относилась къ XIV или XV в. и списана была съ древнѣйшаго оригинала.

Въ примѣчаніяхъ къ тексту предложены нѣкоторыя поправки въ текстъ, но только касающіяся правописанія напр. птичу вм. птицу горазду, помянувши вм. помянувшѣ. Историческія и археологическія примѣчанія составлены на

основаніи объясненій прежнихъ комментаторовъ. Попытки объясненія темныхъ мѣстъ вовсе нѣтъ.

Въ 1862 г. О. Миллеръ въ „Опытѣ обозрѣнія русской словесности“ (помѣщ. было въ журн. Учитель, 2-е изданіе отдѣльно въ 1765 г., цитаты по 2 изд.) посвятилъ цѣлую главу Слову о полку Игоревѣ. Здѣсь Миллеръ большею частію только подробнѣе развилъ и свелъ въ систему то, что сказано было Буслаевымъ, Шевыревымъ, Максимовичемъ и другими. Онъ говоритъ о древнихъ свѣтскихъ пѣвцахъ и объ ихъ стремленіяхъ, объ отношеніи къ нимъ пѣвца Игоря, сравниваетъ Слово съ Кракедворской рукописью, выясняетъ лирическій элементъ Слова и наконецъ подробно говоритъ о личности пѣвца и его идеалѣ. Сущность его воззрѣній на это слѣдующая: Древнѣйшимъ предметомъ исторической пѣсни сдѣлался у насъ братъ Ярослава Мстиславъ, одолѣвшій Редю великана. Про него сложили пѣсню какой-то Боянъ. Имя его дошло до насъ. Значитъ, пѣсни его слишкомъ выдѣлялись изъ общенародныхъ пѣсенъ, выдѣлялись до того, что въ нихъ выражалась нравственная особенность, его личность. А когда проявляется личность, является тогда потребность въ письменности. Значитъ, пѣсни Бояна, если не были ими самимъ написаны, то должны были быть записаны другими. Но изъ пѣсенъ его ничего не дошло до насъ, мы знаемъ объ немъ отъ неизвѣстнаго пѣвца Игорева: послѣдній именуетъ его вѣщимъ т. е. вдохновеннымъ, внукомъ бога Велеса и желалъ бы пѣть подобно ему—старыми словами (356—357).

Есть основаніе думать, что пѣвецъ Игоря хотѣлъ замѣстовать и у болѣе старыхъ пѣвцовъ т. е. пѣвцовъ безыменныхъ, чисто народныхъ, потому что онъ общаетъ начать свою повѣсть отъ стараго Владиміра, а Боянъ по его словамъ началъ только съ Ярослава, но пѣснь его вышла только пѣснію объ Игорѣ. Все таки въ его пѣсни, какъ былинахъ сего времени, есть много и старыхъ сло-

весь, съ которыми соединяются имена различныхъ существъ мифическихъ.. А это показываетъ, что и онъ, и Боянъ были люди свѣтскіе, которые дорожили еще воспоминаніями о своей языческой старинѣ. Производя согласно съ Бояномъ вѣтры отъ Стрибога, пѣвца отъ Велеса и князя отъ Дажь-бога, пѣвецъ Игоря въ тоже время говоритъ о заутренѣ, о св. Софіи, объ Игорѣ, вѣдущемъ къ Богородицѣ Пирогощей. То старыя словеса, это былины его времени. Старыхъ словесъ, однако болѣе, чѣмъ былины христіанской поры. Тоже преобладаніе мифологіи усматривается и въ Чешскомъ древнемъ литературномъ памятникѣ—Краледворской рукописи. Миллеръ сравниваетъ ее со Словомъ только въ общихъ чертахъ. Сходство онъ указываетъ въ слѣдующемъ. а) оба они относятся къ исторической поэзіи и составляютъ первую ступень отъ чисто народнаго творчества къ лично—художественному; б) они указываютъ на существованіе въ мірѣ славянскомъ особаго слоя пѣвцовъ—у насъ Бояна, у Чеховъ Люмира (Zab.); в) въ словѣ говорится о старыхъ словесахъ, въ Крал. рукоп. о ветхихъ (Яросл.); г) обороты и приемы той и другой сходны: у насъ пѣвцамъ покровительствуетъ Велесъ, у Чеховъ—боги пѣвце добра милују (Zabijl), у насъ борзый конь, тамъ ручи комонъ (Честм.). Описаніе дружины и сраженій сходны. (Яросл.) и т. п.

Сравнивая Слово съ лѣтописнымъ разсказомъ, Миллеръ находитъ, что историческое событіе у пѣвца представлено лучше, чѣмъ у лѣтописца, какъ и у чешскаго пѣвца Яромира и Ольдриха оно точнѣе, чѣмъ въ лѣтописи Козьмы Пражскаго. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что у лѣтописцевъ развито было воображеніе, которымъ они дорисовывали историческіе образы, какъ напр. лѣтописецъ Игорева похода влагаетъ въ уста Игоря длинную покаянную рѣчь, несогласную съ положеніемъ и взглядомъ тогдашняго князя, но за то согласную съ понятіями и взглядами лѣтописца—монаха. Напротивъ, пѣвецъ Игоря даетъ ему говорить только

то, что въ дѣйствительности могло быть имъ сказано. Все, что онъ могъ прибавить къ рѣчамъ его, такъ это ту образность, съ которою у него говорить Игорь: хочу испить шеломахъ Дону, что могло, впрочемъ, принадлежать и самому Игорю. Пѣвецъ не упоминаетъ однако объ одной высокой чертѣ въ характерѣ Игоря, о которой говоритъ лѣтописецъ, именно: „Если предадимся бѣгству, говоритъ Игорь, а черныхъ людей оставимъ, то отъ Бога намъ будетъ грѣхъ.“ Эта черта въ характерѣ Игоря и могла быть не извѣстна поэту. Не смотря на то, что авторъ Слова строго вѣренъ дѣйствительности, мы не называемъ его повѣствователемъ, писателемъ историческимъ, а пѣвцомъ. Это потому, что въ его сочиненіи видно стремленіе подняться къ лучшему, къ идеалу. Игорь у него представленъ оберегателемъ родной земли, Всеволодъ вѣрнымъ идеѣ брата. Святославъ Кіевскій заботливымъ отцомъ, Ярославна вѣрной и нѣжной женой. Всѣ они изображаются въ прекрасныхъ образахъ. Но самое прекрасное въ Словѣ составлятъ пѣвецъ, который не можетъ спокойно рассказывать: чрезъ рассказъ его постоянно пробивается чувство—досады на Половцевъ, ужаса при мысли, что Русскіе далеко зашли отъ своей земли, жалость и тоска отъ того, что Русскіе разбиты и что другіе сильные русскіе князья не хотятъ пособить Игорю, каждый думаетъ только о себѣ. Эта личная скорбь—самое прекрасное, идеальное въ цѣломъ Словѣ, потому что это скорбь гражданина, изъ-за этой скорби видѣется идеалъ не разрозненной, цѣльной, единой, любовью сплоченной русской земли. Такого личнаго чувства нѣтъ въ нашей древней былинной поэзіи; оно является позднѣе, съ успѣхами образованности. Къ этому времени и относится Слово; какъ повѣсть—оно эпическое произведеніе, а какъ выраженіе души самаго пѣвца—лирическое. Но это чувство принадлежало въ то время немногимъ избраннымъ; если бы вся русская земля прониклась такимъ сознательнымъ чувствомъ скорби объ источникѣ бѣдствій, то прекратились бы эти

бѣдствія, не стало бы этого источника—междоусобной брани князей.

Въ примѣчаніяхъ къ обзорѣнію Миллеръ дѣлаетъ поправки въ мнѣніяхъ Буслаева, или, не соглашаясь съ нимъ, высказываетъ свои; такъ, ссылаясь на Буслаева, что онъ въ „обидѣ“ видитъ какую-то мифическую дѣву, Миллеръ прибавляетъ, что, можетъ быть, она соответствуетъ сказочной кривдѣ или лиху (пр. 2 къ 359 стр.); говорить, что Буслаевъ слишкомъ многое изъ Слова приписываетъ Бояну (пр. 4 къ 359), не вполне соглашается съ Буслаевымъ въ пониманіи Всеслава, котораго Миллеръ представляетъ сходнымъ съ былиннымъ Вольгою и образъ послѣдняго считаетъ гадательно происшедшимъ изъ воспоминаній объ историческихъ двухъ Олегахъ и Всеславѣ Полоцкомъ съ примѣсю къ нимъ мифическихъ основъ (Пр. 2 къ 360 стр.). Упоминаемаго въ Словѣ Трояна считаетъ историческимъ лицомъ (пр. 3 къ 360 стр.), чему подтвержденіе находится въ изысканіяхъ г. Котляревскаго (Мат. для Археол. словар. въ Тр. Моск. Арх. Общ. I. стр. 13—14). Въ разговорахъ Донца съ Игоремъ видитъ сходство съ эпическимъ разговоромъ Ахиллеса съ Ксанномъ (пр. 2 къ 357 стр.).

Въ 1863 г. Л. Майковъ въ диссертациі „О былинахъ Владимірова цикла“ нѣсколько страницъ посвящаетъ вопросу о древне-русскихъ пѣвцахъ, къ числу которыхъ относитъ Бояна и пѣвца Игорева. Онъ здѣсь сводитъ лѣтописныя указанія на пѣвцовъ и сравниваетъ ихъ съ пѣсенными описаніями. На основаніи словъ Игоревой пѣсни „начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени“ Майковъ предполагаетъ, что былины, какъ особый родъ эпоса, существовали въ нашей народной поэзіи уже въ XII в. и что содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности (стр. 29). Упомянутія о лицахъ, пѣвшихъ пѣсни и игравшихъ на гусяхъ и другихъ инструментахъ встрѣчаются въ слѣдующихъ письменныхъ памятникахъ: въ житіи

Θеодосіа, въ поученіи Θеодосіа Печерскаго и въ Словѣ Хри-
столюбца.*) Соотвѣтственно этимъ показаніямъ и въ былинахъ
находимъ веселыхъ молодцовъ, гудощниковъ и скомороховъ
на княжескомъ пиру. Они поютъ и играютъ на звонча-
тыхъ, яровчатыхъ гусяхъ или гудкѣ. Отчасти изображено
въ былинахъ и самое пѣніе скомороховъ. Ставръ напр.

Сыгрышъ игралъ Царя града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,

Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ,

или:

Сталъ тутъ Ставръ гуселокъ налаживать;
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать,
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда,
Третью отъ Іерусалима;
Навелъ онъ танцы великіе,
Припѣвки то припѣвалъ изъ-за синя моря.

Въ томъ же родѣ и пѣнія соловья Будиміровича, Садка и
Добрини:

Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тня струночки золоченыя,
Учалъ по струночкамъ похаживать,
Играетъ въ Цареградѣ.
А выигрышъ (слова пѣсни) беретъ въ Кіевѣ (32—34).

*) Въ житіи Θеодосіа находится слѣдующее мѣсто: «и во
единъ отъ днй шѣхъшю къ тому благому и богоносному старцю
нашему Θеодосію, яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь (Свято-
славъ) сѣдязъ и се видя многыя играюще прѣдъ нимъ, овы гусличныя
гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, и нѣмъ пи-
скы гласящемъ и тако всѣмъ играющемъ и веселящемъся. яко
обычай есть прѣдъ княземъ.» Въ поученіи о казняхъ Божіихъ Θео-
досій говоритъ. «діаволъ лститъ... скоморохи, гусли, сапалы и
всякими играми.» Почти тоже говорится въ Словѣ Христолюбца
«не похобаеъ крестыаномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть пля-
саніе, гуденіе, пѣсни мирская и жертвы идольская.»

Собравши всё эти показанія, нельзя не признать гу-сельщиковъ и пѣвцовъ, пѣвшихъ предъ Святославомъ, а также скомороховъ, гудцевъ и игрецовъ за однѣ и тѣ же лица съ гудошниками и скоморохами нашихъ былинъ, и хотя нѣтъ возможности точно опредѣлить содержаніе ихъ пѣсенъ, нельзя однако предположить, что были между этими пѣснями и эпическія, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ былинъ. Эпическій характеръ пѣсенъ виденъ напр. у Ставра:

Онъ мастеръ Ставръ въ гусли играть,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать
Про стары времена и про нынѣшни
И про всё времена досюлешны.

Сходство древнихъ скомороховъ и гудошниковъ съ нынѣшними напр. олонецкими сказителями видно и въ томъ, что первые подвергались осужденію духовенства, напр. въ Стоглавѣ, послѣдніе же считаютъ свои пѣсни мірскими, запретными.

Въ 1864 г. Стоюнинъ въ книгѣ „О преподаваніи русской литературы“ (2-е изд. 1868 г.) опредѣляетъ личность пѣвца, его идеалы и отношеніе его пѣсни къ дружинному эпосу въ лѣтописи и къ богатырскому въ былинахъ. Онъ считаетъ автора Слова лицомъ свѣтскимъ, пѣвцомъ дружины, какимъ былъ и Боянъ. А русскіе Бояны—это—барды, скальды, минезингеры другихъ народовъ, вѣще истолкователи дружинной жизни. Они должны были воспитываться дружиною, ея духомъ, проникнуты ея идеалами, участвовать въ ея подвигахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и могли сохраниться только въ дружинѣ и переходить какъ бы по наслѣдству отъ одного пѣвца къ другому. Лучшіе изъ нихъ были образцами для другихъ, которыми они и развивали свой эпическій даръ. Такъ Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Слова о П. Иг., который дружиннымъ пѣвцомъ долженъ быть названъ потому, что воспѣвалъ Игоря и Всеволода за ихъ отвагу, мужество, за добываніе воинской

славы и чести, помнилъ и старня дружинныя пѣсни и самъ былъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. Кромѣ проникновенія дружинными идеалами, авторъ Слова вездѣ выказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдству и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и раззореній половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, но и русскаго человѣка, сознающаго связь свою съ родною землею. Самыя вѣрованія его народныя. Эти вѣрованія являются у него не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорса, и въ Велеса, котораго въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, онъ вѣритъ и въ миѣческую силу стихій. Живые эпическіе образы въ Словѣ могли вытекать только изъ общаго цѣльнаго миѣческаго міросозерцанья, еще не разбитаго никакими другими противоположными вѣрованіями. На этомъ основаніи Стоюнинъ не принимаетъ мнѣнія, что бы Слово о П. Иг., равно какъ и пѣсни Бояна, какъ историческій эпосъ, смѣнили собою миѣческой или богатырскій, изъ которыхъ бы выродился первый. „Между ними нѣтъ сходства ни въ общемъ характерѣ, ни въ эпическихъ приемахъ. Богатырскій эпосъ создала народная фантазія, дружинный—княжеская дружина, послѣдній не переходилъ въ народъ (стр. 86 2-го изд.). Слово имѣетъ родство и тѣсную связь только съ сказаніями Нестора, заимствованными изъ дружиннаго эпоса, въ немъ развивается также идея о предопредѣленіи судьбы, что и въ лѣтописныхъ разсказахъ о князьяхъ (стр. 71).“ За тѣмъ Стоюнинъ считаетъ пѣвца неграмотнымъ и потому не могшимъ записать свое Слово; это на томъ основаніи, что грамотность была тогда потребностью людей религіозныхъ, пѣвецъ если и былъ христіаниномъ, не былъ однакожъ человѣкомъ религіознымъ,

проникнутымъ христіанскими идеями и стремленіями, которыя внутренно даже и не коснулись его. Учасъ по книгамъ, онъ принялъ бы оттуда какія-нибудь идеи, а онѣ необходимо разрушили бы ту цѣлостность миросозерцанья, какое видно въ Словѣ. Такимъ же неграмотнымъ былъ и Боянъ, который брался за гусли, а не за перо. Значить, твореніе пѣвца Игорева прошло чрезъ чуждое перо (стр. 87).

П. Полевой въ своемъ сочиненіи: „Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи Германской и Славянской“ — (1864 г.) сравниваетъ Слово и Краледворскую рукопись съ древними нѣмецкими народными памятниками. Въ первой части этого сочиненія онъ говоритъ о славянскихъ пѣвцахъ, о занесеніи Слова на бумагу, о его предшественникахъ, объ отношеніи Слова къ народной поэзіи. Перечисливши свидѣтельства лѣтописей о пѣвцахъ и пѣсняхъ, Полевой сопоставляетъ съ ними упоминаніе о чешскомъ пѣвцѣ Люмирѣ въ Краледворской рукописи и приводитъ свѣдѣнія о древне-чешскихъ пѣвцахъ, собранныя Ирчкомъ, — эти пѣвцы (рѣвсі), а послѣ іокуляторы были все люди достаточные, свободные отъ нужды, которые не заботились о насущномъ хлѣбѣ, а совершенно независимо предавались благородному поэтическому искусству, таковы; Добрата (1125 г.), Коята (1176 г.), Хунродъ (стр. 95—96).

Полевой думаетъ, что Слово сначала было изустнымъ произведеніемъ, которое могло пострадать не столько отъ долгой передачи изъ устъ въ уста, сколько отъ занесенія на бумагу, сдѣланнаго очень не ловко, хоть и довольно рано, въ концѣ XIV или началѣ XV в. Основаніемъ этому мнѣнію у Полеваго служить только то, что объ этомъ свидѣлствуетъ весь характеръ Слова, всѣ поэтическіе приемы его, всѣ несовершенства, неясности и повторенія (стр. 100).

Повторивши мнѣнія Пыпина, что Слову предшество-

вали другія подобія произведенія и что оно имѣло личность автора, Полевой дѣлаетъ выводъ, что оно не народное произведение ни по формѣ, ни по способу изложенія сюжета; поэтому онъ считаетъ незаконнымъ сравнивать его съ устной народной поэзіей, потому что они не однородны и не одновременны. Такъ какъ въ немъ встрѣчаются формы и обороты церковнославянскіе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ еще раньше употреблялись формы русскія, то оно при всей своей изящной простотѣ, при всей народности образовъ и способовъ выраженія, въ то же время писано не народнымъ языкомъ, въ немъ замѣтно желаніе автора излагать высокимъ слогомъ, можетъ быть потому, что онъ считалъ такой слогъ болѣе приличнымъ предмету, избранному имъ въ основаніе пѣсни. (Стр. 101.)

Во второй части Полевой сравниваетъ Слово съ Германскими памятниками и Краледворской рукописью. Относительно содержанія сравненій мало, но за то ихъ много по отношенію къ языку и выраженіямъ. Во всѣхъ ихъ много такихъ выраженій, которыя составляютъ принадлежность древнѣйшей эпохи, когда поэты бывають очень матеріальны въ своихъ выраженіяхъ въ томъ случаѣ, если имъ приходится говорить о внутренней жизни и дѣятельности человѣка. Здѣсь поэтъ довольствуется описательными выраженіями и очень разнообразными. Последнія минуты жизни, отлетъ души, ея разставанье съ тѣломъ описываются въ древнѣйшей эпической поэзіи также вещественно, осязательно (стр. 30). По древнимъ вѣрованіямъ Славянъ и Германцевъ душа представлялась чѣмъ-то матеріальнымъ, особымъ маленькимъ существомъ, которое иногда изображалось ребенкомъ, иногда бабочкой, иногда дымкомъ. Такъ въ Кр. рук. о Влаславѣ говорится:

aj, a vyjde duša z rvucej huby,
vyletē na drvo a podrvēch
sēmo tamo, doniž mrtēv nežžen.

Такъ и въ Словѣ: Изяславъ изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереліе.

Сходство славянской и германской поэзіи прослѣжено въ эпитетахъ при словахъ: дѣвица (37), братья (38), въ сравненіи битвы съ пиромъ (41), съ работою (42), въ изображеніи оружія поющими (46), въ сравненіи князей съ небесными предметами (50), въ сравненіи битвы съ бурей (51), наступанія войска съ грозой (52), въ сравненіи человѣка съ животными (54), птицами (54), въ заимствованіи картинъ изъ охотничьей жизни (55).

Въ 1864 г. Пекарскій издалъ списокъ Слова о П. Иг., найденный имъ въ Государственномъ архивѣ между рукописями, исключительно почти писанными Екатериной II. Онъ издалъ его съ предисловіемъ (въ V т. Зап. Им. А. Н. прилож. № 2), въ которомъ говоритъ, гдѣ найденъ списокъ, какъ переписанъ, какія въ немъ помѣтки.

Переписанъ онъ, по свидѣтельству Пекарскаго, рукою того же писца, который писалъ нѣкоторые изъ справокъ и записокъ, обращенныхъ къ Императрицѣ. На списокѣ сдѣланы карандашомъ отмѣтки противъ нѣкоторыхъ выраженій, что доказываетъ, что Екатерина внимательно читала его; краткое содержаніе Слова, находящееся въ Екатерининскихъ бумагахъ, въ общемъ изложеніи сходно съ тѣмъ, которое помѣщено въ началѣ печатнаго изданія 1800 г.; описанія рукописи Слова вовсе нѣтъ. При Екатерининскомъ списокѣ есть также переводъ и примѣчанія. Сличая ихъ, Пекарскій пришелъ къ тому заключенію, что они съ печатными одной редакціи. Въ печатномъ только болѣе примѣчаній, но они сокращеннѣе, чѣмъ въ рукописи.

Текстъ по Ек. списку Пекарскій напечаталъ буква въ букву. Изъ этого списка мы видимъ, что онъ разнится отъ печатнаго во 1-хъ тѣмъ, что при плавныхъ больше чистыхъ гласныхъ, чѣмъ глухихъ, во 2-хъ, въ окончаніяхъ 3 л. глаголовъ больше ѣ, чѣмъ ь; въ 3-хъ, помѣшаны ѣ и е; въ 4-хъ, слова выведены изъ подъ титла иначе, напр.

пѣснѣ вм. — пѣсь, рѣчь вм. рече (19 стр.), въ 5-хъ, иное дѣленіе слова: „а по томъ;“ въ 6-хъ, „господине“ не выведено изъ подъ титла; въ 7-хъ, вм. „рано“ на морѣ (стр. 18); въ 8-хъ, смагу мычючи, здѣсь смагу людемъ мычючи: слово „людемъ“ въ печатномъ переводѣ есть, значитъ, въ печатномъ изданіи текста оно пропущено; въ 9-хъ, Зоянь вм. Троянь (стр. 17), за Шоломянемъ вм. за Шеломянемъ, очима вм. очима (стр. 13).

Въ 1865 г. Пыпинъ въ „Обзорѣ исторіи Славянскихъ литературъ“ повторилъ тѣ мнѣнія о Словѣ, которыя онъ высказалъ въ очеркѣ литературной исторіи старинной повѣсти, развивши только мысль объ отношеніи его къ народной поэзіи. Въ немъ, говоритъ онъ, сохранилась обстановка, несомнѣнно принадлежащая языческой эпохѣ: имена языческихъ божествъ, съ ихъ поэтическими атрибутами, очевидно, составляютъ еще живую и всѣмъ понятную подробность. И это тѣмъ любопытнѣе, что сюжетъ былъ не стародавній, сохраненный воспоминаніемъ, но это было свѣжее творчество. Эпосъ тогда былъ возможенъ, литературная обработка не уничтожила здѣсь народнаго элемента, хотя и не была съ нимъ тождественна: по крайней мѣрѣ собственно — народный эпосъ, жившій въ устахъ народа, имѣлъ по видимому иныя особенности формы. (Стр. 175.)

Изданіемъ Екатерининскаго списка было вызвано изданіе Слова Тихонравовымъ. Въ 1866 г. онъ напечаталъ текстъ Слова съ примѣчаніями, назначая его для учащихся. Но въ предисловіи онъ высказалъ свой взглядъ на погибшую рукопись Слова и на первое его изданіе. Здѣсь онъ ставитъ вопросы: можно ли быть убѣждену, что М. Пушкинъ, при изданіи Слова, не впалъ въ ошибки, подобныя тѣмъ, которыя онъ осуждалъ въ Щербатовѣ (прочитавшемъ и напечатавшемъ: почто отъялъ еси поле Заячь и Миловцы вм. заячьми ловцы)? Не испортилъ ли онъ текста произвольною пунктуаціею и невѣрнымъ отдѣленіемъ словъ одно отъ другаго и не придалъ ли онъ излиш-

ней древности списку подлинника, относя его къ концу XIV или началу XV в.? И можно ли, при опредѣленіи вѣка рукописи, полагаться на свидѣтельство такого неопытнаго въ палеографіи лица, какимъ былъ Мусинъ—Пушкинъ? На эти вопросы онъ отвѣчаетъ: Тимковскій, получившій прочное филологическое образованіе, чрезъ Калайдовича, просилъ М. Пушкина рѣшить ему слѣдующіе вопросы относительно Слова о П. Иг.: 1, вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? 2, какъ поступали издатели при знакахъ прерыванія? Но эти вопросы остались безъ всякихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ и едва ли первый издатель могъ опредѣленно отвѣтить на нихъ и понять ихъ важность. Новый списокъ объясняетъ намъ отчасти, какъ поступали первые издатели, печатая памятникъ. Сличая двѣ копіи съ оригинала, сдѣланныя однимъ лицомъ, мы видимъ, что издатель колебался въ буквахъ и знакахъ прерыванія, вносилъ такіа чтенія, какія казались ему лучшими. Особенно затруднявшія М. Пушкина буквы и прочитанныя имъ въ разное время различно могутъ дать намъ понятіе и о вѣкѣ, къ которому принадлежалъ утраченный манускриптъ. Въ ясномъ и опредѣленномъ уставномъ письмѣ XIV в. или же въ полууставѣ начала XV в., не начавшемъ еще сбиваться на скоропись, нельзя было смѣшивать ѣ съ ь, ѣ съ и, ѣ съ ъ. А между тѣмъ первые издатели почти постоянно принимаютъ ѣ за ь и наоборотъ; въ 1-мъ изд. чрьленъ, въ Ек. чрьленъ. Но ѣ начинаетъ походить на ь уже въ почеркѣ писцовъ XVI в., и то приближающемся къ скорописному и принимаетъ почти одинаковое начертаніе съ ь въ скорописи XVII в. постепенное измѣненіе полууставнаго ѣ, приближающагося къ ь. Тихонравовъ предлагаетъ посмотреть въ снимкахъ этихъ буквъ съ рукописей Московской Синодальной бібліотеки (въ Палеогр. снимкахъ Саввы на 8 табл.). Поэтому Тихонравовъ рукопись Слова относитъ

къ концу XVI в. Въ этомъ мнѣніи утверждается онъ и тѣмъ, что, сличая копін, онъ видитъ смѣшеніе издателями ѣ съ ь, а чрезъ послѣдній и съ ѣ: пѣснѣ и пѣснь, му- жанимѣся вм. мужанмѣся. горѣ вм. горѣ. Здѣсь онъ при- водитъ двѣ строки изъ рукописи скорописной 1691 г., чтобы видѣть начертаніе этихъ буквъ, приближающее одно къ другому, строку изъ рукописи 1643 г. Въ примѣръ смѣшенія и съ ѣ Тихонравовъ приводитъ строку изъ ру- кописи 1555 г., (въ Словѣ: головы вм. головѣ, ладѣ вм. лады). Но сильнѣйшимъ аргументомъ противъ мнѣнія пер- выхъ издателей о вѣкѣ рукописи служатъ для Тихонраво- ва употребленное въ Эк. сп. двойственное о, которое, гово- ритъ онъ, точно скопировано съ подлинника: оочима. При- этомъ онъ дѣлаетъ ссылку на описаніе рукописей Рум. му- зея Востокова, который нашелъ такое начертаніе о только въ рукописяхъ XVI в.

Кромѣ этихъ соображеній, основанныхъ на палеографіи, Тихонравовъ дѣлаетъ еще ссылку на очевидцевъ рукописи: на Карамзина, который относилъ рукопись къ концу XV в. и Селивановскаго, относившаго ее къ XVI в.

Самый текстъ Тихонравовъ печаталъ по первому из- данію, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлалъ поправки.

Нѣкоторыя формы онъ поправилъ по Екатерин. спис- ку, считая ихъ болѣе правильными и вѣрнѣе скопирован- ными съ погибшей рукописи. Сюда относятся: 1, окончаніе именъ сущ. м. р. въ именит. п. ед. ч. и въ родит. и дат. множ. на ѣ вм. печатнаго ь: умѣ вм. умѣ, соколовѣ, дивѣ; имѣ вм. имѣ, 2, въ срединѣ словъ—мѣгла вм. мѣгла, салъ- тани вм. салтани; 3, окончаніе 3 л. глаголовъ един. и множ. числа пасетъ вм. пасетѣ, летятъ; 4, родит. пад. при- лагат. муж. и сред. р. на ого вм. аго: половецкого вм. по- ловецкаго; 5, ѣ вм. ь въ словѣ: средѣ вм. средѣ; 6., по- слѣ гортанныхъ, гдѣ слѣдуетъ и вм. и: потоки вм. пото- ки, половецкія вм. половецкія; 7, а вм. іа послѣ і и ь: христьяны вм. христіаны, веселіа вм. веселія.

Другія формы онъ поправилъ на томъ основаніи, что полагалъ смѣшенія нѣкоторыхъ буквъ первыми издателями, такъ напр. ѣ съ ѣ, онъ читаетъ вм. славѣ въ П. и Арх. славны (стр. 3 пр. 2-е), вм. ладѣ—лады (стр. 11 пр. 3); вм. кровати П. и кровати Арх. читаетъ: на кровати. Въ формахъ, представляющихъ разныя чтенія въ двухъ копіяхъ, Тихонравовъ вмѣсто опредѣленнаго окончанія ставитъ титло: вм. пѣсь Пушк. и пѣснѣ Арх. онъ печатаетъ пѣ^с, вм. рече Пушк. и рѣчь Арх.—реч^ь и рѣ^ь (стр. 12). Это же титло онъ ставитъ и тамъ, гдѣ форма представляетъ несогласованіе напр. скажемъ съ подлежащимъ—подасть П. и Арх. печатаетъ: подастъ 3-е лице двойств. числа. Кромѣ этого онъ ставитъ титло во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ глаголь въ обѣихъ копіяхъ оканчивается на съ: скратиша^с, биша^с (стр. 5.), или гдѣ видѣнъ явный пропускъ звука: поч^ьклониша. Нѣкоторые изъ поправокъ уже были предложены прежде и имъ приняты: напр. кѣмети, вм. къ мети, въ ты плѣкы вм. „съ ты“.

Собственныхъ поправокъ въ словахъ у Тихонравова мало. Самая крупная изъ нихъ—это перемѣна въ четырехъ мѣстахъ вм. Троянь—Боянь. Поводомъ къ этой замѣнѣ ему послужило написаніе въ Ек. си. въ одномъ мѣстѣ вм. Трояни—Зояни. Нѣкоторыя поправки сдѣланы Тихонравовымъ неизвѣстно почему: напр. вм. Пушк. Святоплѣкъ и Арх. Святополкъ онъ печатаетъ: Святоплѣкъ. Приведеніе къ однообразію правописанія глухихъ при плавныхъ здѣсь не имѣетъ мѣста, потому что въ другихъ мѣстахъ Тихонравовъ оставляетъ русское правописаніе въ словѣ полкъ—плѣку (стр. 1); къ такимъ же поправкамъ относятся и измѣненіе ѣ на ѣ въ словѣ—усобицѣ вин. п. мн. ч.

Въ примѣчаніяхъ Тихонравовъ приводитъ выдержки изъ былинъ, чтобы объяснить отдѣльныя слова и показать, какъ глубоко былъ проникнутъ эпическими мотивами народной поэзіи авторъ Слова. Въ этихъ же примѣчаніяхъ много выдержекъ изъ Сказанія о Дмитріи Ивановичѣ

чѣ. Выраженіями послѣдняго онъ также пользуется для поясненія словъ и выраженій.

Въ приложенномъ словарѣ непонятныя слова остались вовсе безъ объясненій.

По поводу изданія Тихонравова явилось нѣсколько статей въ слѣдующемъ 1867 г.: 1, Въ Московскихъ Унив. Извѣстіяхъ (1866/7 г. № 2, стр. 165—167); 2, Буслаева (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. № 2 февр. 441—455); 3, Макушева (Ж. М. Н. Пр. № 2, стр. 455—472); 4, Н. Некрасова (Ж. М. Н. 1867 г. № 3. стр. 772—777).

Въ замѣткѣ, помѣщенной въ Москов. Унив. Извѣстіяхъ, рецензентъ предложилъ нѣсколько толкованій отдѣльных словъ. Изъ этихъ толкованій нѣкоторые Тихонравовъ принялъ во вниманіе при 2-мъ изданіи, такъ напр: похоти вмѣсто по хоти, какъ въ изд. 1866 г., по—лозію вм. слитнаго полозію; засапожники, оставшееся безъ объясненія, во 2 изд. съ объясненіемъ: короткіе ножи. Для объясненія слова „шереширь“ рецензентъ предложилъ мнѣніе—не есть ли это греческое *σχιρσσι* съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ *σχιον* или *σχι*? Въ средневѣковой латини, по Дюканжу, есть слово—*sageza*, *sagizonium*—копье.

Буслаевъ въ своей рецензіи разсматриваетъ изданіе съ педагогической стороны и ученой. Въ первомъ отношеніи находя его неудобнымъ, во второмъ находитъ много хорошаго. Онъ убѣждается доводами Тихонравова о вѣкѣ рукописи, находитъ заслуживающимъ особеннаго вниманія сближеніе разныхъ мѣстъ Слова съ соотвѣствующими изъ великорусск. былинъ, считаетъ исправленіе текста и пунктуацию удачными; о примѣчаніяхъ вообще замѣчаетъ, что въ нихъ историческое и поэтическое отдѣлены строго и точно, въ далекой перспективѣ виднѣется еще мнѣологическая сторона, Слово перестаетъ быть явленіемъ исключительнымъ въ нашей старинной литературѣ, какъ полагалось прежде—оно является не особнякомъ, оно окружено соотвѣствующими ему воззрѣніями въ цѣломъ рядѣ дру-

гихъ произведеній русской литературы, начиная отъ Слова о Даниилѣ Заточникѣ до былинъ и духовныхъ стиховъ.

Вмѣстѣ съ достоинствами Буслаевъ находитъ и недостатки: 1, непонятныя мѣста остались безъ объясненій; 2, догадка о замѣнѣ Трояна Бояномъ не выдерживаетъ строгой критики: три мѣста съ натяжкой можно примѣнить къ Бояну, но что такое земля Бояна?; 3, есть ошибки въ пунктуации: бѣды его пасеть птицъ подобію, вълки; Хрѣсови путь прерыскаше тому въ Полоцкѣ; 4, въ словарь не объяснены многія слова и потому ихъ вовсе не слѣдовало бы вносить. Изъ этихъ замѣчаній Тихонравовъ нѣкоторые принялъ во вниманіе при 2-мъ изданіи: напр. въ одномъ мѣстѣ изъ четырехъ по прежнему оставилъ „землю Трояню;“ выпустилъ изъ словаря необъясненные слова, а къ другимъ прибавилъ объясненіе, напр. при словѣ босуви, болони, вежи, многовои, могуты, рострена.

Статья Макушева состоитъ изъ 4-хъ частей: въ 1-ой онъ говоритъ о поправкѣ Тихонравовымъ текста, во 2-й предлагаетъ свои поправки, въ 3-й дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній на словоуказатель, въ 4-й на примѣчанія.

Въ поправленныхъ Тихонравовымъ мѣстахъ обращаютъ на себя вниманіе Макушева слѣдующія: 1) спалъ князю умъ по хоти—заснулъ у князя умъ по женѣ. Макушевъ находитъ не идущимъ къ дѣлу, какъ переводъ, такъ и сопоставленіе съ этимъ мѣстомъ выдержки изъ былинны о Соломонѣ, гдѣ говорится, что гусельники отпѣвали умъ разумъ по буйной головы. Онъ предлагаетъ *спилъ* производить отъ съпасть, запасть, похоти—по желанію, тогда произойдетъ: снизошелъ князю умъ по желанію, т. е. подчинился его волѣ. 2) Нъ рози нося—при этихъ словахъ Макушевъ находитъ объясненія Тихонравова натянутыми. 3) Не соглашается, чтобы свѣтъ былъ эпитетомъ зари и принимаетъ его за вин. падежъ: заря заступила мѣсто солнца.

Собственныхъ поправокъ у Макушева двѣ: 1) бѣша дѣбрь кисаню и не сошлю къ синему морю—Макушевъ чи-

тасть: бѣша дебрь-ски сани и несота іа къ синему морю. Такое чтеніе Макушевъ допускаетъ на слѣдующемъ основаніи: дебрьски сани не соотвѣтствуютъ ли здѣсь чешской горной сани (драконъ, змѣя) которую, по словамъ Любуши, убилъ Трутъ въ горахъ Креношскихъ?

2) „Свистъ звѣринъ въ стази“ Макушевъ—стази считаетъ испорченнымъ изъ стази, стіази, стази—мѣста обитаемаго звѣрами. Въ этомъ же значеніи онъ принимаетъ слово стая и въ выраженіи: „стязи глаголють,“ какъ по положенію въ цѣлой рѣчи, гдѣ говорится о предвѣщаніи природою несчастія, и потому слово—стязи должно означать что-то взятое изъ природы, а не знамена, такъ и по соотвѣтствію ему въ Сказаніи о Дмитріи Ивановичѣ выраженія: „стеzi ревуть,“ и значенію слова стегъ въ смыслѣ мѣста и разстоянія въ Бралецк. рукописи: „занесе петь стеговъ у войску.“

Въ Словоуказателѣ Макушевъ находитъ, что нѣкоторыя слова вовсе пропущены, другія остались безъ поясненій, третьи пояснены не точно. Нѣкоторые изъ указанныхъ Макушевымъ недостатковъ устранены во 2-мъ изданіи.

По поводу примѣчаній, Макушевъ болѣе всего говоритъ о выраженіяхъ „растекашеться мыслию по древу и скача, славію, по мыслену древу.“ Полагая, что Тихонравовъ, считая ненужнымъ объяснять слова—мысленный и мысль, принимаетъ ихъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, Макушевъ говоритъ, что тутъ нужно разумѣть звѣрка, иначе не будетъ соотвѣтствія съ рядомъ стоящими выраженіями: сѣрниъ волкомъ по землѣ, сизниъ орломъ подѣ облака. Равнымъ образомъ нельзя считать мысленное древо за воображеніе, какъ думаетъ Гербель. Въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи употребляется слово—мысь въ значеніи бѣлки и на этомъ основаніи Карелкинъ предлагалъ читать—по мыслену древу. Не могло ли это слово существовать и въ формѣ мысль, какъ видно изъ Чешскаго языка, въ которомъ есть нѣсколько словъ отъ того же корня: мысливецъ—jaeger

forster, мысливецтви, мысливецтво. Только принимая мысль въ значеніи звѣрка, вышеуказанныя выраженія Слова имѣютъ смыслъ и могутъ быть сближены съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ былинны о Вольгѣ Всеславичѣ:

Сталь Вольга растѣтъ—матерѣтъ,
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукою—рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей—соколомъ летать подѣ облака,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.
[Рыбн. 1 стр. 17]

О замѣнѣ слова Троянъ Бояномъ Макушевъ говорить, что соображенія Тихонравова по этому поводу не убѣждаютъ въ необходимости подобной замѣны. Трояна знаютъ не только Сербъ и Волгары, но и Русскіе. Тропа Трояна—валь Трояновъ—существуетъ и въ южной Россіи, и по Дунаю. Касательно сравненій Макушевъ замѣчаетъ, что лучше бы сравнить Бояна съ Чешск. пѣвцомъ Люмиромъ, чѣмъ обиду съ Скандинавскими валькиріями; выраженія: сѣдай брате свои борзны комони и скачутъ аки сѣрыя влѣщи въ полѣ—слѣдовало бы сравнить съ словами пѣсни о Честмирѣ: „нынѣ всѣдше ты на ручи конѣ, пролети лѣсы еленьемъ скокемъ.“ Нужно бы также сравнить слово кѣметъ съ сербскими и чешскими кметами, вооруженіе войповъ съ вооруженіемъ въ Забоѣ и Славоѣ, въ Честмирѣ и Вацлавѣ, дивъ съ сербскими дивами, горными духами (дивска планина), Дажьбогъ съ хорутанскимъ—дѣжница, утренняя зоря; изрони жемчужну душу—съ выходомъ души изъ тѣла, которую Забой вышибъ молотомъ, по Крал. рук, жирна времени—съ чешскимъ u žirne vlasti.

Н. Никрасовъ въ своей замѣткѣ предлагаетъ толкованіе нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ:

1) „истягну умъ крѣпостію“,—ознаменовалъ умъ твердостію; слово „истягну“, производитъ отъ стагъ

2) „спала князю умъ похоти“ — пришла князю страстная мысль напиться изъ Дону. Некрасовъ форму умъ считаетъ болѣе вѣрною, чѣмъ умъ; похоти род. пад.;

3) Свистъ звѣринъ въ стази — тревожно звѣринный ревъ; въ стази — нарѣчіе отъ глагола вѣстати чрезъ форму въ стазити, а при темѣ глагольной на и, какъ напр. моли — мольба, суффиксъ ба возможенъ: вѣстазба, возстаніе, тревога;

4) „Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобію“ — уже бѣда стережетъ его въ образѣ птицъ; бѣды имен. п. ед. ч., какъ цркви, церковный, бѣды — бѣдовый;

5) „Нъ рози нося“ и пр. Некрасовъ читаетъ: нъ роги носящимъ хоботы пахуть — и считаетъ пословицей, въ которой первые князья сравниваются здѣсь съ передомъ животныхъ, а потомки ихъ съ задомъ животныхъ рогатыхъ, волочащимъ хвосты, и которая очень умѣстна послѣ предыдущихъ словъ поэта, проникнутыхъ чувствомъ грусти, смѣшанной съ нѣкоторой ироніей.

Въ 1868 г. Тихонравовъ напечаталъ Слово 2-мъ изданіемъ. Въ немъ онъ сдѣлалъ много измѣненій сообразно съ указаніями рецензентовъ перваго изданія, какъ въ текстѣ, такъ въ словарь и примѣчаніяхъ. Важныя измѣненія въ текстѣ это 1, оставленіе въ одномъ мѣстѣ прежняго чтенія — вступилъ двѣю на землю Трояню, 2, нъ рози нося — онъ напечаталъ: нъ розно ся имъ хоботы пахуть.

Въ томъ же году, по поводу 2-го изданія Тихонравова, напечатана была рецензія въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (1868 г. кн. 7 стр. 605—613. О. К.) и въ 1869 г, въ Сборникѣ мнѣній Учен. Ком. М. Н. Пр. (стр. 29—30). Рецензентъ Моск. Унив. изв. особо разсматриваетъ текстъ, словарь и примѣчанія. Въ текстѣ онъ разсматриваетъ поправки и находитъ нѣкоторыя удачными, другія нѣтъ. Къ первымъ относитъ: „спалъ князю умъ“ вм. спала, „распужени“ вм. распушени, соединеніе „сла-

ва“ съ пѣти „а потомъ молодымъ пѣти слава“; ко вторымъ относитъ поправку пунктуаціи: „уже бо бѣды его пасеть;.. птицъ подобію.“ Здѣсь бѣды или вин. пад. множ. ч. или род. ед., какъ въ Мамаев. побойщѣ: „ворони... имать пастися множества трупа человѣческаго,“ а не имен. един.!, птицъ относятся къ пасеть и есть имен. един., подобно тому, какъ въ другомъ. мѣстѣ: „птицъ крылы приодѣ“; вѣроятно, сюда же относится и подобію, которое ж. б. значитъ подубію. Рѣчь Святослава лучше начать со словъ „си ночь“, а не „съ вечера,“ какъ у Тихонравова. Въ рѣчи бояръ Святославу слѣдовало бы сдѣлать перестановку предложений. „Нъ се зло княже ми непособіе“ кажется вѣрнѣе у Сахарова, который читалъ: „нъ се зло! княже ми непособіе.“ Уримъ слѣдовало бы печатать раздѣльно у Рим; „вежи ся половецкія подвизаша“—*си* одно лишнее.

Въ словарь указаны слѣдующіе недостатки: при словѣ—жемчугъ не упомянуть эпитетъ великій, который часто употребляется въ древней письменности и значить тоже, что крупный, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ у Дубенскаго: въ правилахъ о церковныхъ людяхъ „жемъчюгъ велики“ и въ Лавр. подъ 1185 г.; конецъ (поля) въ смыслѣ нарѣчія употребляется и въ древнихъ памятникахъ; лукуморя—не одно, а два слова, луку дв. число; птицю одолѣти—скорѣе дат. пад., какъ напр. у Дубенскаго: „одолѣя имъ,“ „тльковинъ“ осталось безъ объясненій, но слѣдовало бы привести другія мѣста, гдѣ оно упоминается: въ Лавр. подъ 907. названы тиверцы тльковинами, въ Воскр. „тлькованны;“ шизый (орелъ)—эпитетъ употребленъ и въ великорусскихъ былинахъ, а не въ однихъ малорусскихъ думахъ.

Въ примѣчаніяхъ рецензентъ обращаетъ вниманіе на слѣдующія: „Тмутораканѣ вм. -ни, ѣ вм. и по мѣстному южнорусскому нарѣчію.“ По этому поводу говоритъ онъ, нѣтъ нужды прибѣгать къ мѣстному нарѣчію. Это просто русская форма, мѣстный падежъ муж. рода. Муже-

скій родъ этого слова древнѣе и предпочтительнѣе, потому что Тматороканъ есть прилаг. при словѣ градъ, произошло отъ собств. имени, вѣроятно, Тмутархана, половецкаго князя: „въ се же лѣто поя Володимеръ за сына Андрѣя внуку Тматораканю, Половечскаго князя“ (Воскр. 1117). Статью свою рецензентъ заключаетъ палеографическимъ замѣчаніемъ: Зоанъ Арх. списка явилось потому, что въ древности *тр* сокращалось и принимало видъ *з*, какъ можно видѣть въ Истор. Р. Альбомѣ Погодина №№ 23, 31, и 61).

Лукашевичъ въ своемъ сочиненіи: „Объясненіе ассирійскихъ именъ“ (1868 г.) предлагаетъ толкованіе мѣстъ Слова, въ которыхъ упоминается имя Трояна слѣдующимъ образомъ: упоминаемый въ Словѣ вѣкъ Трояна собственно десятый, а не седьмой; седьмымъ онъ явился по ошибкѣ переписчика. Лѣтосчисленіе наши предки вели отъ Трояна потому, что это время было памятно для нихъ: при немъ они потеряли свое первобытное отечество, при немъ были кровавыя сѣчи. Эти сѣчи Трояна воспѣлъ нашъ поэтъ Болянь, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы. Эта тропа или Римская военная дорога начиналась отъ знаменитаго Троянова моста черезъ Дунай и шла равнинами, полями на сѣверовостокъ чрезъ вытѣшнюю Валахію на горы Трансильваніи, гдѣ была столица Даковъ, гдѣ были сѣчи съ Римлянами, пока вся страна не была завоевана, и тогда-то выселившіеся предки наши стали называть въ своихъ эпопеяхъ прежне свое отечество землею Трояною (стр. 59—61).

Бестужевъ-Рюминъ въ сочиненіи „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“ (1868 г.) высказалъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніи древнихъ русскихъ лѣтописцевъ къ поэтамъ и народнымъ пѣснямъ и рассказамъ. Лѣтописцы, по его изслѣдованію, заимствовали иногда у поэтовъ рассказы и ихъ вставляли въ свои лѣтописи. Такъ, въ спискахъ сѣверовосточнаго извода преданіе о Рогнѣдѣ стоитъ съ слѣдующею прибавкою: „о сихъ же Вячеслави-

чахъ, яко сказаша вѣдущіи.“ Отъ этихъ вѣдущихъ пѣвцовъ лѣтописцы заимствовали и другія свѣдѣнія; поединокъ Мстислава съ Редедю въ лѣтописи сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ; изъ Слова же о П. Иг. извѣстно, что о Мстиславѣ пѣлъ пѣсни Боянъ. Онъ же пѣлъ и о Романѣ, о которомъ въ лѣтописи сказано: „суть кости его и доселѣ тамо лежаще, сына Святослава, внука Ярослава.“ Эти слова какъ будто взяты изъ пѣсенъ, которыя любятъ описывать, какъ дождь мочить въ степи богатырскія кости (стр. 42). Касательно же отношенія Слова къ разсказу въ Ипатьевской лѣтописи о походѣ Игоря, Бестужевъ высказываетъ предположеніе, что ни сказаніе не служило источникомъ Слова, ни наоборотъ (стр. 115); равнымъ образомъ разсказы о походѣ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ не списаны съ южныхъ, потому что между ними есть большая разница. На этомъ основаніи можно допустить мысль, что о походѣ ходило тогда по рукамъ нѣсколько современныхъ сказаній (стр. 114).

Въ 1869 г. Максимовичъ напечаталъ статью, по поводу новыхъ толкованій слова—Троянъ Тихонравовымъ и Вельтманомъ (труды 1-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, стр. 128). Тихонравовъ, какъ извѣстно, считаетъ это ошибкою вм. Боянъ, а Вельтманъ позднѣйшею замѣною вмѣсто древняго Крояни (земля, сѣча, тропа) т. е. области Тмутороканской того времени, когда Мстиславъ въ 1023—24 г. поднялся на Ярослава съ Козарами и Косогами. По Вельтману, слово Троянъ вошло въ Слово въ XVI в., когда начались мудрствованія, толкованія и поправки лѣтописей; а изъ Слова это слово, какъ имя языческаго бога, перешло и въ сборникъ XVI в., въ которомъ упоминается имя Трояна въ числѣ древнихъ славянскихъ божествъ. Максимовичъ, по поводу этихъ толкованій, говоритъ, что у Кіевской Руси былъ свой полный, вѣками сложившійся кругъ мифическихъ вѣрованій, историческихъ преданій и поэтическихъ сказаній. Изъ него кое-что отрыв-

ками сохранилось въ письменности, а особенно въ Словѣ о П. Игор.; къ этому кругу относится и слово Троянь въ Словѣ и преданіе въ лѣтописи: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайскіе, сѣдшемъ же въ нихъ и насилующимъ имъ.“ Значить, онъ видитъ здѣсь преданіе объ историческомъ Троянѣ, Римскомъ императорѣ. Земля Трояня, по его мнѣнію, древняя Дакія, покоренная Трояномъ въ 102 г. и обращенная въ область Троянову—*provincia Trojani*. Къ обитателямъ этой земли принадлежали Угличи и Тиверцы. Они прямые наслѣдники мѣстныхъ преданій о Трояновыхъ дѣлахъ. Кіевскіе Поляне тоже произошли отсюда. Память о придунайскомъ праотцествѣ сохранилась въ пѣсняхъ въ упоминаніи слова Дунай. Дорога Троянова—тропа Трояня идетъ по Бессарабіи отъ Дуная къ Карпатамъ. Седьмой вѣкъ Трояновъ будетъ седьмымъ при Всеславѣ, если считать вѣкъ по 160 лѣтъ. Въ заключеніе Максимовичъ говоритъ, что всѣ четыре упоминанія Игоревой пѣсни безъ противорѣчія другъ-другу идутъ къ славному имени императора Римскаго.

Въ 1869 же г. И. Некрасовъ въ сочиненіи „О современныхъ задачахъ изученія древнерусской литературы“ между прочимъ замѣтилъ, что струя кіевской литературы вошла въ литературу Московскую и долго отлагается въ ней то въ Словѣ о Мамаевомъ побоищѣ, то въ Задонщинѣ, то въ произведеніяхъ XVII в., какъ Азовское сидѣніе, сохраняется, но не развивается и не идетъ впередъ (стр. 16.).

Въ другихъ своихъ изслѣдованіяхъ по древнерусской литературѣ И. Некрасовъ еще подмѣтилъ нѣсколько поэтическихъ мотивовъ, напоминающихъ мотивы, встрѣчающіеся въ Словѣ о Полѣу Игоревѣ. Такъ онъ указалъ на нѣкоторыя выраженія Грознаго, напоминающія рѣчь Игоря въ Словѣ о желаніи напиться воды въ завоеванной землѣ, (Зарожд. націон. литер. на Сѣверѣ стр. 148), указалъ на рассказъ о бѣгствѣ изъ Татарскаго плѣна съ изображеніемъ сочувствующей природы, рассказъ, напоминающій

возвращеніе Игоря изъ плѣна (Зарожд. нац. лит. стр. 156), указалъ на неустрашимость, твердость характера Михаила Черниговскаго въ сказаніяхъ прологовъ южнорусской редакціи, напоминающаго о герояхъ Слова (Пахомій Сербъ. стр. 73—74.).

Прижовъ въ статьѣ „Малороссія въ исторіи ея литературы (Филологическія Записки 1869 г.) находитъ въ Словѣ несомнѣнные слѣды южнорусскаго языка XII вѣка. Эти слѣды онъ находитъ въ формахъ и въ употребленіи словъ, составляющихъ принадлежность южнорусскаго языка, таковы формы: бяшетъ, помняшетъ, вѣци, галици, на вровати тисовѣ, ни птичю, си ночь, крычать, телѣгы полуноцы, конецъ поля; слова: година, туга, смага, яруга, оксамиты, кресити, брешуть, рассушась, небылонь, Дніпре словутицю и т. д.

Въ 1870 г. о Словѣ и по поводу Слова высказали свои мнѣнія и писали—Костомаровъ, Эрбенъ, Лавровскій (Н. А.), Майковъ и Буслаевъ.

Костомаровъ прочиталъ публичную лекцію о Словѣ (Голосъ № 107). Въ ней онъ высказалъ мнѣніе, что Боянъ, можетъ быть, воспѣвалъ всю древнюю исторію Руси до своего времени, т. е. времени Мономахова. Касательно упоминаемыхъ въ Словѣ выраженій тропа, земля и вѣкъ Трояна, Костомаровъ развилъ мнѣніе Н. Полеваго, что въ малорусскихъ сказкахъ три брата называются Трояны, что исторія Руси начинается тремя братьями—Кіемъ, Щекомъ, и Хоривомъ, что по этому земля Трояна есть земля русская, трехъ братьевъ, вѣкъ трояна—древняя священная старина народныхъ преданій, воспѣтая Бояномъ, тропа трояна—историческій путь русской жизни, начинающійся съ трехъ братьевъ.

Эрбенъ издалъ Слово съ переводомъ на Чешскій языкъ, съ примѣчаніями и предисловіемъ (Dvě zpěvy staroruských totiž: o vupravě Jgorově a z adonstina, v Praze 1870 г.). Въ предисловіи Эрбенъ говоритъ объ открытіи

и судьбѣ рукописи, о вѣкѣ ея написанія, о переводахъ Слова, о возраженіяхъ противъ подлинности ея. Вполнѣ убѣждаясь палеографическими доводами Тихонравова, что рукопись должна была быть XVI вѣка, и повторяя эти доводы въ предисловіи, Эрбенъ почему-то приписываетъ это же мнѣніе о вѣкѣ и Карамзину, который будто-бы, какъ и Селивановскій, свидѣтельствовалъ, что она была писана бѣлорусскимъ письмомъ (стр. III). Въ основу изданія текста Эрбенъ положилъ изданіе Сахарова, но въ немъ онъ счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки (Рѣдмл. стр. VII). Эти поправки касаются пунктуации, правописанія и цѣлыхъ словъ. Въ пунктуациі Эрбенъ слѣдовалъ Тихонравову, въ правописаніи немного отступленій отъ Сахарова, но въ словахъ поправокъ достаточно. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы были еще Ганкою, напр. „луче жъ ны“ вм. бы, а другія русскими издателями и комментаторами, какъ напр. Тихонравовымъ: тропа, земля и вѣкъ Бояна вм. Трояна, и многія Максимовичемъ. Особеннаго вниманія между поправками Эрбена заслуживаетъ поправка карна и жля на кара и жля. Въ примѣчаніяхъ къ тексту во многомъ Эрбенъ слѣдовалъ также русскимъ ученымъ, какъ напр. Будкову (въ толкованіи Слова „братіе“ въ смыслѣ сообщества пѣвцовъ, какое замѣчается и теперь между Черкесскими пѣвцами (22-25 стр.), Тихонравову (въ толкованіи слова Троянъ), Вельтману, Максимовичу и Дубенскому. Изъ собственныхъ примѣчаній заслуживаютъ вниманія слѣдующія: 1) Эрбенъ выраженіе „того внуку“ относитъ къ пѣвцу Игоря, который будто бы считаетъ себя внукомъ Бояна (пр. 7.); 2) „кая раны дорога“ измѣняетъ въ—ратъ дорога т. е. любезная. 3) вѣкъ принимаетъ въ семь лѣтъ, на основаніи славянскихъ сказокъ и пѣсенъ, въ которыхъ семилѣтіе считается любимымъ счетомъ. По отношенію къ Бояну седьмой вѣкъ это годъ средній между 42 и 49 годомъ его жизни (пр. 18-е). 4) Карна и Жля считаетъ нарицательными именами на томъ основаніи, что въ Ип.

лѣтописи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ не говорится о Половцкихъ ханахъ и ихъ нападеніяхъ, а о домашнихъ смутахъ и замѣшательствахъ. Карна это кара—раздоръ, а жля—жаля—злоба (пр. 23). 5., „бѣша дебрь किसानю“. Это мѣсто Эрбенъ понимаетъ, какъ и Макушевъ, раздѣляя слово किसानъ и вторую часть санъ принимая въ значеніи змѣи, дракона. Онъ такъ думаетъ, считая умѣстнымъ при страшномъ снѣ упоминаніе дракона, существа сказочнаго, ужаснаго (пр. 28). 6) „Время Бусово“ читаетъ: čas Běsiv и относитъ это къ современнымъ пѣвцу Половцамъ, а не къ прежнему времени (пр. 31). 7) „Лелѣють мѣсть Шароканю“—Слово Шароканъ Эрбенъ тоже принимаетъ въ значеніи дракона славянскихъ и мадьярскихъ сказокъ и относитъ его къ Половцамъ (пр. 32). 8) „Всеславъ въ ночь вълкомъ рыскаше.“ Рысканье волкомъ приписывается Всеславу потому, что онъ происходитъ изъ Полоцка, изъ края Велетовъ, или Волотовъ, которыхъ также называли Vlky (пр. 45). 9) „Князю Игорю Богъ путь кажетъ.“ Слово богъ Эрбенъ придаетъ тутъ смыслъ языческій (48-й).

Къ переводу у Эрбена приложенъ указатель собственныхъ именъ, въ которомъ встрѣчаются неточности; такъ напр. Черниговъ принадлежалъ Всеволоду, сыну Святославу; Новгородъ Великій названъ удѣльнымъ городомъ Игоря вм. Новгорода Сѣверскаго.

На переводъ Эрбена обратилъ у насъ вниманіе Н. Лавровскій, который по поводу его напечаталъ статью (Ж. М. Нар. Пр. 1870 г. ч. 151. Крит. и библ., стр. 276—302). Въ началѣ статьи Лавровскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о древнерусскихъ поэмахъ въ родѣ Слова и о пѣвцахъ. Предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ о множествѣ поэмъ т. е. самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній отдѣльныхъ пѣвцовъ, слѣдовавшихъ опредѣленнымъ установившимся литературнымъ приемамъ и формамъ, опредѣленной установившейся школой, Лавровскій не предвидитъ утвердительнаго рѣшенія, на томъ основаніи, что два сто-

лѣтія, отдѣляющія пѣвца Игоря отъ пѣвца Задонщины, не представляютъ поэтической производительности. Вслѣдствіе только такой литературной непроизводительности, когда пѣвецъ задумалъ воспѣть Задонскую побѣду и ея виновниковъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, на чемъ бы остановиться, какъ только на Словѣ, пользовавшемся большимъ уваженіемъ и весьма распространенномъ. Онъ такъ неуклопно ему слѣдовалъ, что цѣликомъ перенесъ въ свое произведеніе тотъ элегическій тонъ, который такъ естественно проникаетъ отъ начала до конца Слова и который такъ несвойствененъ поэму, воспѣвающей блистательную побѣду Русскихъ надъ Татарами. Лавровскій признаетъ то, что яркость поэтическихъ оборотовъ и образовъ въ Словѣ доказываетъ, что они появились не въ немъ первомъ, въ немъ они достигли полноты вслѣдствіе развившагося пристрастія къ нимъ; но источникомъ этихъ образовъ онъ считаетъ не поэмы въ родѣ Слова, какъ думаетъ Срезневскій, а богатую, вѣками обработанную устную народную поэзію съ ея твердо установившимися тогда уже формой и изложеніемъ, съ ея готовыми блестящими поэтическими оборотами и образами. Изъ этого же источника черпали краски лѣтописцы, составители житій и повѣстей. Носители устной народной поэзіи были тоже пѣвцы, но не тѣ, представителями которыхъ является пѣвецъ Игоря: послѣдній выражаетъ собою уже высшую степень поэтического развитія, индивидуальнаго личнаго творчества, сообщающаго устному народно-поэтическому матеріалу художественную форму. Боянъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ этому же разряду пѣвцовъ, но отличался отъ пѣвца Игоря тѣмъ, что слагалъ пѣсни по замышленію, а Игоревъ по былинамъ. Подъ замышленіемъ его едва ли не должно разумѣть свободное и широкое пользованіе народно-поэтическими мотивами,—эти мотивы у Бояна господствующіе, они и сближали его съ народными пѣвцами народныхъ пѣсенъ и былинъ (стр. 279). Онъ, дѣйствительно, слагалъ пѣсни по преданіямъ о минувшихъ событіяхъ,

а не объ однихъ только ему современныхъ, какъ кажется Эрбену.

Изъ примѣчаній Эрбена Лавровскій обращаетъ вниманіе на слѣдующія: 1) на замѣну Трояна Бояномъ. Къ доводамъ Тихонравова Эрбенъ прибавилъ еще, что событіе, отдѣленное тысячею лѣтъ, не могло сохраниться въ памяти Славянъ, кромѣ того оно слишкомъ отзывается новомодною романскою ученостью, привыкшею называть Трояновымъ именемъ золотой вѣкъ; такой учености не видно у народныхъ пѣвцовъ XII вѣка. Лавровскій, указавши на слабыя мѣста въ объясненіяхъ Тихонравова и Эрбена въ приурочиваніи имени Бояна вмѣсто Трояна къ тропѣ, землѣ и вѣкамъ, заключаетъ свои возраженія: „воспоминаніе о Дунаѣ свѣдѣтельствуеетъ о сохранившейся въ памяти совокупной жизни Славянъ на Дунаѣ. Память о Троянѣ естественна у южныхъ Славянъ, потому что онъ оставилъ глубокіе слѣды и глубокое впечатлѣніе въ памяти народовъ, тамъ жившихъ. Съ теченіемъ времени съ этого имени сошло все личное, исторически точное, все, что могло характеризовать Трояна, какъ опредѣленную историческую личность; имя это мало-по-малу получило мнѣйскій, а въ примѣненіи къ христіанству — языческій характеръ, окрашивалось яркими народно-поэтическими красками. Въ апокрифическомъ словѣ и откровеніи св. Апостоловъ упоминается Троянъ, какъ богъ и царь Римскій, вѣроятно, на основаніи ходившихъ о немъ эническихъ разсказовъ, слѣды которыхъ сохранились въ Сербо-болгарскихъ преданіяхъ (стр. 288). 2) Объясненія Карна и Жля, какъ нарицательныхъ именъ, Лавровскій не принимаетъ и на соображенія Эрбена приводитъ возраженія: а) оба слова имѣютъ свои сказуемыя; в) лѣтописецъ могъ опустить первое вторженіе части Половецкаго войска до Кзы и Кончака; с) оба слова единственные въ Словѣ; принятіе ихъ за собственныя въ значеніи лицъ не мѣшаетъ послѣдовательности рѣчи. Изъ этихъ возраженій Лавровскій считаетъ болѣе серьезнымъ третье — что

эти слова единственные въ Словѣ; но это такой доводъ, которымъ пользовался и Эрбенъ, наприм. слово Троянь онъ потому считаетъ явившимся въ Словѣ въ позднѣйшее время, что оно въ древней литературѣ рѣдко встрѣчается. Лавровскій подмѣтилъ слабость этого аргумента и указалъ на несостоятельность его. Но самъ онъ въ своихъ замѣткахъ пользовался этимъ аргументомъ какъ въ объясненіи Карна и Жля, такъ и въ разборѣ объясненія слова ксаню, въ которомъ Эрбенъ видитъ сань—змѣю, дракона. Лавровскій, возражая противъ такого объясненія, говоритъ, что слово сань единственное. 3) Объясненіе Эрбена—слова Шароканю (мечь) словомъ Шарканъ—змѣя драконъ славянскихъ и мадьярскихъ сказокъ и употребленіе его Эрбеномъ въ смыслѣ сравненія съ нимъ Половцевъ—Лавровскій не принимаетъ на томъ основаніи, что это слово съ значеніемъ змѣя не встрѣчается ни въ древнерусскихъ, ни въ древне-церковнославянскихъ памятникахъ.

А. Майковъ въ журналѣ „Заря“ напечаталъ статью „Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о Словѣ о Пол. Иг.“ потомъ стихотворный переводъ и примѣчанія къ нему (Заря 1870 г. № 1-й съ 81 стр.). Отрывокъ изъ перевода подъ заглавіемъ „Игорь въ плѣну“ напечатанъ былъ въ Мѣдномъ Магазиנѣ 1868 г. № 8. Полный переводъ и примѣчанія перепечатаны потомъ въ полномъ собраніи сочиненій. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ А. Майковъ выражаетъ тотъ взглядъ, что Слово о Пол. Иг. явилось не случайно въ литературѣ XII в., что есть слѣды цѣлой литературы въ родѣ Слова, и что оно находится въ гармоніи съ его временемъ, т. е. съ XII вѣкомъ.

Неслучайность его появленія въ нашей литературѣ Майковъ доказываетъ тѣмъ, что мы, какъ и другіе арійскіе народы, унаслѣдовали ту первобытную вѣру, что люди—дѣти солнца и матери земли, и держались такого воззрѣнія и по принятіи христіанства, такъ что даже во дни Стоглаваго собора обычаи и торжества стараго язычества

не упразднились, хотя цѣлость его воззрѣній была утрачена. Но въ XII вѣкѣ эта цѣлость языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ не была еще разбита. Въ XII вѣкѣ, когда лѣтописецъ христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Іафетова славянскій родъ, изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые Русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ солнца и князей своихъ называютъ Дажьбожьими внуками, Русичи подъ предводительствомъ ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ свѣта, съ тьмою или съ ея чадами, Дивовыми сынами, всею русскою землею ходятъ на землю Троянову. Велесъ, пасущій серебряннхъ небесныхъ овновъ солнцевыхъ, съ своею пѣснею и свирѣлью, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка. Стрибожій внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю Половецкому, герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ. Дажьбогъ упреждаетъ внука объ опасности, заступаетъ тьмою путь Игорю, но чернѣй дивъ ополчается на него всѣми своими силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги и съ Поморья. Въ такихъ воззрѣніяхъ на природу и свой народъ и вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси и оттуда почерпала свои краски. Такое-же воззрѣніе мы видимъ и въ пѣсни Игорю. Но она все-таки должна была отличаться отъ современныхъ ей, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Пѣвецъ принадлежалъ къ дружинѣ, былъ близокъ къ княжескому двору, который имѣлъ разныя сношенія съ западомъ и востокомъ, югомъ и сѣверомъ. Придворные были развитѣ народа вслѣдствіе своего политическаго положенія, но преданія и обычаями были тѣсно съ нимъ связаны. Сами князья были грамотны, они были окружены пѣвцами, Боянами, взглядъ пѣвцовъ на князей иногда расходился съ лѣтописцами. Пѣвцы находятся въ зависимости отъ уровня образованія среды XII вѣка: пѣснь ихъ достигаетъ той высо-

ты, какой мы дивимся въ Словѣ о П. Иг. Авторъ его отзывается съ уваженіемъ о знаменитости прежняго времени, о Боянѣ, какъ пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно иному литературному періоду. Пѣвецъ, очевидно, уже силенъ въ книжномъ ученіи. не чуждъ, можетъ быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями. Это явствуется изъ его введенія—обращенія къ Бояну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ, изъ отступленій, не мѣшающихъ стройному расположенію частей, можетъ быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія мифическихъ существъ, изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго всею прелестію образа Гектора, Святослава Кіевского, этого Пріама, изъ грамматическаго строя рѣчи, и, наконецъ, изъ самой внѣшней формы поэмы, которая, очевидно, писана и писана мѣрною прозою, приспособившейся, вѣроятно, къ пѣнію, по образцу, можетъ быть, церковныхъ канонѣвъ и псалмовъ.

Слѣды цѣлой литературы въ родѣ Слова Майковъ указываетъ въ лѣтописяхъ, какъ напр.: рассказъ о борьбѣ Мстислава съ Редедѣй, рассказъ о битвѣ Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ во время грозы, рассказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой Половцевъ при Владимірѣ Мономахѣ, рассказъ объ Липецкой битвѣ, объ Изяславѣ Мстиславичѣ. Кромѣ лѣтописей слѣды этой литературы княжескихъ пѣвцовъ ощутимѣе еще въ пѣсняхъ народныхъ, въ такъ называемыхъ княжескихъ. Связь съ вѣкомъ Майковъ находитъ въ томъ, что XII в., дѣйствительно, и по лѣтописямъ, есть вѣкъ могучихъ личностей и богатырей. Герои—князья въ Словѣ представляются героями же и по лѣтописямъ.

Изъ пятидесяти примѣчаній къ переводу большая часть составлена по Вельтману, частію по Дубенскому, Буславу и Головину. Изъ собственныхъ примѣчаній заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

1. „Растекашеться мыслию по древу“ Майковъ объ-

ясняетъ такъ, что здѣсь разумѣется, по всей вѣроятности, мниическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, на верху небснаго свода вѣтвями внизъ. По Скандинавскимъ сагамъ по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одину вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева растутъ яблоки (звѣзды по Аванасьеву). Въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній встрѣчается тотъ-же образъ: На морѣ, на окіанѣ (небѣ), на островѣ на Буянѣ стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ корнями. Тоже мниическое дерево слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ. Вышеприведенное мѣсто, значитъ, нужно понимать такъ: Боянъ мыслию возносится въ царство боговъ по этому небесному дереву (пр. 2-е).

2. Предъ словами „тогда Игорь възрѣ“ Майковъ, подобно Соловьеву, видитъ пропускъ и объясняетъ тѣмъ, что не былъ-ли весь этотъ эпизодъ о Владимірѣ слишкомъ языченъ, отчего и выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка (пр. 3).

3. Землю и тропу Троянову Майковъ опредѣляетъ такъ: Троянова земля, по Слову, находится у Дона, это земля незнамая, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Россіи темныхъ силъ. Вѣка Трояновы Майковъ объясняетъ двояко: до поселенія своего на Руси Славяне могли считать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажь-божьего врага Трояна, и вѣка Трояна будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Или, если въ эпоху пѣвца стали перепутываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси пѣвецъ могъ считать продолжавшимся до крещенія, и говоря — „были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля,“ различаетъ языческую эпоху отъ христіанской. При объясненіи имени Трояна Майковъ желаетъ согласить историческія толкованія съ мниическими такимъ образомъ: отъ историческаго Тро-

ана могло перейти въ Славянскій эпосъ только его имя, (какъ позже Егорія храбраго), какъ имя враждебнаго лица оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на слѣдъ столкновенія Славянъ въ землѣ Даковъ и Гетовъ съ Римлянами или Трояномъ, но въ воображеніи современниковъ Слова, безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего Римскаго; оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажьбогу (пр. 5).

4. „Уже пустыни силу прикрыла, встала обида въ силахъ Дажьбожа внука“.... Въ этомъ мѣстѣ Майковъ обращаетъ вниманіе на слово обида и объясняетъ такъ: обида принадлежитъ не темному міру Трояна, не враждебному диву, не Половецкой сторонѣ, а является на сторонѣ Русичей, ибо стала въ силахъ Дажьбожьего внука. Далѣе сказано, что она вступила на землю Трояну, у Дону т. е. на Половецкую землю, а у Дону послѣ сраженія была одна только сила-ратъ Игорева и то побитая. Слѣдовательно, дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Образъ дѣвы съ лебедиными крыльями встрѣчается въ арійскихъ преданіяхъ о томъ, что души умершихъ возносятъ въ царство свѣта дѣвы съ лебедиными крыльями. Въ Скандинавскихъ памятникахъ встрѣчаются небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героев—это Валькиріи, которыя олицетворяли самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разныя названія: напр., Гильдра—битва и др. Кажется, объясненія дѣвы обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т. е. какъ дѣвы, явившейся надъ павшею ратью и олицетворяющей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры виновнику пораженія; этотъ позоръ могъ и долженъ былъ чувствовать виновникъ его—Игорь. Такимъ образомъ психологическая основа этого образа будетъ дума Игоря о томъ, что тамъ лежитъ погубленная имъ сила, которую пустыня покрывала. Все по-

слѣдующее мѣсто до сна Святослава звучить укоромъ Игорю, слѣдовательно, все тѣсно связано съ образомъ дѣвы обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Все это дума Игоря, укоры себѣ, все слѣдующія выраженія звучатъ горькой ироніей, все это долженъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соответствующимъ въ лѣтописи приводитъ къ тому заключенію, что это мѣсто лирическаго характера. Тамъ за рассказомъ о пораженіи Игоря лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укоры, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ въ религіозномъ духѣ. Если эту тираду отнести къ Игорю, а въ ней заключается главная мысль поэмы, то выйдетъ естественно, что пѣвецъ называетъ поэму пѣснію объ Игорѣ. А въ такомъ случаѣ потеряютъ значеніе замѣчанія нѣкоторыхъ, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и что Всеволодъ скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы (пр. 17).

5. „Карна и Жля“ Майковъ принимаетъ какъ и Эрбенъ не за собственныя имена. Объясненія его подробнѣе, чѣмъ у Эрбена. Вмѣсто Карна нужно читать, по Майкову, — карья или карьба отъ глагола карити. плакаться, причитать по умершихъ; жля—желя; въ Ипатіевской лѣтописи имъ отвѣчаетъ плачъ и желя. Слѣдовательно, въ Словѣ будетъ имъ отвѣчать—кликнули поминанія и жалость поскочила по русской землѣ. Выраженіе „смагу мычучи“ Майковъ поясняетъ обычаемъ народа въ Силезіи, Польшѣ и Лужицахъ ходить 1-го Марта съ зажженными факелами на кладбище и приносить жертвы усопшимъ, и обычаемъ Русскаго народа давать умирающему въ руку зажженную свѣчу. Эти обычаи остались отъ времени сожиганія труповъ. Поэтому рассматриваемое мѣсто въ Словѣ надо понимать такъ: по падшихъ кликнули поминки, причитанія, и скорбь поскочила по русской землѣ, мечя людямъ зажженные факелы. Такимъ образомъ карья и желя

олицетворены здѣсь въ образахъ, родственныхъ дѣвѣмъ обидѣ и выражаютъ разные виды бѣдствія, какъ у Скандинавовъ Валькарія изображаютъ разные моменты боевъ. Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красокъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо вслѣдъ за картиной мужей съ факелами о женщинахъ говорится: „жены въсплалашася аречучи....“

6. Злато Слово Святослава—все до плача Ярославны, такъ думали первые издатели. Съ Карамзина стали урѣзывать его на томъ основаніи, что Святославу, какъ великому князю неприлично другихъ князей удѣльныхъ называть господами. Но это не справедливо. Воззвание къ князьямъ есть развитіе главной мысли—князья мнѣ не помочь, оно проникнуто духомъ любви къ Русской землѣ чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и состоитъ задуманная мысль пѣвца, его идеалъ того, что бы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлаютъ (38 пр.).

Изъ отдѣльныхъ выраженій укажемъ на объясненіе словъ: „кровати тисовой и папорзи.“ Тисова кровать не тесовая, а изъ тиса (*taxus*) (пр. 21.); папорзи—часть шелома, желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, а, можетъ быть, это не часть вооруженія, а особые латники въ желѣзной бронѣ, потому что „тѣми тресну земля“ можетъ относиться и къ папорзямъ, т. е. передъ папорзями (пр. 33). Мало имѣютъ основанія толкованія словъ (зегзицею) незнаемъ—какъ мѣстн. пад. при подразумѣваемомъ словѣ—землѣ, т. е. въ степи (44 пр.), и клюками, что поэтъ имѣлъ тутъ въ виду умыканіе дѣвицъ (38 пр.), какъ и у О. Миллера.

Буслаевъ въ Христоматіи древне-русской литературы (1870 г.) напечаталъ текстъ Слова съ предисловіемъ и примѣчаніями. Текстъ Слова напечатанъ съ выпускомъ непонятныхъ мѣстъ, правописаніе исправлено сообразно съ правописаніемъ древнихъ намятниковъ до XIV вѣка. Въ предисловіи высказанъ взглядъ на правописаніе оригинала;

правописаніе, говоритъ издатель, дошло до насъ въ самомъ искаженномъ видѣ, какъ потому, что оно было подновлено и попорчено въ рукописи XV или XVI вв., такъ и потому, что ни писецъ Екатерининской копіи, ни издатель 1800 г. съ своими помощниками не умѣли во всей точности передать старинную рукопись. Сверхъ очевидныхъ искаженій, правописаніе этого памятника предлагаетъ смѣсь формъ русскихъ новѣйшихъ съ древнѣйшими, церковнославянскими и съ русскими областными: илѣкъ и нѣлѣкъ, веселіа, дѣвица, великого, луце.

Примѣчанія Буслаева составлены обстоятельно. Въ нихъ приведены важнѣйшія мѣста изъ лѣтописей для разъясненія историческихъ событій и лицъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, приведены мѣста изъ Задовщины, другихъ древнерусскихъ произведеній и изъ произведеній народной словесности, для уясненія смысла нѣкоторыхъ словъ и выраженій и для опредѣленія грамматическихъ формъ.

Въ этихъ примѣчаніяхъ издатель объясняется и по поводу четырехъ поправокъ, допущенныхъ имъ въ текстъ: далече гм. давеча (пр. 19), злаченіи вм. злаченными (пр. 30), папереси вм. папорзи (пр. 32), незнаема вм. незнаемъ (пр. 40).

Въ 1871 г. напечатаны мнѣнія Ягича о царѣ Троянѣ, переводы Малашева и Гербеля.

Ягичъ въ исторіи сербохорватской литературы (переводъ на Русск. яз. 1871 г.) высказалъ нѣсколько соображеній о царѣ Троянѣ, упоминаемомъ въ Сербскихъ и Болгарскихъ сказкахъ. Ягичъ думаетъ, какъ и Буслаевъ, что въ этихъ сказкахъ и пѣсняхъ подразумѣвается какое-то мифическое существо въ родѣ злаго духа, который, изъ боязни дневнаго свѣта, живетъ въ темнотѣ; стало быть, это нѣчто въ родѣ такъ называемыхъ черныхъ альфовъ Германскихъ народовъ или Сербскихъ вукотлаковъ. Кромѣ того онъ еще думаетъ, что сербохорватскій народъ, дѣйствительно, перемѣшалъ доисторическое воспоминаніе о Римскомъ Императорѣ Троянѣ съ народнымъ понятіемъ о ка-

комъ-то духъ, не имѣющемъ успокоенія въ настоящемъ. А повѣріе въ такое существо у Сербохорватовъ дѣйствительно есть. Они вѣрятъ, что въ нѣкоторыхъ развалинахъ обитаетъ какой-то духъ, который, какъ современникъ прежнихъ людей и временъ, не имѣетъ уже мѣста на этомъ свѣтѣ и не можетъ быть покоенъ, а потому по ночамъ большею частію скитается по окрестностямъ и наноситъ много вреда. Тоже самое народъ Сербскій повѣствуетъ и о Римскомъ императорѣ Діоклитіанѣ, который, по сказкамъ, прикованъ подъ мостомъ въ омутъ и постоянно грызетъ свои цѣпи, перебѣдаетъ ихъ на канунъ Рождества и снова приковывается къ прежнему мѣсту; а, по пѣснямъ, царь Дуклянъ бросается въ глубокое море, чтобы достать яблоко св. Іоанна, онъ сидитъ гдѣ-то на днѣ моря, какъ заклятый духъ въ родѣ царя Трояна (стр. 120).

Малашевъ издалъ Слово съ примѣчаніями, полнымъ словаремъ и приложеніями. Цѣль изданія, какъ онъ заявилъ въ предисловіи, объяснить по возможности удовлетворительно всѣ темныя мѣста подлинника, невѣрно прочтенныя прежними издателями, доставить матеріалъ для изученія, сдѣлать чтеніе его доступнымъ большому числу лицъ. Первому требованію долженъ удовлетворять переводъ и примѣчанія, второму словарь и обзоръ литературы, третьему исправленіе текста и пунктуаціи прежнихъ издателей. Обзоръ литературы состоитъ у него въ перечисленіи переводовъ Слова на современный русскій (стихотворныхъ и прозаическихъ) и на иностранные языки съ небольшими выдержками изъ нихъ и въ указаніи критическихъ разсужденій и изслѣдованій. Въ основѣ этого обзора поставленъ обзоръ Сахарова, но только съ прибавленіемъ указаній на переводы, явившіеся послѣ Сахарова и то не полнымъ. Указаніе же на критическія изслѣдованія и разсужденія сдѣлано только по Сахарову, о позднѣйшихъ не говорится въ обзорѣ.

Самый текстъ разбитъ на короткіе стихи, числомъ

780. Переводъ на современный языкъ (прозаическій) довольно буквальный. Примѣчаній довольно много, и они составлены хорошо. Одни изъ нихъ имѣютъ цѣлью объяснить законность извѣстнаго принятаго авторомъ чтенія, другія — кажущуюся автору правильность его перевода; третьи касаются уясненія смысла выраженій и словъ, объясненія формъ, опредѣленія лицъ и событій, о которыхъ говорится въ Словѣ.

Поправокъ у Малашева не много; онѣ слѣдующія:

- 1) принявъ во всѣхъ четырехъ мѣстахъ Боянь вм. Троянь Малашевъ въ первомъ мѣстѣ къ принятому Бояну относитъ и выраженіе „того внуку“ т. е. Боянову внуку Игорю;
- 2) „на канину“ поправляетъ — на Каялину, какъ наоборотъ передѣлывалъ Головинъ Каялу въ канину, а за нимъ и Максимовичъ;
- 3) „которую то баше...“ *то* — поправляетъ въ бо на основаніи параллельнаго мѣста, которое „бо бѣша насиліе;“
- 4) князю Игорю не бысть вм. не быть, предполагая здѣсь невѣрное выводеніе изъ-подъ титла и не находя въ Словѣ окончанія неопр. накл. на *тъ*.

Въ примѣчаніяхъ втораго рода замѣчательны слѣдующія: 1) „трудныхъ повѣстей“ переведено тяжелыхъ въ смыслъ печальныхъ; переводъ правиленъ, но слово тяжелый на первый взглядъ книжнымъ человѣкомъ принимается въ иномъ смыслѣ, лучше бы тяжкихъ; 2) „храбра и млада князя“ относитъ не къ Олегу, а къ Борису; 3) была дебрь кисанова и будто несли ее къ Синему морю. Подъ дебрью кисановой Малашевъ разумѣетъ многочисленныя половецкія полки; 4) уже снесся хула на хвалу, уже порицаніе смѣнило славу, т. е. славу стали порицать; 5) Сильнаго и богатаго относитъ не къ Ярославу, а къ Святославу; 6) Пѣти слава Игорю читаетъ отдѣльно: а потомъ и молодымъ пѣти: слава Игорю.

Изъ примѣчаній третьяго рода заслуживаютъ вниманія

- 1) орѣзъмами — Малашевъ сравниваетъ съ лѣтописными ва-риманъти (мантіи), 2) подъ Коганемъ разумѣется кто-ни-

будь изъ Русскихъ князей, можетъ быть, Владиміръ, какъ называетъ его Иларіонъ, Митрополитъ Кіевскій.

В. М. напечатанъ переводъ Слова прозою съ предисловіемъ и примѣчаніями. Въ предисловіи указана цѣль изданія—познакомиться съ памятникомъ безъ помощи учителя. Задавшись такою цѣлію, авторъ высказываетъ здѣсь же свои мнѣнія касательно Слова, но эти мнѣнія уже въ настоящее время могутъ считаться отсталыми; они имѣли значеніе въ сороковыхъ годахъ. Такъ о Боянѣ замѣчаетъ, что онъ пѣлъ пѣсни свободно, добровольно, не придерживаясь правилъ жеребья, по которымъ княжескіе пѣвцы обязательно должны были восхвалять въ пѣсняхъ того изъ князей, на котораго падалъ жребій. Въ этомъ предисловіи лучшимъ мѣстомъ можно назвать сравненіе Слова съ лѣтописнымъ рассказомъ о походѣ. Особенности грамматическія составлены переводчикомъ по Тихонравову, какъ сказано въ книжкѣ, но авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видимо отступалъ отъ источника и вносилъ свои мнѣнія; такъ напр. славію стараго времени, дател. пад. для выраженія сравненія, птичь убуди род. пад. множ. ч.; сиценъ отъ ниць, въ харалузѣ—въ бусетѣ. Последнія два толкованія можно, впрочемъ, назвать типографскими погрѣшностями, которыхъ въ книжкѣ многое множество, но два первыхъ представляютъ незначеніе авторомъ самыхъ элементарныхъ правилъ грамматики. Въ примѣчаніяхъ къ тексту также много особенностей, чтобы не сказать странностей. Такъ напр. „трудныхъ повѣстей.“ авторъ считаетъ винит. падежомъ, по мысли древу объясняетъ разрывомъ головного мозга, представляющаго развѣтвленія, которыя могутъ быть уподоблены вѣтвямъ дерева; погрузи жиръ во Каялъ, насыпавъ русскаго золота, предлагаетъ понимать буквально—утанулъ золото и другія богатства, спряталъ ихъ на днѣ рѣки, намѣреваясь передать ихъ впоследствии сыну (40 стр.), струя Стугны—волна. Одно замѣчаніе В. М. можетъ имѣть нѣкоторое правдоподобіе, именно: хоботы онъ переводитъ словомъ салтаны.

Въ переводѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: вино съ трудомъ смѣшано—переводится—вино приговоренное къ портѣ; копія поютъ на Дунаи, Ярославнинъ гласъ слышитъ—а между тѣмъ среди свиста копій на Дунаѣ слышится мнѣ голосъ Ярославинъ. *)

Гербель напечаталъ свой стихотворный переводъ Слова въ Поэзіи Славянъ; въ предисловіи къ нему высказываетъ ту мысль, что, можетъ быть, въ составъ Слова вошли и другія пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Вояну и что, можетъ быть, оно составлено подобно рапсодіямъ Омера, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсень, посвященныхъ походу Игоря и его возвращенію. Свое предположеніе онъ основываетъ на томъ, что Слово представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій, раздѣляющихъ его на нѣсколько отдѣльных частей.

Въ 1872 г. касались Слова въ своихъ сочиненіяхъ Дриновъ и Колосовъ. Дриновъ въ сочиненіи „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (Чт. общ. ист. и древ. при Моск. Унив., кн. 4, стр. 76—81) высказываетъ нѣсколько соображеній о Словѣ Троянѣ, о тропѣ, землѣ и вѣкахъ Трояновыхъ. Дриновъ соглашается, что въ преданіяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ о Троянѣ сохранились обломки мифовъ, но не согласенъ, чтобы этотъ Троянъ былъ исключительно мифическимъ существомъ, олицетвореніемъ

*) Изъ прозаическихъ переводовъ, которыхъ въ послѣднее время вышло нѣсколько, какъ напр.: 1) Водовозова (въ Разсказахъ изъ Рус. исторіи, вып. I, изд. 3, 1866; 2) Неизвѣстнаго 1867, (справедливый отзывъ объ этомъ переводѣ находится въ 5-мъ изд. Гербеля, въ примѣчаніи къ стр. IX); 3) Погосскаго (1867 г. Досугъ и Дѣло, вып. V, 2-е изд. этого перевода было напечатано въ Семейн. Вечерахъ 1868, № 3). Большаго вниманія заслуживаетъ переводъ Водовозова. Въ немъ пропущены всѣ темныя мѣста и переведены только поддающіяся объясненію. Авторъ довольно искусно умѣлъ соединить здѣсь близость къ подлиннику и къ рус. литературному языку, основанному на народномъ.

какихъ нибудь стихій, какъ предполагаетъ Квашнинъ-Самаринъ въ очеркахъ Славянской мифологіи, считающій Трояна за одно съ Триглавомъ, верховнымъ богомъ, владыкою всѣхъ стихій: воздуха, воды и земли (Весѣда 1872 г. кн. 4, стр. 242). Дриновъ полагаетъ, что здѣсь въ мифическомъ образѣ скрывается историческая личность, нѣбьющая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, и именно личность императора Траяна. Ясное указаніе на это онъ видитъ въ упоминаніяхъ о немъ въ хожденіи Богородицы по мукамъ, гдѣ Траянъ отнесенъ къ „чловѣчъ окаменета утрна,“ и въ Болгарской пѣснѣ, и въ Сербской сказкѣ, и въ откровеніи св. Апостола, гдѣ онъ названъ царемъ: „Троянъ баше царь въ Римѣ.“ Историческая же основа преданій о Троянѣ всего яснѣе обнаруживается въ Словѣ о П. Иг., только слово „тропа“ нужно понимать не въ современномъ смыслѣ Рус. языка—дороги, пути, а въ смыслѣ рва, ямы, въ особенности вырытой съ военною цѣлью, въ какомъ значеніи оно употребляется въ южныхъ и западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Если такъ понимать слово тропа, то принимая во вниманіе, что она упомянута въ Словѣ подлѣ словъ—чрезъ поля на горы, словъ выражающихъ ширину и высоту Бояновыхъ замысловъ, весьма естественно предположить и въ ней такое же метафорическое значеніе, именно антитезу горѣ, изображеніе глубины этихъ же замысловъ. Такое предположеніе Дриновъ основываетъ на томъ, что Трояновъ ровъ, надъ которымъ возвышался хорошо укрѣпленный валъ, у Русскихъ и Славянъ, населявшихъ ровную страну, могъ прослѣть за непроходимый оврагъ, а современемъ быть обобщеннымъ до значенія недоступной, недостижимой глубины вообще. Подъ землею Трояновоу разумѣется земля, лежащая за этимъ ровомъ Dacia Trajana. Вѣка Трояновы это то время, когда землю Славянъ завоевалъ Траянъ, отъ нихъ-то они и ведутъ лѣтосчисленіе. Движеніе рѣчи въ восходящемъ порядкѣ не позволяетъ думать, чтобы здѣсь разумѣлись вѣка Бо-

яновы, потому что Боянъ жилъ послѣ Ярославъ, — а именно разумѣются вѣка Трояновы, памятные для Славянъ вѣка грознаго для нихъ императора, который потому и попалъ въ число боговъ южныхъ Славянъ, не какъ хороший, а какъ олицетвореніе общественнаго и политическаго зла.

Г. Колосовъ въ „Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ Рус. языка“ 1872 г. представляетъ звуковыя и формальныя особенности Слова по 1-му изданію его и на основаніи этого утверждаетъ, что погибшая рукопись должна была относиться ко времени не позже XV вѣка; въ ней, говоритъ онъ, не только нѣтъ ни одной черты, которая противорѣчила бы отчисленію ея къ этому вѣку, но даже напротивъ: многія особенности, свойственныя языку этого столѣтія, въ ней не являются (стр. 183). При этомъ Колосовъ указываетъ еще, какія, по его мнѣнію, сохранились особенности южно-русскаго говора и какія внесены сѣверно-русскими переписчиками (стр. 187).

Въ 1873 году Иловайскій напечаталъ брошюру: „Нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутараканской Руси и Тмутараканскомъ болванѣ, упоминаемомъ въ Словѣ о П. Иг. Здѣсь Иловайскій развилъ замѣчаніе Сенковского (В. для Чт. 1854.), что болванъ значитъ по польски морская волна; въ этомъ значеніи, по предположенію Иловайскаго, употреблялось оно и въ древнеславянскомъ языкѣ. Вѣроятность эта усиливается, говоритъ Иловайскій, если будетъ обращено вниманіе на цѣлую группу словъ, производимыхъ отъ корня бал: балагурить, взбалтывать, баламутить, взбалмошный, баловаться (βαλλω--бросаю). Такой смыслъ корня балванъ болѣе соотвѣтствуетъ понятію подвижной, игривой волны, нежели понятію дерева, чурбана, который представляетъ что-то неподвижное и тяжелое. Именно это слово употреблялось когда-то на Руси въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, въ смыслѣ волны и могло означать преимущественно волну морскую, откуда въ переносномъ смн-

слѣ означало проливъ. Такимъ образомъ Тмутораканскій балванъ можно перевести—Тмутораканскій проливъ, причемъ подразумѣвается собственно Тмутораканское побережье. Этотъ смыслъ совершенно будетъ соответствовать другимъ, рядомъ стоящимъ выраженіямъ, т. е, поморію и посулію; обращеніе къ нему какъ-бы къ живому лицу вполне въ духѣ поэтическихъ приемовъ Слова, какъ и въ другомъ мѣстѣ: о Дѣвѣ словутицю! Керченскій проливъ имѣетъ довольно сильное теченіе изъ Азовскаго моря въ Черное и по своему положенію подверженъ вѣтрамъ; почему онъ всегда отличался волнистымъ, бурливымъ характеромъ Эта черта также могла повліять на его прозваніе.

Кромѣ этихъ соображеній Иловайскій находитъ нѣкоторое подтвержденіе своей догадкѣ у Константина Багрянороднаго: въ 42 гл. объ управленіи имперіей въ числѣ рукавовъ Кубани упоминаются Бурликъ и Валь, причемъ словомъ Бурликъ называется и самый проливъ. Эти названія—славянскія. Если этотъ проливъ имѣлъ тождественное названіе съ однимъ рукавомъ Кубани, то могъ имѣть одинаковое названіе и съ другимъ: Бал—ванъ.

Въ томъ же 1873 г. Алябьевъ напечаталъ свой стихотворный переводъ Слова, въ предисловіи къ которому высказался, что его переводъ отличается и буквальною, и точностью съ подлинникомъ, за выпускомъ только темныхъ мѣстъ Слова (стр. 1). Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ Слову Алябьевъ выражаетъ свой взглядъ на происхожденіе Слова: по содержанію и складу этой повѣсти, говоритъ онъ, можно думать, что сочинителемъ ея былъ народъ, который, если только не былъ очевидцемъ и участникомъ, то современникомъ и живымъ свидѣтелемъ похода Игоря, да къ тому же современникомъ чуткимъ, близко принявшимъ къ сердцу все, что касалось его родины. Онъ сочинилъ Слово такъ, какъ сочинялъ былины о Владиміръ, объ Ильѣ Муромцѣ, объ Иванѣ Грозномъ и др. Это разъ сочиненное и сложенное народомъ распѣвалъ ка-

койнибудь искусный пѣвецъ, въ родѣ Бояна, и шла эта пѣсня, передаваясь по памяти изъ устъ въ уста, отъ старшихъ къ молодымъ, отъ предковъ къ потомкамъ. Такъ дошли до нашего времени эти народныя пѣсни, въ которыхъ выразились чувства, думы и мысли не одного какого-либо сочинителя, а всего Рускаго народа. Въ томъ-то и заключается вся прелесть этого произведенія, все великое его значеніе. что народъ созналъ себя и въ этомъ Словѣ выразилъ свои чувства, свои думы, свою народную душу прямо, тепло и искренно, не утаивая ни дурнаго, ни хорошаго (стр. 10—11). Этимъ-же Алябьевъ объясняетъ и то, что въ Словѣ много языческаго: сочинителемъ его былъ народъ, еще не отставшій отъ язычества, который язычниками представилъ и своихъ любимыхъ героевъ (стр. 12).

Самый переводъ сдѣланъ въ размѣрѣ и тонѣ народныхъ стиховъ; но той букввальности и точности, о которой заявлено въ предисловіи, часто вовсе нѣтъ; напр. — рци лебеди распушени—переводится—будто лебеди, ты скажешь, распустили крылья; помчаша красныя дѣвкы—погнажи; волкомъ рыскалъ—расхаживалъ, горѣ вѣяти—вѣять въ высь подъ облаки, плачется мати Ростиславля—на темномъ берегу стоя убивается.

Рѣчь переложенія льется не плавно, какъ въ поэтическомъ произведеніи, но испещрена ненужными частицами, которыя только и вставлялись, чтобы соблюсти размѣръ: „На кровавой ли травѣ да мечами то литовскими; не сороки то затрепали то, Гзакъ съ Кончакомъ то..., а князь Игорь въ землѣ русской ли“! По мѣстамъ встрѣчается неестественное расположеніе словъ, какъ напр.: „на живыя онъ ихъ струны накладывалъ; ужъ его ихъ отецъ Святославъ усыпилъ было; насилуваніе словъ изъ-за соблюденія размѣра произвольнымъ удареніемъ: „вѣють душу отъ тѣла; наконецъ изысканныя слова—„погромыхивашъ.“

Въ 1874 г. Вицннъ напечаталъ стихотворный переводъ Слова съ предисловіемъ (Русск. Вѣст. № 2 т. 109

Февр. стр. 801). Въ предисловіи Вицинь высказываетъ свой взглядъ на Слово, на его разиѣръ, на пѣвца, на искусственность языка и предлагаетъ объясненія и поправки темныхъ мѣстъ и выраженій. По его мнѣнію, Слово вовсе не народная поэма, а весьма искусственное произведеніе чисто личнаго творчества. Это произведеніе такого лица, который усвоилъ себѣ, такъ сказать, нарочито схоластическіе приемы и придалъ своему сочиненію совершенно особенную, нарочито витійственную форму. Пѣвца Слова по справедливости можно отнести къ числу тѣхъ пѣснотворцевъ, о которыхъ у Кирилла Туровскаго сказано такъ: „историци и вѣтіи рекше лѣтописцы и пѣснотворцы преклоняють свои слухы въ бывшая межѣ цари рати и въполченія да украсять словесы и возвеличать мужествовавшая крѣпко... и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ.“ Самый языкъ Слова вовсе не народный языкъ; онъ рѣзко запечатлѣнъ личными особенностями автора, быть можетъ, даже прямо погрѣшностями. Говоря о складѣ рѣчи въ Словѣ, Вицинь замѣчаетъ, что оно разсказывалось пѣвцомъ въ гридницѣ у князя, предъ многочисленными слушателями. Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ нѣкоторою заученностію, гдѣ повисить, гдѣ понизить голосъ, то лилась мѣрною скороговоркою, то плавными, длинными стихами безъ опредѣленнаго разиѣра, то, наконецъ, достигала чисто лирическаго воодушевленія, которое и выражалось стихомъ съ опредѣленною цезурою. Музыкальность этихъ стиховъ до сихъ поръ не утратила своего обаянія.

Авторъ Слова, по всей вѣроятности, придворный княжескій пѣвецъ, мастеръ своего дѣла, искусный витія. Планъ его произведенія вполне обдуманъ и хорошо выдержанъ, поэма сложена по правиламъ ученымъ съ явнымъ оттѣнкомъ такъ называемаго высокаго слога и того самаго классицизма, преданіе о которомъ сохранилось въ школахъ среднихъ вѣковъ и возводилось къ самому Гомеру. Обращеніе

къ баснословному Бояну, олицетвореніе вѣтровъ, какъ внуковъ Стрибога и т. п. все это не что иное, какъ только признаки преданія и школы; это прекрасны, которыми авторъ платилъ дань своему школоу созданному направленію. Это школьное образованіе тогдашней средневѣковой Европы могло быть принесено къ намъ пришельцами изъ Европы, Славянами смѣшанной національности, Нѣмцами, Венедицами, Греками и Моравою, о которыхъ упоминаетъ Слово и которые въ то время были въ Кіевѣ; оно также могло быть принесено прямо изъ Греціи и могло водвориться даже въ тѣхъ школахъ, которыя послѣ принятія христіанства заведены св. Владиміромъ и особенно умножились во времена Ярослава.

Искусственность выраженія въ Словѣ Бицини видѣть въ слѣдующихъ сочиненныхъ пѣвцомъ словахъ для выраженія новыхъ заимствованныхъ понятій: пѣснотворецъ вм. поэтъ, трудная повѣсть вм. героическая поэма, замышленіе вм. фантазія. Еще болѣе искусственности онъ находитъ въ тѣхъ книжныхъ и сочиненныхъ выраженіяхъ при передачѣ представлений, которыя весьма точно и живо передавались въ народной поэзіи, напр. по гразивымъ мѣстомъ, вельми рано вм. раннѣе-рано. Такого рода книжность у пѣвца перемѣшивается съ просторѣчіемъ и съ мѣстными провинциализмами, какъ напр. засапожники, тектъ, клеткъ, буснѣй (сѣрый въ Пск. губ.), босуви врани т. е. сѣрые вѣроны—вордны.

Нѣкоторыя объясненія у Бицина составлены по Вальману, по Буткову и Полевому, хотя онъ и не ссылается на двухъ послѣднихъ. Въ предисловіи у него приводятся объясненія на слѣдующія мѣста и выраженія:

1) Оба полы—Бицинь предлагаетъ читать—обѣполь—около нашего времени, какое слово съ этимъ значеніемъ употребляется въ современномъ просторѣчьи (стр. 768).

2) Тропа Трояня у него, какъ и у Тихонравова Бояня; но гдѣ говорится о землѣ Трояновой, тамъ онъ не

измѣняетъ на Боянову, а оставляетъ Трояню вм. настоящаго, какъ говоритъ онъ, Тмутораканю; за то въ остальныхъ двухъ мѣстахъ онъ неприкосновенно оставляетъ слово Троянь при существительномъ вѣка (стр. 769).

3) „Дивъ кличетъ верху древа“—Бицинь понимаетъ такъ, что здѣсь можетъ разумѣться зловѣщая птица филинъ, а также и другой зловѣщій образъ. Этотъ зловѣщій образъ можетъ быть вѣстникъ, вѣщунъ, сидящій на деревѣ и слѣдящій за движеніями непріятеля. Такой характерный способъ карауловъ, устраиваемыхъ для наблюденія за степными хищниками, существовалъ во времена кievскихъ князей, боровшихся съ Половцами и сохранился еще въ Московскій царскій періодъ. Онъ состоялъ въ томъ, что на одинокихъ дубахъ, разсѣянныхъ по равнинамъ, сидѣли вверху стражники, подъ дубомъ другіе пасли осѣдланыхъ коней. Когда первые замѣчали въ степи пыль или какую тревогу, то подавали кличъ съ верху дерева, товарищъ подъ дубомъ садился на коня и ѣхалъ къ слѣдующему дубу. О такомъ способѣ степной стражи въ Московскій періодъ оставилъ разсказъ иностранный очевидецъ Маржеретъ (стр. 771); этихъ-то стражниковъ дружинники и могли называть на своемъ фамиліарномъ языкѣ—дивами.

4) Вступилъ дѣвою на землю Трояню—Бицинь читаетъ: вступилъ дивъ на землю Тмутораканскую и отдѣляетъ это мѣсто отъ предыдущаго: встала обида въ силахъ Дажьбожа внука. Такое чтеніе онъ допускаетъ на томъ основаніи, что въ рукописи стояло—вступилъ, а не вступила, что здѣсь рисуется картина радости на Азовскомъ побережьи въ самой Тмуторакани т. е. въ землѣ Половцевъ, что въ параллельномъ мѣстѣ повторяется опять та же картина, т. е. съ одной стороны горестъ разбитаго войска, съ другой ликованіе Половцевъ; это въ толкованіи сна боярами: на рѣкѣ Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, Олегъ и Святославъ заволоклися тьмою, а въ Тмуторакани себо готскія дѣвы воспѣша синему морю, звоня русскимъ золотомъ и пр.

5) Считаю „Карна и Жля“ нарицательными именами, Бицинь предполагает во второмъ, какъ и нѣкоторые изъ предшественниковъ его—желю, жаль, а въ первомъ описку вм. жирно, какъ и читается дальше: печаль жирна тече средь земли Русской (775 стр.).

6) Рекъ Боянъ и ходы и пр. Бицинь читаетъ и переводить такъ: говорилъ Боянъ и години Святославовой пѣснотворцы стараго времени, а также пѣснотворцы Ярослав и Олега князя: хоть тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ, но тяжело и тебѣ тѣлу безъ головы. Такое измѣненіе текста Бицинь допускаетъ на томъ основаніи, что эту поговорку касательно печали земли объ уходящихъ на войну князьяхъ часто повторяли пѣвцы, между ними и баснословный Боянъ.

7) Растекашется мыслию по древу—Бицинь читаетъ славіемъ, а въ выраженіи по мыслену древу—прилагательное считаетъ позднѣйшею вставкою, явившеюся вслѣдствіе первой описки—мыслию вм. славію. Первую поправку дѣлаетъ на основаніи параллельнаго мѣста, гдѣ говорится—скача славію по древу.

8) Спала князю умъ похоти—Бицинь переводитъ: слава князю умъ плѣнила и предполагаетъ здѣсь описку вм. слава—спала, вм. похнте—похоти.

9) Ключами подперся о кони и возни стригуси—Бицинь переводитъ: „онъ стиснулъ коня колками, утромъ же вонзилъ стремена колючія,“ принимая ключами за описку вм. колками.

10) Въ заключительномъ примѣчаніи Бицинь склоняется къ мнѣнію кн. Вяземскаго, что подъ Бояномъ нужно разумѣть Гомера. По крайней мѣрѣ онъ увѣренъ въ томъ, что Боянъ не собственное имя, а вообще пѣвецъ, не историческое лицо, а идеальное.

Самый переводъ у Бицина представляетъ нѣсколько своеобразныхъ пониманій нѣсколькихъ выраженій; такъ напр. въ стазби переведено—по лѣсу, птицъ подобію—по удолю,

ортьмами—армячками; стружіе—наконечникъ, каютъ—оплакивають; безъ кнѣза—угловъ нѣтъ, и не сошло къ нему морю—и понесло ихъ; былами—вольными людьми, бремены—полчища, о дѣвицу себѣ люблю—какая изъ невѣстъ ему милѣе, хоботы—лохмотья. Неточностей въ переводѣ у Бицына больше, чѣмъ у предшественниковъ; особенно рѣзко они бросаются въ глаза въ слѣдующихъ выраженіяхъ: вѣщіе—переводить—вдохновенные, конецъ поля—объ край поля, стоятъ стязи—разстанавляются, Дивъ велитъ послушати земли незнаемъ Волгѣ и проч. Злой вѣщунъ..... велитъ стеречь невѣдомыхъ чужеземцевъ и Волгѣ ипр., говоръ галичъ .убуди—угомонился, княземъ уособица на поганья погиге—въ князьяхъ уособица, а намъ отъ поганыхъ погигель; мечи верезени—опозоренные, выскочисте—выключили себя, страдаше—погрѣшала, ни птицю горазду—ни птицей проворному, на свою не трудною крыльцю—легкокрылый, претръгоста—загнали, распростерли. Кромѣ неточностей встрѣчаются даже неправильности языка, какъ напр. и всѣ трое Мстиславичей себѣ вольностей расхитили.

Кромѣ неправильностей Бицыкъ внесъ еще въ переводъ безъ нужды уменьшительныя слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Они придаютъ рѣчи какую-то неумѣстную наивность, простонародность и дѣйствительно приближаютъ рѣчь къ тому мужицкому ладу, въ которомъ онъ укоряетъ прежнихъ переводчиковъ (стр. 764). Сюда относятся слова: наконечничекъ, точёкъ, Дончикъ, зорька и т. п.

Въ томъ-же 1874 г. въ программу 3-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ внесенъ былъ вопросъ (52): На сколько извѣстные списки Слова о П. Иг.—Пушкинскій и Екатерининскій соотвѣтствуютъ тексту подлинной рукописи? Какой внѣшній видъ имѣла рукопись и сколько страницъ заключалъ въ ней текстъ самаго Слова? Какимъ письмомъ была она написана и къ какому вѣку относилась? На сколько рѣшеніе этихъ вопросовъ служить къ воз-

становленію исторженныхъ и къ объясненію непонятныхъ мѣстъ Слова?

На самомъ сѣздѣ попытку рѣшенія этихъ вопросовъ представилъ Барсовъ (СПБ. Вѣд. 1874 г. 3-го Сент.). На основаніи находящихся у него записокъ Малиновскаго онъ полагаетъ, что столбцы въ рукописи заключали не по многу строевъ, что въ ней были строчки неясно написанныя, какъ напр. слово мыслію въ послѣдней части, въ окончаніи было стерто. Въ своемъ рефератѣ Барсовъ предложилъ нѣсколько поправокъ въ текстъ, именно: вмѣсто мыслію онъ читаетъ листвіемъ, какъ поправилъ его при повтореніи этого мѣста одинъ народный пѣвецъ былинъ; вм. кая раны дорога—читаетъ—кая раны друга, равно какъ и вмѣсто подобію, подубію, истягну—читаетъ отдѣльно—и стягну, и схотію на кровать и рекъ—на крови тѣи рекъ (сообщили Марковичъ и Кондаковъ).

Въ примѣчаніяхъ къ историческимъ пѣснямъ Малорусскаго народа (1875 г. т. 1) Антоновичъ и Драгомановъ указали на одну дѣйствительно историческую черту пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго, напоминающую Слово и другія лѣтописныя извѣстія объ отношеніи Руси къ Половцамъ, именно: стремленіе послѣднихъ заключать брачныя союзы съ Русскими князьями для упроченія мира; эта черта, напоминающая разговоръ Гзнъ съ Кончакомъ объ опутаньи Владиміра Игоревича красною дѣвицею, сохранилась въ пѣсняхъ подъ названіемъ „поединокъ съ Турскимъ царемъ (стр. 23 —31).

По поводу изданія Малорусскихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова Костомаровъ напечаталъ статью, (Вѣстн. Евр. 1874 г. кн. 12, Дек. стр. 573—629). Въ ней онъ касательно дружинно-княжескихъ пѣсенъ замѣчаетъ: о дружинахъ и старшихъ князьяхъ дружиннаго вѣчеваго строя народъ не имѣетъ и тѣни представленія. Но это не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ безсознательно для его самаго оставаться слѣдамъ давней старины (стр. 578). Перечисляя

эти слѣды давней старины, Костомаровъ указываетъ и такіе, которые напоминаютъ Слово, напр. по колядкамъ утѣха господина—охота: „пускаетъ онъ сокола по поднебесью“; вождь въ колядкахъ дѣлится добычею съ своею дружиною и лучшее изъ нея беретъ себѣ (стр. 579). При первомъ припоминается намъ выраженіе Святослава: „аще соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ“ и другія выраженія, взятія изъ охотничьей жизни; при второмъ припоминаются выраженія: „помчаша красныя дѣвки половецкія, а съ ними злато, поволоки, драгія оксамиты; чрьленъ стѣгъ, бѣла хорюговъ, сребрено стружіе храброму Святъ-славичу“..... Историческіе слѣды видны еще и въ томъ, что въ колядкахъ господинъ—судья и правитель, ѣздитъ суды судить и за то беретъ себѣ села; онъ славенъ тремя сыновьями, которые посажены въ трехъ городахъ.

По поводу приуроченія издателями нѣкоторыхъ колядокъ къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ и лицамъ, Костомаровъ замѣчаетъ: черты древняго дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣкогда пережитаго народомъ, входили въ колядки не по воспоминаніямъ о томъ или другомъ лицѣ, въ которомъ, по лѣтописямъ нашимъ, мы можемъ эти черты подмѣтить, а потому, что эти черты были присущими нравамъ народа, складу его жизни, условіямъ его общественнаго строя, его нравственнымъ воззрѣніямъ и поэтическому вкусу (стр. 586).

Говоря объ отличіи дружинно-княжескихъ колядокъ отъ казацкихъ пѣсенъ, Костомаровъ замѣчаетъ: поэтический способъ выраженія въ пѣсняхъ перваго рода отличается цвѣтистостью особаго пошиба, пареніемъ, встрѣчаемымъ въ поэтическихъ мѣстахъ южнорусскихъ древнихъ лѣтописей, или въ пѣснѣхъ объ Игорѣ, тогда какъ казацкая поэзія не щеголевата, менѣе услаждаетъ воображеніе, менѣе заботится объ роскошныхъ образахъ, гораздо задушевнѣе, болѣе говоритъ чувству, болѣе реальна, болѣе правдива (стр. 591).

Досказывая недосказанное Антоновичемъ и Драгоминовымъ о поддѣльныхъ казацкихъ пѣсняхъ, Бостомаровъ между прочимъ говоритъ: онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе. Максимовичъ, въ концѣ жизни признавшій не народное происхожденіе этихъ думъ и пѣсенъ (о дарахъ Баторія, о Чигиринской побѣдѣ, о сожженіи Могилева, объ убіеніи Наливайки, пѣсни о Лободѣ, двѣ пѣсни о Тетеренкѣ, о Чураѣ, походѣ на поляковъ), основывалъ на нихъ сходство Слова о П. Иг. съ южнорусскою поэзіею. Бѣлинскій ставилъ ихъ гораздо выше всѣхъ великорусскихъ пѣсенъ. Буслаевъ, Галаховъ и др. указывали на нихъ, какъ на превосходные образчики народнаго творчества, а тѣ, которые занимались исторіею Малороссіи, довѣряя подлинности этихъ мнимонародныхъ памятниковъ, приходили къ ложнымъ историческимъ выводамъ (стр. 628).

Въ 1875 году кн. Вяземскій издалъ свой огромный трудъ: „Замѣчанія на Слово о П. Иг.“ Въ этотъ трудъ вошли и прежде напечатанныя имъ замѣчанія (Времен. 1851—53 г.) вновь напечатанные параграфы не совпадаютъ съ указанными въ оглавленіи 1851 г.); только послѣднія значительно пополнены; такъ напр. мѣсто въ Ипатьевской лѣтописи, приписанное Гомеру, Вяземскій въ новомъ изданіи сопоставляетъ съ похожимъ на него выраженіемъ у Гезіода и полагаетъ, что лѣтописецъ смѣшалъ послѣдняго съ Гомеромъ (стр. 86). Здѣсь же Вяземскій отвѣчаетъ на возраженія, сдѣланныя ему по поводу перваго изданія Замѣчаній, о извѣстности Гомера въ древней Руси (стр. 83—89) и о существованіи въ древности прилагательной формы—Троянь отъ сущ. Троя (стр. 122).

Основная мысль Замѣчаній, что Слово находится въ связи съ Троянскими сказаніями, а именно съ поэмами Гомера, который въ Словѣ называется Бояномъ, осталась та же; но она развита новыми данными. Кромѣ прежде указанныхъ мѣстъ въ Словѣ, напоминающихъ Гомера, Вяземскій указываетъ еще новыя; такъ онъ говоритъ, что 503-й

и 504 стихи (по его изд. стр. 381) заимствованы изъ Иліады, что при изображеніи дѣйствій Смоленскихъ князей пѣвецъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду дружныя дѣйствія Аяковъ, изображенныя въ Иліадѣ (стр. 386). Допуская, что поэтъ зналъ и другой источникъ, изъ котораго онъ могъ почерпнуть свѣдѣнія о Троянской войнѣ, это русскія сказки, передававшія древніе фригійскіе мифы, Вяземскій все-таки утверждаетъ, что поэтъ, если и имѣлъ въ виду эти народныя сказанія, но также имѣлъ въ виду и редакцію Гомера; напр. при упоминаніи о седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ (стр. 308 и слѣд.), кромѣ народнаго эпоса о Вольгѣ Всеславичѣ, онъ имѣлъ въ виду Иліаду, или вообще Троянскія сказанія, признавая ихъ за тождественныя съ Русскими (стр. 326); въ произведеніи пѣвца видны несомнѣнные слѣды вліянія именно письменной классической обработки (стр. 306).

Кромѣ знакомства съ классическими и греческими писателями, пѣвецъ, по мнѣнію Вяземскаго, знакомъ былъ съ ученіемъ Буддистовъ (стр. 397—433), когда изображалъ Всеслава оборотнемъ; равно онъ былъ знакомъ съ ученіемъ Гностиковъ (стр. 191 и 397), когда говорилъ о дѣвѣ обидѣ, вступившей на землю Трояню.

Высказанныя въ разныхъ мѣстахъ мнѣнія о Боянѣ, Вяземскій въ концѣ книги резюмируетъ такъ: „Опредѣленіе седьмага вѣка Троянскаго, два стиха изъ Иліады и воззваніе къ соловью—Бояну, сходное съ воззваніемъ Еврипида къ соловью—Гомеру (при одинаковой обстановкѣ стр. 306), убѣждаютъ въ тождественности Бояна и Гомера. Упоминаніе Бояна въ пѣснѣ не позволяетъ предполагать, что имя это относится къ знаменитому поэту XI или XII ст. Намъ положительно и вполне извѣстно, что имя такого пѣвца не только не знаменито, но не оставило ни малѣйшихъ слѣдовъ; знаменитость эта лишена необходимаго условія—извѣстности. Между тѣмъ лѣтописи наши сохранили одно или два имени пѣвцовъ XII ст. (стр. 490—500).

Но послѣднее соображеніе Вяземскаго только ослабляетъ силу первыхъ: лѣтописи не сохранили имени и пѣвца Игоря, и если бы не дошло до насъ единственной рукописи его произведенія, то заимствованія изъ него въ Задовичиѣ, пожалуй, стали бы отыскивать въ Иліадѣ и Одиссеѣ.

Вмѣстѣ съ замѣчаніями Вяземскій предложилъ нѣсколько поправокъ въ текстъ (стр. 65, 147, 175, 225, 273, 354, 385, 401, 442): изъ нихъ новы и обращаютъ на себя вниманіе: *конѣа поіать* вм. *конѣа поють*, *затвори днѣ* при *темнѣ березѣ* вм. *затвори Днѣпръ темнѣ березѣ* (401, 442). Кроме того онъ измѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пунктуацию (стр. 161) и сдѣлалъ перестановки въ текстѣ, который онъ считаетъ перепутаннымъ. Перепутанность въ текстѣ, по его мнѣнію, произошла въ однихъ мѣстахъ по недоумѣнію переписчика, или по какой-либо другой причинѣ, въ другихъ же потому, что листки рукописи были разбиты и переплетены послѣ неправильно (стр. 264).

Во время печатанія нашего труда, Е. Барсовъ напечаталъ въ Ж. М. Н. Пр. (1876 г. Сент. и Октябрь) „Критическій очеркъ литературы о Словѣ о Полку Игоревѣ“. Онъ состоитъ изъ четырехъ частей: а) библиографическаго указателя, б) обзора изданій Слова, в) разсмотрѣнія стихотворныхъ переводовъ его и г) краткаго обзорѣнія иностранныхъ переводовъ.

Указатель представляетъ полный перечень переводовъ, изданій, статей и замѣчаній о Словѣ, какъ на Русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

Обозрѣвая изданія Слова, Барсовъ сообщаетъ кое-что изъ хранящихся у него записокъ Малиновскаго. На основаніи этихъ записокъ онъ утверждаетъ, что въ Пушкинскомъ изданіи Слова всѣ примѣчанія принадлежатъ Малиновскому и изданы по его рукописи (стр. 10). Далѣе (стр. 19) онъ приводитъ письмо Малиновскаго къ Н. Румянцеву о вѣкъ погибшей рукописи Слова, къ сожалѣ-

нію, не указывая, откуда это письмо взято и къ какому году относится. Наконецъ онъ представляетъ выписки изъ записокъ Малиновскаго во-1-хъ темныхъ мѣстъ изъ первой половины Слова (стр. 19-20) и во-2-хъ нѣкоторыхъ выраженій (стр. 21). На основаніи этихъ выписокъ, а равно и письма Малиновскаго Барсовъ дѣлаетъ выводы касательно характера письма рукописи и вѣка ея. Кромѣ того, въ этой же части Барсовъ сообщаетъ описаніе подложнаго списка Слова, купленнаго Малиновскимъ въ 1815 г. и отданнаго имъ на храненіе въ Библіотеку Московскаго государ. коллег. иностр. дѣлъ Архива (стр. 16—17).

Прежде разсмотрѣнія стихотворныхъ переводовъ Слова Барсовъ опредѣляетъ внутреннія особенности языка и склада Слова. Онъ предполагаетъ, что въ XII в. были у насъ распространены воинскія повѣсти, которыя по особенностямъ своего языка отчасти были родственны византійскимъ, отчасти носили самобытный воинскій характеръ. Такого рода повѣсти и могли быть первымъ образцомъ для Слова и наложить на него печать цвѣтовъ и узоровъ эллинскаго краснорѣчія (стр. 113). Это предположеніе, по мнѣнію Барсова, вытекаетъ изъ сходства образовъ и выраженій Слова съ повѣстію Флавія „О положеніи Іерусалима“ и съ языкомъ русскихъ лѣтописей, въ которыхъ отражаются воинскія древнеславянскія повѣсти (стр. 114). Для подкрѣпленія своего предположенія Барсовъ въ первый разъ привелъ сличеніе словъ и оборотовъ Слова въ повѣсти Флавія.

Вторымъ образцомъ для пѣвца Слова Барсовъ считаетъ пѣсни Бояна, которыя были такъ свѣжи и прекрасны, какъ лиственное дерево, такъ быстры и раздольны, какъ прыганье волка, такъ восторженны и возвышенны, какъ пареніе орла подъ облаками (стр. 116). Третьимъ образцомъ для пѣвца, по мнѣнію Барсова, было народное пѣснотворчество, проявляющееся въ причети разлучной и поминальной (стр. 116).

Представивши мнѣнія предшественниковъ о складѣ и размѣрѣ рѣчи Слова, Барсовъ высказываетъ и свое собственное: „Слово, какъ произведеніе, написанное подъ воздѣйствіемъ разныхъ источниковъ и образцовъ, и притомъ какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, никогда не бывало произведеніемъ чисто стихотворнымъ. Это повѣсть о дѣйствительныхъ событіяхъ, это пѣснь былевая, не предназначенная для струнъ, какъ пѣсни Бояновы, и, слѣдовательно, это не пѣснь стихотворная, по намѣренію автора. Но какъ, по собственнымъ же словамъ, онъ находился подъ воздѣйствіемъ Бояновыхъ пѣсней и народнаго пѣснотворчества, то, очевидно, и его собственная пѣснь, не смотря на ея бытѣйскій прозаическій характеръ, должна была отзываться по мѣстамъ опредѣленнымъ стихотворнымъ размѣромъ и отливаться иногда въ созвучные стихи“ (стр 119—129).

Къ обзору стихотворныхъ переводовъ Слова Барсовъ присовокупилъ и краткія оцѣнки важнѣйшихъ изъ нихъ. Общій недостатокъ ихъ—отступленіе отъ подлинника, прибавки и вставки. Въ этой же части разсмотрѣны педагогическія и популярныя изданія Слова.

Въ краткомъ обзорѣніи иностранныхъ переводовъ Барсовъ входитъ въ большія подробности только о нѣмецкихъ, чешскихъ и частію французскомъ, мало говоря о польскихъ и сербскихъ и ничего о болгарскомъ. При упоминаніи о переводѣ Эрбена приведены довольно цѣнныя замѣчанія о немъ О. Корша.

Въ представленномъ обзорѣ литературы о Словѣ о П. Иг. видны всѣ тѣ стороны, съ которыхъ оно разсматривалось, тѣ вопросы, которые возникали при изученіи его. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ изслѣдованы вполнѣ, другихъ изслѣдованіе коснулось только мимоходомъ. Самый важный вопросъ по открытіи рукописи былъ вопросъ о

подлинности слова, о современности его описываемому событію. Съ этимъ вопросомъ стояли въ связи вопросы о языкѣ и слогѣ. По этимъ вопросамъ были высказаны тогда противоположныя мнѣнія, которыя вызвали полемику. Но такъ какъ въ этой полемикѣ споры опирались на предвзятія теоріи и умствованія, а не на факты и изслѣдованіе, то она дала лишь отрицательные результаты, породила въ большинствѣ общества сомнѣніе въ подлинности Слова и охлажденіе къ изученію его.

Съ пятидесятихъ годовъ является у насъ сравнительно-историческое направленіе въ изученіи памятниковъ словесности. Съ этого времени при изученіи Слова самымъ важнымъ вопросомъ дѣлается вопросъ объ отношеніи его къ другимъ памятникамъ словесности по содержанию, по духу и по языку. Прежніе вопросы хотя и занимали изучающихъ Слово, но скоро рѣшены были окончательно. Предметомъ изслѣдованій становится отношеніе Слова къ древнѣйшей русской поэзіи, отношеніе его къ предшествующимъ и послѣдующимъ древнерусскимъ литературнымъ произведеніямъ, отношеніе къ народной поэзіи, преданіямъ и повѣрьямъ, а также отношеніе къ славянской словесности и иностранной.

Случайное обстоятельство, именно—открытіе Екатерининскаго списка Слова, натолкнуло на новый вопросъ, вопросъ палеографическій—о вѣкѣ рукописи, о почеркѣ ея и правописаніи. Въѣсть съ этимъ воскресъ давній, но неоконченный вопросъ объ исправленіи текста, а съ нимъ снова появились и толкованія темныхъ мѣстъ. По многимъ изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ высказывались лишь мнѣнія и большею частію мимоходомъ; специальныхъ же изслѣдованій было очень мало.

Но самую большую часть литературы Слова составляютъ переводы его на современный языкъ. Въ большинствѣ случаевъ мотивомъ къ переводамъ служило желаніе переводчиковъ познакомить общество съ содержаніемъ этого

драгоценнаго поэтическаго памятника древней литературы, и въ рѣдкихъ случаяхъ желаніе показать себя, какъ поэта или литератора. Какъ тѣ, такъ и другіе переводы нельзя считать совершенными, замѣняющими собою подлинникъ для непонимающихъ стараго языка. Это зависѣло не столько отъ непонятныхъ мѣстъ въ Словѣ, сколько отъ недостатка у переводчиковъ поэтическаго таланта, какимъ обладалъ авторъ Слова.

По справедливому, хотя и неразвитому достаточно мѣтнію Грамматина, авторъ Слова написалъ свое произведеніе на особомъ, имъ самимъ созданномъ языкѣ. Всмотрѣваясь въ составъ его рѣчи, мы дѣйствительно видимъ въ ней соединеніе тогдашняго книжнаго языка съ народнымъ, соединеніе стройное, гармоническое, въ которомъ органически слились эти два элемента, и та или другая форма, тотъ или другой оборотъ не выдѣляется изъ ряда другихъ, не бѣетъ въ глаза, какъ какой-нибудь текстъ, вставленный въ рѣчь иного характера и склада и не гармонирующій съ ней. На такое соединеніе разнородныхъ элементовъ рѣчи, на созданіе новаго, особеннаго языка способны только геніальные люди, какими были у насъ Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ. Такимъ же геніальнымъ лицомъ долженъ быть и переводчикъ Слова, если отъ него требовать полной замѣны подлинника переводомъ. Онъ долженъ съ художническимъ искусствомъ слить старый языкъ съ новымъ, составить изъ нихъ органическое цѣлое, такъ чтобы переводъ его былъ понятенъ для всякаго русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ былъ колорита старины, выражалъ понятія вѣка и способъ выраженія ихъ авторомъ-художникомъ. Этого - то именно умѣнья и не доставало у занимавшихся Словомъ, исключая одного Пушкина, который лелѣялъ мысль передать Слово своимъ стихомъ, но не успѣлъ привести ее въ исполненіе. До появленія такого геніальнаго переводчика лучшими переводами будутъ пока не стихотворные, а про-

заическіе, буквально, въ которыхъ будутъ опускаться
всѣ непонятныя мѣста и подновляться лишь грамматическія
формы, какъ это дѣлали Бѣлинскій, Водовозовъ и Бусла-
евъ (Литогр. лекціи о Словѣ 1869 г.).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
8	23	а.)	(не нужно вовсе)
9	24	1.)	а.)
12	7	онъ	она
13	17	Калайдовача	Калайдовича
16	21	Евангелистомъ	Евангелистомъ
23	12	скротишась	скратишась
"	17	находящемся	находящемся
24	15	именно :	каковы :
29	32	оближеніями	оближеніями
33	20	Polowców	Połowców
"	21	est to bowem	jest to bowiem
"	22	ulożona	ułożona
"	23	Rus	Ruś
"	"	działał	działał
"	"	litaraturze	literaturze
"	24	objawiał se	objawiał się
58	13	дѣленія	дѣленіе
65	28	Полелевой	Полевой
89	Съ 24 строки по 34 нужно бы напечатать петитомъ, какъ примѣчаніе.		
100	15	описание,	описание
108	26	powieśt	powieść
109	27	о внесееи	о внесении
"	35	общерусскій	общерусскій
110	23	при стрѣлы	при стрѣлы —
117	3	въ пивночи	къ пивночи
"	4	путягнувшъ	потягнувсь
"	7	въ неволи	зъ неволи
"	8	золотой	золотый
129	18	въ словѣ	въ Словѣ
"	22	Zabijl	Zab. i Sl.
143	26	гусельники	гусельшики
144	"	звѣрка	звѣрка
157	21	съ Волги	съ Волги,
162	3	моменты	моменты
163	21	папереси	паперси
"	29	миеилогическое	миеологическое
167	21	о Словѣ	о словѣ
"	37	Большаго	большаго
176	10	и проч. Злой	и проч. — злой
182	22	О положеніи	О полоненіи
"	26	Послѣ: — „оборотовъ Слова“,—пропущено: — „съ похожими на нихъ“.	

О С Л О В Ѣ
О
ПОЯКУ ИГОРЕВЪ.

ВЫПУСКЪ II.

Пересмотръ некоторыхъ вопросовъ.

А. Смирнова.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „Филологическихъ Записокъ.“

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1879.

Printed in Russia

О С Л О В Ъ
О
ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

ВЫПУСКЪ II.

Пересмотръ некоторыхъ вопросовъ.

А. Смирнова.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.“

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1879.

Дозволено Цензурой. Москва, 15 Ноября 1878 г.

О С Л О В Ъ

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

II

Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ.

1. Вѣкъ рукописи и характеръ письма.

Мусинъ-Пушкинъ, при изданіи Слова, о рукописи замѣтилъ только, что она по своему почерку весьма древняя (1-е изд. стр. VП); но къ какому она относилась вѣку, какъ и на чемъ написана, объ этомъ онъ тогда не сказалъ ни слова. Видно, что ни онъ, ни его сотрудники не придавали тогда значенія этимъ вопросамъ и потому ихъ вовсе не коснулись. Это зависѣло не только оттого, что издатели не были подготовлены къ своему дѣлу филологически, но и оттого, что тогдашняя критика обратила вниманіе только на языкъ и слогъ, который нашла отличнымъ отъ библейскаго и лѣтописнаго и потому не имѣющимъ на себѣ печати древности.¹⁾ Обрати она тогда вниманіе на внѣшность рукописи, на письмо, почеркъ и бумагу, издатели, навѣрное, высказались бы по этому поводу и опредѣлили бы вѣкъ рукописи. Ихъ сужденія пусть

¹⁾ Критика произнесла такой приговоръ о Словѣ, по всей вѣроятности, на основаніи бѣлаго взгляда на рукопись, или на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ изъ него. Первое изданіе, кромѣ самаго текста, напечатаннаго въ цѣлости, другихъ данныхъ для сужденія о древности и подлинности не представило, а между тѣмъ второй приговоръ тойже критики послѣ изданія былъ совершенно противоположенъ первому: «это твореніе въ пѣтической прозѣ древнее, даже подлинное» сказалъ Шлецеръ, прочитавши Слово въ печатномъ изданіи (Нест. т. 1 стр. 384).

были бы не вѣрны; но они навѣрное привели бы какія нибудь данныя; можетъ быть они подробнѣе описали бы самый сборникъ, сдѣлали бы изъ него большія выдержки, сняли копии съ почерка, описали характеръ письма, отыскали приписки, разглядѣли бумагу; но ни чего подобнаго ими не сдѣлано.

Вопросъ о вѣкѣ рукописи возникъ только послѣ гибели ея; онъ возбужденъ былъ тогдашнимъ профессоромъ Тимковскимъ, который, занимаясь филологическимъ разборомъ Слова, просилъ Калайдовича ²⁾ предложить Мусину-Пушкину нѣсколько вопросовъ касательно рукописи и способа изданія ея. Калайдовичъ въ своемъ письмѣ къ Мусину-Пушкину, кажется, такъ формулировалъ ихъ: На чемъ, когда и какъ писана рукопись, вѣрно ли напечатана, не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? (Лѣт. р. л., кн. 6, стр. 90 и Сынъ От. т. 8, см. стр. 15 и слѣд.)

На эти вопросы М. Пушкинъ въ концѣ 1813 г. отвѣтилъ, что писана она на лощеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или началу XV в. (С. От. т. 8, см. стр. 17).

Въ этомъ письмѣ М. Пушкина нужно обратить вниманіе на слѣдующія слова: „чистое письмо, почеркъ письма и бумага.“ Чистое письмо означаетъ здѣсь письмо четкое, въ которомъ буквы ясно различаются; объ этомъ письмѣ М. Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ выразился такъ: написана (рукопись) яснымъ характеромъ (Зап. и Тр. 1824 г. кн. II, стр. 37); и если по выраженію Мусина-Пушкина „читать руко-

²⁾ Самъ Калайдовичъ, конечно, не видалъ рукописи, иначе онъ не сталъ бы спрашивать о ней у типографика Секивановскаго. Семинательно, чтобы и Тимковской былъ самовидцемъ рукописи. Если бы онъ видалъ ее, то не обратился бы съ запросами къ Мусину-Пушкину. Потому увѣреніе Сахарова, что Калайдовичъ и Тимковскій были очевидцами рукописи (Сказ. Р. Н. т. I. стр. 50), не имѣетъ никакихъ основаній.

пись было трудно*, то не потому, что буквы были не разборчивы, походили одна на другую, а потому, что „не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ находилось множество неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлить ее на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло.“ (Зап. и Тр., кн. II, стр. 37, 1824 г.). Вотъ настоящая причина трудности чтенія. Она видна также и изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ М. Пушкина: „хотя уже все было разобрано, но я, не бывъ переложеніемъ своимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной кн. Щербатову.“ Ошибка же кн. Щербатова состоитъ не въ принятіи однихъ буквъ за другія (буквы у него прочитаны вѣрно), но въ не вѣрномъ раздѣленіи сплошнаго текста на слова: Заячь и Миловцы вм. заячьими ловцы.

Почеркъ письма, на основаніи котораго М. Пушкинъ отнесъ рукопись къ извѣстному вѣку, конечно, относится къ характеру письма—уставному, полууставному и скорописному. Но М. Пушкинъ не сказалъ, какое именно было письмо изъ этихъ трехъ. Если въ предисловіи къ изданію онъ называлъ письмо весьма древнимъ, то разумѣлъ, конечно, не скоропись, явившуюся у насъ съ XV в., а уставъ или полууставъ; скорописи, которая въ началѣ XIX ст. у насъ была отличаема отъ мелкаго уставнаго или полууставнаго письма всѣми, имѣвшими дѣло съ старыми рукописями (Зап. и Тр. 1826 г., к. 1, ч. III), М. Пушкинъ не придалъ бы наименованія „весьма древнее,“ онъ скорѣе бы назвалъ такое письмо просто древнимъ, а пожалуй и позднѣйшимъ.

Бумагу рукописи М. Пушкинъ назвалъ лощеною и по ней, какъ и по почерку письма, далъ показаніе о вѣкѣ рукописи. Нельзя думать, чтобы М. Пушкинъ сослался на бумагу безъ всякихъ основаній. Ему извѣстно было, что спрашиваютъ его о вѣкѣ рукописи не изъ простаго любо-

пытства дилетанты въ древностяхъ, его спрашивали люди серьезно относившіеся къ своему дѣлу, люди занимавшіеся дѣломъ научно. М. Пушкинъ, навѣрно, считалъ бы для себя непристойнымъ предлагать такимъ лицамъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное. Если онъ самъ, дѣйствительно, былъ не опытенъ въ палеографіи, то можно быть увѣреннымъ, что онъ заимствовалъ такое мнѣніе у людей болѣе его компетентныхъ. По отношенію къ разсматриваемому нами вопросу М. Пушкинъ, конечно, высказалъ мнѣніе лица, специально занимавшагося палеографіей, опредѣленіемъ вѣка рукописей по ихъ матеріалу. Такимъ лицомъ былъ въ его время Ермолаевъ, учитель Востокова по палеографіи. *) О палеографическихъ его способностяхъ и познаніяхъ дошло до насъ нѣсколько свидѣтельствъ его современниковъ, людей заслуживающихъ полного довѣрія, это Востокова, митроп. Евгенія (Уч. Зап. 2. Отд. А. Н., кн. 2, в. 2, стр. 75 и Переп. Вост. стр. 22 и 23) и графа Н. П. Румянцева (Переп. Евг. съ Рум. стр. 56). ') Кромѣ того, въ Имп. Публ. Би-

*) Ермолаевъ съ 1808 г. опредѣленъ былъ помощникомъ хранителя рукописей Имп. П. Библи., а съ 1815 г. сдѣланъ хранителемъ ея и былъ имъ до смерти, т. е. 1832 г. (Пер. Вост. стр. 404—405). У Быкова находится связка черновыхъ бумагъ его, изъ коихъ кое что напечатано въ Сбор. ст., чит. въ 2 От. А. Н. 1868 г. т. 5. в. 1. стр. 238 и слѣд.

4) Барсовъ, рѣшая вопросъ о вѣкѣ рукописи Слова и усиливаясь опровергнуть мнѣніе объ этомъ Мусина-Пушкина, какъ человѣка не опытнаго въ палеографіи, паравъ съ послѣднимъ ставитъ и Ермолаева. Показаніе его, что рукопись была XV в., онъ считаетъ не имѣющимъ значенія на томъ основаніи, что Ермолаевъ не былъ издателемъ рукописи и не изучалъ ея специально и что отзывъ его могъ основываться на поверхностномъ знакомствѣ съ нею (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. Сент. стр. 18). Такой взглядъ на Ермолаева, недовѣріе къ его авторитету въ опредѣленіи рукописей стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано у Барсова страшною выше (стр. 17 тамъ же): (графъ Румянцевъ, не полагаясь рѣшительно на свое мнѣніе, всѣ представленныя имъ (Малиновскимъ) бумаги, показалъ Ермолаеву, который видѣлъ подлинную рукопись Слова. Онъ не усумнился покупку Малиновскаго (поддѣльный списокъ Слова) назвать подложною. Если Ермолаева нельзя было ввести въ заблужденіе поддѣльною рукописью, если онъ сразу могъ отличить поддѣльное отъ истиннаго и ни на минуту не усум-

бліотекъ доселѣ хранятся его оти́тки о вѣкѣ написанія нѣкоторыхъ рукописей и еще въ 1857 г. живы были воспоминанія, какъ онъ училъ другихъ наглядно отличать, въ какое время рукопись писана (Изв. А. Н. по 2 Отд. 1857 г., стр. 264.). Къ наглядному обученію опредѣлять вѣкъ рукописей, кромѣ почерка, конечно, относилась и бумага рукописи. Этотъ приѣмъ замѣчается и у ученика его Востокова (Уч. З. 2 Отд. А. Н. кн. 2, в. 2, стр. 7. Опис. Р. муз. стр. 725.). Нѣтъ основанія сомнѣваться, что этотъ же приѣмъ извѣстенъ былъ и учителю. Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ случай говорить съ нимъ о рукописи, такъ какъ Ермолаевъ, по свидѣтельству Востокова, разсматривалъ ее и назвалъ письмо ея полууставомъ XV в. (Глагол. Умозр. и оп. осн. Слов. ч. 4, стр. 24—25). Мусинъ-Пушкинъ, считая ее писанною въ концѣ XIV или началѣ XV в., вѣроятно, имѣлъ двоякаго рода данныя.—по однимъ она должно была относиться къ XIV, по другимъ къ XV. Можетъ статься, что къ первымъ, по показанію Ермолаева, относилась бумага, имѣвшая знаки XIV ст., а ко вторымъ—письмо, положительно опредѣленное Ермолаевымъ. Кромѣ М. Пушкина и Ермолаева изъ самовидцевъ рукописи еще два компетентныхъ лица дали показаніе о вѣкѣ ея, это Малиновскій и Карамзинъ. Малиновскій относилъ ее къ XIV ст. (Дуб. .Сл. о П. И. стр. VIII), а Карамзинъ считалъ ее писанною въ исходѣ XV ст. (С. От. т. 8, стр. 17).

Не смотря на свидѣтельства очевидцевъ рукописи, людей хорошо знакомыхъ съ старыми рукописями и почерками, Калайдовичъ, самъ не выдавшій рукописи, началъ съ 1818 г. утверждать, что почеркъ рукописи, по сви-

дѣніи въ подложности, то это рѣшительно говорить въ пользу его, въ пользу глубокаго пониманія имъ своего дѣла; такъ смотрѣли на него современники, и мы пока еще не имѣемъ данныхъ, почему бы могли сомнѣваться въ его знаніи и глубокомъ пониманіи палеографіи.

дѣтельству очевидцевъ, не восходитъ далѣе XVI в. (Оп. р. в. стр. 28). Утверждая это, онъ ссылается тоже на свидѣтельства очевидцевъ; между тѣмъ намъ извѣстно изъ собственныхъ же словъ Калайдовича, что такое свидѣтельство онъ слышалъ отъ одного лица. Въ запискахъ Тимковскаго онъ записалъ своею рукою: „Типографическѣ С. А. Селивановскій говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву. Она написана бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго (С. От. т. 8, стр. 17). Кромѣ этого ссылокъ на другихъ очевидцевъ Калайдовичъ не дѣлалъ ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, въ которыхъ онъ касался Слова.

Такое утвержденіе, не основанное на вѣскихъ данныхъ, долго не находило себѣ приверженцевъ; большинство занимавшихся древнею литературою болѣе довѣряло показаніямъ первыхъ издателей, и только такъ называемые скептики приняли мнѣніе Калайдовича, пополняли его новыми предположеніями и лишь для того, чтобы поколебать вѣру въ древность и подлинность Слова. Но съ 1866 г. къ мнѣнію Калайдовича о письмѣ и вѣкѣ рукописи склонились и представители русской филологіи и литературы. Въ 1870 г. даже Буслаевъ принялъ мнѣніе, что погибшая рукопись была XVI в. (Христ. древнерусск. лит. стр. 91). Причиной такого поворота во взглядѣ на вѣкъ рукописи у людей, научно занимающихся старой литературой и языкомъ, было то, что Тихонравовъ, при своемъ изданіи Слова, по 1 изданію и Екатерининскому списку, заподозрилъ перваго издателя М. Пушкина въ умѣнны читать старыя рукописи, свидѣтельство его о вѣкѣ рукописи счелъ не надежнымъ и на основаніи двухъ копій представилъ палеографическія данныя, по которымъ погибшая рукопись, будтобы, должна быть отнесена къ концу XVI в. (Слово о П. Иг. Тих. стр. IX). На все это онъ представилъ доказательства, къ разбору которыхъ мы и переходимъ.

1. Что М. Пушкинъ былъ не опытенъ въ палеогра-

фіи, и могъ ошибаться при чтеніи, какъ и кн. Щербатовъ (Сл. Тих. стр. IV), это не новость: уже и современники находили у него ошибки, обличавшія въ немъ неумѣнье читать рукописи.⁵⁾ Но все-таки это не могло помѣшать тому, чтобы рукопись была издана къ печати вѣрно и чтобы показаніе о вѣкѣ ея было ближе къ истинѣ, чѣмъ показаніе Калайдовича. Вѣрность изданія рукописи засвидѣтельствована лицомъ, заслуживающимъ полного довѣрія, лицомъ основательно знакомымъ съ старой письменностію, — она засвидѣтельствована Карамзинымъ (С. От. т. 8, стр. 20). Ермолаевъ, лучший тогдашній знатокъ палеографіи тоже ничего не возразилъ противъ печатнаго изданія. Значить, оно было удовлетворительно, правописаніе его было выдержано, — оно было такое же въ печати, какое и въ рукописи, по которому онъ между прочимъ опредѣлялъ вѣкъ ея. Нельзя сказать, чтобы за точность печатнаго изданія мы обязаны были именно М. Пушкину,⁶⁾ но нельзя вмѣстѣ съ этимъ и отнимать у печатнаго изданія того, что въ немъ дѣйствительно есть. Оно представляетъ болѣе вѣрную копію, чѣмъ Екатерининскій списокъ, снятый тотчасъ по открытіи рукописи, второпяхъ, безъ вниманія къ правописанію и раздѣленію словъ, вопреки мнѣнію Тихонравова, признающаго этотъ списокъ болѣе вѣрной копіей (стр. V).

II. Палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ, слѣдующія: 1) въ погибшей рукописи з походилъ на ъ, такъ что издатели не могли различить ихъ

⁵⁾ Калайдовичъ подмѣтилъ неправильное прочтеніе М. Пушкинымъ въ Духовной Мономаха — не домысли вм. не дошелъ, а Востоковъ ꙗзъ вм. авъа и др. (Переп. Вост. стр. 130).

⁶⁾ Сотрудники М. Пушкина, Малиновскій и Бятышъ Каменскій, кажется, мало давали простору догадкамъ его въ чтеніи текста. Это видно изъ того, что Малиновскій и Каменскій корректировали наборъ, каждый особо, третій разъ просматривалъ его М. Пушкинъ, но онъ уже не имѣлъ права дѣлать поправки (От. Зап. т. 8, стр. 15 и слѣд.) Ему, значить, предоставлено было право сгнѣть за переводомъ, а за текстомъ слѣдили Малиновскій и Каменскій.

и ставили въ печатномъ изданіи одинъ на мѣсто другаго. Сходство въ начертаніи этихъ знаковъ, говоритъ Тихонравовъ, замѣчается только въ скорописи XVI и XVII в. 2) ѡ въ рукописи походило на з и ѡ, — такое явленіе замѣчается въ скорописи конца XVII в. 3) ѡ походило формою на ѡ въ скорописи XVI в. 4) Двойственное о, встрѣтившееся въ Екатерининскомъ спискѣ, въ Словѣ — очина, попадаетъ только въ рукописяхъ XVI в. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Тихонравовъ не могъ раздѣлять мнѣнія очевидцевъ рукописи о вѣкѣ ея. Онъ склонился къ мнѣнію Калайдовича и отнесъ рукопись къ концу XVI в. Но разсматривая эти данныя, мы все-таки должны согласиться, что мнѣніе М. Пушкина ближе къ истинѣ, чѣмъ Калайдовича и Тихонравова, и это вотъ почему:

1. Нѣкоторое сходство въ начертаніи з съ ѡ и ѡ съ з встрѣчается не только въ скорописи XVI в., но и въ скорописи XV (см. Иванова Пал. сн. табл. 29-я). Но мы не имѣемъ основаній считать, что рукопись была скорописная, и это замѣчаніе дѣлаемъ только къ слову, какъ ослабляющее силу доводовъ Тихонравова. Тихонравовъ обращаетъ вниманіе на то, что М. Пушкинъ будто бы колебался въ чтеніи особенно при разборѣ з и ѡ при плавныхъ, въ одномъ случаѣ онъ прочиталъ чрълень, въ другомъ чрълень и вообще постоянно з принималъ за ѡ, а ѡ за з (стр. V), при выводѣ окончаній изъ - подъ титлѣ произвольно ставилъ з или ѡ и въ окончаніяхъ болѣе частое ѡ вм. з въ печатномъ изданіи, чѣмъ въ Екат. спискѣ, явилось лишь вслѣдствіе неумѣнія отличить з отъ ѡ (стр. VI). На все это считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее:

а) Смѣшеніе з съ ѡ при плавныхъ явленіе обыкновенное въ письменности XIV или XV ст., оно является даже и въ болѣе древней письменности; зачатки этого смѣшенія находятся уже въ Остромировомъ Евангеліи, значить, оно было и въ XI ст. Если это смѣшеніе началось такъ рано, то почему ему не быть въ рукописи Слова; оно, дѣйствительно, тамъ и было,

что подтверждаютъ выдержки, сдѣланныя Карамзинымъ изъ другихъ статей рукописи, напр. тамъ встрѣчается: прѣсть, дрѣзость (Ист. т. III, пр. 272); разница же въ употребленіи з и ъ при плавныхъ въ двухъ спискахъ произошла вовсе не отъ неопредѣленности начертаній ихъ въ оригиналѣ, а отъ переписчика, хотя бы онъ былъ одинъ и тотъ же. Глухіе для него не были явленіемъ живымъ; онъ могъ вѣрно скопировать ихъ тогда, когда, переписывая, слѣдилъ за каждою буквою, проверялъ ее, сличалъ слова по перепискѣ съ подлинникомъ. За такое отношеніе къ дѣлу мы можемъ поручиться относительно печатнаго изданія; но не то было съ Екатерининскимъ спискомъ. Онъ былъ переписанъ скорѣе подъ диктовку, при которой диктующій только въ нѣкоторыхъ случаяхъ диктовалъ по буквамъ, въ большинствѣ же случаевъ онъ говорилъ слова съ глухими при плавныхъ примѣнительно къ живому выговору. Вслѣдствіе этого глухіе при плавныхъ въ Екатерининскомъ спискѣ чаще замѣняются чистыми гласными—о и е.

б) При выведеніи окончаній съ глухимъ изъ - подтитлъ М. Пушкинъ не поступалъ произвольно, ставя въ печатномъ изданіи тотъ или другой; онъ въ этомъ случаѣ примѣнялся къ современнымъ ему правиламъ правописанія, ставилъ ѣ въ словахъ: уомъ, одинъ (Пек. 10), повѣдаютъ, шеломъ (12) желѣзныхъ, сонъ (14) у римъ (15), звѣремъ (17) босымъ, соколомъ (18) своихъ, летить (19). Единственное слово—трудомъ, можетъ статься, было скорѣе типографическою ошибкою, не досмотрѣнною корректорами, чѣмъ произвольной постановкой ѣ вм. употребленнаго вездѣ въ подобныхъ случаяхъ ѣ.

в) Частое употребленіе, особенно въ окончаніяхъ, ѣ вм. ѣ не есть смѣшеніе сходнаго начертанія этихъ буквъ первыми издателями при чтеніи рукописи, а могло принадлежать именно самой рукописи. Это смѣшеніе замѣчается 1) въ третьихъ лицахъ глагольныхъ окончаній на ѣ; 2) въ именит. падежѣ существ. муж. рода на ѣ,—Дидѣрь

и Дѣпръ, Всеславъ, дивъ; 3) въ творит. пад. един. числа на омъ; 4) въ дат. множ. на омъ, амъ, имъ: былинамъ, имъ и 5., въ родит. мн. на овъ: соколовъ. 1 и 3 случая, явленія—обыкновенныя, естественный результатъ смѣшенія старыхъ окончаній древнѣйшей рукописи съ новѣйшими, живыми для переписчика погибшей рукописи. 2, 4 и 5 представляютъ особенность необъяснимую указаннымъ путемъ; но онѣ не единственныя только въ рукописи Слова,—онѣ встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ, восходя къ XII в. Въ другихъ статьяхъ книги, въ которой найдено Слово, встрѣчаемъ: Акыръ и Акыръ, сынѣмъ твоимъ, сыновъ; въ житіи Бориса и Глѣба Нестора (Бод. 1859 г.) XIV в. встрѣчаемъ: Владимиръ (стр. 3), въ 1 Новг. лѣт. XIV в. Дѣпръ (Мат. для Слов. и Гр. т. II, сл. Пып.); въ Пандектахъ Антіоха конца XII ст.: Павль, Петръ, отъ бракъ, вѣкомъ (Срезн. Древ. пам. стр. 173 --175); замѣна ѣ посредствомъ ѣ замѣчается и въ предлогахъ възрататься (Срезн. Пам. стр. 269 Псалт. въ лиц. 1379 г.). Въ житіи Бор. и Гл. XII в. (Бод. л. 8, стр. 2) крѣпкъ. Такое же употребленіе ѣ вм. ѣ часто встрѣчается въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи: разгордѣвсь (389 стр., II изд.) скажемъ, Смолнескъ (390), къ нимъ, обьяша (391) паробче въземши (398), Володимеръ (432). Вѣроятно, здѣсь сказалась особенность какого нибудь говора, потому что и въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ съ твердыми окончаніями, встрѣчается мягкое, напр. по Днепрю (Ип. стр. 449); но ужъ ни какъ не то, что при чтеніи рукописей трудно различаются ѣ и ѣ: указанныя рукописи писаны яснымъ уставомъ, или полууставомъ и у издателя не могло быть колебанія—ѣ или ѣ нужно читать въ данныхъ случаяхъ.

2. Тихонравовъ полагаетъ, что въ рукописи и ѣ походило на ѣ и обратно; это онъ выводитъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ окончаніе дат. падежа стоитъ на мѣстѣ родит. и обратно. Ужъ одно то, что подобная

замѣна встрѣчается только въ данныхъ случаяхъ, а въ другихъ ея нѣтъ, должно бы остановить Тихонравова отъ смѣлыхъ предположеній о существовавшемъ сходствѣ, но онъ отсюда дѣлаетъ наведеніе и къ почерку письма, — онъ говоритъ, что подобное смѣшеніе существовало въ скорописномъ полууставѣ XVI в. и позднѣе.

Несмѣшеніе ѣ и ы въ другихъ случаяхъ, а только въ данныхъ, объясняется очень просто. Смѣшеніе падежей дательнаго съ родительнымъ въ именахъ сущ. женск. род. замѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Оно, вѣроятно, начинается съ Остромирова Ев., въ которомъ часто окончаніе род. п. на ѣ: недѣлѣ. Здѣсь такое окончаніе очень естественно, какъ результатъ смѣшенія ѣ съ іа, происшедшимъ изъ слав. а. Но къ такому окончанію такъ привыкъ въ послѣдствіи слухъ, что оно распространилось и на твердое склоненіе, въ которомъ произошло смѣшеніе падежей въ XIII и XIV в. напр.: отъ владыцѣ (Колос. Очер. ист. стр. 109). Въ Силв. сб. въ Жит. Бор. и Гл. святаго Николѣ (Пред. Бод. стр. 15) при болѣе частомъ —Николы. Въ Ип. сп. лѣт. встрѣчается также родит. съ окончаніемъ дательнаго: изъ Москве (стр. 407). Колосовъ въ древнихъ памятникахъ подобную замѣпу считаетъ особенностью Новгородскаго нарѣчія — полгрянне (Оч. стр. 94), а въ новомъ языкѣ эта замѣна составляетъ, говоритъ онъ, особенность сѣверно — великорусскаго говора (Мат. стр. 41). Не была ли она и въ древности распространеннѣе, чѣмъ только въ Новгородской области; потому что явилась по аналогіи съ мягкимъ склоненіемъ, замѣнявшимъ іа посредствомъ ѣ (=е).

Тоже нужно сказать и объ обратномъ явленіи — замѣнѣ окончаній дательнаго падежа окончаніями родительнаго, оно не слѣдствіе смѣшенія издателями ѣ съ ы: тяжело ти головы, а особенность памятника, передаващаго живую особенность языка того времени. Что это была особенность говора, видно изъ того, что встрѣчается и въ дру-

гихъ того времени памятникахъ, такъ напр. въ Ипат. сп. лѣт.: къ Донцю рѣки (стр. 431). Въ Ж. Бор. и Гл. Сильв. сп. XIV в. предл. пад., обыкновенно сходный съ дат. въ ж. р., именно — „прелести идольскы,“ при болѣе частой формѣ: идольствѣ (Бод. стр. 15, Ж. В. и Гл. Нест.). Но особенно эта замѣна часто употребляется въ современныхъ народныхъ пѣсняхъ сѣвера Россіи. Изъ сборника Гильфердинга Колосовъ представляетъ много примѣровъ (Мат. стр. 45); да и самъ Тихонравовъ приводитъ подобный примѣръ: отпѣвали умъ разумъ по буйной головы (1 изд. стр. 51, предлож. пад. сход. съ дат.) Значить, Тихонравовъ въ число доводовъ неумѣнья М. Пущина читать рукописи помѣстилъ такой фактъ, который скорѣе указываетъ на точность изданія рукописи, на ясное различіе буквъ ѣ и ы. Не будь въ данныхъ мѣстахъ ясно, отчетливо написано ы и ѣ, издатели навѣрное примѣнили бы къ литературнымъ формамъ падежей, не напечатали бы: тяжело ти головы, на моя ладѣ вон, ищучи князю славѣ, а напечатали бы — головѣ, лады, славны.

3. Смѣшеніе ѣ и ы съ ѣ Тихонравовымъ указано въ словахъ: пѣснѣ (по Екат.) пѣснь (печат.), средѣ (Екат.) средѣ (печ.), мужаймѣся и горѣ (въ обоихъ) вм. мужаймѣся и горѣ. Изъ этихъ словъ о первомъ нужно замѣтить, что при перепискѣ Екат. списка здѣсь могла произойти описка, какихъ нѣсколько въ немъ, наприм.: утече вм. тече, грозный—выливій (14 стр.) и за не землю (стр. 15). Екатер. списокъ, опять повторимъ, менѣе вѣрная копія, чѣмъ печатное изданіе. Второе слово „средѣ“, можетъ стать ся, выведено изъ-подъ титла, и какъ это происходило въ разное время, явилось различіе въ чтеніи, все равно какъ въ словахъ: бишася день, бишася другій (Екат.), въ печ. — бишася другій. Третье слово: мужаймѣся — такимъ сдѣлалось подъ рукою переписчика погибшей рукописи, который, стараясь о вѣрной копировкѣ, сбился все-таки на живое нарѣчіе, въ которомъ не было двойственного числа,

онъ прочелъ въ старой рукописи „мужанвѣся“, обратилъ вниманіе на ѣ, но при этомъ, не понимая значенія такой формы, представилъ живую „мужанися“, отъ чего произошло смѣшеніе формъ. Подобную передѣлку можно видѣть и въ другихъ рукописяхъ, писанныхъ яснымъ полууставомъ, напр. въ Ип. списокѣ: поѣдѣта (стр. 404). Последнее слово „горъ“ вм. горѣ тоже можно приписать мудрствованію переписчика, который это слово поставилъ въ зависимость, въ подчиненіе къ слову—мало ли ти бышеть. Кромѣ того между ѣ, ѣ и ѣ въ древнихъ памятникахъ были замѣны: напр. сповѣдъ вм. сповѣдѣ (Вод. Жит. Бор. и Гл. Нестора. Пред. стр. 15.).

4. Встрѣтившемуся въ Ек. сп. двойственному о Тихонравовъ придаетъ болѣе значенія, чѣмъ всѣмъ предшествующимъ даннымъ. Онъ говоритъ, что въ Екатерининскомъ списокѣ двойственное о точно скопировано съ подлинника (VІІ), и при этомъ замѣчаетъ, что, по свидѣтельству Востокова, подобное о является только въ памятникахъ XVI в. Но во-первыхъ подобное о находится только въ Екат. списокѣ, которому нельзя безусловно довѣрять и который, какъ выше указано было, имѣетъ описки. Можетъ случиться, что и это относилось къ числу описокъ въ родѣ „за не землю.“ Во-вторыхъ, этой особенности рукописи не удержано въ печатномъ изданіи, точность котораго засвидѣтельствована Карамзинымъ. Въ-третьихъ, двойственное о, очное оо, по свидѣтельству тогоже Востокова, употреблялось и въ XV в. (Пер. Вост. стр. 21., и Уч. Зап. Ак. Н. вып. II, кн. II, стр. 73—74). Въ Антиоховыхъ пандектахъ встрѣчается слово „оскоминѣѣж.“ (Мат. для слов. и гр. т. V, стр. 178), а эти пандекты по списку относятся къ концу XII ст. (Срезнев. пам. р. яз. и писма, стр. 21 и 173).

Для большей убѣдительности въ палеографическихъ данныхъ Тихонравовъ ссылается еще на свидѣтельства очевидцевъ—Карамзина и Селивановскаго, изъ которыхъ первый утверждалъ, что рукопись должна относиться къ исходу

XV ст., а второй, что она писана бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго. На основаніи послѣдняго показанія Калайдовичъ относилъ ее къ XVI ст.; тоже самое сдѣлалъ и Тихонравовъ (стр. IX).

Но во-первыхъ Карамзинъ не относилъ рукопись къ XVI, онъ отвесъ ее все таки къ XV, хоть и къ исходу его. При томъ же онъ только говорилъ это, но своего мнѣнія не заявилъ въ печати, высказалъ его только Калайдовичу, уже задавшемуся мыслию, что она была XVI ст.; быть можетъ, онъ сдѣлалъ въ разговорѣ съ нимъ уступку его настойчивости, но все-таки онъ не согласился съ Калайдовичемъ относительно характера письма. Навѣрное, Калайдовичъ представлялъ ему показаніе Селивановскаго о сходствѣ почерка рукописи съ почеркомъ Димитрія Ростовскаго. Вырази Карамзинъ и съ этимъ согласіе, Калайдовичъ не преминулъ бы сказать въ своихъ сочиненіяхъ. Такому показанію онъ придалъ бы болѣе значенія, чѣмъ показанію Селивановскаго. Но этого нѣтъ ни въ одномъ изъ сочиненій Калайдовича.

Гораздо болѣе имѣетъ для насъ цѣны показаніе о вѣкѣ рукописи Малиновскаго, относившаго ее къ XIV ст. чѣмъ Карамзина. Малиновской болѣе Карамзина занимался рукописью, болѣе его изучилъ ея почеркъ и при причисленіи ея къ XIV ст., можетъ быть, имѣлъ какіи нибудь другія основанія, для насъ пока не извѣстныя. Послѣ гибели рукописи онъ, навѣрное, изучалъ рукописи, похожія по письму на погибшую, и на основаніи этихъ сличеній составилъ мнѣніе, сдѣлавшееся для него убѣжденіемъ, вызывавшимъ въ немъ горькія жалобы на критиковъ, относившихъ ее безъ всякихъ основаній къ позднѣйшему вѣку, чѣмъ онъ показалъ (Дуб. Сл. о П. Иг. пр. къ VIII).⁷⁾

⁷⁾ Къ такимъ соображеніямъ касательно сужденій Малиновскаго о вѣкѣ рукописи пришли мы до напечатанія статьи Барсова

Показаніе Селивановскаго имѣеть еще менѣе значенія, чѣмъ показаніе Карамзина. Неужели лицо, выдавшее старыя почерки случайно, знало и понимало въ нихъ болѣе, чѣмъ лица или спеціально занимавшіяся ими, какимъ былъ Ермолаевъ, или много выдавшія ихъ, читавшія и издававшія, какъ напр. М. Пушкинъ, В. Каменскій и Малиновскій. Калайдовичъ, на основаніи показанія Селивановскаго, выразившагося, что письмо рукописи Бѣлорусское, не такъ древнее, сдѣлалъ одинъ только выводъ, именно, что она должна относиться къ XVI в.; онъ могъ бы сдѣлать и другой, что она писана не полууставомъ, а скорописью, Такой выводъ былъ бы очень естественнымъ, но Калайдовичъ этого не сдѣлалъ. Видно, онъ имѣлъ на это важныя причины. Угадать ихъ не трудно: въ то время, когда онъ занятъ былъ вопросомъ о рукописи, еще живы были самовидцы рукописи, издатели ея и Ермолаевъ. Онъ зналъ, что такое мнѣніе встрѣтило бы въ нихъ сильныхъ противниковъ и можетъ быть окончательно подорвало бы

о Словѣ, при нихъ же остаемся и послѣ появленія ея. Съ опубликованіемъ записокъ Малиновскаго, мы думали, разрѣшится вопросъ, почему онъ въ разговорахъ съ Дубенскимъ относилъ рукопись къ XIV в., но этого не дождались. Напротивъ изъ записокъ мы узнали, что Малиновскій относилъ ее и къ XVI в. (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. сент. стр. 19). Не смотря на это, мы все таки придаемъ болѣе значенія показанію Дубенскаго, сдѣланному со словъ самого Малиновскаго, потому что это показаніе было позднѣйшее, чѣмъ письмо къ Н. Румянцеву. Къ сожалѣнію, Барсовъ не указываетъ, когда письмо было писано; но во всякомъ случаѣ оно писано никакъ не позже 1826 г., года смерти графа Н. Румянцева (Сб. ст. 2 Отд. А. Н. т. 5., в. 2, стр. 448). Можно предполагать, что письмо относилось ко времени усиленных поисковъ другаго списка и Бардинскихъ подѣлокъ (1812—1815 г.), или ко времени разысканій Калайдовича (1812—1818 г.) или ко времени занятій Словомъ Пожарскаго (до 1819 г.), когда Н. Румянцевъ въ этомъ ему содѣйствовалъ и далъ даже Крайневскую рукопись (Переп. Евг. съ Н. Рум. стр. 19—20). Малиновскій, очень можетъ быть, на нѣкоторое время сдѣлся на доводы Калайдовича, но послѣ, много занимаясь рукописями въ Архивѣ Москов. иностр. коллегіи, онъ отказался отъ временнаго увѣченія, въ которое введенъ былъ Калайдовичемъ. Свое послѣднее мнѣніе онъ передалъ Дубенскому лѣтъ десять спустя послѣ смерти Н. Румянцева.

въру въ то положеніе, которое онъ доказывалъ; послѣднее же касалось такого пункта, который при тогдашнемъ состояніи палеографіи допускалъ все-таки разныя мнѣнія. Палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ, еще болѣе чѣмъ показаніе Селивановскаго наводятъ на два предположенія: 1) рукопись позднѣе XV в., 2) почеркъ ея не полууставный, а скорописный. Между тѣмъ послѣдняго вывода Тихонравовъ не дѣлаетъ; но онъ самъ собою вытекаетъ изъ палеографическихъ данныхъ, какъ естественное, необходимое его слѣдствіе, равнымъ образомъ онъ же составляетъ основаніе и для палеографическихъ данныхъ: если сказать, что почеркъ былъ яснымъ полууставомъ, въ которомъ не существовало трудности въ различеніи начертанія з и ь, то уничтожаются и палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ. Въ такомъ почеркѣ не существуетъ сходства между буквами, всѣ онѣ имѣютъ опредѣленное начертаніе, не допускающіе смѣшенія з съ ь и т. п. (Тихонр. VII.)

Послѣ всего этого мы приходимъ въ слѣдующему выводу: касательно характера письма больше имѣется данныхъ, чтобы держаться показанія самовидцевъ рукописи, чѣмъ раздѣлять мнѣнія лицъ, не выдавшихъ рукописи, считать его яснымъ полууставомъ, пожалуй, даже переходящимъ въ скоропись, а не скорописью. ⁶⁾

Приблизительное понятіе о почеркѣ рукописи могутъ дать намъ также подложные списки Слова, явившіеся тотчасъ послѣ гибели рукописи. ⁷⁾ Дошедшій до насъ отъ

⁶⁾ Поддѣльщики, вѣроятно, старались о томъ, чтобы почеркъ поддѣлокъ напоминалъ нѣсколько погибшую рукопись. Если они и не видали подлинной рукописи, то навѣрное составили о ней понятіе по рассказамъ очевидцевъ и именно первыхъ издателей. Бардяпъ, прославившійся такими поддѣлками, былъ собирателемъ рукописей (Оп. рук. Цар. стр. 555—556) и какъ палеофилъ могъ разговаривать о почеркахъ съ первыми издателями, которыми и бывалъ иногда своихъ произведенія, вѣроятно, имѣлъ съ другими имъ находимыми въ Москвѣ рукописями (Москвитян. 1841 г. № 3, стр. 245).

⁷⁾ Барсовъ считаетъ вопросъ о характерѣ почерка совершенно

того времени подложный список Слова написан почерком рукописей и грамот XII и XIII ст., исключая заглавия и заглавных литеръ, которыя сдѣланы въ стилѣ

рѣшеннымъ: онъ называетъ его въ двухъ мѣстахъ своей статьи-полууставомъ, переходящимъ въ скоропись (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. Сен., стр. 18 и 21). При этомъ онъ ссылается на записки Калайдовича, въ которыхъ, будтобы, значится, что въ этомъ утѣрялъ Калайдовича Малиновскій (стр. 18). Внимательно прочитавши нѣсколько разъ записки Калайдовича, напечатанныя въ Лѣтоп. р. л. и др., мы не нашли подобнаго показанія Малиновскаго и не понимаемъ, какъ въ добросовѣстной работѣ г. Барсова произошла такая важная ошибка.

Барсовъ на основаніи выписокъ изъ записокъ Малиновскаго знакомить насъ съ слѣдующими особенностями письма рукописи: 1) въ подлинной рукописи удерживалось почти постоянно двойное начертаніе у—оу; 2) употреблялось начертаніе зѣло—з; 3) употреблялся икъ ѳ; 4) малый юсъ—д вм. іа; 5) нѣкоторыя слова были подъ титломъ; 6) нѣкоторыя слова были не дописаны, напр. кн. [князь]; 7) предложенія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками (стр. 20—21). Въ этихъ данныхъ и именно первыхъ четырехъ наше мнѣніе о характерѣ письма еще большую приобретаетъ силу: письмо скорѣе было полууставное, чѣмъ скорописное и притомъ скорѣе XV в. чѣмъ XVI. Сюдаже относится, пожалуй, и начертаніе буквы д [д] въ словѣ «на уедіе» (стр. 20). Что же касается 6-й особенности, то она едва ли была особенностью рукописи, это не что иное, какъ недописка слова, которое для Малиновскаго не имѣло особеннаго значенія. Постановка знаковъ между предложеніями тоже скорѣе принадлежитъ Малиновскому, а не рукописи. Постановка запятой послѣ «говоря» (стр. 21) предъ «хуты хотять» едва ли также составляла особенность рукописи. Можетъ быть, запятою раздѣлено слово «говоряхуты» Малиновскимъ въ то время, когда онъ, добираясь до смысла, считалъ прямымъ сказуемымъ при «галици» только хотять, а говоряхуты считалъ за два слова, одно за дѣепричастіе, другое за какое-то особое слово (Объ окончаніи «ты» будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ). Здѣсь же Барсовъ, говоря о неточности изданія рукописи, смѣшиваетъ два совершенно особенныя обстоятельства, именно—ошибки Малиновскаго при занесеніи словъ въ записки и принятый издателями способъ печатанія нѣкоторыхъ буквъ, какъ напр. оу и ѳ, какъ ѳ, д какъ я (стр. 21). Сдѣланныя на первый разъ ошибки въ запискахъ, какъ, напр. смѣшеніе ѳ, ѳ и ѳ и опущеніе ихъ послѣ са имъ Малиновскимъ были тщательно исправлены. Если же Малиновскій и въ черновыхъ запискахъ старался писать похоже на рукопись и исправлялъ сдѣланныя ошибки, то это стараніе, конечно, было слабымъ при печатаніи рукописи. По этому выраженіе Барсова—«они (издатели) смѣшивали буквы ѳ, ѳ и ѳ и даже нерѣдко совсѣмъ ихъ опускали,» не имѣетъ никакого значенія и не подрываетъ н. п. утѣренности въ точность изданія рукописи.

XVI в. (Оп. М. п. и. Р. муз. 1870-72, стр. 66). Другой подложный список (писанный свиткомъ, тогда какъ дошедшій до насъ писанъ въ 4"), который принадлежалъ Малиновскому, по свидѣтельству Строева, писанъ въ концѣ XIV. т. е. письмомъ, похожимъ на древнѣйшее, а не на позднѣйшее Бѣло-русское, которое относимо было тогда Калайдовичемъ къ XVI в. По показанію Малиновскаго, письмо этого списка на стоящее уставное (Ж. М. Н. Нр. 1876 г., Сент. стр. 16.).

Въ словахъ: «къ мети», «сидѣ и рати» и «мужа имѣ ся» обнаружилось не знакомство издателей съ палеографіей, какъ говоритъ Барсовъ (стр. 21), а лишь непониманіе ими этихъ словъ или формъ.

Выводъ Барсова изъ показанія Карамзина, что *е* и *с* въ рукописи читавшими ее принимаемы были противно, о неясности письма и о невозможности отнести ее къ 14 или 15 в. (стр. 18) требуетъ подтвержденія палеографическими данными, которыхъ у Барсова нѣтъ. Между тѣмъ и по существующимъ теперь палеографическимъ снимкамъ можно судить, что *е* и *с* издавна писались иногда похоже другъ на друга, и рукописи не смотря на это, все-таки считаются ясными. Такъ *с* въ Апостолахъ 1307 г. въ мелкомъ уставѣ имѣетъ два закругленія, вверху и внизу (сего же монастырѣ, Срез. прил. къ древн. памятн.), похоже на *е*, какъ оно пишется въ полу-уставной Библии 1499 г. (Буслаевъ. Палеогр. и филологич. матер. строчн. буквы № 7 табл.). Разница только та, что въ начертаніи *е* верхнее закругленіе острѣе нижняго. Притомъ же сходство въ начертаніи *е* и *с* было не во всей рукописи, а только въ немногихъ мѣстахъ (см. Ф. 3. 1875 г. в. 6, примѣч. къ 6 стр.) подобно тому, какъ и указанныя выше начертанія *е* и *с* въ Апост. и Библии—явленіе тоже рѣдкое.

2. Языкъ Слова со стороны звуковъ и формъ, каковы онъ является по изданію М. Пушкина.

Послѣ разсмотрѣнія палеографическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ сличенія двухъ копій съ погибшей рукописи, вопросъ о вѣкѣ ея остается почти въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ до открытія Екатеринин. списка. Эти данныя представлены были съ цѣлю заподозрить компетентность первыхъ издателей во взглядѣ на погибшую рукопись, но они скорѣе ведутъ къ тому, чтобы еще больше довѣряться показаніямъ М. Пушкина и очевидцевъ ея, за исключеніемъ Селивановскаго. Къ тому же самому ведетъ и разсмотрѣніе особенностей языка погибшей рукописи — фонетическихъ и формальныхъ. Эти особенности въ настоящее время до новаго, болѣе счастливаго, чѣмъ Ек. списокъ, открытія могутъ служить болѣе всего надежнымъ, а пожалуй и единственнымъ матеріаломъ, по которому вѣрнѣе можно было бы опредѣлить вѣкъ рукописи. Помѣтокъ такого рода уже было нѣсколько. Дубенскій, при своемъ изданіи Слова, представилъ въ общихъ чертахъ грамматическія отмѣны (Сл. о П. Иг. стр. пред. 47—50), но онъ не отдѣлилъ фонетическихъ особенностей отъ формальныхъ и самыя особенности подводилъ подъ правила Славянской грамматики Добровскаго, составленной хоть и на основаніи древнихъ памятниковъ, но разныхъ вѣковъ и редакцій. Колосовъ (Очерк. ист. зв. и фор. стр. 183 и слѣд.) опредѣленнѣе изложилъ особенности, отдѣливъ фонетическія отъ формальныхъ; но это онъ выполнилъ очень кратко,

такъ сказать—мимоходомъ, не указавъ, что въ составныхъ элементахъ преобладаетъ. Выводъ его изъ разсмотрѣнія особенностей вѣренъ, что онъ не противорѣчатъ отнесенію рукописи къ XV в., но при этомъ онъ не указавъ, почему вовсе нельзя отнести рукопись къ XVI ст.

Вслѣдствіе этого мы поставили себѣ задачею подробнѣе изложить особенности грамматическія, чѣмъ это было до сего времени, показать, какія формы преобладающія, что составляетъ исключеніе, можетъ быть, явившееся по винѣ копировщиковъ, какихъ особенностей живаго языка древняго переписчика ея вовсе не встрѣчается, какія позднѣйшія XV в. формы вовсе не обычны. На основаніи всего этого, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ слѣдуетъ измѣнить принятое первыми издателями чтеніе, а, можетъ быть, также и нельзя допустить чтеній, предлагаемыхъ разными толкователями Слова.

З В У Б И.

Глухіе въ Словѣ встрѣчаются постоянно при плавныхъ въ коренныхъ слогахъ—ор, ол, ер. Въ началѣ пѣсни пять разъ употреблено тр, ѣл: плѣку, пѣрвыхъ, вѣлкомъ; послѣ же до самого конца ни одного разу въ русской формѣ, а только въ славянской формѣ—ръ, лѣ, рѣ: плѣны, наплѣнився. брѣзня, вѣскрѣмлени, врѣху. блѣванъ, чрѣлення и чрѣлеными, хлѣми, чрѣпахуть, тлѣковинъ, пожрѣши. Изъ множества словъ подобнаго рода составляютъ исключеніе весьма не многія, которыя встрѣчаются и съ глухимъ, и съ замѣною его чистымъ гласнымъ, напр. Влѣзѣ, Волгу; Чрѣниговъ, Черниговъ; плѣночи, полунощи, слѣнце, солнце (очень часто). Последнее слово, въ рукописи вѣроятно было подѣ титломъ, и чистая гласная вставлена издателями.

Изъ представленныхъ примѣровъ видно, что ѣ и ѣ смѣшиваются и не отвѣчаютъ точно ѣ—о, ѣ—е. Правило ставить глухой при плавномъ распространилось на одно

слово, въ которомъ слогъ ол не коренной,—стѣпа. Этому правилу не подчинены: мркнеть, утрпѣ, гдѣ глухой пропущенъ вовсе, и помѣркости; ¹⁾ а такъ же: подперъ, сморци, папорзи.

Въ другихъ сочетаніяхъ, безъ плавнаго, глухіе вовсе не являются тамъ, гдѣ теперь не слышно гласнаго звука, напр. въ коренныхъ слогахъ: помняшеть, княземъ, почнемъ, вся, ждеть, дотчеся, утру. бдитъ, рци (и даже ркоша при рече). Исключается слово мгла, которое одинъ разъ безъ глухаго, а два раза съ ѣ: мѣгла; слово тьма всегда съ глухимъ твердымъ или мягкимъ: а слово Тматороканскій, которое вѣроятно объединялось въ сознаниі переписчика съ словомъ тьма, кромѣ ѣ и ѣ въ срединѣ послѣ т, одинъ разъ употреблено безъ глухаго.

Какъ остатокъ гласности глухихъ представляютъ два слова: тѣщими и дьскы, которыя скопированы съ болѣе древней рукописи. Въ словахъ же—кѣмети, орьтѣмами, Шельбиры и Ольберы глухіе удержаны переписчикомъ съ первоначальнымъ старѣйшимъ правописаніемъ, какъ слова для него непонятны; сюда, вѣроятно, относится и слово Инѣгварь.

Въ суффиксахъ глухіе вовсе опущены тамъ, гдѣ и у насъ они выпускаются: трудныхъ, орломъ, отня, красныя, дѣвки, мутно, рѣтко, Нѣмцы, Половцы, стрѣлки. Въ этихъ случаяхъ нашимъ бѣглымъ о и е и въ Словѣ отвѣчаютъ —о и е: мутенъ, Донецъ. Но и здѣсь иногда нѣтъ гласнаго: пяткѣ.

Предъ суффиксами—кый и скый, съ болѣею частію глухихъ нѣтъ: Русскій, Половецкый, но иногда предъ ними стоитъ и мягкій въ тѣхъ же словахъ: Половецкѣую, Рускѣую, Тматороканскый, Оварьскыя, Плѣньска, Курьска. Здѣсь ѣ ни разу не встрѣтился.

¹⁾ Предполагать здѣсь смѣшеніе издателями ѣ и ѣ не позволяетъ то, что, исключая первыхъ семи строкъ, правописаніе рукописи было однообразное, глухіе стояли послѣ плавныхъ.

Въ третьихъ лицахъ глаголовъ предъ *ся* и въ причастіяхъ прошедшихъ предъ *ся* и *ии* глухіе вовсе опускаются: наплънися, помянувшє, растекашєся, сѣяшєся. Если же здѣсь чѣмъ либо напоминаетъ правило постановки глухаго при плавномъ, то глухой остается: пожръши, подпрѣся.

Въ сложныхъ словахъ: Святъславъ чаще всего съ т, за такой формой слѣдуетъ по распространенности — Святъславъ, т. е. безъ т и гласнаго, рѣже Святъславъ и одинъ разъ Святославъ; но сложныя съ злато удерживаютъ о: златовръсѣмъ. Въ Жит. Бор. и Гл. XII в. радѣстьнѣмъ, въ XIV радостнѣмъ; въ Ип сп. Боголюбѣи (393) и Богълюбѣи (395).

Въ предлогахъ отдѣльныхъ т большею частію удерживается, иногда замѣняется чистой гласной о, но только въ —къ и въ: ко святѣй, во днѣ, а иногда вовсе пропускается: с тугою (2 раза), бес щитовъ, в моемъ и можеть быть с хотію Въ Екатерининскомъ спискѣ случаевъ пропуска т въ предлогахъ больше. вмѣсто него тамъ выше строки стоитъ значекъ (стр. 15).

Въ слитныхъ предлогахъ т или удерживается: вѣ-стали, вѣсладашє, вѣзбивашє, сѣпрѣжє, изѣострєни, или вовсе выбрасывается, взмути, вступилъ, изрони, испити. скована. Въ рукописи въ этихъ случаяхъ, вѣроятно, индѣ глухой былъ обозначенъ значкомъ, какъ и въ отдѣльныхъ предлогахъ, что видно изъ Екатерининскаго списка: в'змути (стр. 14). Чистаго же гласнаго въ предлогахъ при сліянїи ихъ ни разу не встрѣтилось; потому — не сошлю къ синему морю — едва ли нужно такъ читать, т. е. принимать сошлю за предложное слово. Предложный т при сліянїи иногда удерживается только предъ гласными, напр: изъ — острєни, иногда, сливаясь съ нимъ, образуетъ н: взыдоша.

Какъ объяснить глухіе въ словахъ: понизить, вонзить (пов. нак.), незнаемъ и одѣвахъте мѧ?

Въ первыхъ двухъ словахъ ѣ считаются фонетическою особенностью Малор нарѣчія (Макс. Нов. письм. М. 1863 г. стр. 28), какая обычна и теперь во 2 л. мн. ч. повел. накл. Но не было ли это чѣмъ нибудь въ родѣ слѣдующихъ написаній въ Ип. спискѣ: восхочѣть? не явились ли такія написанія въ періодъ исчезновенія гласности глухихъ, или не находилось ли здѣсь окончаніе подъ титломъ, какъ въ словѣ рассушѣ (Зап. Малинов.), отчего произошло и незнаемъ, и подасть вм. подаста, и злата стремянъ вм. стремяна (дв. число)? Что касается слова одѣвахъ-те, то не смотря на мнѣнія Буслаева (Ист. гр.), что здѣсь х не смягченное въ с въ 2 л. м. ч., мы все таки считаемъ опискою вмѣсто одѣвахуть, подобною тѣмъ, какія часты въ Ип. сп. напр: поимѣть вм. поимуть (31 стр.).

Ѣ въ корняхъ словъ ставится правильно въ значительномъ большинствѣ случаевъ, исключенія весьма незначительны: ветрѣхъ, Днепръ при Днѣпръ, уедіе по резанѣ. Въ славянскомъ кореннѣмъ слогѣ рѣ, способномъ къ полногласію, Ѣ замѣнилось большею частію посредствомъ е, напр. брегъ, серебро, предъ; исключеніе составляетъ одно слово-прѣклонило. Послѣ группы согласныхъ съ главнымъ въ концѣ ея также вмѣсто Ѣ большею частію стоитъ е: время, стремянъ; исключеніе составляетъ слово —крѣсити и, можетъ быть, по аналогіи съ нимъ предложное слово —слѣтѣста (при прилетѣти). Ѣ вмѣсто е съ корнѣмъ встрѣчается еще въ словѣ —растѣкашется сюда же относится слово: тѣлѣгы). ²⁾

² Всев. Миллеръ (Изгл. стр. 156) принялъ это Слово въ Пушки. изданіи съ е въ первомъ слогѣ и считаетъ поправкою изъ 1. Арх. списка. Между тѣмъ читается тамъ на оборотъ: е въ Арх, а Ѣ въ Пушки. Онъ полагаетъ что въ этомъ словѣ, а равно и другихъ, издатели дѣлали поправки, какъ видно изъ Арх. списка и жалѣетъ о неудержаніи въ изданіи архаизмовъ (стр. 157). По нашему, сожалѣніе напрасно: они при изданіи вѣрно прочитали рукопись и удержали характеристическія ея особенности: при первоначальной же перепискѣ рукописи (Арх. сп.) они мало обращали на это вниманія. Самъ же Вс. Миллеръ замѣчаетъ далѣе: редакторы, ставившіеся печатать въ бумву, не сочли себя въ правѣ мудрствовать лукаво, поправляя текстъ (стр. 159.).

Болѣе случаевъ смѣшенія ѣ съ е встрѣчается въ имен-
ныхъ суффиксахъ и падежныхъ окончаніяхъ. Въ суффик-
сахъ два слова—Половѣцкую (2 раза при многихъ правиль-
ныхъ формахъ) и зелѣну представляютъ замѣну е—ѣ. Въ
окончаніяхъ падежей: землѣ, Всеволодѣ, Осмомыслѣ, вѣтрѣ)
(зват. пад. при многихъ правильныхъ формахъ съ е), ратаевѣ
(имен. множ.), лебедѣй (р. п. мн. ч.), сребреней 'д. п.
ед. ч. ж. р. при правильныхъ формахъ на ѣи), на море
(пр. пад. ед. ч.). Вотъ всѣ случаи смѣшенія ѣ съ е; они
очень не значительны въ сравненіи съ множествомъ пра-
вильнаго употребленія той и другой буквы.

ЗАМѢНЫ ГЛАСНЫХЪ.

Ъ вм. іа—а въ глагольномъ окончаніи ся встрѣчает-
ся въ четырехъ словахъ: рассушася, скратисася, преклони-
лось, вѣсплакашася, во множествѣ же другихъ словъ все-
гда ся (врѣжеса представляетъ не фонетическую особен-
ность вѣка рукописи, а графическую, какъ и въ другихъ
словахъ—копіа, сіа, въ которыхъ, навѣрное, въ рукописи
былъ значекъ для выраженія і, какой былъ и въ предло-
гахъ, когда опускался ѣ и въ прилагательныхъ полныхъ,
когда опускалось и); то же начертаніе встрѣчается и въ
выдержкахъ изъ другихъ статей рукописи: братіа, копіа
(Ист. Карамз. т. III).

Предположеніе Тихонравова, что, въ рукописи было
титло тамъ, гдѣ въ окончаніи съ вм. ся, имѣетъ вѣроятіе,
*) потому что въ Екат. списокѣ кромѣ указанныхъ четы-
рехъ встрѣтилось, еще одно слово съ ѣ: бишася (стр. 13).
Последнее показываетъ, что издатели въ подобныхъ случа-
яхъ не всегда изъ подѣ титла выводили ѣ, а иногда ста-
вили и я. Чѣмъ же они тутъ руководствовались? Быть

*) Въ житіи Бориса и Глѣба по изданію Бодянского, въ спис-
кѣ XII в. насыщюся. въ сп. XIV насыщюѣ; въ XII чѣсти, въ XIV
чѣсти, въ XII общаваются, въ XIV в. общаютьсѣ. въ запискахъ
Малиновскаго слово рассушася на. неизпо: рассуша^с (стр. 19).

можеть, они примѣнялись къ современному имъ произношенію; но очень вѣроятно также, что основаніе такому выведенію изъ подъ титла они находили и въ самой рукописи: какое нибудь изъ указанныхъ пяти словъ имѣло въ немъ окончаніе ѣ вм. титла, а замѣна ѣ посредствомъ ѣ начиналась уже въ XIII ст (Колос. Очер. ист. зв. и формъ, стр. 98 бышь вм. шѣ); въ XV ст эта замѣна была очень распространена (Кол. Оч. стр. 144—145).

Бъ вм. и замѣнили на половину: бѣа, вѣются, польѣно, проліяете и разліяся, христьяни.

О на мѣстѣ слав. е въ началѣ словъ: озеро, одинъ (2 р.) и единъ (1 р.), въ срединѣ: собѣ (1 р. при себѣ 7 р.). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи XIV в. собѣ чаще.

О вм. а въ словахъ: носадѣ, словутицю, япончицами, Оварскія, завтраку; въ предлогѣ раз а въ о перешло на половину встрѣчающихся словъ: роспущени, ростре, рострѣ-ляевѣ; между тѣмъ въ Лавр. сп. лѣт. почти постоянно является рос (Колос. Оч. 118).

А вм. о въ словахъ: побарая, самую вм. самую, какъ встрѣчается въ кievской лѣт. Ипат. сп. вм. ую (Кол. Оч. стр. 168).

Е чередуется съ и въ словахъ: гремлеши и гримлеши (см. Сл. Восток.), Софеи и Софіи, Владимира (1 р.) и Владимира (3 р.), вѣщей (2 р.) и вѣщій (1 р.) Кошей и Кошѣю; сюда относится и лебедѣй (при повѣстѣй).

Е вм. о въ словахъ бобринъ, Велесъ ⁴⁾ Обратный переходъ е въ о въ словахъ: папорзи и сморци. Е подѣ удареніемъ послѣ шипящихъ переходитъ въ о въ одномъ

⁴⁾ Вс. Миллеръ воспользовался правописаніемъ этихъ словъ для подтвержденія своего предположенія о заимствованіи авторомъ Слова языческихъ божествъ, а также и Велеса изъ Болгарскаго источника (Изгл. стр. 77—81). Но правописаніе Велесъ и бобринъ вм. русскихъ Волюсь и бобрянъ едва ли могутъ идти въ число доказательствъ заимствованія. Е вмѣсто русскаго о весьма часто въ такихъ памятникахъ или мѣстахъ въ нихъ, въ какихъ нельзя въ-

словѣ чолка, въ другихъ всегда е: значенными. Значить, особенное стремление сочетать шипящiе съ твердыми, обнаружившееся въ XV в. (Бол. Оч. стр. 133), не обнаруживалось въ погибшей рукописи Слова.

И ви. ѣ положительно является въ одномъ словѣ — дивичю при дѣвичи, дѣва (7 разъ). Во множествѣ другихъ словъ, съ кореннымъ ѣ, ѣ неизмѣняется въ и. Колосовъ (Очер. стр. 184) причисляетъ сюда еще два слова: тисовѣ и помолодiti. Но тисовѣ здѣсь скорѣе значить сдѣланный изъ тиса, такъ какъ это слово часто въ древней письменности (Вост. слов.); да и новое слово тесовый явилось не отъ тесу, а какъ искаженiе прежняго поэтического слова тисовый — сдѣланный изъ краснаго дерева, красивый (Даль, Сл.); а помолодiti съ предъидущимъ ся = помолодиться употребительнѣе, чѣмъ помолодѣться и лучше служить для выраженiя быстрого дѣйствiя.

И и и чередуются: Давидовы и Давиде, кричатъ и крнчатъ, крилы, крыльца (часто) и крылы, рища и рыща; въ словахъ же съ корнями: вык, сын, мык, прыс и никогда не является; сюда же относятся слова — ковылію, копыта, пустыни, покрыти.

Ы ви. и встрѣтилось въ одномъ словѣ: на кровати (въ Екат. на кровати, по Тихонр. на кровать). Но прямая ли здѣсь замѣна и посредствомъ ы, и явленiе ли это фонетическое, положительно утверждать нельзя. Какъ предполагать переходъ и въ ы, можно также предполагать здѣсь и смѣшенiе склоненiй и падежей. Основанiе для послѣдняго предположенiя даютъ формы предложнаго падежа въ XIV в.: тымъ при тѣмъ (Бол. Оч. стр. 105) и первѣй прелести идольскимъ (Бол. Оч. 110). Потому положительное утвержденiе, что здѣсь сказалась особенность

дѣтъ заимствованiя изъ Болгарскихъ источниковъ. Такъ напр. менѣе чѣмъ на 100 стр. Ипатьевской лѣтописи (2 е изд.) встрѣчаемъ: Вельмнскою (392 стр.), Оедеру (445), Иевъ (475), Мееедьемъ (477) и дырею (481).

малорусская, не имѣтъ прочнаго основанія; оно возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы хоть одинъ разъ эта особенность проявилась въ коренныхъ словахъ, чего въ Словѣ вовсе нѣтъ.

О и а чередуются въ словахъ: зори (2 раза) и зарі, зари (им. мн.), Тмотораканьскій и Тмоторокань.

Е вм. я: буюго, сиюго (особенность формальная).

Я вм. е: Брячяслава при Вячеслава; сюда же относятся: шеломянемъ и пламянѣ. (Брячеславъ въ Ип. сп. и съ е, и съ ь: Брячьславъ (419); сопоставляя съ нимъ слово стряпъ (429), можно признать фонетич. особенность употребленіе я вм. ь, обратнымъ явленіемъ замѣны — ся посредствомъ съ.).

Твердый гласный вмѣсто мягкаго въ словѣ: давній, а мягкій гласный звукъ вм. твердаго въ словѣ жирня при жирна, чеи (солнцу).

А вм. я въ словахъ: сіа, копіа, трупіа, веселіа, зараніа представлятъ особенность графическую, а не фонетическую. „А“ вм. я—а встрѣчается уже въ Св. изб. (Бул. Палеогр. сн.). Вѣроятно, въ рукописи здѣсь стоялъ значекъ для обозначенія і, овъ же стоялъ и надъ словами граахуть и връжеса.

Упомянемъ для соображеній написаніе словъ: уношу, салтани, хорюговъ. (Въ Ип. лѣт. замѣна у посредствомъ ю часта: Мюромцѣ 405).

Обычное явленіе въ XIV в. замѣна нй посредствомъ ой въ имен. пад. прилагат. въ Словѣ ни разу не встрѣтилось.

Полногласіе въ Словѣ встрѣчается часто, но преобладаютъ все таки формы не полногласныя. Не имѣютъ полногласной формы слова: древо (7 р.), жребін (2), злато (18 р.), серебро (6), страна (4), средь, стрежаше; въ одной полногласной формѣ: бологомъ, болота (4), верезени, поволобоста, полонену, пороси; полногласіе и не полногласіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ: березѣ (1 р.), брезѣ (4);

Володимира (1), врани (3), голова (3), главы (2), городъ (5), градъ (10), забороло (1), забрало (2), молодой (2), младъ (1), соловіи (2), славии (3), хороброе (1), храбръ (15) предъ и преди, гласъ и голосъ, врата и ворота, брань и боронь.

СОГЛАСНЫЕ.

Гортанные сочетаются и съ „ и съ „ часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ: аки (1), акы (2), великии (1), великни (4), кикахуть, кычетъ, похитимъ, расхитисте, погибашеть, погыбе. Пересматривая всѣ подобныя слова, мы замѣтили, что и при гортанныхъ чаще, чѣмъ и, исключая слово Кіевъ, которое съ „ встрѣтилось 9 разъ, а съ ы четыре.³⁾

Смягченіе гортанныхъ выдерживается правильно, исключая сочетанія съ „, но и предъ „ гортанные тоже иногда смягчаются: ятвязи, пороси, стязи; брезѣ, жестоцѣмъ, златовръсѣмъ, на тоцѣ, розѣ.

Зубные смягчаются и по-славянски и по-русски одинаково, преобладанія того или другаго смягченія не видать: Дажь и Дажь, ночь и ночь. посвѣчивая, вережени, побѣждають, прихождаху (дождю). Между и жаждею были архаизмами и въ рукописи, вѣроятно, для переписчика живыми формами были: между и жаждою.

Шипящія ж, ч, ш, щ большею частію сочетаются съ мягкими и твердыми, вмѣсто іотированныхъ: внуче, дружина, щиты, шизымъ, чага, жаль, душа, душу, докончаша. Но много также случаевъ, что они стоятъ и съ іотированными —іа, ю: Брячаслава, Горячую, рассушясь; (въ запискахъ Малин. рассушѣ); изъ нихъ ч всего чаще

³⁾ Вс. Миллеръ предполагаетъ, что издатели, желая внести однообразіе, часто замѣняли и рукописное посредствомъ и. Основаніе своему предположенію онъ видитъ въ томъ, что въ Арх. списокъ часто и на мѣстѣ печатнаго и (Взгл. стр. 155). Если это такъ, то почему же издатели не замѣняли и и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ?

встрѣчается, а ш только одинъ разъ: начаша. Это объясняется тѣмъ, что ш, какъ болѣе дебелая изъ шипящихъ, потребовала раньше другихъ послѣ себя твердаго звука. ⁶⁾

Такое явленіе нужно отнести къ XIV в., такъ какъ въ XV в. сочетаніе шипящихъ съ твердыми сдѣлалось уже правиломъ (Кол. Оч. стр. 135). Между тѣмъ въ рукописи Слова оно только въ зародышѣ, встрѣтилось въ Словѣ: чолка; одинъ разъ щ встрѣтилось съ н: полунощы. Последний случай не есть ли скорѣе особенность сѣвернорусской рѣчи, (по Прыжову — малорусской), существующей и въ настоящее время, напр. во Влад. губ. очень часто щ выговаривается твердо: шнытать шолокъ, — шелокъ, шныцы — шныцы (см. также Даль, Нар. стр. XXXIX).

Ц безразлично сочетается и съ твердыми, и съ мягкими, и съ іотированными, и не іотированными: влѣци, влѣцѣ, галицы, дѣвицю, сулицы и сулицы.

Губные въ отчественныхъ именахъ предъ ичь и ь болѣею частію смягчаются, но не всегда: Всеславию, Святъславлича, Ярославля, а также и Мстиславича, Ростислава, Яросл.въ (названіе извѣстнаго города въ народной рѣчи и теперь также слышится во Влад. губ.)

ЗАМѢНЫ СОГЛАСНЫХЪ.

И и ч смѣшиваются: вѣци и вѣчи, луци и лучи, птиць и птичь, русици и русичи, соколича и соколца, чепи, луцезъ; но всегда Черниговъ.

Ж и щ чередуются, какъ русская и славянская формы въ словахъ: ажѣ (2 р.), ащѣ (3 р.).

В вм. б: времени вм. бремени.

Ш вм. с: шизымъ.

З на с мѣняется предъ огзвучными: к, х, т, с, щ и п въ предлогахъ: въз, възъ, изъ, разъ и рос: въскладаше,

⁶⁾ Изъ двадцати словъ съ іотированной при шипящихъ, вѣроятно, нѣкоторыя въ рукописи были съ малымъ јсомъ: а вм. ѧ.

всплакашась, иссуши, расхитисте, роспущени. Тожъ самое замѣчается и въ предлогахъ безъ и чрезъ: бесъ щитовъ, чрезъ поля (и чрезъ поля) чрезъ злато. Последній примѣръ показываетъ, что мѣна происходитъ въ этихъ предлогахъ и предъ звучными; но это едвали явленіе фонетическое.

Переходъ з въ с еще въ словѣ — кнѣса.

М и н чередуются въ словахъ женчугъ и жемчюжну.

Ж вм. ш: пардужа.

З вм. с: папорзи.

Перехода г въ в, начавшагося съ XV в. (Кол. Оч. 137) вовсе не встрѣчается.

Л мягкій въ срединѣ словъ то съ ь, то безъ ь, часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ: соколца и сокольца, крилицю и крильца, велии, Олговы, шестоверилци. Преобладаніе все таки на сторонѣ употребленія, а не пропуска. ⁷⁾

Р произносится твердо въ словѣ вихрь; въ 1 Нов. лѣт. оно и съ ь и съ ь: вихрь и вихрь (Мат. для Слов. и гр. т. II слов. Пыпина).

Опущеніе согласнаго в въ словѣ — обѣися.

Удвоеніе въ словахъ: итти, оттвори (2 р.).

Упомянемъ для соображеній слова. цвѣлѣти (смягч. к) и поскепали (к не смягч.)

Стяженіе согласныхъ замѣчается въ словахъ: ляцкій (вм. дс), ростре, рострѣленѣ, възрѣ, възшумѣ вѣстона, вѣтроскоташа (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь — могло быть титло или какой либо значекъ).

Изъ измѣненій согласныхъ, обусловленныхъ группами, кромѣ указаннаго ляцкіи, встрѣтилось одно слово рѣт-

⁷⁾ Вс. Миллеръ и здѣсь видитъ вставку ь послѣ л, и опять на томъ же основаніи, что въ Арх. сп. въ соответственныхъ изданію мѣстахъ нѣтъ ь (Взгл. стр. 156). Онъ впрочемъ изъ этого не дѣлаетъ вывода, какъ напр. относительно ѣ и е. ы и и, можетъ быть. потому что внесенное издателями Слова «О л г а» безъ ь.

ко, гдѣ т вм. д вслѣдствіе потери суффикснаго ѣ и ассимиляціи съ слѣдующимъ отзвучнымъ в. Подобная замѣна встрѣчается въ XIV в., только въ другомъ сочетаніи: молотшему (Кол. Оч. стр. 107). Изъ другихъ сочетаній согласныхъ, какъ обусловленныхъ живою рѣчью XV ст, напр. тца вм. тся или тся, такъ равно и обусловленныхъ мудрствованіемъ переписчика, въ родѣ: дц, дцк, дцск, тцк (Кол. Оч. стр. 138), вовсе не встрѣчается. Между тѣмъ въ Задонщинѣ XV в. (Уч. Зап. 2 отд. Ак. Н.) они обычны: „Половетція.“

Ф О Р М Ы.

Правильность существительнаго склоненія главнымъ образомъ пострадала отъ замѣны (впрочемъ не окончательной) ъ послѣ гортанныхъ и отъ смѣшенія ѣ съ ъ. Другихъ отступленій отъ нормы встрѣчается мало. Именит. пад. представляетъ слова съ слѣдующими окончаніями: въ муж. р. ѣ для тв. и ъ и ѣ для мягкаго скл. Боянъ, Игорь, Кощей. Въ твердомъ склоненіи вм. ѣ часто стоитъ ъ, но все-таки ѣ чаще: дивъ при дивъ, Днѣпръ при Днѣпръ, Святослѣвъ, Святъславъ; въ мягкомъ склоненіи вм. ъ стоитъ ѣ въ словахъ: вихрь, отецъ, Донецъ. Послѣдніе два случая объясняются фонетически, наклонностію ѣ сочетаться съ твердыми.

Въ сред. р. о твер., / мягк: гнѣздо, море, солнце; въ ж. р. а, я и и: слава, душа, буря, пустыни. Ютированной послѣ шипящей вовсе не встрѣчается. Изъ словъ на согласную тему одно только—мати, въ которомъ нѣтъ ни суффикса, ни перехода и въ ъ.

Къ склоненію съ темой на и (ѣ): жалость, ночь, отнеслось и слово день.

Въ р. п. въ муж. и ср: Владимира, Игоря, древа, моря, сердца, (всегда а послѣ ц)—веселія; въ ж. р. въ твер: ы—Баилы, въ мягк. и—Софен, земли; рѣкы и Немиги указываютъ на особенное свойство гортанныхъ. Болѣе вы-

дающееся отступленіе составляютъ — дѣвице, гдѣ е вм. ѣ—іа=м, а также славѣ, ладѣ. явившіяся вслѣдствіе смѣшенія падежей, къ послѣднимъ словамъ нельзя ли причислить и Немизѣ (кровавѣ брезѣ), хотя форма мѣстнаго падежа здѣсь и умѣстна. Въ 3-мъ скл. всегда род. на и: хоти, чти, власти. Форма „дни“ указываетъ на склоненіе этого слова тоже по 3-е скл; изъ склоненія на согласную тему слово время р. п. имѣетъ: времени. Въ муж. родѣ, кромѣ окончанія „о“ часто у: плѣву, Дону.

Дат. пад. представляетъ окончанія для муж. и ср. р. у и ю: Ярославъ, князю, Сурожу (всегда твердая послѣ шипящей), древу, полю, солнцу. Въ мужскомъ р. кромѣ того часты окончанія —ови и еви: Романови, Игореви, Королеви, Дунаеви, Хрѣсови. Къ концу Слова, въ части бѣгства изъ плѣна и заключеніи чаще окончаніе у и ю: Игорю, Владимиру. Отступленіе отъ правильнаго употребленія видно въ одномъ словѣ: Всеволодѣ (буѣ туру), но это также можно считать звательнымъ падежомъ.

Въ женск. р. ѣ для тверд. и и для мягк: дружинѣ. обидѣ, рѣцѣ, Софіи, Богородици, земли (съ мягкомъ ѣ ни разу не встрѣтилось). Отступленіе отъ правильности составляетъ слово — уношу (князю Ростиславу), которому окончаніе муж. рода дано, вѣроятно, переписчикомъ по аналогіи съ другими двумя рядомъ стоящими, или дѣйствительно уношу здѣсь вин. пад., а князю Ростиславу дат. п. передѣланъ изъ винит. п., какъ думаетъ кн. Вяземскій (Замѣч. стр. 442). По Сули (отъ Сула) и Хинови (при Хинова) мягкое окончаніе вм. твердаго вслѣдствіе смѣшенія склоненій; головы вм. головѣ вслѣдствіе смѣшенія падежей.

Въ словахъ темы на и дат. пад. всегда на и: пѣсни, крови, Рси, (и, можетъ быть, по хоти).

Винительный падежъ въ мужск. р. одушевленныхъ предметовъ всегда сходенъ съ родит., исключая слово — комонь, сходное съ именит., при неодушевленныхъ предметахъ и въ среднемъ родѣ сходенъ съ именит., равно какъ и

въ женск. р. на ь: пѣснь, стадо, умь, жребій; брата, отца, коща. Въ женск. родѣ окончанія у и ю; исключеніе составляетъ одно слово—слава, если читать его вмѣстѣ съ пѣти. Въ консонантномъ склоненіи: время, стремень.

Звательный падежъ постоянно имѣетъ отличныя окончанія отъ именительнаго: для мужскаго—е (иногда ѣ), ю, для женскаго о и е (иногда ѣ); въ среднемъ склонѣ съ именительнымъ: Игорю, внуше, туре, Всеволодѣ, братіе и дружино, о вѣтрѣ вѣтрило, земле и землѣ. Отступленіе составляетъ одно слово: блѣвань (ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине!??).

Творительный падежъ большею частію имѣетъ окончанія въ мужск. и средн. р. омъ и емъ: вѣкомъ, мечемъ, шеломянемъ, стружемъ, златомъ. Слово—шеломъ имѣетъ твор. пад. два раза шелоомъ. Женскій родъ имѣетъ всегда правильныя окончанія ою и ею: дѣвою—(въ зап. Малинов.: двою) дѣвицею; а въ именахъ на ь—ію: мыслію, крѣпостію. Слово жажда употреблено по мягкому: жажду.

Въ предложномъ падежѣ нѣтъ различія между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ; почти на половину мягкое склоненіе имѣетъ окончанія твердаго: въ Кыевѣ, Новѣгородѣ, Олзѣ, брезѣ, днѣ (дно). Дунаи, князи, но Путивлѣ, Тьмутараканѣ, морѣ (и море), полѣ. Въ женскомъ родѣ тоже смѣшеніе: рѣцѣ Каялѣ, мглѣ. уноши, земли, но гридниці, (въ стази, если считать началомъ стаза, не будетъ подходить подъ общее правило, потому что въ этомъ падежѣ не встрѣтилось ни одного слова твердаго склоненія съ окончаніемъ мягкаго). Въ окончаніи на ь всегда окончаніе на и, которое два раза замѣнилось посредствомъ ѣ: борони, болони, плѣночи, полуночи, полунощи и полунощи, кровати („и схотію на кровать и рекъ“ не лучше ли читать также слитно: „на кровати рекъ“) Въ склоненіи на согласную тему окончаніе неправильное: на небесѣхъ ви. на небеси. Въ именахъ мужск. р., кромѣ окончанія на ѣ часто встрѣчаются на у: плѣку, слѣду.

Сложныя слова склоняются отдѣльно: лукуморя, Новуграду, Новѣгородѣ.

Въ двойственномъ числѣ почти для всѣхъ падежей встрѣчаются окончанія, хотя и не всегда правильныя: имен. стѣла, солнца (вм. солнци), род. плечю, дат. соколома, вин. кононя, уши; зват. господина, сыновья, тв. очима, предъ крилцю.; въ злата стремянь вин. пад. вм. стремена (судя также по винит. п. ед. ч. слово—стрема—употреблялось въ формѣ стремянь муж. рода).

Во множественномъ числѣ имен. пад. муж. р. большею частію оканчивается на *и* въ твердомъ, и мягк. склон: къмети, тули, русичи, князи; исключеніе составляютъ: Половцы (фонетич. явл.), шеломы, щиты, цвѣты. При *и* гортанные всегда смягчаются: стязи, луци, пороси, вѣчи, вѣцы. отступленіе составляетъ одно слово—плѣкы, которое скорѣе можно признать винительнымъ падежомъ, принявъ за ошибку—отступиша, поставленное, вѣроятно, вмѣсто оступиша—обступили. Вмѣсто *и*—*ю* во множ. числѣ встрѣтилось въ одномъ словѣ—брезѣ. Кромѣ обычныхъ окончаній *и* и *ю* въ мужск. родѣ встрѣчаются еще: *е* въ единств. ч. на *инѣ*—боаре, но вмѣсто него и *и*: Куряни; потомъ—ове и еве: дятлове и ратаевѣ (вм. *е*).

Въ женскомъ родѣ большею частію *и* даже и для мягкаго: трубы, яругы, рѣкы, сулицы; но послѣднее собственно фонетическое явленіе; большею же частію для мягкаго служить окончаніе *и*: лисици, мльни, галици, сабли; однажды только встрѣтилось окончаніе *я*: туча (это вѣрная копія съ древнѣйшей рукописи, можетъ быть, въ рукописи и было: туча). Для средняго рода обычныхъ окончанія—*а* и *я*: лѣта, копіа, но есть и *и*—забрамы. Въ склоненіи на *ь*—*и*: пути, лебеди.

Родит. падежъ въ муж. р. на *овѣ* (и *овѣ*) и *ѣ*: сыновѣ, плѣковѣ, щитовѣ, тльковинѣ; въ женск. *ѣ*: курѣ, слезѣ, странѣ; въ склоненіи на *ь*: *ій* и *ей*: повѣстій, лебедѣй (вм. *ей*), въ консонантномъ: времени.

Дательный падежъ въ муж. и средн. р. на омъ и емъ и одинъ разъ омъ: шелоомъ. человекомъ, болотомъ, кошемъ; въ женскомъ—амъ и ямъ; (одинъ разъ амъ): горамъ, саблямъ, былинамъ.

Окончаній амъ и ямъ въ муж. и средн. р., появившихся въ XIV в., и часто встрѣчаемыхъ въ XV в. (Кол. Оч. 143), здѣсь вовсе нѣтъ.

Винительный падежъ при одушевленныхъ предметахъ болѣе сходенъ съ родительнымъ, чѣмъ съ именит., тогда какъ въ единственномъ замѣчается на оборотъ. При сходствѣ съ родит. онъ имѣетъ окончаніе овъ и ей: соколовъ, князей; въ женск. родѣ: ладъ, птицъ, птицъ. При сходствѣ съ именит. окончанія его: ѣ, и и даже я: въ мужск. р. соколы, комони, звѣри, вои (3 раза), воя (1 р.), сваты, салтаны. Последнее слово единственный примѣръ смѣшенія окончаній въ этомъ падежѣ, въ другихъ же словахъ. всегда опредѣленное окончаніе для твердаго и мягкаго, для перваго ѣ, для мягкаго и и я; въ женскомъ родѣ—и: дѣвки.

При неодушевленныхъ предметахъ окончанія въ муж. р. въ твердомъ скл.—и и и: прѣсты, колокола, гради, облака, потоки, стязи, тули, плѣки, хлѣми: въ мягк. всегда и: корабли, мечи; въ женск. ѣ и и для твердаго: струны, горы, наволоки, рѣки, стрѣлки, въ мягкомъ и и ѣ сулицы и усобицѣ (здѣсь ѣ вм. я=а), въ склоненіи на ѣ всегда и: кости, рати, власти. Въ средн. родѣ склоненій на гласную и согласную тему большею частію а и іа: утра, времена, крыльца, ворота, поля; но встрѣчаются—и: озера, бремена.

Зват. пад. сходенъ съ именит.; въ немъ какъ и въ имен. встрѣчается одинъ разъ -- е: внуце, вм. внуци.

Творительный падежъ въ муж. и средн. р. почти всегда на и въ тверд. и и въ мягк.: облака, плѣки, кожухи, словеса, стады, мечи, жребіи, узорочьи: уклоненія составляютъ въ тверд. плѣки (при многихъ плѣки) и че-

пи; въ мягкомъ: иноходцы (фонетическая особенность). Итакъ окончаній ами и ями, явившихся съ XIV в., здѣсь еще не встрѣчается. Слово „былями“ составляетъ единственное исключеніе.

Въ женскомъ родѣ всегда окончанія --ами и ями: трубами, дорогами, япончицами (послѣ ц всегда а) чайцами, саблями, струями. Поэтому струги, если производить отъ струга, нельзя принимать за творит. падежъ. Въ склоненіи на ь (--и) всегда ми: костью, напастыми, пѣсьми.

Предложный падежъ въ муж. и средн. на ѣхъ и ехъ (вслѣдствіе смѣшенія ѣ съ е): брезехъ, ветрѣхъ и вѣтрехъ. На охъ и яхъ окончаній вовсе нѣтъ въ муж. и средн.; они принадлежатъ только женскому роду: вѣнахъ, струяхъ. Въ склоненіи на ь—мытехъ.

СКЛОНЕНІЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

Въ именит. падежѣ въ муж. р. для тверд. склон. встрѣчаются окончанія: нй и ѣ (послѣднее для краткихъ притяжательныхъ и отчественныхъ): смысленый, великій, чрьленъ, Васильковъ; „давннй“ характеризуетъ нарѣчіе переписчика; окончаніе ій въ твердомъ является вслѣдствіе сочетанія гортанныхъ съ и. но оно и при гортанныхъ рѣже, чѣмъ н: великій; окончаніе н — галички объясняется другими памятниками XIV—XV в., въ которыхъ въ той-же формѣ встрѣчается н. но съ черточками надъ нимъ ѣ, напр. въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ сборникѣ XV (См. Учен. зап. 2 отд. А. Н. т. V Задонщина). Въ Ип. лѣт. тоже н, напр. лукавы (397). Колосовъ (Очерк. стр. 139) говоритъ, что окончаніе прилаг. на н обычно въ XV в., но не рѣшается сказать утвердительно—жило ли оно въ рѣчи, или принадлежало письменности. Если въ рукописяхъ пропускъ обозначался какими нибудь знаками, то, конечно, нельзя будетъ считать жизненнымъ явленіемъ; но этого онъ не указалъ.

Окончанія мягкаго склоненія: *ій, ей, ѣ* и *ь*: *вѣщій* и *вещей*, *буй*, *Ярославъ*, *галичъ*.

Женскій родъ представляетъ правильныя окончанія твердое *ая*, *а*, мягкое *я* и *а* (послѣ шипящей): *веселая*, *чръна*, *жирна*, *вѣща*. Также правильность и въ среднемъ: *оо*, *о*, *ее*, *е*: *хороброо*, *сребрено*, *синее*, *пардуже*.

Въ муж. родѣ окончанія *ой* вовсе нѣтъ.

Родит. падежъ всегда на *аго* (*ого* одинъ разъ въ винит. падежѣ поганого кощя^{а)}), *а ова*, которое было распространено въ XV ст. вовсе нѣтъ) и *яго*; въ немногихъ случаяхъ послѣ гласной и *и* въ мягкомъ склоненіи *его*: *синего*, *бuego*; въ краткомъ — *а* и *я*: *отня*, *злата*. Женскій родъ представляетъ смѣшеніе окончаній; въ твердомъ встрѣчаются: *ія*, *и*, *ой*, *ы* и *ія* (послѣ гортанныхъ): *милая*, *красная* *Глѣбовны*, *Половецкыи*, *рускыи*, *быстрой*, *половецкой*, *половецкія*; въ мягкомъ: *ія*, *ея*, *ей* и *ей*: *божія*, *моя*, *дѣдней*, *сицей*, *своя* (вм. *своя*). Въ дат. падежѣ муж. и ср. въ твердомъ и мягкомъ: *старому*, *синему*, *Глѣбову*, *Бояню*, *Святъславличю*, *Игоревичу*; въ женскомъ окончанія въ тверд. *ѣй* (и *ей*), *ѣ*, *ой* (только послѣ

^{а)} Вс. Миллеръ по поводу этого замѣчаетъ: въ Арх. сп. въ 7 случаяхъ изъ 19 находимъ *ого*. Спрашивается, какъ было въ подлинной рукописи? Было ли въ ней постоянно *ого*, которое издатели согласно съ современной орфографіей поправили на *аго*, между тѣмъ какъ писецъ, писавшій арх. вв. списокъ, внесъ эту поправку только кое гдѣ, случайно, или и въ подлинной рукописи существовало колебаніе? Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Если мы припомнимъ при томъ, что судя по нѣкоторымъ признакамъ, *а* и *о* въ рукописи иногда бывали сходны, то затруднимся опредѣлить, на сколько ошибались первые издатели, прочитавъ въ 7 случаяхъ *аго* вм. *ого* (Взгл. стр. 156). Безъ сомнѣнія г. Миллеръ подъ признаками сходства въ рукописи *а* съ *о* разумѣлъ — *скача* (Арх.) и *сочи* (Пушк.), *Полочанамъ* (Арх.), *Полочаномъ* (Пушк.), *грояхуть* (Зап. Малин.) и *грахуть* (печат.). Подтвержденіе этого предположенія о возможномъ сходствѣ въ рукописи *а* съ *о* находимъ въ снимкахъ съ грамоты В. К. Дмитрія до 1374 и съ тактикаона Никона 1397 г. (Срезн. Др. пам. прилож. Въ полууставномъ письмѣ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *о* неимѣетъ правильной закругленности, а представляетъ угловатость, нѣсколько напоминающую *а*.

гортанныхъ) святѣй, сребреной, незнаемѣ, русской (6 разъ), тѣи, въ Екат. сп. тѣ (вм. той?) въ мягкомъ —ей: Пиро-гощей, своей.

Въ винит. падежѣ м. и сред. р. окончанія тѣже, что и въ именительномъ и родительномъ (при одушевленныхъ), въ женскомъ —ую, у, ю, ю: прѣвую, зельну, ху-ду, горячую, свою, Трояню.

Творительный имѣетъ окончанія: нмѣ, ою и ею: сѣ-рымѣ, русымѣ, красною, своею.

Предложный падежъ представляетъ смѣшеніе твердыхъ окончаній съ мягкими въ муж. и средн. р.: златоконан-нѣмѣ, жестоцемѣ, незнаемѣ, синѣмѣ, моемѣ, седьмомѣ, Трояни, Игоревѣ. Половецкомѣ. Окончанія съ ѣ преобладающія; въ женскомъ р. ой, ѣ и и: русской, кровавѣ, тисовѣ, Святѣславѣ.

Не многіе примѣры двойственного числа не представ-ляютъ уже правильности: имен. п. багряная, молодая, два храбрая (муж. р.), храбрая (ср. р.); вин. п. своя брѣ-зая (м. р.) самую (муж. р.), предл. п. своею не труд-ною (сред. р.).

Множественное число. Именительный падежъ представ-ляетъ смѣшеніе окончаній твердаго и мягкаго по всѣмъ родамъ. Въ муж. родѣ для твердаго встрѣчаются оконча-нія —ни, іи, ня, н, и: сѣрни, храбріи, Оварскія, друзіи, взлелѣанны, готови; въ краткой формѣ употребительнѣе и; въ мягкомъ склон. и: Стрибожи. Въ женск. р. для твер-даго: ня, а, ія, іи, и (последнія три окончанія только послѣ гортанныхъ): кровавья, Половецкья, Рускія, многи, лядиіи; для мягкаго оконч. іи и и: синіи, многи. Въ сред. ня и я: харалужныя, Ярославля. На основаніи ви-нительнаго падежа можно полагать, что и въ именитель-номъ среднего рода окончаніе ая было обычно.

Родительный падежъ представляетъ два окончанія—

ныхъ и ихъ (последнее въ твердомъ склоненіи только послѣ гортанныхъ) для всѣхъ родовъ: желѣзныхъ, великихъ.

Дательный--нымъ и имъ (тоже послѣ гортанныхъ): грознымъ, Кіевскимъ, своимъ.

Винит. падежъ тоже представляетъ смѣшеніе окончаній какъ и именительный: въ мужск. тверд. **ня** (часто), **ы**, **ни**, **ія**, **и**: поганія, тыи харалужнии, литовскія, верезени, прикрыты; въ мягкомъ **ія**, **я** и **и**: своя вѣщія, сіа, свои, чужи.

Въ женск. р. **ая** (1 разъ), **ія** (часто), **ы**, **ни**: кровавыя, живая, желѣзны, Угорьскыи; мягкія: своя. Въ среднемъ р. **та** и **я**: широкая, жирна, мягк. **я**—вся.

Кромѣ того въ муж. р. при одушевлен. предметахъ **ныхъ** и **ихъ**: своихъ, милыхъ, Русскихъ.

Твор. пад. въ муж. и среднемъ р. имѣетъ окончаніе **ими** и **ими** (въ тв. послѣ гортанныхъ): старыми Косожскими, Угорьскими, тыщими. Глѣбовы единственный приѣмъ краткаго окончанія; въ женскомъ кромѣ **ими** и **ими**: калеными, своими злачеными, тоже одинъ разъ встрѣчается **ами**: неготовами

Въ предлож. падежѣ **ныхъ** и **ихъ**: на своихъ, серебряныхъ, княжихъ.

Причастій дѣйствительныхъ и среднихъ съ полнымъ окончаніемъ вовсе нѣтъ. Изъ краткихъ причастій въ ковенныхъ падежахъ есть только три: **лелѣявшу**, **стлавшу** и **одѣвавшу**. Въ именит. падежѣ обоихъ чиселъ они сдѣлались дѣепричастіями съ окончаніями: **а**, **я**, **учи**, **ючи**, **ячи**, **яче**, **ще**, **вше**, **въ**: **меча**, **бѣя** (при муж. р.), **плещучи** (при жен. р.), **аркучи** (при ж. р. ед. и мн. ч.), **мычучи** (при карна и жла; нарицуще (при муж. множ.), **звонячи** (при м. р. мн. ч.), **дѣляче** (при имен. муж. р. мн. ч.), **помянувшу** (при ж. р.), **забывъ** (муж. р.), **пожръши** (жен. р.), **подперъ**, **подпрѣся** (муж. р.).

Дательнаго самостоятельнаго вовсе не встрѣчается.

СПРЯЖЕНІЕ.

Неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на ти: начати, минути, за исключеніемъ одного слова „быть“ при многихъ быти; въ страдательномъ залогѣ всегда съ причастіемъ въ дат. пад: потяту быти, полонену.

Наст. вр. 1 л. хожу, вижу; 2 л. стоиши, прищещи (всегда и—ъ, являющееся уже въ XIII в. здѣсь нигде не встрѣтилось); 3 л. ждеть, звенить (последнее значительно рѣже, чѣмъ съ ь), плачется (ь всегда пропускается; окончанія — тца вовсе нѣтъ). Двойств. число есѣвъ, еста. Множ. число 3 л. ржутъ, скачють, брешуть, вѣють (ь очень рѣдко), вьются. Будущ. вр. 1 л. полечю, омочю, утру, 3 л. будетъ, дастъ; дв. ч. роствѣляевѣ, опутаевѣ; множ. ч. 1 похитимъ, ся подѣлимъ, 3 почнутъ.

Проедшія времена большею частію простыя. Сложныхъ весьма мало, и изъ последнихъ больше безъ вспомогательнаго глагола. Проедшее протяженное простое. Ед. ч. 2. л. поскачаше, стрѣжаше. 3 л., б. ч., на ше, часто также съ ть, иногда и ть: рыскаше, хоташе, помняшетъ, бяшетъ, растекашется, (глухаго предъ ся нѣтъ). 3 л. множ. ч. на ху, а чаще съ ть: рокотаху, кикахуть. Окончаніе ть считаютъ особенностью южнаго письма; но напр. въ сп. XII в. Ж. Бор. и Гл. бѣаше, въ XIV бяшетъ. Въ запискахъ Малинов. слово говоряхуть написано: говоря, хуты. Г. Барсовъ относитъ это къ неясности почерка рукописи и смѣшенію издателями н съ ь и ь (стр. 21). Но это не то; если Молиновскій написалъ въ запискахъ н, то оно, навѣрное. и было тамъ. Не будь оно тамъ ясно написано, сбивайся на ь или ь, Малиновскій, конечно, написалъ бы одно изъ двухъ последнихъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Въ печатномъ же изданіи, издатели замѣнили его посредствомъ ь, по образцу рядомъ стоящаго слова — хотять —, потому что не предполагали возможности формы говоряхути. Для насъ такая форма совершенно понятна, —

она встрѣчается и теперь на сѣверѣ Россіи: „идутъ“ *ви.* идутъ, и есть остатокъ гласности *ь* или *ъ* (*Объясн. см. у г. Потебни, Фил. Зап. 1876 г. вып. 1. стр. 38).*

Прошедшее протяженное сложное—3 л. ед. ч.: *бѣше успилъ, бѣшетъ притрепеталъ.*

Прошедшее краткое простое. 3 л. ед. ч.: *зарѣза, истягну, заступи, вѣзрѣ, развѣя, разліяся, падеся, врѣже-са, рече и рекъ, простре, тече.* *) Глаголы со вставкою *ну* большею частію эту вставку теряютъ: *затче, успе, выторже, пониче, врѣже.* Разшибе—предполагаетъ форму *разшибохъ*, если неопред. наклоненіе *расшибити*, то это слово представляетъ исключеніе изъ правила—образованія *прошед. краткаго на охъ* только отъ *темы на согласную*. Двойств. число: 3 л. *претръгоста, рекосте* (*ви. рекоста*), *подаетъ* (*ви. подаета*); *мн. ч. 2 л. расхитисте, начасте.* 3 л. *побѣгоша, прострошася, начаша, рассушася* (*въ Зап. Малин. рассуша*).

Прошед. краткое сложное: *пробилъ еси, делѣялъ еси, еста начала.* Безъ вспомог. глагола: *покрыла, полонила, встала, вступилъ, преклонилося, минула* (*сред. р. мн. ч.*), *доспѣли.*

Условное: *А быхъ не слала, аще бы ты былъ, то была бы чага ...*

Въ страдат. залогѣ тоже иногда вспомогательный глаголъ не употребляется: *не слышано, бяхуть посѣяни.*

Повелительное наклоненіе. Ед. число: *сѣдлай, стрѣлай, взлелѣй*; двойств. ч. *вступита; мужаймѣся*; *мн. ч. загородите, понизить, вонзить*

Разсмотрѣвши фонетику и формы языка рукописи Слова, мы нашли, что въ ней не являются очень многія

*) Максимовичъ (Нов. пис. къ Погод. стр. 26) считаетъ эту форму наст. временемъ, въ которомъ окончаніе *тъ* отпало по свойству Малор. нарѣчій, существовавшему въ немъ издревле. Но это не настоящее. Изъ контекста видно, что это прош. время: *впередъ этого слова и послѣ него глаголы стоятъ въ прошед. времени.*

особенности живаго языка, получившія начало въ XIII и XIV ст. и сдѣлавшіяся очень распространенными въ XV в. Къ числу ихъ относятся: 1) въ звукахъ: а) нѣтъ замѣны ий постредствомъ ой; б) нѣтъ измѣненія г на в; вслѣдствіе этого окончанія прилагательныхъ на ой вовсе не встрѣчается и нѣтъ окончанія родит. п. на ова; 2) въ формахъ ни разу не встрѣтилось окончаній дат. пад. множ. ч. муж. и средн. р. на амъ и ямъ, творит. тогоже числа и рода на ами (исключая „былами“) и предложнаго на ахъ и яхъ; въ неопред. наклоненіи нѣтъ окончаній на ти (если не считать „Игорю не быть“, послѣдняя форма считается не безъ основанія прошедшимъ временемъ, поставленнымъ съ титломъ—не быть (Малаш.); нѣтъ въ 2 л. настоящ. вр. окончанія—шь, нѣтъ окончанія 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ на тца вм. тся.

Такъ какъ принадлежавшая М. Пушкину рукопись Слова сохранила много особенностей правописанія болѣе древняго, чѣмъ какое было въ XV, и такъ какъ многія важныя и рѣзкія особенности живаго языка XIV и XV в. не вошли сюда, то нужно полагать, что переписчикъ этого списка старался о вѣрной копировкѣ съ древнѣйшаго списка и если допускалъ подновленія, то только такія, которыя для него почти не были чувствительны по своей близости къ старѣйшимъ формамъ, — это касается безразличнаго употребленія глухихъ, смѣшенія ѣ съ е, смѣшенія склоненій и иногда падежей. Нѣкоторыя особенности его правописанія обличаютъ, что онъ принадлежалъ сѣверу, гдѣ ц и ч смѣшивались, шипящіе сочетались съ твердыми: полунощы, чолка.

Переписанный съ древнѣйшаго списка Пушкинскій списокъ Слова, можно полагать, находился въ такомъ же отношеніи къ своему оригиналу, какъ Киевская лѣтопись Ипатьевского списка къ своему прототипу. Относимая къ половинѣ XV ст., она представляетъ слѣдующія особенности, сходныя съ Словомъ: не постоян-

ное смягченіе губныхъ черезъ л при іотированныхъ (Кол. Оч. 164 стр.); чередованіе ц съ ч, м и н., онбонъ (396); замѣну а посредствомъ о и обратно: Лазоря (420), помогающіи (405); переходъ—е въ о: тосняшеться (413), шоломени (429); замѣну я посредствомъ ь въ окончаніи глаголовъ на ся. Въ Пушкинской рукописи послѣднее явленіе весьма рѣдкое; въ Ип. сп. оно чаще. Въ формахъ: окончаніе р. п. на ого чаще—чѣмъ въ Словѣ, напр. первого (392), всякого (397), конюшого (438). Эта лѣтопись впрочемъ имѣетъ въ формахъ особенности, не являющіяся въ Словѣ, таковы: оконч. ой въ прилаг. вм ый, черниговской (467), омъ въ дат. мн. муж. и ср. Предложный падежъ въ ней имѣетъ переходную форму къ охъ: въ полкохъ (433), въ Ляхохъ (445); въ твор. часто оконч. на ми: мужи (444), дарми (458). Въ неопр. накл., ть вм. ги: рсудять (419), шь во 2 л. един. числа вм. ши: приставишь (404), имѣешь, разгадаешь (438).

Волынская лѣтопись, относимая ко 2-й половинѣ XV в. представляетъ еще болѣе особенностей, не существующихъ въ Словѣ, или очень рѣдкихъ. Къ первымъ относятся: въ предлож. пад. множ. ч. муж. и ср. р. еще чаще оконч. охъ (какъ переходъ еъ ахъ), (Кол. 175 стр). Ко вторымъ: полногласіе чаще неполногласія, иногда даже въ словахъ, не способныхъ къ полногласію (Кол. 172), шипящіе чаще съ твердыми, зубныя смягчаются по-русски; въ прилаг. больше—ого.

Правописаніе Задонщины, несомнѣнно принадлежащей второй половинѣ XV в. (Учен. Зап. А. Н. т. V Предисл. къ Кирил. Вѣд. сбор. Варлаама), отличается не многими отъ Слова. Оно однообразнѣе, потому что основано было на правилахъ, установившихся въ XIV и XV в., и если этотъ списокъ былъ списанъ съ древнѣйшаго, то только съ такого, который былъ въ концѣ XIV или началѣ XV в. Потому въ немъ почти нѣтъ древнѣйшихъ особенностей.

Особенности его въ звукахъ, слѣдующія: въ гласныхъ тлукіе при плавныхъ вовсе замѣнены чистыми: вскормлены, молвяше черлеными; таже замѣна произошла и въ суффиксахъ: мужество, исключая прилагательныхъ на скый, въ которыхъ иногда есть еще ь—русской и русской. Въ корняхъ словъ они вовсе не пишутся: псу, но въ окончаніяхъ иногда есть: свѣтятся и пашутся. Въ предлогахъ, употребленныхъ слитно, иногда встрѣчаются—въ сплескаша, но это рѣдко,—въ большинствѣ случаевъ они замѣнены чистыми: воспиша, взопиша, восплакашася.

ь вмѣсто я въ глаголахъ на ся чаще, чѣмъ въ Словахъ, иногда надъ с стоитъ титло безъ гласнаго, читать вѣрнѣе будетъ ь, а не я.

Въ замѣнахъ гласныхъ общее съ Словомъ:

Чередованіе о съ е: едино и едино

Чередованіе о съ а: Ондръевичъ и Андрея, зорею, (гораздо вм. горазда—скорѣе описка).

О вм а: ѡблока, великого ѡблока.

А вм. о: жаваранокъ, Наоугородци.

Е вм. и: Владимира, Дмитрія и Дмитрія.

О вм. е: слѣтошася, зогзици.

И вм. ѣ: на рицѣ.

Я вм е: вольярдовы; твердая гласная вм. мягкой: ковылу, порожнымъ.

А вм. іа: поліано, възлѣлены, сіа.

Замѣна и посредствомъ ѿ: крѣпостью, молны; эта замѣна чаще, чѣмъ въ Словахъ.

Особенности представляютъ оу вм. ѣ: нѣтоу жребій Афетовоу (последнее м, б, и описка или копія съ древней такой формы, при которой стояло или область или земля въ винит. пад.).

Въ Ипат л. нетуть (399), обуемшеся (422).

О вм. ѣ на концѣ: Михаило.

А вм. е: кречату, чаховъ; въ Ип. сп. Воронажъ (411);

О вѣ. оу: какоують въ Иш. сп. ходожника (476.)
и можьственною (467).

А вѣ. и: взопаша.

ы вѣ а: тогда, досюды, никуда. Въ Ипат. спискѣ
обычно (407.)

и вѣ. оу или ю: хоригови.

Чередованіе и съ ы нѣразу не встрѣчается.

ВЪ СОГЛАСНЫХЪ.

Гортанные считаются какъ съ и, такъ и съ ы: велики, облакы, поскакиваетъ. ы болѣе встрѣчается въ окончаніяхъ, въ корняхъ чаще и; смягченіе гортанныхъ еще соблюдается: стязи, на рицѣ, пастуси.

Зубныя смягчаются только по - русски — въ ж и ч.: межю, восклекчють, полуночную.

Шипящія сочетаются и съ простыми, и съ іотированными: гринуша, пашутся, нашо, брешють.

Ц и съ твердыми, и съ мягкими: волцы и волци.

Губныя вовсе не смягчаются въ отчественныхъ именахъ на ичъ: Ярославичу. Такимъ образомъ въ правописаніи согласныхъ разница съ рукописью Слова касается смягченія зубныхъ д и т и губныхъ.

Въ мѣнѣ согласныхъ общее съ Словомъ:

Чередованіе н съ м: сентября, Микоулу.

Щ и ч: полуночную, полунощныя.

В вѣ. б вренковъ.

Чередованіе, вслѣдствіе ассимиляціи з и с: з дивныи, ис тучи.

Твердое л вѣ. мягкаго: силна, удалцы.

Во всемъ сборникѣ встрѣчается еще смѣшеніе ц и ч: оцѣщеніа (стр. 4); замѣна с посредствомъ ш: возвышитъ Богъ (стр. 64).

Особенности, не найденныя въ рукописи Слова:

1) в придыхательное въ началѣ: вотчину, волярдовы.

2) я вѣ. е — волвардовы.

3) Опушеніе согласной; Нѣпра (2 р.) при Дѣвирь, Хараоужный, ѡсподарехъ.

4) Мѣна в—на оу—Наоугородци.

Л ви. в—хннела.

Н ви. в--Непряднѣ.

Полногласныя формы встрѣчаются наравнѣ съ неполногласными; но полногласіе есть и въ такихъ словахъ, которыя въ теперешнемъ русскомъ неполногласны: ѡблока.

Особенности въ склоненіи: въ существительномъ—

Въ единственномъ числѣ:

Въ именит. пад. встрѣчается окончаніе о и е для муж. р. Михайло и Дмитріе. Въ род. пад. женск. рода въ мягкомъ окончаніи большею частію окончаніе и: земли, Софін, исключая одно слово: Богородица. Въ мужескомъ родѣ часто окончаніе на у—Дону. Въ дат. падежѣ, женск. рода мягк. склон. всегда на и: земли. Въ муж. ови и еви не встрѣчается.

Зват. падежъ болѣе сходенъ съ именит.; въ словахъ Доне (3 р.) и господине видно подражаніе старому образцу. Твор. пад. м. и ср. р. всегда на омъ и емъ: Дономъ, княземъ, женск. р. правильно. Предложный падежъ болѣе съ ѣ и въ мягкомъ склоненіи: на рицѣ Чечѣ; одинъ только разъ на и: на сердци..

Множеств. число. Въ именит. преобладающее окончаніе и: волци, гуси, колоколи, стязи, пастуси, рѣдко есть и н: полкы, волцы; въ женск. р.—и и н: трубы, галици, молоньи; въ средн. а и я: ѡблока, копія.

Въ род. п. оконч. м. и ср. р. овъ и ѣ: Чаховъ, Ляховъ, татаръ. Въ дат. всегда омъ и емъ въ м. и ср. р.: вратомъ, княземъ. Въ вит. пад. м. р. одушевл. предметовъ болѣе сродства съ именит., чѣмъ съ родительнымъ; при сродствѣ съ имен. чаще окончаніе и, но есть и н: сродники, гуси, мечи, вои, полкы, персты, мужей, ѡсподаревъ.

Въ среднемъ родѣ, кромѣ а и я, есть окончаніе женскаго рода—н: оболока, поля, облакн.

Въ твор. п. м. и ср. р. нѣтъ окончанія на ми какъ въ женскомъ: словесн, шеломи, удалци; но въ жен. землями, пѣсньми.

Предл. пад. м. р. на ѣхъ: ѡсподарѣхъ,

Сравнивая склоненія существительныхъ въ Задонщинѣ съ склоненіемъ ихъ въ рукописи Слова, мы замѣчаемъ: въ Словѣ переписчикъ колеблется между формами оригинала, который у него былъ предъ глазами, навывкомъ, который у него явился при перепискѣ предшествующихъ въ рукописи Слову статей, и живымъ говоромъ. Здѣсь онъ склоняется болѣе на сторону перваго, иногда слѣдуетъ правописанію другихъ, прежде писанныхъ статей, а иногда вноситъ формы живаго языка. Этимъ обуславливается смѣшеніе окончаній въ тв. на омъ и омъ, въ дат. на омъ и омъ, въ р. на овъ и овъ и особенно смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ въ имен. и винит. пад. множественнаго числа.

У переписчика Задонщины замѣчается больше послѣдовательности въ употребленіи формъ, хотя и у него видно колебаніе между навывкомъ къ извѣстнымъ книжнымъ формамъ и стремленіемъ къ живой рѣчи. Первое видно въ однообразномъ употребленіи твор. п. ед. ч. и дат. множ. числа на омъ и емъ. Второе въ особомъ окончаніи именит. пад. на о и е и въ уподобленіи зват. п. именительному; послѣднимъ объясняется и то, что двойственное число не употребляется, хоть и былъ случай употребить его.

Въ прилагательномъ склоненіи смѣшеніе твердаго съ мягкимъ зависитъ отъ сочетанія гортанныхъ въ и и ѣ. Краткое склоненіе имѣетъ еще многія формы. Въ именител. падежѣ, кромѣ окончаній и и ѣи, встрѣчается часто и съ двумя черточками вверху: погани, велики, изъ слова тяжки имен. пад. множ. числа видно, что эти черточки замѣняли и; родит. пад. муж. и средн. р. имѣетъ чаще ого,

чѣмъ аго; ова вовсе нѣтъ; въ жен. р. встрѣчаются только ѡна и я: свѣтѣны, русскѣны, тоя.

Въ дательн. въ муж. и ср. ому и у: первому, бѣлу; въ жен. р. ой и ей: литовской, твоей. Винительн. пад. не представляетъ ничего особеннаго. Творит. падежъ: великимъ, за дышущемъ.

Множественное число. Въ имен. падежѣ чаще всего окончаніе ѡна для всѣхъ родовъ, окончаніе іе встрѣчается при мужескомъ и жен. род., ии при муж.; ая не встрѣтилось. Краткія окончанія ѡ и и для всѣхъ родовъ, чаще и, чѣмъ ѡ. Дат. пад. большею частію имѣетъ сокращенную форму, какъ въ Словѣ: русскимъ, порожнимъ, но встрѣчается полная: русскимъ. Въ окончаніи здѣсь какъ и въ существ. всегда ѡ. Въ винит. падежѣ окончаніе ѡна при муж. и жен., а іе при среднемъ: кіевскѣ (м. р.), живыѣ : ж. р.), сивіе (ср. р.).

Въ творит. и предложномъ нѣтъ особенностей.

Сравнительно со Словомъ склоненіе прилагательныхъ въ Задонщинѣ имѣетъ больше опредѣленности въ р. и дат. п. единств. числа женскаго рода и въ именит. и вин. множ. числа; но за то она не соблюдена въ другихъ падежахъ, въ которыхъ попадаются полныя формы: дышущемъ, русскимъ, чего въ Словѣ нѣтъ, за исключеніемъ одного слова: не готовѣми.

Причастія краткія стоятъ на переходѣ къ дѣепричастіямъ: вскладѣя, аркучи, пояше (при единств. числѣ), ставше, помянувшѣ, пасущесѣ (при множ. числѣ разныхъ родовъ).

Въ глаголахъ.

Неопредѣл. наклоненіе всегда на ти: быти, помолотитися.

Въ встрѣчающихся формахъ изъявительн. наклоненія настоящаго времени особенность та, что въ 3 л. ед. и множ. числа чаще окончаніе ть, тѣ очень рѣдко: пашутъ,

восклекчють, ведеть, повѣдають. Предъ ся ъ и ъ выпу-
скаются: восплачется, пашутся.

Въ формахъ будущаго времени въ 1 лицѣ множ. ч.
однаково и ъ и ъ: поидемъ, взыдемъ. Тоже и въ Ип.
сп. скажемъ (390), пожьжемъ (405). Прошедшихъ временъ
болѣе простыхъ чѣмъ сложныхъ. Прошедшее протяженное:
молвяше, бяше; прошедшее краткое: родися, рече, слѣтоша-
ся, восплакашася.

Прошедшее сложное встрѣчается наравнѣ и съ вспо-
могательнымъ глаголомъ и безъ него: съѣхалися, остались,
пробилъ еси, есмя были. На мѣстѣ двойственного числа
встрѣтилась форма есма; окончаніемъ а вм. іа писцу, мо-
жетъ быть, хотѣлось показать отличіе отъ множественнаго,
которое всегда есмя. Условное наклоненіе: тобы еси выще-
ботала, лучши бы есмя навѣрглися.

Пов. накл. не представляетъ ничего особеннаго: взы-
ди, пой, сѣдай.

Сравнивая все это со Словомъ, видимъ большое сход-
ство; разница касается двойственного числа, уже не сущест-
вующаго въ Задонщинѣ и употребленія ъ въ окончаніяхъ,
въ Задонщинѣ онъ не только предпочитается ъ въ треть-
ихъ лицахъ, но встрѣчается и въ 1 лицѣ множеств. числа.

3. Исправленіе первопечатнаго текста.

Исправленіе текста, напечатаннаго первыми издателя-
ми, началось вскорѣ послѣ гибели рукописи и продол-
жается до настоящаго времени. Поправкамъ подвергались—
правописаніе печатнаго текста и пунктуация, кромѣ того
предлагалось иное чтеніе словъ и выраженій и замѣна ихъ

другими, иное дѣленіе сплошнаго текста рукописи на слова и періоды и иной порядокъ цѣлыхъ статей.

Первый поводъ къ поправкамъ текста данъ былъ Тимковскимъ. Онъ, занимаясь филологическимъ разборомъ Слова, замѣтилъ, что въ печатномъ изданіи нѣтъ правописанія (Лѣт. р. л. кн. 6-я, стр. 90); поэтому онъ спрашивалъ: вѣрно ли напечатана рукопись и не сдѣлано ли въ ней какихъ перемѣнъ? Что здѣсь Тимковскій разумѣлъ подъ правописаніемъ, утвердительно сказать трудно. Можно только приблизительно судить объ этомъ на основаніи того, что дошло до насъ изъ сужденій тогдашнихъ ученыхъ по поводу печатнаго текста. Карамзинъ самъ сличалъ печатное изданіе съ рукописью и засвидѣтельствовалъ, что пѣснь со всею точностію напечатана противъ подлинника, исключая словъ—вѣчи вм. сѣчи, поставленное же въ скобкахъ слово Олегъ учинено для большей ясности (С. От. 1839 г т. 8, стр. 20). Въ отрывкахъ изъ записокъ Тимковского находится еще приписка рукою Калайдовича: а сице и рати нужно читать сицеи рати, розинося имъ, кажется, нужно читать—розиносящимъ. Вотъ и все, что говорилось тогда о чтеніи текста. Изъ этого можно заключить, что вопросъ Тимковского относился не къ правописанію въ смыслѣ употребленія тѣхъ или другихъ буквъ въ формахъ и корняхъ, а касался точности передачи рукописи относительно вставокъ въ печатный текстъ новыхъ словъ, пропуска въ немъ нѣкоторыхъ буквъ (нося-щ-имъ) и дѣленія словъ.

На правописаніе въ собственномъ смыслѣ первый обратилъ вниманіе Граматинъ. Сличая языкъ Слова съ славянскимъ, онъ подмѣтилъ въ первомъ отступленіи отъ формъ того Славянскаго языка, какой онъ зналъ по славянскимъ грамматикамъ, составленнымъ на основаніи языка новыхъ церковныхъ книгъ. Эти кажущіяся ему отступленія въ языкѣ онъ началъ исправлять, приводить правописаніе къ однообразію и тѣмъ только испортилъ текстъ.

Приведеніе къ однообразію правописанія текста Слова и подведеніе его подъ правописаніе XII в., можно было сдѣлать только при знаніи исторической грамматики русскаго языка. Это какъ нельзя лучше выполнилъ Вуславъ въ своей Христоматіи древнерусской литературы (1870 г.).

¹⁰⁾ Но такое исправленіе правописанія текста имѣетъ особое значеніе и опредѣляется педагогическою задачею издателя—представить литературный памятникъ съ правописаніемъ его вѣка. Здѣсь же идетъ дѣло о правописаніи погибшей рукописи, и вопросъ сводится къ тому, можно ли печатный текстъ Слова считать точною копіею рукописи, передачею ея буква въ букву, іота въ іоту?

На послѣдній вопросъ князь Вяземскій отвѣтилъ цѣлымъ сочиненіемъ „Изслѣдованіе о вариантахъ“ (СПб. 1877 г.). Въ немъ онъ старался доказать, что сгорѣвшая рукопись, по буквѣ, не совпадала съ печатнымъ изданіемъ, что она написана была со многими надстрочными знаками, которые можно было толковать такъ и иначе, придавать имъ то или другое значеніе. Вслѣдствіе этого рукопись, прочитанная въ разное время, могла дать разныя чтенія, вслѣдствіе этого произошла разниа между первымъ изданіемъ ея и Екатерининскимъ спискомъ.

Кн. Вяземскій, тщательно сличивъ печатное изданіе съ Архивнымъ спискомъ, пришелъ къ заключенію, что разночтеній между ними не возможно объяснить случайностію (стр. 27). Онъ предполагаетъ, что сгорѣвшая рукопись имѣла слѣдующіе надстрочные знаки: 1) дугообразную черту  и прямую ; 2) острия черточки ' = и, 3) кавычки , ' = ъ и ъ; 4) ударенія ' (только два слова въ Архивномъ встрѣчаются съ ними — копіе и не худѣ); 5) ' = ъ; 6) точку ' = ъ, одну черту ' или двѣ ' = ъ. Кроме того она представляла особенное начертаніе л, ѣ, а и др.

¹⁰⁾ Съ такими же исправленіями печатаетъ текстъ Слова и г. Потебня въ Филолог. Зап. (см. 1877 г. вып. 5 и 6).

Дугообразная черта и горизонтальная прямая первыми издателями, по мнѣнію Вяземскаго, были понимаемы различно. Сначала они считали дугообразный знакъ за выраженіе мягкой полугласной, —ъ , а также и и н , а горизонтальный считали за выраженіе твердой —ъ , а также о и н ; вслѣдствіе этого они сначала читали: клич^т— — кличеть, възлѣ^тб^тян—възлѣ^тб^тяни, поск^чи— — поскачи; наоборотъ: соколов — соколовъ, рѣк — рѣкы, Ксожскими—Косожскими. Такого чтенія держались издатели при съемкѣ Екатерининскаго списка, при печатаніи же текста взглядъ ихъ на эти знаки совершенно измѣнился. Въ это время они дугообразный стали считать за выраженіе твердаго полугласнаго —ъ , а также о и н , а прямой за выраженіе мягкаго —ъ , а также а и и (стр. 17—18). Поэтому они стали читать: възлелѣ^тян—възлелѣ^тяны, кличет^т— — кличеть, поск^чи—поскочи, наоборотъ: соколов — соколовъ, Ксожскими—Косожскими, рѣк — рѣкы.

Въ окончаніи глаголовъ Вяземскій насчиталъ 24 случая, въ которыхъ находится ь и въ печатномъ, и въ Архивномъ, и 22 такихъ, въ которыхъ ъ тоже въ обоихъ. Далѣе онъ нашелъ 38 случаевъ съ ъ въ печатномъ и съ ь въ Екат., и 5 случаевъ съ ь въ печат. и съ ъ въ Екат. Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что въ 46 случаяхъ обѣ полугласныя въ древней рукописи были помѣченны явно и вполне, въ остальныхъ же 38 случаяхъ не трудно угадать, говоритъ онъ, что въ рукописи находились два знака, замѣняющіе глухія гласныя: одинъ, представляющій прямую черту и другой дугообразный, часто встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ рукописяхъ. До 1797 г. М. Пушкинъ признавалъ въ 36 знакахъ одной и той же формы ь и въ 5 случаяхъ ъ , а съ 1797—1800 на оборотъ—въ 36— ъ и въ 5— ь . Два слова—повѣдають и летить въ Архив. сп. сохранили написаніе—повѣдаю^т, лети^т (стр.—8—9). Отъ такого же

различнаго пониманія надстрочныхъ знаковъ, не его мнѣнію, произошли варианты и въ окончаніяхъ падежей на ѣ и ь (стр. 15—16) и разница въ употребленіи ѣ и и въ обоихъ спискахъ (16 случаевъ было съ прямымъ и 8 съ дугообразнымъ, 23 сл. съ ѣ согласно, и 23 случая съ и въ нашего ѣ — тоже согласно. Стр. 18—19).

Отрицать совершенно возможность существованія въ сгорѣвшей рукописи надстрочныхъ знаковъ мы не имѣемъ оснований: напротивъ есть нѣкоторые данныя, свидѣтельствующія, что знаки были. Дубенскій въ своемъ изданіи замѣчаетъ, что, вѣроятно, при 1-мъ изданіи выкинуты буквы є или ѣ, ѡ и другіе строчные и надстрочные знаки. Такое замѣчаніе онъ сдѣлалъ не только по догадкѣ, но аналогіи съ другими рукописями, но и на основаніи чего нибудь иного. Не будетъ произвольно, если предположимъ, что онъ слышалъ что нибудь объ этомъ отъ одного изъ издателей — Малиновскаго, съ которымъ онъ имѣлъ случай говорить о Словѣ.

Существованіе титлъ въ рукописи съ большою вѣроятностію доказывается различіемъ словъ: печ. пѣсь, арх. пѣсѣѣ (2 раза), печ. бысь, арх. бы, печ. рече, арх. речь, печ. рече, арх. рекъ, печ. пѣтворца, арх. пѣсотворца, печ. пѣтъкъ, арх. пѣкъ; они, вѣроятно, въ рукописи были написаны такъ: ре^ч, пѣ^а, пѣ^с, бы^с. Сокращеніе глагольныхъ окончаній видно изъ записокъ Малиновскаго, гдѣ печатное слово рассушѣсь скопировано тамъ — рассуш^а ¹¹⁾.

Несмотря на это, все таки нельзя согласиться, чтобы надстрочныхъ знаковъ въ рукописи было такъ много, какъ полагаетъ Вяземскій, и чтобы различія въ двухъ копіяхъ произошли только отъ нихъ. Если бы дѣйстви-

¹¹⁾ Въ этихъ запискахъ есть еще нѣсколько выписокъ изъ Слова, кромѣ обнародованныхъ Барсовымъ (см. Ж. М. Н. Пр. септ. 1876 г. стр. 21). Жаль, что г. Барсовъ до сихъ поръ не находитъ нужнымъ ознакомить съ ними интересующихся и даже не указываетъ, гдѣ эти записки находятся.

тельно въ рукописи ихъ было такъ много, М. Пушкинъ, навѣрное, не умолчалъ бы объ этомъ важномъ обстоятельстве. Между тѣмъ онъ говорилъ только: „въ рукописи не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія (Зап. и тр. 1824 г. кн. II, стр. 37). Въ этихъ словахъ о надстрочныхъ знакахъ ни слова; значитъ, если они и были, то въ незначительномъ числѣ и не представляли затрудненія при чтеніи. Но будь они въ такомъ количествѣ, какъ предполагаетъ Кн. Вяземскій, они представили бы самое важное и большое препятствіе при прочтеніи рукописи, чѣмъ всѣ другіе упомянутыя у М. Пушкина. Предполагать, что М. Пушкинъ разумѣлъ ихъ, говоря: „не было правописанія“ не позволяютъ другіе пункты его показанія. Кромѣ правописанія причинами трудности чтенія было — отсутствіе строчныхъ знаковъ и раздѣленія словъ и слова неизвѣстныхъ и вышедшія изъ употребленія. Изъ этого можно съ большою вѣроятностію заключить, что разумѣлъ М. Пушкинъ подъ правописаніемъ. Оно было не похоже на то, какое въ его время существовало въ современномъ языкѣ, или лучше — какое онъ привыкъ видѣть въ церковныхъ книгахъ, какое ему извѣстно было изъ существовавшихъ тогда славянскихъ грамматикъ. Ему могло показаться необыкновеннымъ и отсутствіемъ правописанія — смѣшеніе ц и ч, чередованія ы и и въ однихъ и тѣхъ же формахъ, ѣ и ѣ въ срединѣ словъ, йотированныя буквы послѣ шипящихъ, окончанія на ть въ прошедшихъ простыхъ и т. п.

Сюда можно пожалуй отнести монограмму З—Тр. въ Екат. сп. и даже, можетъ быть, явныя ошибки въ рукописи: выликий и грозный, какъ значится въ Екат. спискѣ.

Кн. Вяземскій въ перечень словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, въ рукописи не было глухихъ, помѣщаетъ и такія, которыя въ Екат. спискѣ сокращены, чтобы не переносить на другую строку, какъ заявилъ Пекарскій въ

своемъ изданіи (стр. 8) ¹²⁾. Если эти сокращенія принять во вниманіе, то количество разночтеній въ копіяхъ уменьшается на 12. ¹³⁾ Эти же сокращенія словъ въ Ек. сп. ясно показываютъ, что М. Пушкинъ при первой копировкѣ мало дорожилъ буквой. ¹⁴⁾

Да и самъ Вяземскій, хотя и говоритъ, что переписчики и издатели, имѣвшіе дѣло съ Словомъ о п. Иг., обращались съ текстомъ даже съ суетвѣрнымъ благоговѣніемъ (стр. 15), все таки не считаетъ возможнымъ замѣнять и ѣ при плавныхъ посредствомъ о и е въ Екат. списокъ подвести подъ различные способы чтенія рукописи. Графъ М. Пушкинъ, говоритъ онъ, при снятіи копіи для императрицы, т. е. до отъѣзда въ Москву, замѣнялъ глухія гласныя ѣ и ѥ гласными о и е для облегченія чтенія (стр. 14). А такихъ отступленій отъ буквы по счету Вяземскаго 46. Въ этихъ случаяхъ былъ допущенъ произволъ снимателей копіи; такое же свободное отношеніе къ буквѣ замѣчается и при внесеніи въ первую копію слѣду-

¹²⁾ На это заявленіе до Вс. Миллера (Взгл. стр. 158) не обратилъ вниманія ни Вяземскій, ни Тихонравовъ, ни Барсовъ. Этотъ же недосмотръ былъ причиною того, что и у насъ выше на 9 стр., можетъ быть, излишне говорится о предполагаемыхъ тѣхъ въ 12 словахъ.

¹³⁾ Кромѣ 12 словъ безъ ѣ и ѥ въ концѣ, въ Екат. встрѣчаются еще предлоги безъ глухого и два раза сокращено слово господине. Все ли это были сокращенія, сдѣланныя переписчикомъ во избѣжаніе переноса въ другую строку, — или что нибудь изъ сокращеній могло принадлежать и рукописи Пекарскій опредѣленно и точно не заявилъ.

¹⁴⁾ Едва ли бы о такомъ списокѣ Карамзинъ сказалъ то, что о печатномъ изданіи: «написалъ со всею точностью.» Что разумѣлъ подъ точностью изданія Карамзинъ, это видно изъ его выписокъ изъ утраченной рукописи, въ которой находилось Слово. При словѣ «прѣсть» въ скобкахъ поставлено «персть», тѣхъ силъ въ скобкахъ — то ѣ. Въ этихъ выпискахъ 2 раза встрѣчается слово полъ и 2 пль; при одномъ изъ послѣднихъ въ скобкахъ полъ; при тисуща въ скобкахъ — тысяща. Здѣсь еще встрѣчаются слова: колца, чядо, братіа, грецкой и гречкую, начя, пкви. шелоуи, шолькова, жельчюгомъ и же чугомъ, ркутъ (въ Сл въ — ркоша, подпрся, мркнетъ, въ Арх. — мръкнетъ, утриѣ. въ Арх. утриѣ). Прим. 272 въ III т. Ист. Г. Р.

ющихъ словъ: пѣсньми, печ. — пѣсьми, пѣснѣ 2 р. печ. пѣсь, пѣснотворца, печ. пѣстворца, бы, печ. бысь, Пѣвнѣска, печ. Пѣвнѣска, опуташа, печ. опустоша, той, печ. тѣи, бесъ, печ. бес, возни, печ. возни, прольясте, печ. проліясте.

Рсїи (печ.) и Роси (Арх.) Вяземскій считаетъ варіантомъ, который подтверждаетъ наглядно двойственность чтенія надстрочнаго знака ^т т. е. прямой черты, — въ одномъ мѣстѣ онъ принять за и, въ другомъ за о (стр. 37). По нашему же мнѣнію, различіе здѣсь произошло совершенно отъ иныхъ причинъ. Въ рукописи было Рсїи по Сули, при снятіи первой копїи М. Пушкинъ для большей ясности подновилъ форму и сблизилъ съ той, какая у него въ переводѣ: по Росѣ, по Сулѣ, въ печатномъ же онъ рукописную форму оставилъ безъ измѣненія. Изъ перевода видно, что онъ не подозрѣвалъ во второмъ „союзъ соединительнаго и не считалъ также возможнымъ окончаніе на і въ дател.номъ падежѣ, потому онъ оба „, ясно написанныя, въ строкѣ, отнесъ къ одному слову.

По переводу, приложенному къ Екат. сп. можно судить, что и варіантъ дивъ печ. и дивъ Арх. произошелъ не отъ предполагаемаго прямаго знака вверху. Въ Екат. переводѣ здѣсь стоитъ дивъ, какъ въ печатномъ текстѣ; въ печатномъ же переводѣ это слово замѣнено словомъ филинъ, которое въ Екат. только въ скобкахъ при дивъ. Не смотря на неточность Архивнаго перевода, онъ во многихъ мѣстахъ стоитъ ближе къ подлиннику, чѣмъ печатный. — въ немъ много удержано формъ прошедшихъ простыхъ, особое окончаніе звательнаго надежа, чего въ печатномъ вовсе нѣтъ. Къ сохраненію архаизмовъ рукописи въ немъ, конечно, относится и написаніе — дивъ.

Невниманіе переписчика Екат. списка къ буквѣ рукописи видно также изъ замѣны численныхъ буквенныхъ знаковъ арабскими цифрами: вм. І — въ Екат. — 10, вм. Г — 3, вм. Д — 4., и изъ замѣны полнаго имени господина сокращеннымъ — гнѣ.

Находя, что Екат. списокъ имѣтъ отступленія отъ настоящей рукописи Слова, что онъ скопировалъ не точно, мы этимъ вовсе не имѣемъ въ виду умалить заслуги, какую кн. Вяземскій оказалъ наукѣ своимъ изслѣдованіемъ, касательно характера написанія утерянной рукописи. Онъ осязательно доказалъ бытіе въ рукописи титлъ, какъ напр. надъ словами — ре^ѣ, нѣ^ѣ, бн^ѣ. Особенно удачно подобранъ имъ примѣръ изъ Саввиной книги и въ п^л (стр. 17), который наглядно показываетъ, отъ чего произошло разночтеніе въ спискахъ. Также очень правдоподобно объясняются имъ разночтенія относительно окончаній ого и аго въ прилагательныхъ. Очень можетъ быть, что разночтеніе здѣсь произошло отъ сокращеній въ рукописи, подобныхъ тому, какія приводятся Вяземскимъ изъ другихъ памятниковъ, какъ напр. мно^ѣ (стр. 17). Но, по нашему мнѣнію, здѣсь разночтеніе произошло не отъ различнаго пониманія дугообразнаго знака, а отъ взгляда на то, что издатели предполагали въ сокращеніи. Сначала, видно, они полагали, что здѣсь въ знакѣ скрыто окончаніе го, а потомъ, когда они замѣтили въ другихъ случаяхъ преобладающее окончаніе родительнаго и винительнаго на аго, стали считать, что здѣсь въ знакѣ скрывается слогъ а г, а ' окончаніе.

Вообще относительно дугообразнаго знака предположенія Вяземскаго довольно правдоподобны и подкрѣпляются ссылками на другіе памятники. Довольно вѣроятно также предположеніе о существованіи знака " для выраженія », отчего произошло разночтеніе — тѣ арх. и тѣи печат. Можетъ быть, отъ этого же произошелъ варіантъ — дѣвицею печ. и дѣвицею — архив. (стр. 23).

Относительно же прямаго знака предположеніе Вяземскаго не представляетъ большаго вѣроятія и даже у него въ выпискахъ изъ другихъ памятниковъ почти вовсе не подтверждается примѣрами (стр. 16—17).

Остается теперь сказать о разночтеніях касательно ѣ и е, а и я, з и с.

Касательно перваго — ѣ и е Вяземскій полагаетъ, что издатели за ѣ принимали іе, и оттого произошло, что въ 30 случаяхъ вмѣсто ѣ печатнаго текста въ Архивномъ спискѣ стоитъ е, и въ 4 хъ вмѣсто е печ., въ Архив. ѣ. (стр. 23, 15—46). Но если они при первой перепискѣ колебались, за что принять іе, то при печатаніи слѣдовало бы ожидать отъ нихъ полной послѣдовательности — они должны бы вездѣ принять іе за ѣ. Слово у едіе, по правилу, которое Вяземскій устанавливаетъ, что іе писалось послѣ гласной (стр. 24), должно быть въ рукописи съ іотированнымъ и вѣроятно было, но оно въ печат. Архив. и у Малиновскаго съ е, а не ѣ. Если издатели не знали, какое значеніе придать іе, и читали его то какъ ѣ, то какъ е, въ такомъ случаѣ за это же нужно обвинить и Карамзина, который въ выдержкахъ изъ той-же рукописи читалъ у тебѣ (272 пр. къ III т.). Очевидно, рукопись представляла смѣшеніе е съ ѣ.

Существованіе юсовъ Вяземскій предполагаетъ на основаніи разницы въ спискахъ касательно употребленія а и я, у и ю и на основаніи будтобы неправильнаго чтенія — поють вм. поятъ (стр. 25). Что малый юсь дѣйствительно былъ въ рукописи, это очевидно изъ записокъ Малиновскаго, въ которыхъ написано рассуша^г. Но нельзя съ такою же увѣренностію сказать о существованіи большаго юса. Вяземскій разночтеніе Ек. жемчужину и печ. жемчюжну объясняетъ присутствіемъ въ рукописи юса — ж, при которомъ былъ какой либо надстрочный знакъ, на который не обращено вниманія при снятіи Архив. копій (стр. 49). Онъ также думаетъ, что разночтенія въ спискахъ касательно а и я произошли отъ способа писанія въ рукописи малаго юса, который имѣлъ форму греческой дельты Δ и значенія котораго издатели не понимали ни при первой копировкѣ, гдѣ онъ сочтенъ за а въ 15 слу-

чаяхъ и за я въ двухъ (Полочяномъ и Святъславличя), ни при печатаніи, гдѣ принять въ 15 сл. за—я и въ 2 за а (стр. 19).

По нашему мнѣнію, такое разночтеніе произошло отъ того, что при снятіи Архивнаго списка М. Пушкинъ сбивался какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ на современное ему правописаніе, т. е. послѣ шипящихъ и ц писалъ не іотированную, хотя и заботился о вѣрности копировки. Сбившись въ 15 случаяхъ, онъ все-таки въ 11 удержалъ правописаніе рукописи, такое же, какое и въ печатномъ изданіи. Онъ писалъ: Святъславличя, скачють, Святославличю, мычючи, женчюгъ, полечю, омоцю, горячюю, плечю, птицю, дѣвицю. При столь частомъ употребленіи іотированной послѣ шипящихъ, писцу легко было сбиться и употребить два раза я вм. а.

Что же касается дельтообразнаго юса, который будто бы былъ въ рукописи, то предположеніе тогда будетъ имѣть значеніе, когда Вяземскій найдетъ его въ рукописяхъ позднѣйшихъ, чѣмъ онъ приводитъ,—въ рукописяхъ современныхъ Слову. Доселѣ извѣстно только, что этотъ знакъ употреблялся въ письменности до 14 в. (Срезн. Пам. юсов. п. стр. 152). А если бы онъ и существовалъ въ рукописи, то ему придано было бы издателями опредѣленное значеніе, именно—или а, или я. Между тѣмъ сколько можно судить по вариантамъ: „въ словѣ веселія печ., и веселія Арх. Полочяномъ печ. и Полочяномъ Арх.“ (стр. 20) издатели колебались, за что принять его. Если признать за издателями такой недостатокъ, т. е. колебаніе, а равно невниманіе ихъ къ значкамъ при ж или ѳ (т. IX 49 стр.), то въ этомъ же нужно обвинять и Карамзина, который въ выпискахъ изъ той же рукописи пишетъ: начя, чада, братія, а равно жемчугъ и жемчюгъ.

Что S (зѣло) было въ рукописи, въ этомъ теперь нѣтъ сомнѣнія, когда Барсовъ нашелъ его въ запискахъ Малиновскаго (Ж. М. Н. Пр. Сент. 1876 г. стр. 20),

но что издатели признавали его за з, показываютъ тѣже записки, въ которыхъ есть слово погрузи, переданное чрезъ з и въ печатномъ и въ Архивномъ. Потому разночтенія — печ. изъ Кьева, чрезъ злато, чрезъ море и Арх. изъ, чрезъ и чрезъ, нужно объяснить чѣмъ нибудь другимъ, всего скорѣ произволомъ переписчика Архив. списка, но не колебаніемъ издателей, за что принять начертаніе зѣло, за з или за с, хотя бы начертаніе буквы зѣло въ рукописи и было двойное (Изм. т. XII).

Перестановки въ текстѣ начались съ Грамматина. Но онъ считалъ нужнымъ только въ двухъ мѣстахъ сдѣлать это, именно 1) „Спаль князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго“ онъ читалъ такъ: спали князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи. 2) „Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя хоті: тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы, Русской земли безъ Игоря“ Граматинъ читалъ: Рекъ Боянъ и ходы на Коганя, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Святославля, Ольгова: тяжко и пр.

Максимовичъ (Ж. М. Н. Пр. 1837) въ первомъ мѣстѣ „спаль и пр.“ слѣдовалъ въ порядкѣ словъ Грамматину, а второе мѣсто „рекъ Боянъ“ все до конца переносилъ въ другое мѣсто; онъ помѣщалъ его вслѣдъ за припѣвкой Бояна Всеславу: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути...

Князь Вяземскій, не дѣлая впрочемъ въ своемъ изданіи перестановки, считаетъ болѣе правильнымъ такое словорасположеніе въ первомъ мѣстѣ: и жалость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи (Зам. стр. 93). Такой порядокъ принималъ и Гаттала (Огонов. стр. 36).

Рецензентъ изданія Тихонравова (М. У. Изв. 1868 г.) предлагалъ дать иной порядокъ слѣдующему мѣсту: „Темно бо бѣ въ 7 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ модала мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокаста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови.“ Онъ предлагалъ читать такъ: На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; темно бо бѣ въ 3 день; два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца: Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокаста и въ морѣ погрузистася и великое буйство подаста Хинови. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.

Князь Вяземскій въ этомъ мѣстѣ счелъ нужнымъ переставить только два стиха, именно: и — „въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Ханови.“ Онъ поставилъ ихъ передъ словами: На рѣцѣ на Каялѣ. У него порядокъ словъ въ этомъ мѣстѣ такой: „Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокаста и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.“ Изъ этихъ двухъ перестановокъ, безъ сомнѣнiя, перестановка князя Вяземскаго имѣетъ болѣе вѣроятiя: она гораздо проще, такъ какъ устраняетъ необходимость прибавки ся къ глаголу — „погрузиста“. Глаголъ погрузиста не имѣетъ послѣ себя прямого дополненiя, а это указываетъ, что онъ средняго залога и долженъ имѣть при себѣ ся. Такое ся здѣсь есть, — оно стоитъ при глаголѣ поволокаста и относится также къ глаголу погрузиста.

Князь Вяземскій кромѣ того дѣлаетъ еще нѣсколько перестановокъ. 1) Въ воззванiи къ князьямъ онъ переставляетъ эпизодъ объ Иязславѣ и обращенiя къ Роману и

Мстиславу, къ Ольговичамъ и Мстиславичамъ.

Чтобы нагляднѣе видѣть сдѣланныя имъ въ этомъ мѣстѣ перестановки, приведемъ все мѣсто въ порядкѣ печатнаго изданія, обозначая въ скобкахъ предполагаемыя Вяземскимъ листы и страницы сгорѣвшей рукописи, порядокъ ихъ, въ какомъ они перепечатывались, и порядокъ въ которомъ они, по мнѣнію Вяземскаго, должны бы быть читаемы. Послѣдній порядокъ онъ вписъ въ свое послѣднее изданіе.

Въ изданіи М. Пушкина обращеніе къ Ярославу Галицкому заканчивается словами: Стрѣлай господине Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича.

За симъ слѣдовали, по мнѣнію Вяземскаго, три листа, которые переплетчикомъ были перемѣшаны и приняли иной порядокъ. чѣмъ слѣдовало, именно:

(1-я страница 2-го листа принята была за 1 ю стран. — 1-го листа)

А ты буй, Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить вась на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

(2-я стр. 2-го листа принята была за 2-ю страницу 1-го листа)

Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подѣ шеломи латынскими. Тѣми треспу земля, и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци суици своя повръгоша, а главы своя поклониша полѣ тыи мечи харалужныи.

(2-я стран. 3-го листа принята за 1-ю стран. 2-го листа)

Нъ уже княже Игорю утриѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи

храбрыи князи доспѣли на брань. Инѣгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрылци.

(1-я стр. 3-го листа принята за 2-ю 2-го листа).

Не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты. Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святъславлича.

(1-я стр. 1 листа принята за 1-ю стр. 3-го листа)

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онимъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганныхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскіи; притрепа славу дѣду своему Всеславу.

(2-я стр. 1 листа принята за 2-ю стр. 3-го)

а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать и рекъ: дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысъ тѣ брата Брючяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Уныша голоси, пониче веселіе. (По Вяземскому, слѣдующій стихъ „Трубы трубать Городеньскіи“ долженъ стоять предъ „Уже бо Сула не течеть“).

Въ приведенномъ здѣсь мѣстѣ воззванія Вяземскій видитъ сбивчивость и объясняетъ ее тѣмъ, что она произошла вслѣдствіе ошибки переплетчика или „вѣроятноже, говоритъ онъ, вслѣдствіе ошибки древняго переписчика, принявшаго первый листокъ (начиная съ „уже бо Сула не течеть“ по уныша голоси, пониче веселіе“ по 1 изд.) за послѣдній, — второй (съ „А ты буй Романе и Мстиславе“ по „а главы своя поклониша подъ тѣми мечи харалужными“) за первый; а средній остался на мѣстѣ, начиная съ „Нъ уже, княже, Игорю утриѣ“ по „буюго Святъславлича.“ Послѣдній листокъ, по мнѣнію Вяземскаго, былъ неправильно свернутъ и, при перепискѣ съ него, вторая страница поста-

влена на мѣсто первой, а первая пришлась на мѣстѣ второй. Мѣсто, начиная со словъ „Не побѣднми жребіи“ по „бугею Святъславлича“ онъ считаетъ продолженіемъ воззванія къ Роману и Мстиславу и полагаетъ, что переписчикъ эту первую страницу старѣйшей рукописи принялъ за вторую (стр. 264 Изслѣд. о нар.), а вторую съ „Нъ уже, княже, Игорю“ по „не худа гнѣзда шестокрильци“ за первую.¹⁵⁾ Что же касается стиха „Трубы трубятъ Городеньскіи“, Кн. Вяземскій полагаетъ, что онъ находился въ слѣдъ за обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, послѣ словъ „бугею Святъславлича“, а какъ онъ отселъ лопалъ въ самый конецъ эпизода объ Изяславѣ при перепискѣ старѣйшей рукописи, Вяземскій объясняетъ тѣмъ, что обращеніе къ Ярославу оканчивается словами бугею Святъславлича, такими же словами оканчивается и обращеніе къ Роману и Мстиславу и еще выше къ Рюрику и Давыду, т. е, тоже словами: „бугею Святъславлича.“

Несмотря на это, мы все таки никакъ не можемъ понять, почему переписчикъ помѣстилъ этотъ стихъ послѣ словъ „пониже веселіе“ и предъ словами: Ярославе и вси внуце Всеслави.... Если этотъ стихъ былъ написанъ на одномъ листѣ съ обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, то онъ при новой перепискѣ стоялъ бы послѣ втораго выраженія: бугею Святъславлича и, при смѣшеніи слѣдующихъ трехъ листовъ предъ начальными словами втораго предполагаемаго Вяземскимъ листа, предъ „А ты буѣ Романе“; если же онъ написанъ былъ въ началѣ принятаго переписчикомъ третьяго листа, а, по Вяземскому, перваго, то и въ утерянной рукописи, онъ находился бы предъ

¹⁵⁾ Кажется, кн. Вяземскій здѣсь не точно выразилъ свою мысль. По нашему мнѣнію, ему слѣдовало бы сказать: Изъ трехъ листовъ, слѣдующихъ за обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, переписчикъ сначала взялъ для переписки второй, за нимъ третій, переписалъ въ немъ сначала вторую страницу, а потомъ первую и наконецъ списалъ первый листъ.

словами: „Уже бо Сула не течеть“ и послѣ второго выраженія „бугеа Святъславича“. Наконецъ, если бы переписчикъ пропустилъ его сначала, а потомъ вставилъ, то онъ скорѣе вставилъ бы его послѣ одного изъ трехъ выражений „бугеа Святъславича“. Въ такомъ случаѣ онъ опять очутился бы или предъ словами: уже бо Сула, или даже предъ Галичкы Осмомысле Ярославѣ!

Трудно также предположить, чтобы этотъ стихъ въ старѣйшей рукописи былъ оторванъ (Вяз. Замѣч. стр. 264) и наудачу переписчикомъ вставленъ туда, гдѣ онъ находится по изданію М. Пушкина. Еще труднѣе предположить, чтобы переписчикъ сначала переписалъ первый листъ о Сулѣ и Изяславѣ по слова—пони чѣ веселіе, приписалъ стихъ: Трубы трубятъ, который въ старѣйшей рукописи былъ въ началѣ второго листа предъ—А ты буй Романе и Мстиславе,—зачеркнулъ на 2-мъ листѣ списанный стихъ, уничтожилъ старый 1-й листъ, свой списокъ съ него поставилъ ниже двумя листами и потомъ сталъ далѣе продолжать переписку, копируя сначала 2-й листъ, потомъ 3-й и наконецъ 1-й уже имъ самимъ переписанный. Только такимъ невѣроятнымъ предположеніемъ можно объяснять, почему бы этотъ стихъ очутился послѣ —пони чѣ веселіе и предъ Ярославѣ и пр...

На нашъ взглядъ доводы кн. Вяземскаго касательно смѣшенія трехъ листовъ, сдѣланнаго, будтобы, переписчикомъ, кажутся неубѣдительными. Во-первыхъ, нужно предположить, что листы рукописи были слишкомъ малы. И хотя бы они были приблизительно похожи на листы Краледворской рукописи, т. е. въ малую осьмушку, все таки при дороговизнѣ въ тогдѣшнее время письменнаго матеріала трудно предположить, чтобы Слово было написано такъ разгонисто, что заключало бы на страничкѣ отъ 18 до 36 не многосложныхъ словъ. ¹⁶⁾ Во-вторыхъ, при раз-

¹⁶⁾ Если взять часть столбца, равную осьмушкѣ, изъ Апостола 1307 г., писаннаго довольно крупнымъ письмомъ, похожимъ на

дѣленіи текста на листы, какое предлагаетъ Вяземскій, нельзя ничѣмъ объяснить, почему на одной страницѣ было написано иногда вдвое менѣе, чѣмъ на другой. Самое меньшее количество словъ на 1 стр. 2 листа (по дѣленію Вяземскаго) 2 стр. 2 лис. и 1-я 3 подходитъ къ вышеозначенной, а остальные страницы 1 и 2-го и 2 стр. 3 листа представляютъ вдвое болѣе словъ. Въ-третьихъ, самая перестановка, сдѣланная Вяземскимъ, нисколько не устраняетъ запутанности, какая кажется ему въ данномъ мѣстѣ.

Обращеніе къ Роману и Мстиславу въ томъ видѣ, какъ оно въ печатномъ изданіи, намъ кажется законченнымъ. Чтобы оно заканчивалось словами „буге Святъславича“, видно, не было нужды для пѣвца. Онъ не сказалъ этихъ словъ и въ обращеніи къ велик. кн. Всеволоду, а также, значить, не считалъ нужнымъ употреблять и въ обращеніи къ Роману и Мстиславу. Видно, что пѣвецъ избѣгалъ однообразія выраженій въ стоящихъ рядомъ воззваніяхъ и допустилъ въ третій разъ данное выраженіе послѣ другихъ оборотовъ рѣчи.

Прибавляемое Вяземскимъ мѣсто „Не побѣдными жребіи собѣ власти“ къ пѣсни о Романѣ не согласуется съ грамматическимъ строемъ послѣдней пѣсни. Въ воззваніи къ Роману употребляется то единственное число, когда имѣется въ виду одинъ Романъ, то двойственное, когда говорится вмѣстѣ съ нимъ и о Мстиславѣ: „Внсоко плаваши на дѣло въ буести, суть бо у ваю желѣзніи папорзи.“ Въ прибавляемомъ же мѣстѣ мы читаемъ „Не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте. Кое ваши златни шеломи? Загородите полю ворота.“ Если бы послѣднее мѣсто относилось къ Роману и Мстиславу, то навѣрное вмѣсто ваши было бы ваю, какъ выше „у

уставное (Калайдовичъ считалъ полууставомъ, стр. 41. Зап. и Тр. 1824), то все-таки на такой страницѣ можно насчитать болѣе 50 словъ (смотр. Срезнев. Прилож. къ Пам. Р. яз.).

ваю“ и еще выше при воззваніи къ Рюрику и Давиду „не ваю ли злачеными шеломи, не ваю ли храбрая дружина;“ пожалуй, также глаголы могли бы имѣть форму двойственного числа: расхитиста, загороди-та (вмѣсто существующихъ: расхитисте, загородите), какъ въ обращеніи къ Рюрику и Давиду „вступита.“

Между тѣмъ выраженія, непосредственно стоящія по Пушкинскому изданію за обращеніемъ къ Роману и Мстиславу и раздѣляемыя отъ него указанною выше вставкою, сдѣланною Вяземскимъ, находятся въ близкой грамматической связи съ началомъ воззванія. Въ началѣ воззванія употребляется и единственное, и двойственное число; здѣсь тоже смѣшеніе чиселъ и по тѣмъ же причинамъ: Донъ ти, княже, кличетъ (т. е. Романа) и зоветъ князи (т. е. обоихъ) на побѣду. Таже самая связь и относительно смысла: въ началѣ намеки на широкіе замыслы Романа относительно западной Руси, указаніе на его побѣды преимущественно надъ западными врагами: Литвой, Ятвягами, Деремелой. Въ окончаніи пѣвецъ проситъ его обратить взоры на востокъ: Донъ ти, княже, кличетъ.

Оправдывая свои перестановки, Вяземскій замѣчаетъ, что несправедливо обращать упреки къ тѣмъ князьямъ, кои поспѣли на брань, исполнили свой долгъ, т. е. къ Ольговичамъ Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ (Изм. о вар. стр. 208 и еще Замѣч. стр. 302). Поэтому онъ, начиная со словъ „Не побѣдными жребіи“ до конца воззванія, относитъ ихъ къ Роману и Мстиславу. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что упреки за бездѣйствіе будутъ относиться къ Роману и Мстиславу. На какую брань тѣ или другіе поспѣли или не поспѣли, Вяземскій объ этомъ ничего не говоритъ. Вѣроятно онъ разумѣетъ здѣсь походъ Святослава Кіевского на Половцевъ, предпринятый имъ вслѣдъ за пораженіемъ Игоря. Но объ этомъ походѣ въ лѣтописи мало подробностей. Къ этому походу приглашенъ былъ Святославомъ Давыдъ Смоленскій, который при-

шелъ по Днѣпру и сталъ у Треполя, вмѣстѣ съ иными помочами, Давидъ же приде по Днѣпру (придоша же ины помочи и сташа у Треполя, Ипат. стр. 435). Давидъ со Смольнянами возвратился домой; а Святославъ съ Рюрикомъ и съ иными помочами пошли по Днѣпру противъ Половцевъ, но опоздали, сжидаяще Давида Смольняны; и тако князь Рускій опоздишася и незаѣхаша ихъ (Половцевъ Ип. стр. 436).

Изъ послѣдняго мѣста видно, что иную помочь, кромѣ Давида, представилъ Рюрикъ, но кромѣ его все-таки еще были иныя помочи. Кто же изъ князей составлялъ ихъ?

По нашему мнѣнію, помочи привели тѣже князья, которые участвовали съ Святославомъ въ прежнихъ походахъ противъ Половцевъ. Въ 1183 г. въ походѣ противъ Половцевъ вмѣстѣ съ Святославомъ были: Рюрикъ Ростиславичъ—Мстиславъ и Глѣбъ Святославичи (сыновья великаго князя Кіевскаго), Володиміръ Глѣбовичъ изъ Переяславля (тотъ самый, что и въ 1185 боролся съ Половцами и слалъ за помощью къ Святославу и Рюрику), Всеволодъ Ярославичъ изъ Лучска съ братомъ Мстиславомъ, Романовичъ Мстиславъ, Изяславъ Давыдовичъ и Городеньскій Мстиславъ, Ярославъ князь Пинскій съ братомъ Глѣбомъ, изъ Галича Ярослава помочь. Во второмъ перечнѣ говорится еще о Мстиславѣ Володиміровичѣ.

Въ 1184—85 г. съ Святославомъ были въ походѣ Рюрикъ, Володиміръ Глѣбовичъ, Мстиславъ Романовичъ и вѣроятно сыновья Святослава и князья, близкіе Рюрику. такъ какъ въ лѣтописи говорится: „Святославъ же Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ со всѣми своими полки, не страпя поиде противу“ (Половцевъ. Ип. стр. 429.).

Если въ послѣднемъ походѣ, кромѣ Рюрика и Давида, и находились князья изъ рода Олеговичей, бывшіе въ первыхъ двухъ походахъ, какъ напр. Мстиславъ и Глѣбъ

Святославичи, сыновья великаго князя, то всѣ-таки ни къ нимъ, ни къ другимъ нельзя отнести словъ „до спѣли на брань“ и считать эти слова за похвалу Ольговичамъ. Лѣтопись прямо говорить, что Святославъ съ своею помощью опоздалъ, и Половцы разграбили волость Владиміра Глѣбовича и окружности Путивля (Ип. 436—437). Кромѣ того изъ рода Ольговичей въ трехъ Святославовыхъ походахъ были только его родные сыновья—Мстиславъ и Глѣбъ, остальные князья, могшіе участвовать съ Святославомъ, были другихъ родовъ: Мономаховичи (Рюрикъ Ростиславовичъ, Всеволодъ Ярославичъ Луцкій и братъ его Мстиславъ нѣмой, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ и Мстиславъ Володиміровичъ), Изяславичи (Юрьевичи—Ярославъ, князь Пинскій и братъ его Глѣбъ Дубровицкій (по Лавр. Туровскій) и изъ Давыдовичей (Мстиславъ Всеволодовичъ Городенскій?). ⁷⁾

Но Святославовы сыновья, Мстиславъ и Глѣбъ, не имѣя собственныхъ удѣловъ и не располагая собою помимо воли отца, не могли имѣть особеннаго значенія для

⁷⁾ Его считаетъ участникомъ 1-го Святославова похода Погодинъ (Изм. т. VI), вѣроятно потому, что въ первомъ перечнѣ князей перваго Святославова похода говорится о Мстиславѣ Городенскомъ, и еще потому, что въ лѣтописи подъ 1169, 1170 и 1172 г. говорится о Мстиславѣ, сынѣ Всеволодки Городенскаго и братѣ Бориса и Глѣба Всеволодовичей Городенскихъ. Но, вѣдь, онъ самъ въ лѣтописи не называется Городенскимъ, и послѣ 1172 г. объ немъ нѣтъ извѣстій. Кромѣ этого во второмъ перечнѣ князей 1-го Святославова похода, гдѣ перечисляются младшіе князья, отраженные Святославомъ напередъ, между другими, въ первомъ перечнѣ указанными, является новое лицо Мстиславъ Володиміровичъ. Отсюда рождается вопросъ: почему послѣдній Мстиславъ не попалъ въ первый перечень? не есть ли онъ одно и тоже лицо съ вышеупомянутымъ Мстиславомъ Городенскимъ? Если во второмъ перечнѣ Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій названъ по отчеству и волости, а въ первомъ онъ же названъ только по имени и братомъ Ярослава Пинскаго, то не тоже ли нужно разумѣть и относительно Мстислава, т. е. въ перечнѣ онъ названъ по волости—Городенскимъ, а во второмъ по отчеству—Володиміровичемъ. Этотъ Мстиславъ Володиміровичъ по смерти Мстислава Всеволодовича могъ по праву во время Святославовыхъ походовъ быть Городенскимъ княземъ, и это тѣмъ болѣе, что Дорогобужъ—первый его удѣлъ и Городно—удѣлы одной Деревской или Волинской земли.

пѣвца, и къ нимъ не могло относиться это обращеніе.

Если же поэтъ въ этомъ мѣстѣ вспоминаетъ о прежнихъ Святославовыхъ походахъ, то тоже нельзя считать Ольговичей посѣвшими въ нихъ на брань. Въ лѣтописномъ разсказѣ о первомъ Святославовомъ походѣ говорится: а своя братья не идоша, рекуще: „далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ свое земли пусты оставити; но же поидеши на Переяславль, то окупимся съ тобою на Сулѣ. Святославъ же не любя на свою братью, поиде посѣшая путь свой и пуцаемъ Божиимъ промысломъ; тѣмъ старѣйшимъ его сынове не утягоша отъ Черниговской сторонѣ“ (Ип. 426). Только по окончаніи его Игорь Святославичъ съ братією тоже ходилъ на Половцевъ.

Второй Святославовъ походъ тоже былъ безъ участія Ольговичей. Ярославъ Черниговскій не шелъ съ братомъ, молвяшетъ бо тако: азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужъ поѣхати, тѣмъ отрѣчеса брату своему Святославу. Игорь же сказалъ Святославу мужу: не дай Богъ на поганяя ѣзда ся отрещи, поганяи есть всимъ намъ обѣчій ворогъ. Но дружина на совѣтѣ сказала ему: „княже, потьскы не можешь перелетѣти,“ чтобы догнать Святослава. „Игоревъ же башетъ не любо, оже ему тако молвятъ дружина;“ хотѣлъ онъ все таки ѣхать, но помѣшала распутица.

Намъ кажется, что выраженіе: „Ольговичи храбрии князи dospѣли на брань“ не имѣетъ тѣсной связи съ слѣдующимъ „Ингваръ и Всеволодъ,“ въ немъ не высказывается похвала ни Ольговичамъ, ни Мономаховичамъ. Напротивъ, здѣсь скорѣе слышится или укоръ, или чувство жалости къ судьбѣ Ольговичей, которые въ прежнихъ общихъ походахъ не успѣвали на брань, а когда они успѣли, то другіе имъ не пособляютъ. По нашему, это такое же обращеніе къ главному предмету вниманія автора въ данномъ мѣстѣ, какое было выше къ Русскому войску: „О Русская земле, уже за шеломянемъ

еси!“ Точно также намъ кажется, что дальнѣйшіе упреки за бездѣйствіе нѣтъ надобности относить къ Роману и Мстиславу: они удобоприложимы къ Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ, потомкамъ хорошаго рода. Разумѣть ли здѣсь три лица, какъ думаетъ Дубенскій (Ингварь, Всеволодъ и братъ ихъ Мстиславъ, названные Мстиславичами по дядѣ Мстиславу II или по прадѣду Мстиславу, сыну Мономаха), или пять, ¹⁸⁾ какъ Вяземскій, (который тремя Мстиславичами считаетъ двоюродныхъ братьевъ Ингваря и Всеволода т. е. Романа, Всеволода и Святослава, сыновей Мстислава Изяславича, Замѣч. стр. 298)... ихъ можно упрекать только за бездѣйствіе, но во всякомъ случаѣ нельзя упрекать за расхищеніе волостей, которыми они владѣли; они не то, что потомки Всеслава, изъ которыхъ одинъ только нашелся достойный сожалѣнія и памяти, потому что онъ обратилъ оружіе свое не противъ братьевъ, а противъ враговъ,—это Изяславъ, сынъ Васильковъ.

Хотя Изяслава Васильковича въ извѣстныхъ лѣтописяхъ не встрѣчается въ числѣ Полоцкихъ князей, но, судя по брату Брячиславу Васильковичу, упоминаемому въ Словѣ и бывшему княземъ въ Изяславѣ по лѣтописи подъ 1154 г., онъ тоже былъ княземъ Полоцкимъ, дѣйствовавшимъ на Двинѣ. Этотъ разсказъ здѣсь очень умѣстенъ, такъ какъ повѣствуетъ о князѣ изъ рода близкаго къ тѣмъ князьямъ, о которыхъ далѣе говорится. Между тѣмъ поставленный за обращеніемъ

¹⁸⁾ Быть можетъ, первоначально здѣсь было: Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстислава, т. е. три Мстислава, участвовавшіе въ первомъ (Святославовомъ походѣ 1) Мстиславъ Романовичъ Смоленскій, 2) Мстиславъ Владимировичъ и 3) Мстиславъ Святославовичъ, сынъ великаго князя, или можетъ быть Мстиславъ Всеволодовичъ Городецкий. Мстиславъ Ярославовичъ, по прозванію вѣмой, не могъ здѣсь разумѣться, такъ какъ онъ былъ уже упомянутъ при Романѣ, какъ подручникъ его, имѣлъ къ нему великую любовь, какъ замѣчено въ лѣт. подъ 1124 г. (см. Погод. Изслѣд. замѣч. т. VI стр. 300).

къ Ярославу Галицкому онъ будетъ внѣ всякой связи. Слѣдующій за разсказомъ объ Изяславѣ стихъ „Трубы трубятъ Городеньскіи“ также умѣстень, какъ указывающій на мѣсто или похоронъ Изяслава, или лучше города, изъ котораго собирался Ярославъ въ какой-то походъ. Что отправленіе въ походъ возвѣщалось тогда трубными звуками, это видно изъ Слова и изъ лѣтописи: Изяславъ пріѣхавъ въ Кіевъ и тако ударяй у трубъ, съзва Кияны и поиде ис Кіева полкъ своими противу Володиміру, Ип. 278.

Ярославъ, здѣсь упоминаемый, не Ярославъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, какъ думаетъ Дубенскій, и не Ярославъ Черниговскій, какъ думаетъ Вяземскій (Зам. стр. 304). Особенно не основательно послѣднее предположеніе. Оно стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится въ Словѣ о Ярославѣ, который называется сильнымъ и богатымъ. имѣющимъ большія войска изъ разныхъ народовъ, которые съ засапожниками кликомъ полки побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу, и ни съ лѣтописью, въ которой говорится, что онъ давалъ свою помощь и Святославу и Игорю. Здѣсь же говорится, что Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы выскочили изъ дѣдовской славы, потому что своими крамолами начали наводить поганыхъ на Русскую землю, на достояніе Всеславова. Очевидно, все это неприложимо къ Ярославу Всеволодовичу, спокойно тогда сидѣвшему въ Черниговѣ.

Хотя лѣтописи не упоминаютъ ни Ярослава въ Полоцкомъ княжествѣ въ то время, ни даже удѣльнаго города Городна, изъ котораго бы онъ шелъ въ походъ, но по связи рѣчи и извѣстному способу выраженія мы считаемъ Ярослава княземъ Городенскимъ, Полоцкой земли, современникомъ пѣвца. Выше, предъ сборомъ Игоря въ походъ, говорится: трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, естественно и здѣсь они трубятъ предъ походами Ярослава съ братіей. Дубенскій на этомъ же основаніи считалъ возможнымъ от-

носить ихъ къ началу похода и предполагалъ, что Изяславъ могъ быть княземъ Городеискимъ и послѣ своей смерти собирався при трубныхъ звукахъ въ походъ вѣчный (Дуб. II стр. 182).

Не думая, чтобы пѣвецъ употребилъ здѣсь такую хитрую и замысловатую аллегорію, мы Городеискимъ княземъ или выходящимъ изъ Городна въ походъ считаемъ Ярослава, извѣстнаго поету. Хотя въ это время Городеискимъ княземъ, вѣроятно, былъ Мстиславъ (Всеволодовичъ или Володимировичъ?) и Городеи былъ удѣломъ въ землѣ Волынской, но могъ быть подобный городъ и въ Полоцкой землѣ: и по лѣтописи XII в. крайнимъ предѣломъ порубежья съ Литвою Полоцкихъ владѣній былъ Городекъ или Городецъ (Ип. г. 1162); но границы могли быть и далѣе на западъ, гдѣ теперь встрѣчаются слѣды древнихъ разселеній, въ названіяхъ: Городинки, Городзиловъ, Городечно, Городеиенто, Городково, Гроди. На сѣверъ отъ Вилии и Двины также замѣчается значительное количество „Городковъ“ (Барсовъ. Оч. р. ист. геогр. 1873 г. стр. 162.)

2) Въ изображеніи погонѣ за Игоремъ Гзн и Кончака стихъ: „А не сороки втроскоташа“ Вяземскій ставитъ ниже семью стихами и помѣщаетъ предъ стихомъ: мѣлвить Гзакъ Кончакови... Вяземскій полагаетъ, что вышеупомянутый стихъ, стоя какъ въ печатномъ изданіи, лишенъ смысла, а на новомъ мѣстѣ онъ представляетъ противоположность, какая въ Словѣ встрѣчалась уже выше, (Изсл. стр. 265), т. е. щекотъ славій успе, говоръ галичъ у буди и сороки не троскоташа. Не понимая, что этимъ хотѣлъ сказать Вяземскій, мы думаемъ, что онъ вышеупомянутый стихъ считалъ первую частію отрицательнаго сравненія и полагалъ, что удобнѣе разговоръ Половецкихъ князей сравнить съ троскотаніемъ сорокъ, а не погоню ихъ за Игоремъ. Но, по нашему мнѣнію, сравненіе не совсѣмъ удобоприложимо къ указанному Вяземскимъ мѣсту: мѣлвить Гзакъ Кончакови. При единственномъ чи-

слѣ второй части сравненія, нужно бы ожидать того же и въ первой, но этого нѣтъ. Поэтому скорѣе умѣстна и первая часть при „ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ,“ въ каковомъ выраженіи поэтъ представлялъ ихъ говорящими между собою и сравнилъ начало ихъ разговора съ втрескотаніемъ сорокъ.

Разсматривая поправки словъ и пунктуаціи первопечатнаго текста, мы, сколько возможно, старались о полнотѣ обзора, помѣщали въ него даже иногда очень незначительныя измѣненія текста. Это сдѣлано нами для того, чтобы представить весь ходъ изученія и пониманія памятника. Можетъ быть, и незначительныя поправки когда нибудь получатъ свое значеніе; можетъ быть, онѣ наведутъ будущихъ толкователей на новыя, лучшія соображенія для уясненія темныхъ и неудобопонятныхъ мѣстъ Слова.

Стр. 1 (по 1-му изд. М. Пушкина) Н е л ъ п о л и
н ы б я ш е т ъ б р а т ѣ , н а ч а т и с т а р ы м и с л о в е с
с ы т р у д н ы х ъ п о в ѣ с т і й о п ѣ л к у И г о р е в ѣ ,
И г о р я С в я т ь с л а в л и ч а . Н а ч а т и ж е т ь ѣ п ѣ
с н и ц о б ы л и н а м ѣ с е г о в р е м е н и , а н е п о з а
м ы ш л е н і ю Б о я н ю . . .

Ганка первый сдѣлалъ поправку въ этомъ мѣстѣ; онъ измѣнилъ н ы на б ы, каковое чтеніе принялъ и Эрбенъ. Но изъ русскихъ издателей и комментаторовъ Слова никто не былъ согласенъ съ такой поправкой, если не считать А. С. Пушкина, который частицу л и здѣсь не считалъ вопросительною, а при б я ш е т ъ предполагалъ „кондиціонную частицу б ы“ (Аннен. т. 1 стр. 481). По его мнѣнію, пѣвецъ Слова первымъ предположеніемъ хотѣлъ сказать, что онъ не будетъ подражать другому, не будетъ „тащиться по слѣдамъ стараго Бояна.“ Тихонравовъ исправилъ здѣсь пунктуацію, поставивъ вопросительный знакъ послѣ Святславлича. По его мнѣнію, вопросительное предположеніе выражаетъ здѣсь недоумѣніе автора,

прилично ли ему начать печальный рассказ словами старой пѣсни (стр. 25 2 изд.). При такомъ пониманіи этого мѣста нѣтъ надобности также въ прибавленіи къ бѣшетъ частицы бы, такъ какъ imperfectum можетъ замѣнить и дѣйствительно замѣнялъ собою и условное, и сослагательное: далъ ми ѡяше Богъ притомити поганья (Ип. стр. 435 пр. 2.) (см. Потѣбни Изъ зап. по рус. гр. II стр. 184—185 и Вязем. Запѣч. стр. 2—5), уне мнѣ бѣше родшагося отъ Маріи не пріялъ (Цер. пѣснь).

Стр. 3. Растекашется мыслію по древу, сѣрымъ въ лѣкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ. А. Пушкинъ предлагалъ слово мыслію замѣнить словомъ „славіемъ“. (Анн. Мат. т. 1 стр. 481); съ этой замѣной соглашается и Бицынъ (Р. В. 1874 г. № 2 стр. 776.). Н. Полевой сдѣлалъ предположеніе—не птичка ли, не звѣрокъ ли здѣсь разумѣется (М. Т. 1833 г. ч. 5. стр. 438 примѣч.). Это, кажется, и было основаніемъ для Пушкина сдѣлать замѣну. Иные, считая необходимымъ измѣнить здѣсь чтеніе, старались замѣнить это слово другимъ, но напоминающимъ своими звуками напечатанное въ 1 изданіи. Такъ Гербель замѣняетъ словомъ „мыслью“, какъ называется векша въ Псковской губ. Барсовъ читалъ это мѣсто одному народному сказителю былинъ, и, когда заставилъ его повторить, тотъ вмѣсто мыслію сказалъ „листвіемъ“. Барсовъ считаетъ такое чтеніе вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ ему запискахъ Малиновскаго есть замѣтка объ этомъ мѣстѣ, что оно было не ясно написано въ рукописи, окончаніе слова мыслію было стерто. (Сообщилъ Кондаковъ.)

Но какъ бы ни понимать это мѣсто, оно въ существовавшихъ рукописяхъ Слова читалось мыслію, какъ видно изъ Слова о Димитріи Ивановичѣ: не проразимся мыслію, но землямъ. Огоновскій, не замѣняя ничѣмъ слово мыслію, находитъ возможнымъ, что при этомъ было еще славіемъ: растекашется мыслію славі-

омъ по древу. (стр. 29).

3. Помняшеть бо речъ първнхъ временъ усобицѣ. Дубенскій полагалъ, что надобно здѣсь читать: помняшеться рѣчь (1 пр. 15) и относилъ эти слова къ пѣвцу Игоря. Когда же речъ стали считать глаголомъ и при томъ выведеннымъ неправильно изъ-подъ титла, вм. рече, тогда не стало нужды относить помняшеть къ пѣвцу. Но при этомъ Тихонравовъ сдѣлалъ также не нужную поправку усобицы вм. правильного для своего времени—усобицѣ (в. п. множ. ч.).

3. Который дотечаше, та преди пѣсь пояше. Вс. Миллеръ который читаетъ—которые, принимая это слово за родительный падежъ женскаго рода и относя къ существительному—лебеди. Чтеніе его основательно и подтверждается ссылками на старыя памятники, въ которыхъ глаголы, сложные съ предлогомъ до, управляютъ родительнымъ падежомъ безъ предлога: дошедъ мѣста (Взгл. стр. 182). Прибавимъ къ этому, что въ самомъ Словѣ родит. п. прилаг. женск. рода, кромѣ окончанія на *ои, ей, ня*, оканчивается также на *ии*, напр. рускыи земли. Г. Потебня не находитъ возможнымъ считать который р. п. ед. ч. ж. р., потому что при дотечаше не будетъ тогда подлежащаго. (Фил. З. 1877 г. № 5 и 6 стр. 12). Но, по нашему мнѣнію, такъ понимать необходимо, чтобы дотечаше не осталась безъ дополненія, когда другіе переходящіе глаголы имѣютъ его: помняшеть усобицѣ, пушашеть десять соколовъ. Подлежащее при немъ то же, что и при помняшеть, пушашеть, т. е. Воянъ, соколы котораго—вѣщіе персты летѣли къ струнамъ, не отрываясь отъ него.

Вяземскій вмѣсто то читалъ тому (Зам. стр. 65), но послѣ объясненія Миллера, несомнѣнно, что здѣсь текстъ не испорченъ,

Пѣсь—Грамматинъ первый сталъ печатать—пѣснь, полагая, что это слово издателями рукописи не вѣрно бы-

ло выведено изъ - подъ титла. Предположеніе оказалось правильнымъ послѣ изданія Арх. списка, въ которомъ написано — пѣснѣ (Пекар. стр. 9).

4. На живая струны. Грам. поправилъ: на живыя. Поправка сдѣлана на основаніи правилъ позднѣйшаго правописанія; въ вѣкъ же написанія рукописи, когда окончанія родовыя колебались и въ самой жизни, могло быть и живая въ женскомъ родѣ мн. ч.

Стр. 5. И же и стягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ. И стягну Дубенскій читалъ раздѣльно—и стягну, тоже чтеніе принимаетъ и Барсовъ. Всев. Миллеръ, принимая послѣднее чтеніе, подробнѣе выясняетъ основанія, придавая значеніе глаголу стягну—связать, укрѣпить, закалить, какъ и въ другихъ памятникахъ. Онъ также и сердца своего считаетъ не дополненіемъ къ поостри, а ставитъ въ зависимость отъ „мужествомъ,“ какъ въ выраженіи: иъ рвхъ временъ усобицѣ, родит. опред. стоитъ впереди. (Взгл. стр. 188).

5. Луцежъ бы потяту быти Ганка читалъ: лущежъ ны. Гаттала тоже полагалъ, что здѣсь пропущенъ дат. падежъ; но при введеніи въ текстъ ны и причастіе нужно передѣлать въ—потятимъ. Огоновскій, соглашаясь съ чешскими учеными, касательно необходимости здѣсь вставки, предполагаетъ пропускъ: коіему (т. е. отъ насъ. Огонов. стр. 34). Принимая это выраженіе за древнюю поговорку, вставленную въ рѣчь Игоря безъ перемѣнъ, мы не считаемъ нужнымъ вставлять что нибудь или измѣнять, и тѣмъ болѣе потому, что и въ древнѣйшей рукописи было выражено такъ, какъ въ первомъ изданіи, какъ видно изъ Задовщины: лучши бы есиа сами (XV в.) и лутчи бы намъ потятимъ быти (сп. Унд.). —Г. Потенія предполагаетъ, что бы лишнее, или описка вм. быти, которое помѣщено ниже (Ф. З. 1877 г. стр. 17).

Стр. 6. Спала Князю умъ похоти и жа-

лостъ ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Ганка первый сдѣлалъ попытку исправить это мѣсто и спала передѣлалъ въ спала. Грам. спала измѣнилъ на спали (вспали, запали) князю на умъ похоти (желанія). Тихонравовъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи читаетъ; спалъ (заснулъ) князю умъ; похоти въ 1 изд. читается раздѣльно, въ значеніи по женѣ, а во 2-мъ слитно. Вельтманъ читалъ: спалъ (сущ.) князю умъ похоти, за нимъ и Мей спала считалъ существительнымъ опала и переводилъ это мѣсто такъ; занялись желанія пламенъ-полнѣмъ. Почти также читаетъ и Вицынъ, (стр. 778), предполагая въ первомъ словѣ описку, вмѣсто спала--слава князю умъ похоте (плѣнила). Князь Вяземскій спала считаетъ глаголомъ и считаетъ нужнымъ предъ умъ вставить предлогъ на. Его переводъ такой: хотя вспомнилъ о женѣ своей (Зам. стр. 93).

Вс. Миллеръ, не находя основаній, чтобы въ Словѣ гдѣ либо слово умъ употреблялось въ значеніи мысль, не соглашается съ чтеніемъ и толкованіемъ Тихонравова и Вяземскаго и предлагаетъ свое: спала (или впала) князю у умъ похоть. Основанія такого чтенія имъ проводятся слѣдующія: начальное с въ спала, можетъ быть, издателями было принято вм. в, при умъ пропущенъ предлогъ, какъ это часто въ Ип. лѣт. похоти вм. похоть явилось подъ вліяніемъ слѣдующаго и. Потебня предполагаетъ, кромѣ пропуска у предъ умъ, еще пропускъ у=в при спала и читаетъ: у спала князю у умъ похоть; слѣдующее выраженіе и жалость ему знаменіе заступи ставитъ въ скобкахъ, какъ не умѣстно вставленное авторомъ или переписчикомъ (Ф. З. 1877 г. стр. 18—19). Касательно вставки двухъ у вмѣсто с нужно замѣтить, что такого чередованія с и у въ рукописи нигдѣ не встрѣчается, хотя и была возможность. Изъ этого слѣдуетъ, что древнѣйшая рукопись по отношенію къ у и с едва ли представляла чередованіе ихъ. Иначе оно проявилось бы, какъ это ви-

димъ въ перепискахъ Киевской лѣтописи. Поэтому, не будетъ ли смѣло дѣлать вставки и притомъ въ рядомъ стоящихъ словахъ. Похоти Потебня считаетъ не опиской вмѣсто похоть, а выраженіемъ правила, — въ переписчикъ XIV ст. произносилъ, какъ и. По нашему мнѣнію, если это и было когда, то ранѣе XIV ст. и въ рукописи Слова могло быть только архаизмомъ.

Стр. 6. Скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славь оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню. Граммат. слово славію поставилъ въ запятыхъ, считая звательнымъ падежомъ. По мыслену древу Карелкинъ читалъ по мыслену, полагая, что здѣсь и выше разумѣется мнѣсь — бѣлка, какъ она и теперь называется въ Опочкѣ. уѣздѣ. Бицынъ, читая выше славіемъ вм. мыслію, въ этомъ мѣстѣ мыслену считаетъ позднѣйшею вставкою, когда древнѣйшее славіемъ замѣнилось посредствомъ мыслію (стр. 776).

Летая умомъ Максимовичъ читалъ орломъ (Укр. 1859 пр. 3); тоже чтеніе принялъ и Тихонравовъ, поставивъ окончаніе мъ подъ титло. Вс. Миллеръ не находитъ поводовъ для измѣненія этого слова и считалъ совершенно неосновательнымъ, чтобы соловей леталъ орломъ (стр. 193). Свивая славь оба полы. Дубенскій предполагалъ описку въ словѣ славь, вмѣсто котораго было или славю (Граммат. и Пожарск. считали славь творит. падеж. множ. числа) или славьи (по соловьиному), а Буслевъ предполагаетъ здѣсь зват. пад. славію отъ славій (Хр). В. Миллеръ, принимая такое чтеніе, считаетъ нужнымъ поправить еще и дѣепричастіе, которое, вѣроятно, было подъ титломъ свивая с т. е. съ окончаніемъ ся и имѣло значеніе — спускался сверху внизъ: взлетая умомъ подъ облака и спускался, о соловей, по обѣ стороны сего времени, т. е. прошедшаго и будущаго (стр. 191—193). Потебня предполагаетъ здѣсь пропускъ слога ес и замѣну о посредствомъ а,

а конечнаго *а* посредствомъ *н*, какъ озера, забрали, и чита-
етъ свивая словеса (стр. 20): Оба поля Бицинь
читаетъ обаполь, принимая въ значеніи около нашего вре-
мени. Хотя это слово и встрѣчается въ современныхъ на-
родныхъ говорахъ и произносится различно, напр. у Орлов-
цевъ оба пола (оба пола нѣтъ воды, т. е. въ близкой ок-
ружности), но нѣтъ нужды измѣнять его, когда въ формѣ
оба поля оно часто въ древнихъ памятникахъ: оба поля
Днѣпра, рѣкъ Буга, столбѣ (см. В. Милл. стр. 192).

Рища въ тропу Трояню чресъ поля на го-
ры. Пѣти было пѣсь Игоревн, того (Олга) внуку.
Тихонравовъ вм. Трояню читаетъ Бояню, въ 1 изданіи
во всѣхъ трехъ мѣстахъ, а во 2-мъ только въ 3-мъ
(вступилъ дѣвою на землю Трояню оставлено
безъ измѣненія). За нимъ также стали читать многіе и даже
Эрбенъ. Вельтманъ Трояни поправлялъ на Крояни, полагая,
что здѣсь говорится о Черноморской окраинѣ, которою за-
владѣли Половцы и изъ-за которой русскіе князья вели
непрестанныя съ ними войны. Кромѣ того Тихонравовъ и
за нимъ Эрбенъ измѣняютъ здѣсь и пунктуацию. Предъ
рища они ставятъ точку, а предъ пѣти вмѣсто точки
запятую, послѣ же того внуку вмѣсто точки двоеточіе.
Такая пунктуациа у нихъ основывается на томъ пониманіи
этого мѣста, что дѣепричастія скача, летая, свивая от-
носятся къ ущекоталъ, а рища къ пѣти было. Эр-
бенъ прибавляетъ къ этому, что того внуку значить
Боянову внуку, который, по его мнѣнію, авторъ Слова, пѣ-
вецъ Игоря ¹⁹⁾. Поэтому онъ, а также и Тихонравовъ вы-
брасываютъ вставленное первыми издателями слово Олга.
Впрочемъ еще Дубенскій высказалъ сомнѣніе, чтобы здѣсь
подразумѣвался Олегъ. По его мнѣнію, того внуку, или
внуку—потомку Владимира, или даже Бояновски: того—

¹⁹⁾ Потебня того относитъ также къ Бояну и считаетъ авто-
ра Слова внукомъ Бояна; онъ послѣ Игоревн вставляетъ *и*, и пото-
му у него читается: Игоревн и того внуку (стр. 16).

Трояна внуку, т. е. послѣдователю, соревновителю, сопернику (стр. 26). Касательно же Трояна Дубенскій склонялся ко мнѣнію Полеваго, по которому объясненія Трояна нужно искать на Руси; можетъ быть такъ назывался Владиміръ 1-й (стр. 70). Малашевъ подъ того внукомъ разумѣетъ Игоря, который у него считается внукомъ Бояна: В. Миллеръ, выбросивъ слово Олга, полагаетъ, что авторъ Слова считалъ здѣсь героя поэмы Игоря внукомъ Трояна (Взгл. на Слово стр. 108). При этомъ онъ оговаривается: „какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть.“ В. Миллеръ не объяснилъ, въ чемъ состоитъ грамматическій смыслъ. Безъ сомнѣнія онъ полагалъ, что мѣстоименіе тотъ должно относиться къ ближайшему существительному. Дѣйствительно, въ Словѣ оно въ такомъ отношеніи находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ: которыи дотечаше, та преди, тїи бо (дружи́на Ярослава) бесщитовъ, тѣми тресну земля, тѣй клюками подпрѣся о кони, тому въ Полоцкѣ, тому вѣщей Боянъ. Но въ Словѣ же мѣстоименіе тотъ употребляется иначе. Оно указываетъ на отдаленный или неопредѣленный предметъ, какъ напр: то было въ тѣ рати и въ ты плъкы—здѣсь тѣ относится къ цѣлому описанію бѣдствій при Олегѣ; или съ тоя же Каялы Святполкъ и пр; здѣсь даже далеко нѣтъ впереди Каялы, какъ и въ началѣ Слова „начати же тѣй пѣсни,“ выше вовсе не говорилось о пѣснѣ. Въ такомъ же смыслѣ, намъ кажется, употреблено и тому при внукѣ, т. е. что оно относится къ отдаленному мѣсту, къ заглавію, въ которомъ Игорь названъ внукомъ Олега.

Стр. 6-7. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Бицннъ предъ галици прибавляетъ отрицаніе—не, въ соотвѣтствіе съ предыдущимъ не буря. Такую же вставку считаетъ здѣсь нужною и В. Миллеръ (стр. 194). Но она вовсе не нужна. Въ первомъ предложеніи поэтъ упо-

требиль отрицательное сравненіе не буря занесла соколовъ, отрицаніе здѣсь относится не къ живому предмету, къ соколамъ, а къ бурѣ; во второмъ онъ положительно уподобляетъ Половцевъ, стадами бѣгущихъ къ Дону, галкамъ. Если поставить здѣсь не, то соотвѣтствіе будетъ слишкомъ натянуто, оно будетъ между разнородными предметами, живыми и отвлеченнымъ, при которомъ есть живые предметы — соколы. По нашему мнѣнію, это мѣсто нельзя разбирать по обыкновеннымъ правиламъ стилистики и искать здѣсь полнаго отрицательнаго сравненія въ родѣ —

Не буйные вѣтры навѣяли,
Не званые гости наѣхали.

Въ Словѣ только одна есть первая часть, выхваченная пѣвцомъ изъ начала какой нибудь пѣсни Бояна, какъ образецъ его рѣчи; второе предложеніе г а л и ц ы с т а д ы б ѣ ж а т ь не имѣетъ съ первымъ тѣсной связи и лишь также представляетъ образецъ изъ пѣсенъ Бояна, но образецъ другого вида етія, символическаго языка. Г. Потебня галици исправилъ и читаетъ: г а л и ч ь с т а д ы б ѣ ж а т ь. По нашему мнѣнію, такое исправленіе тѣмъ болѣе излишне, что Потебня находитъ здѣсь отрицательное сравненіе, запѣвъ въ стихѣ народной пѣсни (стр. 21). Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать и соотвѣтствія въ размѣрѣ стиховъ, а его при исправленіи нѣтъ:

Не буря соколы занесе
Галичъ стады бѣжать...

Стр. 8. А м о и т и К у р я н и с в ѣ д о м и к ѣ м е т и. Съ Карамзина къ мети принято читать слитно — кѣмети = слуги, дружина (III т. пр. 263.), искусные всадники (Грамм. пр. 38), рыцари у Запорожцевъ (В. Мил. стр. 195).

8 И щ у ч и с е б е ч т и, а к н я з ю с л а в ѣ. Грамм. поправилъ въ славѣ, тоже сдѣлали Максимовичъ и Тихоновъ.

8 Нощь стонуши ему грозою птичь убудди. Грам. исправилъ въ птиць, принимая за вин. п. мн. отъ птица и онъ же первый стунуши ему грозою обставилъ запятыми.

Стр. 9. Свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ.... Максимовичъ читалъ: свистъ звѣринъ въста. Зви дивъ... Измѣняя зби на зви, онъ предполагалъ здѣсь описку, употребленіе переписчикомъ б вм. в, какъ и обратное употребленіе въ другомъ мѣстѣ в вм. б въ словѣ времени (Укр. пр. 9). Вельтманъ поправлялъ это мѣсто подобно Максимовичу такъ: свистъ звѣринъ въста, а би дивъ кличетъ... За ними и Огоновскій сдѣлалъ поправку въ томъ же родѣ: свистъ звѣринъ въсталъ и дивъ кличетъ В. Миллеръ высказываетъ предположеніе—окончаніе—з би не есть ли искаженіе изъ зъ лъ—эпитета дива? Другіе, не измѣняя здѣсь пунктуаціи, считали нужнымъ поправить одно только слово—въ стаз би. Макушевъ читалъ въ стази (стази, мѣстѣ обитаемомъ звѣрями). Гаттала стази считалъ опискою вмѣсто стези и перевелъ на *stezku*, на дорогѣ. Буслаевъ предполагаетъ здѣсь или въ стези (на тропинкѣ) или въ стадбѣ (на пастбищѣ), такъ думалъ и Бодянский, производя отъ стадо—въ стадзбѣ, по его мнѣнію д выпало для благозвучія (Дуб. стр. 37.). Вяземскій предполагаетъ еще большую описку: въ пастьби (стр. 147). Н. Некрасовъ слово въ стаз би читаетъ слитно, принимая его за нарѣчіе, въ значеніи—тревожно. Лотебня поправляетъ это мѣсто такъ: нощь стонуши ему грозою птичь убудди свистъ; звѣрина въста: узбися (взбися, поднялся) дивъ, кличетъ върху древа, велить.... (стр. 27). Принять такое чтеніе нѣсколько затруднительно: во-первыхъ, опредѣленіе будетъ отдѣлено отъ опредѣляемаго свистъ глаголомъ, во-вторыхъ, если бы переписчикъ великоруссъ и не понималъ слова узбися, то никакъ не исказилъ бы его въ з би.

Стр. 9. Влѣзѣ и по морію, и по Сулію. Оленинъ первый сталь читать слитно — поморію и посулію (Пис. о Тм. К. стр. 25).

— 9. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Тихонравовъ поправилъ роспущени, основательно производя отъ распѣдять — разогнать.

— 9. Уже бо бѣды его пасеть птицъ, подобію влѣци грозу въсрожать по яругамъ. Бѣды пасеть птицъ. Граммат. читаль пасуть, считая бѣды подлежащимъ. В. Миллеръ, принимая птицъ за подлежащее, бѣды считаетъ дополненіемъ при глаголѣ пасеть въ родительномъ падежѣ, но изъ представленныхъ имъ выписокъ ни одной нѣтъ безъ ся, и потому объясненіе его выходитъ натянутымъ.

Дубенскій подобію читаль — по подобію, Максимовичъ — по лозію (Укр. пр. 10). Рецензентъ изданія Тихонравова — по дубію (М. У. Изв. 1868 г. кн. 7 стр. 607), такое же чтеніе принимаютъ Барсовъ и В. Миллеръ. Въ словѣ о Димитріи этому слову соответствуетъ — подъ олакѣ.

Въгрожать В. Миллеръ считаетъ опискою вм. въсгрожать; въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ тавтологія, очень обычная въ Словѣ (стр. 198).

Потебня читаетъ: уже бо бѣда его пасеть птичи по дубію, влѣци грозу въсрашаютъ (вздываютъ?) по яругамъ (стр. 29-31). Принимая слово бѣда въ мѣтѣологическомъ смыслѣ, какъ и Веселовскій Обида, Потебня считаетъ его подлежащимъ, а въ такомъ случаѣ ему пришлось исправить и птичь въ птичи. Не думается, чтобы переписчикъ надѣлалъ здѣсь столько ошибокъ. Дальнѣйшія подлежащія — взяты изъ міра животныхъ — волци, орли, лисицы, отчего же и здѣсь не быть главнымъ предметомъ слову птичь — птишть (Слов. Микл.), бѣды же будетъ дополненіемъ въ в. мн. при пасеть — настороживаетъ (мн. ч. бѣды вереницами ходять, бѣды какъ ни ржи, ни лебеды. (Вост. Сл.)

Стр. 10 Длѣго. Ночь мркнеть. Съ Пожарскаго стали читать вмѣстѣ (пр. 49).

10 Заря свѣтъ запала.... В. Миллеръ считаетъ удобнымъ поправить въ запяла: заря задержала раз-свѣтъ (стр. 199), какъ и дальше зари свѣтъ повѣдають. Потебня поправилъ: зоря свѣтъ заповѣдала. Онъ говоритъ, что заря отличается отъ свѣта, какъ въ мр.: ні свѣтъ, ні зоря, т. е. не только до полного дневнаго свѣта, но и до пробрезга. По нашему, какъ въ мр., такъ и въ вр. ни свѣтъ, ни заря—синомическія выраженія, какъ и въ слѣдующихъ народныхъ стихахъ:

На зарѣ, зарѣ утренней,
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ красна солнышка.

10 Мѣгла поля покрыла. Щекотъ сла-вій успе, говоръ галичъ убуди... В. Миллеръ предлагаетъ читать—или мѣгла поля покрыла, щекотъ сла-вій успе (мгла успила), говоръ галичъ убуди (она же про-будила), или щекотъ славій успе (замолекъ), говоръ галичъ убудися.

10 Рассушась стрѣлами. Пожарскій предло-жилъ неудачную поправку рассушась—развіясь (пр. 55). Слово рассушась обычно въ Ип. лѣтописи и не нуждается въ поправкѣ, въ запискахъ Малиновскаго напи-сано: рассушѣ.

Стр. 11 Орьтѣмами и япончицами и ко-жухи начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узоро-чьи половецкими. Г. Потебня послѣднее—и вся-кими узорочьи считаетъ вставкой автора, поставленной пере-писчикомъ не на мѣстѣ (не послѣ кожухи), или позднѣй-шей глоссой. Впрочемъ онъ не настаиваетъ на своемъ мнѣ-ніи и справедливо замѣчаетъ, что словорасположеніе тогда могло быть иное, чѣмъ теперь (34 стр.).

11. Въ орѣзѣхъ Головинъ предполагалъ описку вмѣсто орѣзѣхъ.

11. Не было обидѣ порождено. Шишковъ видѣлъ здѣсь сокращеніе, вмѣсто небыло оно. Тихонравовъ на основаніи подобнаго выраженія въ Словѣ о Димитріи поправилъ не было въ обидѣ порождено. В. Миллеръ, на основаніи частаго употребленія въ старинныхъ памятникахъ предлога къ, при разныхъ гласныхъ безъ особенной нужды, замѣнилъ и (нѣ) посредствомъ к: не было къ обидѣ. (стр. 200).

Стр. 12 Хотятъ прикрыти дѣ солнца. Потѣбня читаетъ два солнца (стр. 39), какъ и дальше: два солнца померкоста. Такую поправку не считаемъ основательною, потому что здѣсь не говорится о двухъ молодыхъ мѣсяцахъ, какъ дальше, и безъ сомнѣнія всѣ четыре князя здѣсь названы солнцами.

12. Уже не шеломянемъ еси! Шишковъ читалъ не за шеломянемъ; но съ Буткова (Вѣст. Ев. 1821 г. № 21 стр. 48—49) начали „не“ считать опискою вм. за—за шеломянемъ. Вяземскій (Зам. 161 стр.) удерживаетъ чтеніе съ не, принимая шеломянемъ въ отвлеченномъ смыслѣ, въ значеніи не везетъ.

Стр. 13. Рускыя плѣкы отступиша. Ганка читалъ обступиша. Максимовичъ, на основаніи Киевской лѣтописи, сталъ читать — оступиша. Такое чтеніе самое основательное и принято Тихонравовымъ и В. Миллеромъ.

13. Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе яръ туре Всеволоде. Потѣбня предъ шеломи ставитъ и (стр. 40).

13. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота.... Грам. исправлялъ: кая раны дороги (пр. 42 въ значеніи лат. сагус). Огоновскій считаетъ возможнымъ поправить: кая рана дорога (стр. 58) въ томъ же значеніи. Эрбенъ, принимая дорога въ томъ же значеніи, раны передѣлываетъ въ рать. Гаттала, принимая дорога

въ значеніи пути, дороги, раны передѣлывалъ въ ранъ (ran), т. е. считалъ родит. пад. множ. числа—кая ранъ дорога (via). Барсовъ поправляетъ дорога на друга. Кая раны друга, т. е. какихъ еще нужно другихъ ранъ или жертвъ [сообщилъ Кондаковъ]. Но такую поправку мало оправдываютъ обычныя въ Словѣ формы прилагательныхъ въ жен. р. мн. числа, которыя, за исключеніемъ живая струны имѣютъ другія окончанія—ны, ны. В. Миллеръ читаетъ: кая раны дорогаго брата, т. е. Игоря и принимаетъ кая за дѣепричастіе отъ каяти. Но тогда къ чему будетъ относиться это придаточное предложеніе, когда впередъ нельзя подобрать къ нему главнаго? В. Миллеръ этого не поясняетъ.

Стр. 14. Были вѣчи Трояни. Карамзинъ увѣрялъ, что въ рукописи было сѣчи, такое чтеніе и принялъ Граматинъ (стр. 42). Максимовичъ исправилъ въ вѣци, что здѣсь дѣйствительно когда-то и было въ подлинникѣ.

Стр. 15. То же звонъ слыша давший великий Ярославъ, сынъ Всеволожъ, а Владиміръ.... Вутковъ сдѣлалъ здѣсь перестановку словъ: слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожъ Владиміръ [В. Евр. стр. 47—48], Такое чтеніе принимаетъ и Потебня (стр. 51), разумѣя здѣсь Ярослава 1-го и находя здѣсь вѣру въ связь живыхъ съ умершими. Граматинъ тоже въ этомъ родѣ читалъ: слыша Ярославъ, а Владиміръ, сынъ Всеволожъ (42). Снегиревъ, Максимовичъ и Дубенскій стали читать: Ярославъ сынъ Всеволодъ, а Владиміръ. То же Огоповскій исправляетъ въ тѣ же (стр. 62).

Стр. 15—16. Вориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену наполюму постла, за обиду Олгову храбра и млада князя. Съ тоя же Каяли Святоплькъ повелѣ я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софін къ Києву.

И на канину... Поправки слова канину начались съ Грамматина, который сталъ читать конину, т. е. конскую (пр. 42). Вельтманъ тоже читалъ конину, но производилъ отъ конецъ, т. е. конечную, смертную (пр. 20). Дубенскій предполагалъ, не были ли здѣсь два слова — ткань ину (1 пр. 248). За нимъ Гаттала тоже полагалъ, что здѣсь могло быть тканину, изъ котораго т выпало. Вяземскій читаетъ: коньяж, считая канину произношеніемъ великорусскимъ (стр. 175. Замѣч.); Максимовичъ не считалъ нужнымъ дѣлать здѣсь поправку. По его мнѣнію, канину собственное имя рѣчки или луга, о которомъ говорится въ Лавр. лѣт. подъ 1152 г.: поидоша къ Чернигову и перешедше Сновъ и стаща у Гуричева близъ города, перешедше Канинѣ.... неидоша к городу. Но такъ какъ битва, въ которой палъ Олегъ, происходила, по лѣтописи, на Нѣжатиной нивѣ, то Максимовичъ полагалъ, что мѣсто битвы въ лѣтописи названо Нѣжатиной нивой, а въ Словѣ Каниной. Но была ли Нѣжатинская битва близъ Чернигова, вопросъ не рѣшенный.

Въ запискахъ Малиновскаго вм. на Канину написано на казатину. Если такъ было въ рукописи, то почему издатели иначе напечатали? В. Миллеръ, вѣря въ точность изданія, предполагаетъ, что въ запискахъ казатину могло появиться потому, что Малиновскій, можетъ быть, хотѣлъ въ канину вычитать Казатину (стр. 206). И это очень вѣроятно, такъ какъ изъ Лавр. списка издателямъ извѣстно было мѣсто битвы Олега съ союзными князьями въ 1078 г. Красинскій предполагалъ еще, что въ рукописи вм. конину могло быть былинну; Огоновскій въ своемъ изданіи исправилъ: на ковылу, поправка сдѣлана имъ на основаніи соотвѣтственнаго мѣста въ Задонщинѣ (стр. 64). Малашевъ измѣнилъ на Баалину зелену наполому.

Съ той же Баалин. Головинъ читалъ Баинны

—зеленой травы (пр. 88). Максимовичъ тоже читалъ съ канины, но принималъ за собственное имя, а не за нарицательное, какъ Головинъ.

Повелѣя... Карамзинъ считалъ опискою *ви . по сѣчѣ я* (послѣ сраженія взялъ, пр. 268 къ III т.). Пожарскій читалъ: повелѣять, (стр. 62), Огоновскій тоже—повелѣяти. Бутковъ принималъ и то, и другое: и повелѣять, и по сѣчѣ я; но слѣдующее слово—отца читалъ *цтя*, тѣстя т. е. тестя Святополкова Тугоркана. Вельтманъ читалъ по *валѣ* (свалка, какъ въ Браледр. рк. *valapo* пр. 21), а Сахаровъ повезѣя (т. 5.). Князь Вяземскій, относя это мѣсто къ битвѣ, 1078 г., въ которой палъ Изяславъ, похороненный сыномъ Ярополкомъ, а не Святополкомъ, находившимся тогда въ Новгородѣ, предполагаетъ, что замѣна Ярополка Святополкомъ сдѣлана вслѣдствіе умствования переписчика, думавшаго, что здѣсь дѣло идетъ о смерти Тугоркана, тестя Святополкова (Замѣч. стр. 180).

Потѣбня *ви . повелѣя* читаетъ *полелѣя*, т. е. какъ въ *зѣбкѣ качая*, понесъ (на коврѣ напр.) между иноходцами, какъ Палѣя на ряднѣ между четырьмя конями (стр. 55).

Междю Угорьскими иноходьци. Бутковъ думалъ, что въ словѣ междю два слова *межъ* дву [В. Евр. № 21 стр. 47]. Это предположеніе мало имѣетъ основаній въ языкѣ Слова, въ которомъ двойственное число большею частію соблюдено; здѣсь же угорьскими иноходьци стоятъ во множ. числѣ. Но это предположеніе наводитъ на другое, именно: не было ли въ окончаніи междю какое либо числительное, но только не два, и не выражено ли было въ рукописи буквой, или двумя? Кажется, что послѣ *межъ* здѣсь было *дѣ* угорьскими, и можетъ быть безъ титла; могло стать, что *ѣ*—10 издатели слили съ слѣдующимъ *о* и образовали *ю*, а *д*=4 отнесли къ *межъ* и вышло междю. Между тѣмъ слѣдовало бы читать: *межъ*

четырьмя на десяте оугорскими инокходьци. Перенесеніе тѣла убитаго князя нѣсколькими лицами на коняхъ въ древности было явленіемъ обыкновеннымъ. Такъ о Ярополкѣ, убитомъ Нерядьцемъ, говорится въ Ипат. лѣт. подъ 1087 г.: а Ярополка взяша на конь предъ сѣ, Радко, і Воикина и инии отроци, несоша к Володимерю, а оттуду Кіеву ²⁰⁾. Кого же разумѣлъ здѣсь авторъ Слова подъ Святполкомъ и отцемъ его? На этотъ вопросъ давались разные отвѣты. До Буткова толкователи полагали, что здѣсь говорится о Нѣжатиинской битвѣ и о смерти Изяслава Кіевскаго, но Бутковъ предложилъ свою гипотезу. Съ прежнимъ мнѣніемъ онъ не могъ согласиться потому, что Изяславъ палъ не на Каялѣ, провожаемый былъ изъ сыновей своихъ не Святполкомъ, находившимся тогда въ Новгородѣ, а Ярополкомъ и похороненъ не у святой Софіи, а въ церкви святой Богородицы. Гипотеза же Буткова слѣдующая: онъ полагалъ, что здѣсь говорится о битвѣ Святполка Изяславича съ своимъ тестемъ, Половецкимъ княземъ Тугорканомъ, который послѣ битвы привезенъ былъ въ Кіевъ и похороненъ въ 1096 г. Но эта гипотеза основывается только на одномъ, что въ Словѣ говорится о Святполкѣ и здѣсь тоже, все же остальное въ лѣтописномъ повѣствованіи о смерти Тугоркана совершенно не подходитъ къ нашему мѣсту Слова. Въ Кіевск. лѣтописи объ этомъ событіи говорится такъ: приде Тогорканъ, тестъ Святполчъ къ Переяслави, и ста около города. Святполчъ со Владиміромъ пришли на выручку города, перешли Трубежъ и ударили на Половцевъ. Половцы обратились въ бѣгство и были пощечены, и князь ихъ Тугорканъ убитъ бысть... на утрея жена ѡзвѣща Тугоркана мѣртва, и взя и Святполчъ (акн)

²⁰⁾ Дубенскій въ своемъ изданіи дѣлаетъ ссылку на Воскрес. рукопись: Подъ годомъ 1537 сказано, что во время пожара владыку Акакія промѣж дву конь едва изъ града умчаша (стр. 189).

цѣстя (тѣстя) своего и аки врага и привезше Кнєву и погребоша и на Берестовомъ на могылѣ; межи путемъ грядущимъ на Берестовое, а другимъ идущимъ въ монастырь. Изъ этого разсказа видно, что и эта битва происходила не на Каалѣ, а на Трубежѣ около Переяславля; Тугорканъ хотѣ и былъ привезенъ въ Кієвъ, но не могъ, какъ язычникъ, быть погребенъ у Святой Софіи или при какомъ либо храмѣ, а только въ полѣ, и именно между дорогами въ Берестовое и въ Печерскій монастырь. Кроме того смерть Тугоркана, какъ врага, никакъ не могла бы вызвать чувства скорби и сожалѣнія, какое сказывается въ повѣствованіи поэта о смерти Бориса Вячеславича и Святополкова отца. Значить, предположеніе Вуткова не можетъ быть принято, какъ не имѣющее вѣроятности. Скорѣе всего мы согласны думать, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ пѣвецъ говорилъ о смерти Изяслава. Уже Дубенскій высказалъ предположеніе, что если и сопровождалъ тѣло Изяслава Ярополкъ, то повелѣяти могло относиться къ Святополку, который изъ Новгорода слѣлалъ распоряженіе (стр. 76). По лѣтописи, тѣло его привезли по Днѣпру въ лодкѣ, а въ городъ ввели на санихъ; но отъ мѣста битвы до Днѣпра его могли везти на Угорскихъ иноходцахъ. Похороненъ онъ былъ у Св. Богородицы, но отпѣваемъ, какъ великій князь и на погребеніе котораго сошлись всѣ жители Кієва, всего скорѣе былъ у Святой Софіи. Что касается разнорѣчія въ обозначеніи мѣста битвы, то оно правдоподобно приписывается княземъ Вяземскимъ, который высказалъ сомнѣніе въ существованіи опредѣленной рѣки съ названіемъ Каалы, считая это названіе загадочнымъ (Зам. стр. 181). Дѣйствительно, это названіе встрѣчается только въ Словѣ (6 разъ) и Ипатьевской лѣтописи (1 разъ) въ одномъ только разсказѣ о походѣ Игоря. Хотя Бестужевъ-Рюминъ и отрицаетъ возможность заимствованія чего либо пѣвцомъ изъ

лѣтописнаго разказа и на оборотъ (о Сост. стр. 15), не смотря на это, въ лѣтописномъ разказѣ чувствуется довольно осязательно вліяніе на него пѣсни и со стороны формы, и со стороны слога. Уже самое начало разказа показывается, что это было отдѣльное сказаніе, и напоминаетъ собою заглавіе Слова. Въ то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣхъ изъ Новагорода, пойма съ собою брата Всеволода (Въ Лавр. сп. здумаша Олговъ внуцѣ на Половци). Въ самомъ разказѣ есть выраженія, напоминающія Слово, напр. слова Святослава: о любя моя братья и синовѣ... [о моя синовчя], къ такимъ же относится и то мѣсто, гдѣ упоминается Каяла: наведе на ня Господь гнѣвъ свой; въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю [ХП. жалъ] на рѣцѣ Каялы. Это сказано въ самомъ концѣ повѣствованія о битвѣ. Выше, при разказѣ о встрѣчѣ съ Половцами, ничего не говорится не только о Каялѣ, но и вообще о какой либо рѣкѣ, напротивъ упоминается только какое-то озеро, вокругъ котораго сражался съ Половцами и палъ Всеволодъ, на котораго Игорь, уже взятый въ плѣнъ, смотрѣлъ. Между тѣмъ о рѣкѣ Сюрліи, близъ которой была битва въ пятницу, говорится два раза. Игорь, дождавшись у Оскола брата своего Всеволода, пошелъ съ нимъ къ Сальницѣ, отъ которой ѣхали ночь и половину дня пятницу и доѣхали до рѣки Сюрліи, за которой увидѣли Половцевъ. На этой рѣкѣ произошла битва, въ которой Половцы были разбиты. Русскіе гнались за ними и ночью возвратились къ полкомъ съ полономъ. Игорь хотѣлъ ночью ѣхать назадъ, или по крайней мѣрѣ чтобы хоть лучшіе конники перебрались; но другіе князья убѣдили его переночевать тутъ, и облегоша ту. Свѣтаючи же суботѣ увидѣли предъ собою Половцевъ и изумились множеству ихъ; сосѣдоша съ коней, хотяхуть бо бѣющеся дойти рѣки Донця... поидоша бѣющеся, и бились такимъ образомъ всю суботу; на-

ставши же ноши суботней поидоша бьючеся. На разсвѣтъ въ воскресенье побѣжали Ковун, Игорь поѣхалъ ободрить ихъ и на возвратномъ пути попалъ въ плѣнъ. Изъ этого повѣствованія видно, что битва началась около Сюрлія; русскіе отступали къ Донцу и слѣдовательно параллельно теченію Сюрлія, если считать его притокомъ Донца, а такъ какъ битва была въ пѣшемъ строю, то, отступая, они не могли далеко отойти отъ Сюрлія. Арцыбышевъ, считая Сюрлія или Суугли притокомъ Донца, предполагаетъ, не Ольховый ли это колодезь ниже Боровой въ 20 верстахъ; Каяла же, по его мнѣнію, Андаръ, впадающій въ Донецъ ниже Ольховаго колодца 30 верстами (В. Евр. 1826 г. Іюль). Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію Арцыбышева, касательно мѣстоположенія Каялы, чѣмъ къ мнѣнію Карамзина. По мнѣнію Карамзина, Каяла—это Кагальникъ, который лежитъ въ 350 верстахъ отъ Оскола, а такого разстоянія нельзя было перейти въ два, три дня отъ Оскола. Но и мнѣнія Арцыбышева нельзя раздѣлить вполне. Онъ полагаетъ, что послѣ битвы въ пятницу князья еще подвинулись впередъ, но этого не видно изъ лѣтописи. Въ пятницу они начали битву, стоя на сѣверо-западной сторонѣ Сюрлія, гнались за Половцами и возвратились на ночь къ своимъ полкамъ. Съ утра субботы отодвигались назадъ, видно, по теченію рѣки, такъ какъ они хотѣли отступить къ Донцу. Изъ этого можно заключить, что Каялою названъ здѣсь тотъ же Сюрлій. А названъ онъ такъ потому, что близъ него случилось несчастіе съ Русскимъ войскомъ, что за пораженіе на немъ Нѣмцы и Венедицы, Греки и Морава каяли Игоря [каяться—сокрушаться, окаянный, суф. *а* въ словѣ каяльщикъ--Сл. Вост.]. Въ такомъ же смыслѣ названа у пѣвца и рѣка, на которой убитъ былъ Изяславъ, такъ какъ смерть его причинила большое горе въ Кіевѣ, вызвала сильное сожалѣніе о немъ: и не бѣ лѣзъ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ: плакася по немъ весь городъ Кіевъ (Ип. 141).

Огоновскій воспоминаіе о похоронахъ Святѣполкомъ отца своего считаетъ позднѣйшею глассой. Какой-то переписчикъ, не зная исторіи о похоронахъ Изяслава, захотѣлъ кое что сказать объ этомъ прозаическомъ слоюмъ и надѣлалъ ошибокъ. Будучи позднѣйшею глассой, слова объ похоронахъ могли быть сначала ниже послѣ словъ: ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каалы. Послѣ же, при новой перепискѣ, какъ приписанны на верху листа, они легко могли очутиться на этомъ мѣстѣ, когда переписчикъ не обратилъ вниманія на выписку. Если перенести эти слова на указанное мѣсто, то послѣдующія (тогда при Ольгѣ Гориславичи) будутъ имѣть близкую связь съ предыдущимъ (т. е. съ эпизодомъ о Борисѣ, стр. 64—65).

Какъ ни остроумно соображеніе г. Огоновскаго, но съ нимъ согласиться нельзя. Ни изъ чего не видно, чтобы эти слова имѣли иной смыслъ, нежели предыдущія. Пѣвецъ образно представляетъ похороны Изяслава, воспроизводитъ старую картину, которая, по преданію, можетъ быть, еще рисовалась въ памяти Кіевлянъ; въ этихъ словахъ слышится тоже чувство скорби, что и въ предыдущихъ о смерти Бориса, и наконецъ это событіе умѣстнѣ вспомнать при разсказѣ о крамолахъ Олега, которыя и были причиною смерти Изяслава. Если выбрасывать ихъ, чтобы послѣдующій разсказъ объ Олгѣ былъ въ большей связи съ предыдущимъ, то для этой цѣли придется выбросить и воспоминаніе о Владимірѣ, и разсказъ о Борисѣ.

16. Тогда при Олгѣ Гориславичи Вельманъ читалъ Бориславичи, а А. Майковъ Гориславичи считалъ не предлож. пад. единст. числа, а творительнымъ множественнаго.

Г. Потѣбня поправляетъ: Тогда при Олгѣ Святославичи горе сѣяшеться и росташеть усобицами (стр. 41), Онъ полагаетъ, что это мѣсто испорчено давно и въ такомъ видѣ вошло въ Апостолъ 1307 г. (стр. 55). Перестанов-

ка произошла изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, что бываетъ часто въ потѣшныхъ рѣчахъ—говорить на выворотъ (55 стр). Но для чего же здѣсь допускать утрировку рѣчи, а не обыкновенное тогда слово для названія людей безталанныхъ? Гориславой называлась Рогнѣда; въ рк. XIII в. Д. Зат., кому Переславль, а мнѣ Гореславль (Хр. О. М. стр. 343). При сѣяшеться и растяшеть, какъ безличныхъ формахъ, нѣтъ надобности въ подлежащемъ.

Стр. 17. съ ты плькы—Грамматинъ первый поправилъ: въ ты. Такое же чтеніе принялъ Тихонравовъ на основаніи Екат. списка, въ которомъ—въ ты.

— 17. а сице и рати... сицеи слитно стали читать Тимковский и Калайдовичъ (С. От. т. 8 1839 стр. 19—20).

Стр. 18. Что ми звенить давеча рано предъ зорями? Сахаровъ читалъ далеча (Ск. Р. Н. т. 1 стр. 66.); чтеніе далече принялъ и Буслаевъ [Хр. 1870 г.]. Такое чтеніе согласуется съ лѣтописнымъ рассказомъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Когда на разсвѣтѣ въ воскресенье побѣжали Ковуи, Игорь побѣхалъ возвращать ихъ, у разумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людей и соимя шеломъ погнаше опять къ полкомъ [Ип.]. Снегиревъ предполагалъ, не было ли здѣсь до веча (пр. 39), а Максимовичъ думалъ, что первоначально было давѣ, а въ давеча передѣлано сѣвернорусскимъ переписчикомъ. Огоновскій считаетъ это слово позднѣйшею вставкою переписчика великоросса. Основаніемъ такого предположенія у него служить подобное мѣсто въ Задонщикѣ, въ которой этого слова нѣтъ [стр. 69.].

18. Ту кроваваго вина не доста. Эрбенъ вставилъ другое отрицаніе—не недоста, чтобы вышло утвержденіе, что вина достаточно. Но въ такомъ случаѣ не недоста будетъ означать, что вина было много, даже съ излишкомъ; между тѣмъ поэтъ далѣе говорить, что русскіе полегоша за землю Русскую. Значить,

упиваться было больше нечѣмъ, пиръ не могъ продолжаться и закончился отъ недостатка питья.

Стр. 19. Уже пустыни силу прикрыла. Грамматинъ и Максимовичъ поправили такъ: пустыни прикрыли; но пустыни могло быть и именительнымъ единственного, какъ и другія существительныя съ суффиксомъ ѣя напр. кзнагнии, рабыни, благостыни, милостыни.

— 19. Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирня времена. Шишковъ (пр. къ. 72 стр.) находитъ здѣсь описку, предполагая, что въ рукописи было вступивъ или вступила, и относя это слово къ обидѣ: встала обида, вступила дѣвою. За нимъ Грамматинъ тоже читаетъ вступила. Тихонравовъ въ своемъ изданіи конечное *д* поставилъ подъ титло, а *з* считалъ вставкою первыхъ издателей. Но послѣднато быть не могло, какъ видно изъ перевода при первомъ изданіи. Въ переводѣ это слово выражено—вступивъ и отнесено къ обидѣ: она вступивъ всплескала. Еслибы оно было подъ титломъ, то при такомъ пониманіи издателями текста, они, навѣрное, вывели бы согласную съ гласнымъ *о*, а не *з*.

Поправка Бицына: вступилъ дивъ на землю Тматораканскую (стр. 772), послѣ того какъ въ запискахъ Малиновскаго открыто написаніе двою вм. дѣвою, уже не имѣетъ и тѣни правдоподобія. Убуди жирня времена, Потембня поправилъ: упуди—обида прогнала счастливыя времена. Доказательства этой поправки намъ кажутся не убѣдительными; во - первыхъ, слово убудити очень часто въ старинной письменности и 4 раза встрѣчается въ Словѣ въ значеніи разбудить, слово—пудити=пѣдити встрѣчается только съ предлогомъ раз=распѣдити; во-вторыхъ обида—несчастіе, постигшее Русь на Дону, слѣдовало не тотчасъ за жирными (счастливыми) временами; а спустя значительное время; оно, по сознанію поэта, было слѣд-

ствиѣмъ уже давнихъ распрей между князьями: рекостъ бо братъ брату: се мое и то мое же.... и начаша князи сами на себѣ крамолу ковати, а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

Стр. 19. Усобица княземъ на поганья погыбе. В. Миллеръ предполагаетъ здѣсь искаженіе текста и думаетъ, не читалось ли прежде такъ: усобица княземъ—отъ поганныхъ погыбель. Но онъ считаетъ предлагать такую поправку слишкомъ смѣлымъ дѣломъ (стр. 211). Потесня поправляетъ: У усобицяхъ княземъ рать на поганья погыбе (Ф. З. 1878 № 1 стр. 65), но онъ также оставляетъ свою поправку безъ всякой мотивировки.

— 19. Сами на себѣ крамолу ковати. Дубенскій поправилъ на себе, какъ и въ Остр. Еванг. винит. пад. съ окончаніемъ на е (1 пр. 322 и словарь). Но поправлять такъ значитъ—сглаживать особенности правописанія извѣстнаго вѣка.

Стр. 20. За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Эрбенъ первый сталъ читать кара и жля, принимая ихъ за нарицательныя имена; Майковъ тоже принимаетъ за нарицательныя, но читаетъ нѣсколько иначе: карья или кирьба; В. Миллеръ почти также понимаетъ ихъ, считая ихъ олицетвореніемъ нравственныхъ понятій, которыя такъ любилъ авторъ Слова (стр. 211). Вяземскій рѣшается отстоять здѣсь собственныя имена и притомъ безъ всякой поправки текста. Онъ читаетъ: прикну Карна и жля, поскочи и полагаетъ, что это одно имя: Карнай—баснословный блюститель Кавказскихъ воротъ (намекъ на Александра Великаго, корняющаго Гога и Магога) и Жля (прич. жалющій, злющій; и то и другое могло образоваться изъ Зуль карнейяны — Двурогій..., съ двумя трубами, который рисовался на средневѣковыхъ картахъ у горъ Каспійскихъ Зам. стр. 224—226). Желаніе отстоять здѣсь собственныя имена замѣчается и у Отоновскаго; но онъ считаетъ ихъ

порешенными въ рукописи и передѣлываетъ въ своемъ изданіи на „кликну Кончака и Гза поскочи.“ Такую поправку онъ оправдываетъ тѣмъ, что этому мѣсту Слова въ лѣтопис. разсказѣ соответствуетъ повѣствованіе о нападеніи на Русь Кончака и Гзы (стр. 74). Вицынъ, отрицая здѣсь собственныя имена, керна измѣняетъ въ жирно, а второе читаетъ—желя, смагу же считаетъ опискою .ви. смолу. (775). Кораблевъ безъ всякой нужды поправилъ въ пламянѣ розѣ на въ пламянѣ росѣ, что, по его мнѣнію, значило бы въ дождѣ съ грозой и вихремъ. Въ Екатерининскомъ спискѣ послѣ смагу стоитъ еще слово—людемъ, чего въ печатномъ изданіи нѣтъ. Но нужно думать, что оно было въ потерянной рукописи, потому что въ обоихъ переводахъ это слово есть (Арх. претя людямъ огнемъ и мечомъ; въ печ.—стали томить людей огнемъ и мечемъ).

Стр. 21. Тин бо два храбрая Святъ—славлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Кіевскій. Грозою башеть; притрепеталъ своими сильными плъкы. Грамматинъ сталъ читать—убудиста. Тихонравовъ сдѣлалъ здѣсь больше поправокъ и измѣнилъ пунктуацию: надъ убуди поставилъ титло для обозначенія пропуска окончанія ста, слово лжу передѣлавъ въ Жлу, считая собственнымъ именемъ, какъ и выше—Жля, а которую измѣнилъ на которую, т. е. крамолю, враждою, надъ то поставилъ титло, принимая это за мѣстоименіе муж. р. вин. п., т. е. Жлу; слово притрепеталъ измѣнилъ на притрепалъ. Такимъ образомъ у него вышло такое чтеніе: Игорь и Всеволодъ уже Жлу убудистъ^{ст} которую; то баше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Кіевскій грозою; башеть притрепалъ своими сильными плъкы. Огоновскій предлагаетъ поправку въ этомъ же родѣ: та бо два храбрая Святъславлича,

Игорь и Всеволодъ уже убудиста котору, юже баше успилъ отецъ ихъ (стр. 77). Малашевъ то измѣняетъ въ бо; но это едва ли могло быть въ подлинникѣ, такъ какъ „бо“ было уже выше, и повторенное здѣсь лишило бы рѣчь благозвучія. Эрбенъ лж у передѣлалъ въ жлю, принявъ за нарицательное имя — жель; ему слѣдуетъ и В. Миллеръ, который вмѣстѣ съ этимъ которую считаетъ мѣстоименіемъ, относящимся къ жлю, а не къ „к рамолю“. Вмѣстѣ съ этимъ В. Миллеръ исправилъ то на тѣ, относя къ Святославу. По его мнѣнію этимъ мѣстоименіемъ поэтъ хотѣлъ отличить Святослава Кіевскаго, дядю Игоря, отъ собственнаго своего отца Святослава, прежде бывшаго княземъ Кіевскимъ (Взгл. стр., 214—215). Потебня удерживаетъ чтеніе лжу и поправляетъ это мѣсто такъ: Игорь и Всеволодъ уже лжу (т. е. Половцевъ) убудиста котороу: ту баше успилъ оцъ ихъ (Ф. Зап. 1878 № 1 стр. 66).

Стр. 22... каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ воднѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ.... Предъ словами: Рускаго злата Грамматинъ вставилъ „ту“, полагая, что сказанное насыпаша, отдѣленное отъ предыдущаго погрузи занятою, не можетъ быть отнесено къ подлежащему Игорь. На этомъ же основаніи Эрбенъ измѣнилъ насыпаша въ насыпавъ. Потебня жиръ-во сливаетъ въ одно слово и читаетъ погрузи жирово дънѣ (Ф. З. 1878 г. № 1). Мы не находимъ страннымъ, что здѣсь предлогъ въ съ мѣст. пад. означаетъ среду, въ которой нѣчто находится. Этой среды требуетъ глаголъ погрузи, а не отношенія основанія къ тому, что на немъ (на дънѣ?).

Стр. 22. Уныша бо градомъ забрали. Эрбенъ вмѣсто бо принимаетъ по. Вяземскій тоже соглашается съ такимъ чтеніемъ, хотя и не внесъ въ изданный текстъ (см. Иссл. о вар. 239 стр. и Зам. стр. 255).

Стр. 23. А Святославъ мутенъ сонъ ви-

дѣ въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною папохомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщини тули поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя, уже дѣски безъ кнѣса змоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера босови врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошло къ синему морю.

Одѣвахъте Грамшатины измѣнили въ одѣваху (46), Глаголевы въ одѣвахуть (4 стр. 24). Вс. Миллеръ касательно этого слова говоритъ: въ формѣ одѣвахъте можно, пожалуй, видѣть болгаризмъ.²¹⁾ Но все таки онъ болѣе вѣроятнымъ считаетъ читать: или одѣвахъ темя, или одѣвахуть (стр. 216), хотя Вуслаевъ и считаетъ форму одѣвахъте возможною для 2 лица множ. числа, но какъ такая форма одиноко стоитъ въ древней нашей письменности, то мы считаемъ ее опискою переписчика вм. одѣвахуть, какъ наприм. въ Ип. сп. лѣт. поимѣть вм. поимуть (стр. 31 2 изд.). Вино съ трудомъ смѣшено Вяземскій, объясняя посредствомъ *μαλον στρουθεον* — чарующаго дѣйствія вина и слова *т р у т ъ* — ядъ у Памвы Верынды; видимо, готовъ считать съ „трудомъ“ вм. первоначальнаго „струтомъ; но онъ все таки такой поправки не внесъ въ текстъ (Зам. стр. 265—266).

Тльковинъ. Глаголевы предлагалъ раздѣлить на два Слова: Тль ко винъ, а Дубенскій полагалъ, не естъ ли это описка вмѣсто тлумковинъ отъ тлумокъ мѣшокъ (стр. 120). Но поправлять это сло-

²¹⁾ Огоновскій для поясненія выписываетъ у Миклошича древнесербскую форму: *казахоте* (стр. 81-)

во пытались только до тѣхъ поръ, пока такое же не найдено было въ лѣтописи, пока имѣло силу объясненіе Карамзина, что талковины въ Волынской лѣтописи значить морскія раковины. Когда же это слово найдено было и въ лѣтописи (имъ названы Тиверцы, а же суть толковины Лавр. л., Радз. сп. стр. 29, и Ипат. стр. 17), то оставивъ попытки исправить его, изслѣдователи старались только уяснить его значенія. Лучшія объясненія принадлежатъ Григоровичу, кн. Вяземскому и А. Веселовскому. Григоровичъ нашелъ это слово въ Азбуковникѣ 17 ст., въ которомъ значитъ: Алексій — пособитель или толковникъ, Александръ — помощникъ людямъ или толковникъ (Зап. Антикв. стр. 21). На Кіевск. Арх. сѣздѣ Григоровичъ производилъ это слово отъ тлакъ, толочъ, что значить по-молдавски — помощь. Кн. Вяземскій весьма справедливо противъ этого замѣтилъ, что въ Романскихъ языкахъ нѣтъ такого корня, но въ Славянскихъ и Литовскихъ нарѣчіяхъ онъ лежитъ въ основѣ множества словъ, означающихъ и бродяжничество, и помощь (Замѣч. стр. 266—270). А. Веселовскій сближаетъ это слово съ Троянцами-Торками, упоминаемыми у Фредегара (VII ст.) въ *Gesta Francorum* (VIII ст.), у перваго они названы по имени короля *Turchot* или *Turquot* и жили на берегахъ Дуная, по послѣднимъ они въ некоторое время были на устьяхъ Дона. Византійцамъ Турки извѣстны съ 562 г., въ 576 г. Турскій коганъ Турксантъ осаждалъ Керчь и Херсонъ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ Торки или Торцы часто упоминаются со временъ Владиміра и въ походахъ князей нерѣдко составляли ихъ конницу. Въ лѣтописяхъ имъ придается такой же эпитетъ, какъ и въ Словѣ тьковинамъ: поганые (1060 г.), проклятые (1125 г.). Веселовскій предполагаетъ, что автору Слова извѣстно была какая нибудь историческая сказка о Троянахъ на Дону, которую приурочили въ своимъ Франкамъ Фредегаръ и *Gesta Francorum*; тогда будетъ понятно, почему земля Турьковъ-Торхота на Дону явилась у него землею Троянскою (Ж. М.

Н. Пр. 1877 г. авг. стр. 301—302).

Нѣгують мя, Потебня исправилъ въ нѣго-
вахуть мя, кнѣса—въ князя, босуви въ Бусо-
въ (мѣст. пад. отъ Бусово) Ф. З. 1878 г. вып. 1.

Босувѣ врани. Пожарскій сталъ читать Бу-
совы (отъ Бусъ, время Бусово) и многіе другіе; Бутковъ
предлагалъ читать или бѣсовы, или босые—хищные;
Максимовичъ читалъ также Бусовы, но производилъ отъ
Бусой горы подъ Киевомъ надъ Лыбедью. Вяземскій думаетъ,
что здѣсь было или: бо соуи—суетные, вздорные, или
соуи и—сѣи—уѣ — vultur, или суви ошибочно вм.
сови—проводники въ адъ (стр. 272—273 Зам.). В. Мил-
леръ предлагаетъ читать бусовы, какъ равно и вмѣсто
босымъ волкомъ—бусымъ—сѣродымчатымъ; Бусовы врани
поэтому будутъ значить—вороны и соотвѣтствуютъ Гот-
скимъ двѣмъ въ отвѣтъ бояръ (стр. 222—223).

У Плъснѣска. Обыкновенно полагаютъ, что здѣсь
разумѣется укрѣпленный тогда городъ въ Галицкомъ кня-
жествѣ (Дуб. 122 стр. и Огонов. 83).

Бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему
мору. Мѣсто самое темное. Грамматинъ поправилъ только
одно слово не сошлю на не сошли (48). Максимовичъ
принялъ такое чтеніе, но подыскалъ къ этому слову—под-
лежащее: Княне же сошли (Укр. 29 пр.). Макушевъ
передѣлалъ все это мѣсто такъ: бѣша дебрьски сани
(змѣи) и несоша іа къ синему морю. Майковъ
читалъ по Гальфердингу—несошася. Малашевъ послѣднюю,
поправку нѣсколько видоизмѣняетъ: несоша ю, т. е.
дебрь Кисаню = Половцевъ. Вяземскій бѣша считаетъ
причастіемъ отъ бѣсити—поднимать; бѣша дебрь Кисаню
(Сербск. кисанье—возбужденіе плача) у него значить—по-
днимая долину слезъ (стр. 275). Къ поправкѣ Макушева
считаемъ нужнымъ прибавить, что дѣйствительно здѣсь толь-
ко могло быть несош, а не не сошлю, потому что въ
Словѣ нѣразу предлогъ со не встрѣчается въ такой формѣ

при сложеніи, а или въ формѣ съ, или въ видѣ с. Что касается окончанія шлю, то оно у не понимавшаго этого мѣста переписчика не произошло ли изъ двухъ словъ—несоша шлю. Сліяніе одинаковыхъ или похожихъ слоговъ рядомъ стоящихъ въ одинъ—явленіе очень обыкновенное у переписчиковъ старыхъ рукописей.

Огоновскій предложилъ догадку, не было ли здѣсь сначала вмѣсто—бѣша дебрь—на болони, идѣже или гдѣже дебри Кисаню.

Крохѣ поправокъ словъ „во снѣ Святослава“ изслѣдователями и толкователями измѣнялась и пунктуация. Тихонравовъ двоеточіе 1-го изданія перенесъ въ другое мѣсто, именно—поставилъ его послѣ си н очь. Рецензентъ его (М. У. Изв. 1868 г.) предлагалъ поставить двоеточіе предъ си н очь послѣ на гора хъ. Последнее чтеніе кажется правдоподобнѣе, такъ какъ естественнѣе всего, чтобы видѣвшій сонъ рассказывалъ о немъ, опредѣливши время, когда былъ сонъ. Въ концѣ, начиная съ всю н очь онъ выбросилъ всѣ знаки, не нашедши возможнымъ объяснить это мѣсто.

Стр. 24... а самую опустоша въ путинны желѣзны... Такъ какъ въ Екат. сп. написано—самого, то Миллеръ сдѣлалъ въ печатномъ поправку самую. Слово опустоша уже Грамматинъ читалъ опуташа. По открытіи Екат. списка въ немъ тоже оказалось опуташа. Последнее чтеніе принято Тихонравовымъ, Вяземскимъ, Миллеромъ и др. Но едва ли въ рукописи было такъ, какъ въ Екат. сп. Въ Екат. переводѣ это передано такъ: а сами заключены въ желѣзныя оковы, между тѣмъ въ печатномъ: и сами они попались въ опутинны желѣзныя. Изъ этихъ разночтеній видно, что заключены соответствовало опуташа, какъ читано было издателями сначала, а „попасть“ уже могло тогда явиться, когда они ясно убѣдились, что это слово написано съ надстрочныхъ с и съ о в м. а (колебаніе касательно различія о

и а указано и объяснено выше). Кромѣ того нѣтъ надобности здѣсь мѣнять слово опустоша, когда оно лучше выражаетъ тяжелую неволю Игоря, чѣмъ опуташа. Опуташа въ Слово встрѣчается въ другомъ мѣстѣ, но съ инымъ управленіемъ, именно—съ твор. пад. опута сѣ въ красною дѣвицею (2 р.). Еще Дубенскій удачно подыскалъ синонимическое выраженіе въ Догов. Мстислава Смолен. 1229 г.: всадити въ дыбу (колодку), въ желѣза (стр. 126).

25 стр. Темно бо бѣ въ тѣ день, два солнца помѣркаста. Г. Потебня вм. тѣ—третій читаетъ: тѣ—тѣть день—т. е. день затмѣнія солнца 1-го мая, о которомъ говорится въ лѣтописи. Но едва ли здѣсь намекъ на солнечное затмѣніе, умѣстнѣе былъ бы такой намекъ во Слѣ Святослава, а не въ толкованіи его боярами и притомъ же въ поясненіи самаго толкованія, въ подробномъ разсказѣ о плѣненіи князей. Также едва ли и самый сонъ есть общее мѣсто, не прилаженное тщательно къ событію, какъ думаетъ Потебня. Определенно указано время плѣненія князей и нѣсколько выше: третьяго дни въ полудню падоша стязи Игоревы.

Стр. 25... оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тѣмоу ся поволокоста. Грамматинъ поправилъ—съ нима, такое же чтеніе принялъ и Вс. Миллеръ.

Грамматинъ вмѣсто Олегъ поставилъ Владиміръ на томъ основаніи, что по лѣтописи съ Игоремъ былъ сынъ его Владиміръ, женившійся въ плѣну на Кончаковѣ. Дубенскій на такую поправку возразилъ, что по Воскресенской лѣтописи Игорь отправился въ походъ съ двумя сыновьями—Олегомъ и Владиміромъ, и только послѣдній возвратился изъ плѣна. Олегу тогда было около десяти лѣтъ, но по тогдашнимъ понятіямъ въ походахъ участвовали и пятилѣтніе. Но вмѣстѣ съ этимъ Дубенскій замѣчаетъ, что здѣсь могла быть и описка, Олегъ явилось вм. Ольсти на Олексича (Дуб. 127--128).

Что Олегъ могъ быть въ походѣ, это видно уже изъ того, что уже два года ранѣе отецъ давалъ ему воинскія порученія, такъ подѣ 1183 г. въ Ип. лѣт. говорится: Игорь же возврати Киевскіи полки и пристави къ нимъ Олга и сыновца своего Святослава, абы како довести полкъ цѣль, самъ ѣха пойма со собою брата своего Всеволода... Два года спустя онъ могъ ѣхать и въ дальній походъ. Какъ въ лѣтописи, такъ и въ Словѣ Олегъ упоминается наряду съ Святославомъ, племянникомъ Игоря: въ лѣтописи потому, что имъ дано было одинаковое порученіе; въ Словѣ, вѣроятно, потому что послѣ похода постигла ихъ одинаковая судьба. Хотя въ лѣтописи и говорится, что Святослава взялъ въ плѣнъ Ельдечукъ, но больше имя Святослава уже не встрѣчается. Не безъ основанія можно думать, что онъ погибъ въ плѣну. Между тѣмъ плѣненный Владиміръ чрезъ два года возвратился въ отечество. Объ Олегѣ тоже послѣ похода больше не упоминается въ лѣтописи. Хотя Татищевъ и Строевъ и называютъ Курскаго Олега, упоминаемаго въ лѣтописяхъ подѣ 1224 — 1226 г., Игоревичемъ, но Погодинъ не рѣшается признать его сыномъ Игоря Святославича. Этому мѣшаетъ безучастіе его въ дѣлахъ Галицкихъ съ братьями (Изсл. VI стр. 198). Если въ силу вышесказаннаго нѣтъ основаній мѣнять здѣсь Олега на Владиміра, то еще меньше данныхъ, чтобы въ Словѣ вмѣсто Олега разумѣлся Ольстинъ Олексичъ. Ольстинъ Олексичъ былъ только предводителемъ Черниговскихъ полковъ и едва ли въ этомъ званіи былъ молодымъ, и потому, какъ Ярославъ мужъ (Ип. 429), онъ не могъ быть поставленъ пѣвцомъ наряду съ князьями и уподобляться молодому мѣсяцу. Значитъ, здѣсь долженъ быть разумѣемъ князь и притомъ молодой, какимъ былъ Святославъ Ольговичъ, родившійся 1166 или 1167, или Олегъ Игоревичъ, род. 1174 — 1175, (Владиміръ Игоревичъ род. 1170—1173 г.).

Заканчивая пересмотръ исправленія перепечатнаго текста, мы имѣемъ въ виду еще указать на слѣдующіе пункты.

Стр. 25. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо. Максимовичъ пардуже поправилъ на пардусне, считая это прилагательнымъ отъ пардусъ; но такое словообразованіе ничѣмъ не оправдывается, лучше и вѣрнѣе было бы поправить на пардуше.

Стр. 25. И въ морѣ погрузиства и великое буйство подасть Хинови. Уже снесся хула на хвалу. Тихонравовъ въ словѣ подасть ѿ отбросилъ, а *m* поставилъ подѣ титло. Такъ, думаетъ онъ, было въ рукописи, но издатели не вѣрно вывели это слово изъ подѣ титла, поставили ѿ вм. а (прим. къ 7 стр.). Переводы первыхъ издателей показываютъ, что они не обратили вниманія на форму двойственного числа — погрузиства и отнесли его къ Половцамъ, къ нимъ же они отнесли и подасть: Половцы разсыпались, погрузили и придали. Вмѣсто снесся Потебня въ своемъ изданіи печатастъ узнесся.

25 — 26. Поютъ время Бусово, лелѣютъ мѣсть Шароканю. Эрбенъ читалъ здѣсь Бѣсово, разумѣя Половцевъ, какъ и выше они названы дѣтymi бѣсовыми (Dvě věry стр. 32); вмѣстѣ съ этимъ и Шароканъ принимаетъ не за имя лица, лѣтописныхъ Шарокановъ, а за нарицательное имя, означающее въ Славянскихъ и Мадьярскихъ сказкахъ дракона змѣю — a p. Но мы скорѣе согласны, что здѣсь въ обоихъ словахъ намекъ на болѣе отдаленныя событія, чѣмъ полагалъ Эрбенъ (онъ думалъ, что здѣсь Готскія дѣвы воспѣвають отместіе лишь за Святославовы походы).

Не раздѣляя мнѣнія о испорченности этого мѣста, мы согласно съ Малашевымъ считаемъ Буса и Шарокана половецкими ханами. Малашевъ изъ описанія кургановъ Пасека дѣлаетъ слѣдующую выписку: въ „Волчанскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ лѣваго берега Донца на востокъ отъ селенія стараго Салтова, есть урочище Бусовъ яръ.“ Это урочище указываетъ на мѣсто кочеванія Буса (стр. 117). О Шаруканахъ (не личное имя, а родовое) говорится и въ поученіи Мономаха, и въ лѣтописи подъ 1107 г., а о городѣ Шаруканѣ у Дона подъ 1111 и 1116 г. Согласно съ правописаніемъ этихъ памятниковъ Всеv. Миллеръ думаетъ, что и въ Словѣ сначала было Шаруканю (223). Поправка Бицына—Тугорканю вм. Шароканю не имѣетъ основаній.

26 стр. Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено. В. Миллеръ находитъ здѣсь пропускъ предлога сѣ слезами (стр. 226.)

Стр. 26. Нѣ нечестно одолѣете: нечестно бо кровь поганую проліясте.... се ли створисте моей серебряней сѣдинѣ!

Грамматикъ всѣ три глагола обратилъ въ двойственное число: одолѣста, проліяста, створиста. Поправка вѣрная, но относительно болѣе ранняго времени, чѣмъ время написанія рукописи, въ которое двойственное число уже не было живымъ явленіемъ.

Стр. 26. А уже невиджу власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего. Максимовичъ читалъ раздѣльно много вой (1837 г. стр. 28.); но это одно слово, эпитетъ Ярослава, какъ доказалъ Соловьевъ (т. III пр. 226). Потебня вм. не вижу читаетъ: не съ жьдали есте (т. е. Игорь и Всеволодъ). Но такое чтеніе онъ самъ считаетъ палеографически не мотивированнымъ и шаткимъ. Прибавимъ къ тому еще, что Игорь отъ Ярослава нечего было больше ждать помощи,

послѣ того какъ она дана была ему вмѣстѣ съ Ольсти-
номъ Алексичемъ.

Стр. 27. Нъ рекосте мужа имѣся сами,
преднюю славу сами похитимъ, а заднюю
ся сами подѣлимъ. Слово мужамѣся подверглось
многочисленнымъ поправкамъ: Шишковъ первый соединилъ
въ одно слово, но при этомъ сдѣлалъ измѣненіи буквъ
— мужайтєся (2 изд. 90), Калайдовичъ писалъ — мужай-
мєся (Оп. р. в. стр. 27). Грамматинъ поправилъ: мужамися,
Максимовичъ читалъ — мужамимѣся. Тихонравовъ, полагая,
что издатели не различали рукописныхъ ѣ и ѣ поправилъ
въ мужамимѣся (стр. 8), Эрбенъ въ мужаймися. Кн. Вяземскій тоже думаетъ, что здѣсь сначала было 1-е лицо
множ. числа мужамимѣся, но издатели, будтобы, приняли
не обычное ѣ за ѣ (Изд. стр. 51). Полагая, что здѣсь
въ рукописи XII в. была правильная форма двойственного
числа: нъ рекоста мужа имѣся сама, мы дума-
емъ, что переписчикъ позднѣйшаго вѣка, колеблясь между
книжной формой и живой рѣчью (мужамимѣся см. Вяз.
Издѣд. стр. 51—52—ссылки на полууст. XV в. Рум.
Муз. и на Лавр. сп.) смѣшалъ старую форму съ новой и
потому вмѣсто: мужамимѣся, похитивѣ и подѣливѣ, у пере-
писчика XIV или XV в. вышло мужамимѣся, похитимъ,
подѣлимъ.

А заднюю ся сами подѣлимъ. Тихонравовъ,
не находя возможнымъ, чтобы подѣлиться согласовалось съ
винит. пад., ся измѣнилъ на си, Огоновскій же измѣнилъ
заднюю на заднею. (стр. 90). Въ сгорѣвшей рукописи
было несомнѣнно и ся и заднюю, въ древнѣйшихъ
скорѣе было ся какъ и въ начати же ся; ту ся копѣ-
емъ приломати, ту ся саблямъ потручати;
а чи диво ся братіе стару помолодити!

Стр. 27. Нъ се зло Княже ми непособіе.
Первые издатели перевели: мнѣ князья не въ пособіе. Изъ
этого видно, что они — княже — приняли за прилагательное.

Но Бутковъ вмѣсто *и* и *и* сталъ читать *т* и (В. Евр. пр. 151). При такой поправкѣ, конечно, княже нужно принять за звательный падежъ, обращенный къ Игорю, хотя Бутковъ этого и не объяснилъ. За то Эрбенъ слово *княже*, преимущественно предъ прилагательнымъ, считаетъ звательнымъ падежомъ, обращеннымъ къ князьямъ (стр. 33). Грамматикъ княже измѣнилъ въ князи. Слѣдующіе издатели и толкователи оставили печатный текстъ безъ измѣненій, исключая только пунктуациі; такъ Максимовичъ послѣ *з*ло поставилъ двоеточіе, Тихонравовъ послѣ *княже* поставилъ тире, но послѣ *з*ло не ставитъ ничего, между *тѣмъ* скорѣе и здѣсь слѣдовало бы поставить тире для выраженія связи подлежащаго придаточнаго предложенія—*княже* *и* не пособіе съ главнымъ—*и* *з* се *з*ло.

Стр. 27. Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкими. Первые издатели приняли Уримъ за собственное имя, за имя воеводы Игоря. Карамзинъ первый отдѣлилъ предлогъ *у*. Тихонравовъ конечно *з* поставилъ подъ титло, но предлогъ напечаталъ слитно и притомъ прописной буквой. Эрбенъ сдѣлалъ поправку въ концѣ *у* Римѣ, ему же послѣдовалъ въ чтеніи и В. Миллеръ, полагающій, что тутъ *у* вмѣсто *въ*, какъ это часто въ Ип. лѣт. (стр. 227). Такъ читаетъ и Огоновскій. Но есть ли надобность мѣнять *з* на *ѣ*? Въ настоящее время въ упоминаемой Словомъ мѣстности есть городъ Ромны или Роменъ въ Полт. губ. на рѣкахъ Сулѣ и Ромнѣ, есть еще и селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго (Сол. II пр. 457).

Въ Лавр лѣт. городъ названъ Римовъ, а въ Ипат. Римовъ; въ послѣдней упоминается также около города и болото—Римское. Какъ Роменъ и Ромны произошли отъ Рома, такъ и Римовъ или Римовъ могли произойти только изъ Рими. Намъ кажется, что мѣстность, гдѣ былъ Римовъ, теперешняя Ромны, рѣка Ромна и болото Римское въ древности назывались или Рома или Рими. И такъ

какъ отъ разоренія Половецкаго пострадали не только городъ, но всѣ окрестности, то пѣвецъ имѣлъ въ виду обозначить бѣдствіе окрестностей Римова и потому употребилъ общее названіе всей мѣстности.

Стр. 28. Великій княже Всеволоде, не мыслию ти прелетѣти изъ далеча, отня злата стола поблюсти? Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, не было ли вмѣсто не мыслию ти — не мыслиши? (прим. къ 8 стр.). В. Миллеръ считаетъ возможнымъ прибавить послѣ мыслию вопросительную частицу ли, которая при перепискѣ могла выпасть подѣ влияніемъ ли въ предшествующемъ словѣ, и переводитъ это мѣсто: не перелетѣть ли тебѣ съ быстротою мысли? (стр. 128 и 129). Потребны поправилъ: не мысль ли у ти (нѣтъ ли уже у тебя мысли? стр. 108).

Стр. 29. Не ваю ли злаченными шеломи по крови плаваша? Грамматинъ поправилъ: не ваши ли злаченны шеломи (стр. 50). Но ваю совершенно нѣтъ надобности поправлять, такъ какъ это родит. пад. двойст. ч. стоятъ совершенно на мѣстѣ. Злаченными исправлено Буславевымъ въ злаченіи (Хр. 1870 г.) и Малашевымъ въ злаченни. Въ рукописи, по ошибкѣ переписчика, могло быть и злачѣнными, потому, вѣроятно, Тихонравовъ и не сдѣлалъ здѣсь поправки. Вступита господина въ злата стремень. Тихонравовъ окончаніе поставилъ подѣ титуло, В. Миллеръ поправилъ въ стремени (172), а Огоновскій въ стремениа (95).

Стр. 30. Затвори въ Дунаю ворота. Грамматинъ затвори и съ слилъ въ затворивъ и такое чтеніе приято всѣми. Но является вопросъ, почему издатели раздѣлили слово? Они съ не считали предлогомъ и не относили къ Дунаю, какъ видно изъ перевода: ты подперъ горы Венгерскія, ты загородилъ (заступивъ) путь королю, ты затворилъ Дунаю ворота.

Стр. 30. Меча времены чрезъ облаки. Ганка исправилъ въ бремены, а за нимъ и многіе другіе; но можетъ быть здѣсь и не описка, а звуковая замѣна, что часто встрѣчается въ Слав. рукописяхъ (Вяз. Зам. стр. 292).

Стр. 30. Стрѣлай господине Кончака, поганого Кощея. Грамматинъ на мѣсто кощея почему-то поставилъ Гзакъа (52).

Стр. 31. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Ганка читалъ вашъ умъ, а Эрбенъ—ваю. В. Миллеръ считаетъ возможнымъ, что здѣсь пропущенъ предлогъ *с* предъ васъ, и полагаетъ, что авторъ Слова не совсѣмъ точно употребилъ множ. число вмѣсто двойств., какъ это встрѣчается сплошь и рядомъ въ памятникахъ уже XII вѣка (стр. 229).

Стр. 31—32. Суть бо у ваю желѣзнии папорзи подѣ шеломи латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя поврѣгоща. Буслаевъ слово папорзи измѣнилъ въ паперси (Хр. 1870 г.), Потебня въ прапорьци желѣзные полки (стр. 112). Граматикъ вмѣсто Хинова читалъ Хинови. Тихонравовъ измѣнилъ пунктуацию, вмѣсто точки послѣ Хинова поставилъ запятую.

Стр. 32. А древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша. Не бологомъ.... Снегиревъ думалъ, что бологомъ стоятъ вмѣсто по болотомъ (82 пр.).

По Рсіи, по Сули.... Грамматинъ напечаталъ по Рси, по Сули. Въ Екат. сп. написано: по Роси, по Сули. Тихонравовъ Рсіи раздѣлилъ: по Рси и по Сули, Эрбенъ тоже раздѣлилъ, но вставилъ ъ послѣ р. (по Ръси и по Сули), вѣроятно для того, чтобы этимъ выразить о Екат. списка. Последнее чтеніе принялъ и Огоновскій.

Стр. 33. Непобѣдными жребіи собѣ вла-
сти расхитисте? Принимая за вопросительное пред-
ложеніе, Граматинъ вставилъ еще ли: не побѣдными ли.
Но здѣсь нѣтъ вопросительнаго предложенія и потому Ти-
хонравовъ вмѣсто вопросительнаго знака поставилъ точку.

Стр. 34. И схотию на кровать и рекъ:
Поправки начались съ Грамматина, который напечаталъ: и
схити ю на кровать (54). Снегиревъ предлагалъ по-
правку: и счочи на кровать (пр. 87). Дубенскій пола-
галъ, что здѣсь или схоти ю (отъ скотѣти—вождедѣти),
или схвати т. е. схвати (мнѣніе Водянского), или схопи
(179). Последнее чтеніе принялъ и Максимовичъ (Укр.).
На Киевскомъ Арх. съѣздѣ предлагалось при чтеніяхъ это-
го мѣста соединять ю съ на—юна, или раздѣлить кро-
вать—крови тѣи (сообщилъ Кондаковъ). Но последнее сло-
во едва ли нужно подвергать раздѣленію, скорѣе нужно
слить съ нимъ послѣдующее и, чтобы вышло на кровати,
какъ это и встрѣчается въ другомъ мѣстѣ. Потѣбня нахо-
дитъ, что предъ и схоти ю что-то пропущено (стр.
116).

34. Не бысь ту Граматинъ поправилъ: не бысть.
Въ Екат. списокѣ написано не бы. Тихонравовъ въ своемъ
изданіи удержалъ послѣднюю форму, поставивъ надъ ней
титло съ надстрочнымъ с.

Стр. 34—35. Ярославе и вси внуце Всеслав-
ли уже понизить стязи свои, вонзить свои ме-
чи верезени, уже бо выскочисте изъ дѣдней
славѣ. Съ Грамматина почти всѣ издатели стали печатать:
внуци, понизите, вонзите, славн, не смотря
даже на то, что въ этихъ словахъ и Екат. списокъ не
представляетъ разночтеній. Значитъ, въ рукописи буквы
были ясно написаны. Максимовичъ, впрочемъ, отстаивалъ ъ
въ понизить и вонзить, какъ особенность малорусскаго на-
рѣчія, а Тихонравовъ вмѣсто ъ поставилъ титло; но могло
здѣсь и не быть титла, а именно ъ вм. е, какъ напр. въ

грам. Смол. кн. съ Рогою и Г. б. послъ вѣ. послѣ=е (См. Бусл. Хр.).

Стр. 35. Вы бо своими крамолами на-
чясте наводити поганья на землю Рус-
кую, на жизнь Всеславу. Которое бо бѣ-
ша насиліе отъ земли Половецкыи! На
седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ
жребій о дѣвицю себѣ любу. Грамматинъ, по-
правляя текстъ, коснулся только правописанія: баше и По-
ловечскыи (54). Снегиревъ которое измѣнилъ на ко-
торою (враждою), за нимъ сталъ также читать и Мак-
симовичъ (Укр. пр. 40). Вельтманъ въ Трояни чи-
талъ Крояни. Тихонравовъ, на основаніи того, что въ
Екат. сп. въ этомъ мѣстѣ вмѣсто печатнаго Трояни было
Зояни, исправилъ въ Бояни здѣсь и въ другихъ
трехъ мѣстахъ. Но издатели, заноса написаніе Зояни въ
Екат. списокъ, уже понимали, что въ рукописи Тр напи-
сано было монограммою и въ переводѣ написали Троя-
новомъ.²²⁾ Тихонравовъ кромѣ этого вмѣсто которое
напечаталъ которою и принялъ пунктуацію Екат. списка,
въ которомъ послѣ Половецкыи нѣтъ никакого знака и на
седьмомъ вѣцѣ принято за обстоятельство при насиліе.
Эрбенъ которое принимаетъ за мѣстоименіе, относитъ къ
жизнь и измѣняетъ въ которой (дат. пад.): на Vřesla-
viv život, jemužto se dalo násili od země Plaveckě (стр.
15 и 33). На седьмомъ вѣцѣ относитъ къ слѣдующему
предложенію, а Трояни замѣняетъ посредствомъ Бояни.
Пунктуація его лучше, чѣмъ у Тихонравова, и принята
В. Миллеромъ.

²²⁾ О монограммѣ Z=Тр см. у О. К. (Корна?), нашедшаго ее
въ Ист. Р. Альб. Погодина М.М. 23, 31 и 61 (Моск. Унив. Изв.
1868 г. кн. 7 съ 605 стр.) и у Котляревскаго, ссылавшагося на на-
писаніе монограммой начала слова—тризну въ Макарьевскихъ
миняяхъ (О погреб. обыч. языч. Слав. стр. 118), а также и у кн.
Вяземскаго (Исслѣд. о вар. стр. 63).

Стр. 35. Тъи клюками подпрѣся о кони
и скочи къ граду Кнєву. Клюками Тихонра-
вовъ не поправилъ, а только придавъ ему отвлеченное
значеніе хитрости, обмана (Слов.), что впрочемъ частію
встрѣчалось и у Дубенскаго (188). Эрбенъ тоже оставилъ
безъ исправленія и перевелъ *zahnutuma pohama poderfel*
се о копє (стр. 15), Вицниъ исправилъ: кляками,
т. е. шпорами (778), В. Миллеръ, не исправляя здѣсь
текста, объясняетъ это слово Болгарскимъ клякъ, кля-
ка — бедро, ляжка, шенкель; кляквямъ — сгибаю ко-
лѣна (232). Колосовъ находитъ сходство всего этого мѣ-
ста о Всеславѣ съ слѣдующимъ въ былинѣ о Каликѣ бо-
гатырѣ:

О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Ай повыше лѣсу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго,
Прискакала Каликушка ко городу,
Ай ко славному городу ко Кієву,
Она въ городъ шла да не воротами,
Она прямо черезъ стѣну городовую.

Слово костыль былинны, по мнѣнію Колосова, от-
вѣчаетъ слову кляками въ Словѣ и сближаетъ образъ
былиннаго Калики съ образомъ Всеслава Полоцкаго въ
Словѣ (Ф. Зап. в. II стр. 17. 1874 г.).

Слово о кони Дубенскій толкуетъ двояко: или здѣсь
описка вм. оконци, чрезъ окно, или дѣйствительно ну-
жно читать о кони, въ значеніи спустился съ коньковъ,
съ кровли. Мей читалъ слитно—окони, разумѣя окно.
Вяземскій желалъ бы здѣсь видѣть чтеніе на кони,
уперся бедрами на конѣ, т. е. сѣлъ твердо. Потебня о
кони какъ и Мей читаетъ слитно и прибавляетъ еще къ
этому слову ся—оконися: онъ, опершись на хитрости,
добылъ себѣ кова. По мнѣнію Потебни, авторъ Слова имѣлъ

здѣсь въ виду какойнибудь вариантъ изъ сказки о двухъ братьяхъ умныхъ и третьемъ дуракѣ, обладателѣ чудеснаго коня (стр. 121—122).

Стр. 35. Скочи отъ нихъ лютимъ звѣремъ въ плѣночи, изъ Бѣлагада, обѣси снѣ мѣлѣ, утрѣ же возни стрікусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. Скочи Потебня измѣнилъ въ ускочи, обѣси снѣ мѣлѣ въ обѣсивъ снѣ мѣлѣ (род. п. ед. ч.) дополн. къ обѣси снѣ. стр. 122—123).

Въ Екат. сп. отъ нихъ написано отнихъ и переведено было оттуда; на основаніи такого правописанія была попытка читать отъ нихъ слитно, въ значеніи отеческихъ, отцовскихъ. Кн. Вяземскій разнотченіе списковъ примиряетъ бытіемъ въ рукописи горизонтальнаго знака вверху: ѿихъ (стр. 73 Изсл.). Утрѣ же Дубенскій соединилъ утрѣ же ѿжалъ (пр. 185. II), Эрбенъ читалъ слитно вмѣсто вѣтрѣ же (34), Тихонравовъ напечаталъ также слитно. Огоновскій, удержавъ раздѣльное чтеніе, вмѣсто утрѣ напечаталъ утрѣ—утромъ (108). Такъ поправилъ и Потебня (стр. 118). Возни (въ Екат. сп. возни, стрікусы, но отвори какъ и въ печат.) Грамматикъ поправилъ въ вонзи. Другіе издатели приняли чтеніе Арх. списка (Тих.). Дубенскій предполагалъ, не было ли здѣсь возни, или возна (стр. 192—193. Огоновскій измѣнилъ на повзони (стр. 108), Потебня на възни, вставилъ и стрікусы отвори ворота (стр. 123). Слово стрікусы объясняемо было многими изслѣдователями, то посредствомъ *wozne kusza tugaowa*—стѣннотныя орудія, стрѣкало, стрѣкоза (Пожар. Дуб. и Вяз. Зам. стр. 356), то посредствомъ *t r k a ś—s wzniemi beganu*—въ родѣ тарановъ (Эрб. стр. 34), но поправлять его почти не рѣшались. Для объясненія этого мѣста не будутъ ли когданибудь пригодны слова: 1) вазнивъ, счастливъ: вазнь убо отъ елннѣ наричетъ—

ся іеже есть беспронисла строи и ровни Хрон. XVI в. иже въ ратех вазни и добраа дѣла Алек. Мак., въ Свят. изб. вазнь—*τύχη* (Слов. Восток.) и 2 стрѣкъ въ *πολαρχος, ciconia* (Сл. Вост.). Валаамъ заперся въ столицѣ Киканоса царя срацинскаго, когда тотъ воевалъ съ армянами, укрѣпивъ ее съ двухъ сторонъ забралами, съ третьей огромными рвами, а съ четвертой змѣями и скорпіонами, которыхъ онъ собралъ шептаніемъ своимъ и потворы. Возвратившись съ войскомъ, Киканось увидѣлъ врата градная замчена, и ему не даша впити. Полку же стоящу предъ враты, и паде отъ воинъ Киканосовъ въ единъ день 130 мужъ, на другой день бишася на брезѣ рѣки, и 30 конникъ истопаша во рвах, потомъ на плотахъ погибло во рвахъ 100 ч., наконецъ во время приступа со стороны, гдѣ были змѣи, погибло 170 человекъ. И такимъ образомъ стояли около города девять лѣтъ. Въ это время выбеже Моисей изъ Египта, и царь принялъ его, яко великъ драгъ бывъ во очю ихъ: высочество его, яко тисово, лице же его яко солнце сіяющи. И бысть думца у царя. Въ концѣ 9-го года Киканось разболѣлся и умеръ во день седьмой, и погребоша и предъ враты градными. Войско Киканоса выбрало себѣ въ цари Моисея, и поятъ Моисей жену Киканосову во второй день царства, люди собрались и сказали ему: царю, промысли намъ, что створимъ? Девять лѣтъ мину, не видѣхомъ женъ нашихъ и дѣтей. Моисей сказалъ имъ: вѣставше идѣте въ лѣсъ и принесите ми сыны стерковны. храните и дондеже възрастутъ, научите же и перелѣтывати ястребскы. И бысть якоже възрастоша сыны стерковны, заповѣда царь заморити я голодомъ за семь дній, и сотвориша людѣ тако. Бысть же день третій и рече къ нимъ царь: облачитесь въ оружія своя и всядите на коня своя и возьмете кінждо стержъ свой на руку и поидемъ, да приступимъ къ граду, на мѣсто, идѣ же суть змѣеви. И рече царь: пушайте стержы и пустиша, и лѣтъша стержове на

зѣи и подоша е и испразниша мѣсто то и вѣструбина людѣ трубою и оступиша градъ и взяша и. Послѣ взятїя града Валаамъ всѣде на конь и бѣжа въ землю Мадіамску.. то ти суть волсви и чародѣи, (Порф. Апокр. скав. стр. 291 и пам. стар. р. л. т. 3 стр. 41—42).

Мы нарочно сдѣлали такую длинную выписку; если изъ нея и нельзя уяснить, что такое стрікусы, то по ней видно, что число семь было любимое въ апокрифической литературѣ, что эта литература представляла описанїя взятїя городовъ и могла быть знакома автору Слова.

Кстати приведемъ и наши лѣтописныя описанїя взятїя городовъ. Такъ въ Псков. лѣт. говорится подъ 6907 г.: отъ великія рѣки и до Псковъ рѣки три востри поставиша.

Подъ 1612 г. Ивергорнъ искрадомъ вышибе ворота пинардою взвозскіе на Великую рѣку, а стояли подо Псковомъ 5 недѣль.

Бестужевъ-Рюминъ выписываетъ изъ лѣтописи о Всеславѣ: (О состав. р. л. стр. 50) Всеславъ, собравъ силы свои многыя, приде къ Пскову и много тружався съ многими замыслени и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успѣвъ (Пск. 2 стр. 8.).

Приде Всеславъ и взя Новгородъ съ женами и съ дѣтьми, и колоколн съима у святыя Софіѣ, о велика бѣда въ часъ тѣй, и понекодила съима [Новг. III т. 2].

Заратися Всеславъ, сынъ Брячеславль Полотскыи, и зая Новгородъ до Неревскаго конца и пожже; и понма все у святыя Софіи, и поникадила и колоколн и отъиде (Соф. 1. V т. 141).

Вяземскій изъ сокращ. Новгор. лѣт. выписываетъ: пришедъ Всеславъ, взяше Новгородъ и пожже до окрома Неревскаго и святую Софію пограби: и покуль пожже, потомъ городъ доспѣша и отъиде Всеславъ (Зам. стр. 356).

Разшибе славу Ярославу. Разшибе Потебня исправилъ въ рошибе, но безъ всякаго объясненїя (стр.

123.) Грамматинъ поправилъ Изяславу, но безъ надобности. При Всеславѣ Изяславъ дѣйствительно былъ великимъ княземъ Киевскимъ, но Новгородъ не могъ быть названъ славомъ Изяслава, такъ какъ ограбленная Всеславомъ св. Софія заложена была при Ярославѣ (1017 г. Изслѣд. Погод. т. VI стр. 18.).

Стр. 36. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни. Грамматинъ поправилъ здѣсь на двойственное число; кровава, бѣста посѣяна (56); Огоновскій брезѣ измѣнилъ въ брезни (109). Вельтманъ вм. не бологомъ—сталъ читать по бологомъ, по холмамъ (стр. 45).

Стр. 36. Всеславъ князь людемъ судаше, княземъ грады рядаше, изъ Кнєва до рѣскаше до куръ Тмоторакана; великому хрѣсови влѣкомъ путь прерѣскаше. Огоновскій вмѣсто грады сталъ читать ряды, но при словѣ княземъ болѣе уместно грады, которые Всеславъ, дѣйствительно, хотѣлъ раздавать, нарядать. До куръ первые издатели въ переводѣ передали до Курска. Съ Грамматина издатели стали принимать это слово за нарѣцательное до пѣнія пѣтуховъ; Вельтманъ, а за нимъ Максимовичъ придалъ ему значеніе до куреней, до границъ; Головинъ полагалъ, что здѣсь въ рукописи было у, а не оу; первое у въ рукописяхъ стоитъ обыкновенно на мѣстѣ ижицы, или греческаго υ — ипсилона; потому онъ думалъ, что куръ здѣсь имѣетъ значеніе—господина (пр. 210) И. Ч—нъ поправляетъ до кура Тмоторакана, считая куръ равнозначущимъ слову блѣванъ и употребленнымъ здѣсь въ именческомъ смыслѣ, какъ олицетвореніе небесной грозы, свѣта (Фил. Зап. 1877 г. № 3 стр. 82). Хрѣсови... первые издатели въ печатномъ переводѣ совершенно пропустили это слово, замѣтивъ въ примѣчаніи, что все предложеніе невразумительно; но въ Екат. сп. они перевели Херсону. Потому, кажется, и Шишѣвъ

замѣтилъ, что Хрѣсови описка вмѣсто — Херсону (стр. 102). Бутковъ же считалъ опискою вмѣсто Днѣпрови, полагая, что Тмуторокань здѣсь упоминается не Азовскій, а Остерскій въ 60 верстахъ отъ Кіева (В. Евр. № 21 пр. 38 стр. 44—45).

Стр. 36. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святны Софѣи въ колокола, а онъ въ Кневѣ звонъ слыша. Потебня, кромя исправленія правописанія, какъ напр. Полотскѣ, заутрнюю, Софѣи, слыша, сдѣлалъ еще вставки: у при заутреннюю и с я при слыша, и у него вышло: а оно въ Кневѣ звонъ ся слыша (стр. 118); общій смыслъ: Ему (въ честь его) позвонили въ Помоцьѣ, а оно—анъ, (малор. ажъ) звонъ услышался въ Кіевѣ, т. е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева (стр. 128). Если понимать такъ данное мѣсто, то оно останется внѣ связи съ предыдущимъ, гдѣ говорится о быстрыхъ ночныхъ перебѣгахъ Всеслава: скочи лютымъ звѣремъ въ пѣночи изъ Вѣлграда, утрѣ же воззани стріеусы, а самъ въ ночь вѣкомъ рыскаше, изъ Кіева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови вѣкомъ путь прерыскаше, а потому заутреннюю и рано—черта рисуемаго здѣсь образа существенная и необходимая, вопреки мнѣнію Потебни (стр. 128); поэтому же и поправка—а оно звонъ ся слыша—совершенно излишняя. Тому какъ здѣсь, такъ и ниже: тому Боянъ припѣвк у рече—значить не въ честь его или пользу, а только для него, изъ-за него, дательный падежъ повода или основанія, а не *dat. commodi*.

Стр. 36—37. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвк у смысленный рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Вожія не минути. Въ друзѣ Эрбенѣ читалъ въ дружѣ, въ дружескомъ по отношенію Всеслава къ Бояну, такъ думалъ и Красинскій; другіе издатели слово друзѣ принимали въ значеніи иной.

Вс. Миллеръ весьма вѣроятно принимаетъ его въ значеніи отважнаго, аналогично съ храбрымъ тѣломъ въ другомъ мѣстѣ Слова и предполагаетъ здѣсь искаженіе изъ дръзъ [стр. 235]. Пополнимъ догадку Миллера выписками изъ лѣтописи: Владиміръ Глѣбовичъ бѣше дерзъ и крѣпокъ въ рати (Ип. стр. 36), бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати [стр. 439]. Новг 1. дръзъ—отважный, Мат. для Слов. и гр. т. II Слов. Черныш.). Прѣвое Полевой поправлялъ въ первую припѣвку Ист. р. н. 2 стр. 269]. Но слово прѣвое въ значеніи сначала часто въ лѣтописи: и пѣрвое убиша Бориса (Ип. стр. 141), въ значеніи нарѣчія аналогичны съ нимъ второе и третье мѣтила, говоритъ Ольга [Ип. стр. 37]. Смысленный Вяземскій считаетъ опискою вм. смысленѣ [Зам. стр. 380]. Потѣбна считаетъ позднѣйшей глоссой (стр. 129).

Стр. 37. О стонати Русской земли, помянувшѣ прѣвую годину. Эрбенъ поправилъ помянувшей; но въ другихъ мѣстахъ Слова такая поправка не находитъ оправданія, краткое причастіе почти вездѣ переходило въ дѣепричастіе: мало ли ти бѣшеть горь... делѣючи корабли.

Стр. 37. нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунай. Калайдовичъ и Тимковскій рози нося имъ стали читать слитно: рози носящимъ [С. От. т. 8, стр. 18). Дубенскій еще сдѣлалъ поправку нъ розъ и (вм іа . . стязи) носящимъ (II пр. 220). Н. Некрасовъ, принимая слитное чтеніе—нос я имъ—носящимъ, измѣнилъ еще рози на роги (Ж. М. Н. Пр), какъ думалъ и Гаттала. Вяземскій, не сливая нос я имъ, предполагаетъ, что имъ не вѣрно выведено изъ-подъ тѣла, вм. ихъ, а рози считаетъ существительнымъ въ предложномъ падежѣ въ смыслѣ нарѣчія розно. (Зам. стр. 382—385).

Наконецъ Тихонравовъ напалъ на настоящее чтеніе: розъно ся имъ хоботы пашутъ. Огоновскій на основаніи правописанія Ипат. лѣт. Половцы землю нашу не-

суть роздно (стр. 167), предполагает, что съ начала и въ рукописяхъ Слова было роздно, а переписчики, не понимая, передѣляли въ рози нося (стр. 113).

Копіа поють на Дунаи — Тихонравовъ относить къ началу слѣдующей пѣсни: Ярославныя гласъ слышитъ. Вяземскій кромѣ того находитъ здѣсь искаженіе первоначальнаго текста. По его мнѣнію, первоначально здѣсь было: кона поіаѣ на Дунаи, или вслѣдствіе смѣшенія юсовъ — поѣѣѣ.

Къ такому заключенію онъ пришелъ потому, что считалъ выраженіе копіа поють на Дунаи по отношенію къ Рюрику и Давиду рѣшительно не имѣющимъ смысла; мѣстность Дуная съ дѣйствіями ихъ не связывается, они притомъ въ то время были въ бездѣйствіи, да и пѣніе копій, въ смыслѣ бряцанія копій — выраженіе крайне слабое. Такимъ образомъ Вяземскій это мѣсто считаетъ искаженнымъ и относящимся къ началу пѣсни Ярославны, которое безъ этого выраженія во всей пѣсни не имѣло бы очертанія мѣстности. Дунай же часто, говоритъ Вяземскій, воспѣвается въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, а поеніе коней воспѣто въ распространенныхъ пѣсняхъ: „На крутой горѣ стоятъ рыцари“ и „По улицѣ мостовой“ (Замѣч. стр. 400—404).

В. Миллеръ принимаетъ какъ поправку текста, такъ и пунктуацию, предложенную Вяземскимъ и еще болѣе развиваешь соображенія, приведенныя Вяземскимъ. Онъ говоритъ, что начало плача Ярославны открывается словами какой-то пѣсни, сначала онъ говорилъ — югославянской, болгарской (стр. 113 — 116), а потомъ — малорусской (стр. 236).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ одну болгарскую пѣсню, въ которой рисуется образъ дѣвицы — кукушки, летающей за водой на Дунай, чтобы омыть раны раненому молодцу (стр. 113—116), и дѣлаетъ выписки изъ Малорусскихъ пѣсней по сборнику Чубинскаго.

Изъ этихъ выписокъ, говоритъ онъ, можно видѣть, что въ южнорусской поэзіи обычны и Дунай, и образъ тоскующей жены, кукушки—зозули, и поеніе коней на Дунаѣ. Изображая тоскующую княгиню, поэтъ могъ вспомнить родной образъ дѣвицы зозули, тоскующей по молодцѣ, который вдали, на чужбинѣ поилъ коня въ Дунаѣ и утопая взывалъ къ своей ладѣ. Поэтому В. Миллеръ считаетъ поправку копія поютъ на коня поятъ необходимою, но не устраняющею испорченности текста, въ которомъ, можетъ быть, говорилось и о копіяхъ, и о поеніи коней, но что-то пропущено (стр. 236—239).

Считая весьма остроумными соображенія Вяземскаго и очень счастливыми находки В. Миллера, мы все таки счѣмъ думать, что здѣсь искаженія нѣтъ, а равно и пропуска. Копія поютъ мы относимъ къ предъидущему, къ Рюрику и Давиду, а на Дунай къ послѣдующему —Ярославинъ гласъ слышитъ. Копія поютъ удобно могутъ быть отнесены къ Рюрику и Давиду, которые отличались тогда воинственностію. Изъ нихъ Давидъ два раза оставлялъ безъ помощи своего брата Рюрика. Въ первый разъ это въ 1177 г. Придоша Половцы на Рускую землю... Романъ посла брата своего Рюрика и, сына своіа. Половцы взяша 6 городовъ и поидоша къ Ростовцу; Давидъ же бяше не притягъ, и бывши распри межи братьемъ, и постиже братью свою Рюрика и сыновца своіа Ярополка и Бориса, и постигоша половцѣ у Ростовца; и Половцы оборотившия побѣдиша полки Русскѣѣ и много бояръ изымаша, а князи въбѣгоша въ Ростовѣцъ (Ип. стр. 408 и 409). Такимъ образомъ Давидъ былъ причиною пораженія Русскихъ князей. Онъ же былъ причиною того, что союзныя князья, Святославъ Кіевскій, Рюрикъ, братъ Давыда и другіе не подали своевременно помочи Владиміру Глѣбовичу въ 1185 г. опоздишася, сжидающе Давыда и не захаша ихъ (Половцевъ. Ип. стр. 436). Не смотря на это, Давидъ Ростиславичъ до 1185 г.,

является намъ постоянно воинствующимъ; кромѣ разныхъ походовъ онъ воевалъ 1170 г. противъ в. кн Мстислава, противъ Василька Ярополчича 1171 г. и противъ Свято-слава Всеволодича 1175.

Рюрикъ же Ростиславичъ еще больше совершилъ воинскихъ походовъ, особенно онъ часто воевалъ съ Половцами; оттого можетъ быть авторъ Слова даетъ предпочтеніе Рюрику, обращаясь сначала къ нему: А ты буй Рюриче и Давыде!

Что касается выраженія *копіа поють*, будто бы очень слабого, по выраженію Вяземскаго, ибо *копья* не *брячатъ* (Зам. стр. 402), то на это нужно сказать, что о *пѣвнн* копій еще Гримъ возбудилъ вопросъ, встрѣчается ли при *копіа* эпитетъ *поющіе*.

Въ Греческомъ эпосѣ встрѣчается подобное выраженіе напр. въ Иліадѣ XVI п. стр. 361:

δύστων τε ροῦζον καὶ δοῦπος ἀχόντων свистѣть стрѣлъ и гулъ метательныхъ копій. По переводу Гнѣдича: свистаніе стрѣлъ и жужжаніе копій.

Въ Русскихъ былинахъ не встрѣтилось еще, чтобы при *копяхъ* былъ эпитетъ *поющіе*, но про тетиву говорится:

Спѣла тетивка у туга лука.

Но и пущенная съ лука стрѣла могла производить звукъ, который могъ быть названъ свистомъ, *пѣніемъ*. То же можно сказать и о метательномъ *копѣ*, которое у насъ играло большую роль въ сраженіяхъ, напр. *суну копѣмъ* Святославъ (Ип. стр. 36).

На Дунаи не можетъ быть отнесено къ предыдущей рѣчи, гдѣ говорится о потомкахъ Владиміра—о Рюрикѣ и Давыдѣ, которые дѣйствовали или на сѣверозападѣ, или на востокѣ Руси; но это слово очень удобно можетъ быть отнесено къ слѣдующему; съ него должна начинаться самая пѣснь: На Дунаи Ярославинъ гласъ слышитъ. Слышитъ этотъ голосъ Игорь, голосъ, несущійся къ нему по Дунаю, Дунаемъ здѣсь называется вообще рѣка, какъ это

видно и изъ послѣдующаго: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бобринъ рукавъ во Каялѣ рѣцѣ.

Кромѣ этого оно здѣсь должно стоять и по складу рѣчи. Въ пѣсни Ярославны слышится разиѣръ, исключая перваго стиха; безъ слова на Дунаи онъ будетъ очень коротокъ и не будетъ гармонировать съ послѣдующимъ:

На Дунаи Ярославинъ гласъ слышитъ
Зегзицею незнаемъ рано вычеть:
Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
Омочю бобринъ рукавъ во Каялѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

С л ы ш и т ь... Буслаевъ предполагаетъ, что вмѣсто слышитъ должно было быть слышиться (Хр. 1870 г.). Между тѣмъ Вяземскій находитъ и форму слышитъ возможною въ значеніи страдательнаго залога (Зам. стр. 404). Но здѣсь нельзя этого предполагать.

Незнаемъ... Буслаевъ поправилъ въ незнаема, относя къ Ярославнѣ (Хр.); Малашевъ считаетъ опискою вмѣсто незнаемою зегзицею (стр. 184). Огоновскій удерживаетъ форму незнаемъ въ значеніи нарѣчія, какъ въ старослав. встрѣчаются: исполнь прѣирость, различъ, свободъ, странъ, угубъ, (въ Ип. л. людіе погани и невѣголось стр. 114).

По Дунаеви—Грамматинъ безъ нужды замѣнилъ по Донови (58).

38. Аркучи Потебня сталъ читать раздѣльно: а ркучи [Зам. о М. нар. п. стр. 21. и изъ Зап. II стр. 90).

38. На своею нетрудною крылцю—Огоновскій исправляетъ въ нетрудную.

38. Мало ли ти башеть горъ подъ облакъ вѣяти, лелѣючи корабли... Горъ Н. Полевой поправилъ горѣ, вверху (М. Т. 1833 г. ч. 5 пр. къ

434 стр.). Но такая форма горъ могла быть въ погибшей рукописи, какъ передѣлка ея переписчика изъ горѣ (см. выше). Делѣю чи Эрбенъ поправилъ въ делѣю чу. Объ этой поправкѣ его нужно сказать тоже, что и о поманувше [къ стр. 37].

Стр. 39. Святославлѣ носадны—съ Грамматина стали читать насадны.

Стр. 39. Плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ Тихонравовъ поправилъ въ Путивлѣ. Описка здѣсь была уже въ самой рукописи, въ послѣдней ясно было к, и издатели не колебались, что написать—к, или в., такъ какъ и въ Екат. сп. тоже къ.

Стр. 39. Идутъ сморци мѣглами. Максимовичъ поправилъ мѣглями. Но поправка эта не была принята.

Стр. 40. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслю поля мѣрять. Грамматинъ предъ спитъ вставилъ отрицаніе не. Но не лучше ли измѣнить здѣсь только пунктуацию, поставить послѣ спитъ вопросительный знакъ, чтобы не было противорѣчія и не было надобности прибѣгать къ натянутому объясненію, что Игорь считается спящимъ.

Стр. 40. Князю Игорю не бытъ—Малашевъ читаетъ не бысть (такъ и Потебня стр. 139) на томъ основаніи, что неопредѣленное наклоненіе не встрѣчается во всемъ Словѣ на ть, онъ предполагаетъ, что въ рукописи здѣсь было титло: не бы, а надстрочная буква была пропущена (стр. 125). В. Миллеръ тоже думалъ, что сначала было не бысть и при этомъ пропущено тутъ слово, соотвѣтствующее разумѣти. Онъ переводитъ такъ: Овлуръ свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но Игорю не было слышно. Тогда Овлуръ кликнулъ, и земля загудѣла (Взгл. стр. 241—242).

40. Вежи ся Половецкѣи подвижашася. Грамматинъ послѣднее ся отбросилъ (60), тоже сдѣлалъ и Эр-

бонѣ (стр. 18). Потебня кроиѣ отброски послѣдняго с я поправиль еще—подвигоша (стр. 139).

40. Игорьъ князь поскочи горностаемъ. Тихонравовъ на основаніи Екат. сп. исправиль въ поскачи. Во 2 изд. онъ напечаталь по изданію 1800 г.

Стр. 41. Въврѣжеса на брѣзъ комонъ. В. Миллеръ говоритъ, что нужно читать или вержеса или възвержеса (стр. 242); послѣднее чтеніе приняль Потебня (стр. 139).

41. И скочи съ него босымъ вѣкомъ, и потече къ лугу Донца. Грамматинъ исправиль—и босымъ вѣкомъ потече къ лугу Донца (стр. 60); Потебня приняль послѣднее чтеніе (стр. 139).

Стр. 42. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядыи на ветрѣхъ. Тихонравовъ предполагаетъ надъ е титло и читаетъ—его, Потебня кроиѣ этого поправиль в глаголь: стрегъшию его и сдѣлаль перестановку словъ чрънядыи на струяхъ, чайцами на вѣтрѣхъ.

42. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю ииѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Грамматинъ и Эрбенъ вмѣсто ли читали ти и уничтожили вопросительный знакъ (стр. 18). Вяземскій же считаль ли опискою вм. ми, въ значеніи поговорки (Зам. стр. 441). Та и другая поправка не устраняютъ неясности рѣчи. Не было ли здѣсь сначала: Нъ тако ли, рече, рѣка Стугна? Стругы ростре на кусту. Максимовичъ читаль: стругы рострена къ усту (къ устью). Такое же чтеніе принято и Тихонравовымъ. Уношу князю Ростиславу Вяземскій исправляетъ: уношу князя Ростислава. Затво: и Днѣпръ темнѣ березѣ... Вяземскій полагаетъ, что первые издатели здѣсь невѣрно прочитали рукопись. По его мнѣнію, нужно было бы читать такъ: Уношу князя Ростислава за-

твори днѣ при темнѣ березѣ (стр. 442). В. Миллеръ, соглашаясь съ вышеуказанными поправками, дѣлаетъ на нихъ основательныя возраженія, именно усто или усть въ значеніи устья не встрѣчается въ древнерусскомъ языкѣ, струги не могли имѣть творит. падежа струги, а только стругами, такимъ образомъ онъ полагаетъ, что выше исправленному началу нужно придать другое толкованіе, чѣмъ у Максимовича. Онъ переводитъ его: не такъ (поступила) говорить, рѣка стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла воды (протоки) на кустарникъ... Далѣе онъ къ поправкѣ Вяземскаго прибавляетъ вм. ростре простре, вм. днѣ—въ днѣ и переводитъ: и уношу князя Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу (стр. 243—245).

Дѣлая такія поправки, В. Миллеръ, по нашему, не совсемъ основательно замѣчаетъ, что мѣстный падежъ, кромѣ именъ городовъ, при нарицательныхъ именахъ не употреблялся въ русск. языкѣ XII в., и потому темнѣ березѣ должно имѣть предлогъ, который онъ, какъ и Вяземскій, передѣлываетъ изъ окончанія Днѣ прѣ — при (стр. 243). Но самое Слово о П. Иг., кромѣ этого мѣста представляетъ три случая употребленія мѣстнаго падежа безъ предлога—одинъ разъ для выраженія мѣста: дивъ ели четь в рѣху древа и два раза—для выраженія времени—п о л у н о щ и. Кромѣ того упоминаніе Днѣпра здѣсь необходимо, какъ видно изъ лѣтописи. Нужно было добѣжать до него, чтобы спастись. Такъ спасся Владиміръ Мономахъ. Нужно полагать, что на Днѣпрѣ были приготовлены средства для переправы на лѣвый берегъ его. Подъ 1093 г. говорится: приидоша Стугну рѣку; бѣ бо тогда наводнилася велии; (послѣ пораженія) и прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ и въ бродъ Володиміръ съ Ростиславомъ и нача утопати Ростиславъ передъ очима Володимировыми; и хотѣ подхватити брата своего, и мало не втону самъ; и тако утопе Ростиславъ... Владимиръ же

пребрѣдъ рѣку съ маломъ дружины... и пришедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своимъ... Ростислава же искавше обрѣтоша и въ рѣцѣ и взявши и принесомъ и Къеву, і плакася по немъ мати его и вси людѣ плакаша по немъ по велику, уности его ради (Ии. 153—154). Изъ этого разсказа видно, что мѣстомъ спасенія отъ погои Половецкой былъ Днѣпръ, до котораго не дошелъ Ростиславъ, потонувши въ Стугнѣ. Такимъ образомъ чтеніе Стугна... уношу ²²⁾ князю Ростиславу затворила Днѣпръ —будеть вполнѣ согласное съ лѣтописью. Потебня, принимая чтеніе Максимовича, Тихонравова и Вяземскаго, дѣлаетъ поправку еще одного слова, вм. худу струю имѣя читаетъ: имѣ, а пожьриши (стр. 140). Поправка едва-ли основательна: здѣсь главное дѣйствіе Стугны только затвори, другіе признаки (имѣя—постоянный и рострена—случайный, временный) второстепенные.

Те имѣ березѣ Тихонравовъ отнесъ къ послѣдующей рѣчѣ—плачется мати Ростислава. На такое чтеніе было возраженіе, что матъ тогда была въ Кіевѣ; но изъ лѣтописнаго повѣствованія не видно, чтобы она не могла съѣздить на мѣсто гибели сына, разстояніе отъ Кіева до него отъ 30 до 40 верстъ.

В. Миллеръ предлагалъ поправку потемнѣша берези, но она ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Ростиславъ—Грам. поправилъ въ Ростислава, но прилагательныя безъ смягченія губныхъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Слова.

42—43. Уныша цвѣты жалобою, а древо стугою къ земли прѣклонило, а не сороки вѣтроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Преклонило Граматинъ измѣнилъ въ прѣклонилось, какъ это и есть въ дру-

²²⁾ Уношу можетъ остаться и безъ поправки въ уношѣ, такъ какъ въ старомъ языкѣ было слово уношь (Ист. гр. Буслаева, прим. 17 къ § 97).

гомъ мѣстѣ: ничить трава жалошамъ, а древо стугою къ земли прѣклонилось. Но Эрбенъ недостающее при глаголѣ ся въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ находилъ въ словѣ стугою и читалъ—а древо ся тугою къ земли приклонило. Тихонравовъ удержалъ чтеніе первыхъ издателей, но с отдѣлилъ отъ тугою, а надъ глагольнымъ окончаніемъ ло поставилъ титло для выраженія пропуска—съ.

Шишковъ вмѣсто *а не* читалъ—*ажне*. Дубенскій считалъ ошибочной пунктуацию перваго изданія и относилъ (а за нимъ и другіе) а не сорокы къ послѣдующему предложению, находя здѣсь отрицательное сравненіе, какъ и въ Сказаніи о Дмитріи Ивановичѣ (стр. 243). Огоновскій считаетъ пенужнымъ союзъ а, который древнимъ писцомъ выдѣланъ изъ окончанія глагола съ (можетъ быть са?) стр. 123).

Стр. 43. Тогда врани не грахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.

Полозію Грамматинъ, Максимовичъ и Тихонравовъ читали раздѣльно—по лозію (лозіе). Грамматинъ кромя того ползаніе по лозію относилъ не къ сокорамъ, а къ дятламъ, и запятую поставилъ не передъ, а послѣ—*дятлове*.

В. Миллеръ, не находя удобнымъ ползоша отнести ни къ сорокамъ, ни къ дятламъ, предлагаетъ читать слитно лозіе въ значеніи змѣи, или какого нибудь южнорусскаго птичьаго вида изъ семьи ползуновъ въ видѣ дятловъ (стр. 246).

Потебня, принимая пунктуацию Грамматина, измѣняетъ еще къ рѣцѣ на къ руцѣ, путь къ руцѣ т. е. на руку, удобный, благоприятный (стр. 145). Кромя того онъ весьма основательно переставилъ все это мѣсто, въ которомъ безъ сомнѣнія высказывается сочувствіе природы

бѣгству Игоря, а не погони за нимъ Гзмъ и Кончака,— онъ поставилъ его послѣ словъ: претръгоста бо своя брѣзая конона (стр. 140).

Стр. 44. Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю. Это мѣсто подвергалось разнымъ поправкамъ: Бутковъ предполагалъ описку въ Словѣ и ходы; по его мнѣнію, здѣсь съ начала было или година, или выходные, или исходы—конецъ (В. Евр. 1821 № 22 стр. 102—103), коганя, по Буткову, нарицательное имя кохана—милая. Грамматинъ, принявъ и ходы въ значеніи походы, сдѣлалъ перестановку словъ: походы на Коганя, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Святославля, Ольгова. Полевой хоти передѣлалъ въ хотѣ, хотя—и отнесъ къ слѣдующему предложенію: хотѣ тяжко ти... Кромѣ того Полевой читалъ текстъ такъ: рекъ Боянъ и ходы (о походахъ) на Святославля (по подобію) пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя [имя пѣвца]. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 5 стр. 440—441). Вельтманъ читалъ: Боянъ пѣснотворцю стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя рекъ: хоти и ходы на Святославля, т. е. желанія свои и обращенія къ Святославу (пр. 59). Вицинъ при измѣненіи хоти въ союзъ хотѣ считаетъ еще нужнымъ такъ передѣлать текстъ: рекъ Боянъ и години Святославовой пѣснотворцы стараго времени Ярослава и Олега князя... хотѣ тяжко...

В. Миллеръ принялъ вм. и ходы—исходы, (конецъ — ἔξοδος). По его мнѣнію, здѣсь пѣвецъ Игоря называетъ себя также пѣснотворцемъ Святослава Кіевскаго, котораго въ эпическихъ чертахъ богатыря изобразилъ онъ, въ походѣ на Половцевъ, пѣвцомъ Ярослава и Олега, о которыхъ тоже упоминаетъ онъ въ Словѣ, и пѣвцомъ княжеской жены—Ярославны, плачь которой онъ представилъ въ известной мѣснѣ (стр. 126 и 227—248).

На это Ор. Миллеръ замѣтилъ, что изображеніе въ богатырскихъ чертахъ вовсе не составляетъ характеристическаго свойства его собственнаго поэтическаго пошиба, заключающагося въ томъ, чтобы пѣть по былинамъ своего времени (Ж. М. Н. Пр. 1877-г. Сентябрь стр. 59). Но намъ кажется это основаніе не имѣющимъ силы, если вспомнимъ Ярослава Осмомысла, Романа и Мстислава, Рюрика и Давыда, которые изображены въ Словѣ дѣйствительно эпическими богатырями. По нашему мнѣнію, болѣе вѣскимъ возраженіемъ на мнѣніе В. Миллера, что авторъ Слова — пѣвецъ Святослава и что главное лицо въ Словѣ Святославъ, было бы указаніе на несовмѣстность съ этимъ выраженіемъ — зло ти тѣлу, кромѣ головы, — Русской землѣ безъ Игоря.

Огоновскій поправляетъ это мѣсто такъ: Речъ Боянъ, исходя на Святослава, пѣснотворца стараго времени Ярославля и Ольгова, когана хоти. Читая такъ, онъ предполагаетъ, что кромѣ Бояна былъ еще пѣвецъ Святославъ, который былъ ниже Бояна, былъ только рѣмачемъ и пѣвцомъ Олега, ворохобника и пріятеля хана (когана хоти), отчего пѣвецъ Игоря и относится съ укоромъ къ пѣвцу, называя пѣснотворцемъ т. е. рѣмачемъ. Кромѣ того Огоновскій согласенъ считать, начиная съ и с х о д я по слово х о т и, глоссою позднѣйшаго грамотѣя, который, зная про соперничество обоихъ пѣвцовъ, самъ сдѣлалъ неудачную прибавку (стр. 124).

Потебня съ и х о д ы н а (его чтеніе: и м р. о д и н а т. е. имя речъ) по Б о г а н я считаетъ тоже глоссою къ Боянъ (стр. 148).

Тяжко ти головы Граматинъ поправилъ головѣ, такъ стали печатать и другіе, не исключая и Тихонова; но это излишняя поправка, — форма головы въ обоихъ спискахъ — и составляетъ особенность погибшей рукописи.

Стр. 45—46. Странн ради, гради весели, пѣвшє пѣснь старимъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Тихонравовъ измѣнилъ здѣсь пунктуацию: послѣ весели поставилъ точку, послѣ молодымъ совсѣмъ не ставитъ знака, а послѣ пѣти слава ставитъ двоеточіе. Вяземскій точку ставитъ послѣ пѣти и относитъ къ страны рады (стр. 509 Зам.). В. Миллеръ держится пунктуации кн. Вяземскаго и считаетъ окончаніе обычнымъ приѣмомъ нашихъ величаній, слово слава считаетъ обычнымъ припѣвомъ подобныхъ величаній, вродѣ: Слава Богу на небѣ—слава! (стр. 249).

Святославлича и Игоревичу (въ Екат. Игоревичъ)—Тихонравовъ ставитъ въ своемъ изданіи въ окончаніяхъ титла. Кн. Вяземскій думаетъ, что разночтенія въ спискахъ произошли отъ написанія въ рукописи у, которое надъ Святъславлич, т. е. надъ ч поставлено было въ наклонномъ положеніи и въ формѣ ука—^α, укъ надстрочный въ Игоревич былъ принятъ издателями сначала за ъ, а потомъ за у (Изм. стр. 263).

46. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь. К. Вяземскій полагаетъ, что а или описка вмѣсто и, и тогда предъ аминь нужно поставить знакъ, или здѣсь нѣтъ описки, но слово—а дружинѣ нужно поставить въ скобкахъ, т. е. что дружина должна сказать—аминь (Зам. стр. 517). В. Миллеръ принялъ первую поправку—и дружинѣ.

4. Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей Русской литера- турѣ.

Направленіе творца Слова, проникнутаго интересами дѣйствительной жизни, видѣвшаго въ распряхъ князей гибель благосостоянія и жизни всего народа Русскаго, не осталось безъ вліянія на послѣдующія поколѣнія. Ему подчинялись люди, занимавшіеся богоугодными дѣлами и притомъ въ такое время, въ которое сильнѣе укоренялось въ народѣ религиозно-нравственное направленіе. Нѣкоторые мѣста изъ Слова заучивались наизусть и принимались къ современнымъ событіямъ. Подтверженіемъ этому можетъ служить слѣдующая приписка къ пергаменной рукописи Апостала 1307 г. (Синод. библ.): „сего же лѣтъ быѥ бои на русьскои земли. Михаилъ съ Юрьемъ и княженъ Новгородское; при сихъ князехъ сѣиашеся и росташе оусобицами, гмынаше жизнь наши въ князехъ которы и вѣци скороташася члвкѣмъ“ (Срезнев. Древн. пам. яз: и п). Эта приписка, сдѣланная писцомъ всей рукописи 1307 г., касается распри тогдашнихъ князей — Св. Михаила Тверскаго съ Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ. Эти слова безъ всякаго сомнѣнія, не случайно совпали съ подобными въ Словѣ о п. И.; они заимствованы были изъ него, но

только съ нѣкоторыми перемѣнами, зависящими частію отъ иныхъ понятій переписчика Апостола сравнительно съ творцомъ Слова, частію отъ того, что они приведены были по памяти.

Соотвѣтствующее мѣсто въ Словѣ читается такъ: Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеть и ростяшеть уобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци чловѣкомъ скратишась. Первая отиѣна состоитъ въ замѣнѣ словъ: жизнь Дажьбожа внука—словами: жизнь наши. Переписчикъ сдѣлалъ эту замѣну, можетъ быть, потому, что считалъ неумѣстнымъ въ церковной книгѣ помѣщать имя языческаго бога, а можетъ быть, и потому, что уже не понималъ значенія его. Во всякомъ случаѣ такая замѣна свидѣлствуетъ, что онъ сознательно пользовался готовыми выраженіями для изображенія современнаго ему происшествія.

Другія отиѣны свидѣлствуютъ, что переписчикъ писалъ по памяти, не имѣя у себя предъ глазами подлинника Слова. У него гниаше стоитъ вмѣсто погибашеть, въ кпзехъ которы вм. въ княжихъ крамолахъ. Последнее выраженіе у вѣнца Игорева относится къ послѣдующему предложенію „вѣци чловѣкомъ скратишась“ а у переписчика Апостола къ предыдущему: „гниаше житиъ наши“, послѣдующее же предложеніе поставлено особнякомъ съ союзомъ „и“ и вѣци скоротилась члвкми“. Не смотря на эти перемѣны смыслъ остался тотъ же у переписчика, что и у автора Слова: а замѣны однихъ словъ другими, но непремѣнно созвучными,

еще болѣе утверждаютъ насъ въ мнѣніи, что это писано именно по воспоминанію о подобномъ изображеніи боя въ Словѣ о п. Игореви.

Такъ было въ началѣ XIV ст., въ концѣ же этого столѣтія мы видимъ, что Слово о п. Иг. не только было извѣстно по памяти, но было уже записано и читалось грамотными людьми. Основная мысль, направленіе автора уже не создавалось такъ ясно, но за то оно считалось образцомъ исторической повѣсти, какъ по плану, такъ еще болѣе по своей поэтической формѣ, по способу изображенія войны. Доказательствомъ этого служатъ разныя повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Множество видовъ этихъ повѣстей можно свести къ двумъ группамъ, изъ коихъ къ первой относятся повѣсти, извѣстныя подъ именемъ—Словъ Задонщинъ, а ко второй—Сказанія и Повѣданія о побоищѣ великаго князя Дмитрія Донскаго.

Первую группу составляютъ два произведенія; одно XV в., найденное въ Сборникѣ Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря, писанномъ полууставомъ, подходящимъ къ скорописи, подъ заглавіемъ: Писаніе Софонія старца Рязанца, Задонщина великаго князя гна Дмитрія Ивановича" (напечатано въ Учен. Зап. Ак. по 2 отд. кн. V 1859 г. прил. стр. 57—60). Другое этого же разряда произведеніе относится къ XVII ст. Оно отыскано Ундольскимъ въ одномъ сборникѣ половины XVII в. и носитъ заглавіе: Слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамаю. (напечатано во Врем. Общ. ист. и древ. р.

при Моск. Ун. въ XIV кн. Сводная редакція обоихъ списковъ напечатана Срезневскимъ въ Изв. Ак. Н. по 2 отд. т. 6 № 22—25, 1857 г).

Первое произведение, какъ древнѣйшее, имѣетъ для насъ больше значенія, чѣмъ второе и сказанія второй группы. Оно отличается краткостію сравнительно со всѣми остальными. Планъ его тотъ же, что и въ Словѣ о п. Иг. и заимствованія изъ послѣдняго стоятъ ближе къ подлиннику. Слово о великомъ кн. Дмитріи Ивановичѣ и братъ его кн. Владимірѣ Андреевичѣ пространнѣе Писанія Софоніева. Оно имѣетъ сходство съ Писаніемъ, но и значительно разнится отъ него. Выраженія этого Слова: азъ же помяну Рязанца Софонія и восхваляю пѣсньми и гусленными словесы сего вел. кн. Дмитрія Ивановича—показываютъ, что авторъ его подражалъ первому. Но едва ли онъ подражалъ именно по извѣстному намъ Бирилло-Вѣлозерскому списку XV в. Мѣста, заимствованныя изъ Слова, не только измѣнены въ немъ и переставлены, но встрѣчаются также и такія, какихъ нѣтъ въ первомъ. Съ другой стороны во второй редакціи Задонщины, т.-е. XVII в. болѣе логической связи между частями, чѣмъ въ первой.

Произведенія второй группы, извѣстныя подъ названіемъ „Сказаніе и Повѣданіе о побойщѣ вел. кн. Дим. Ив. Донскаго“ ¹⁾, заключаютъ въ себѣ тоже картины и выраженія, взятая изъ Слова о п. Иг., но заимствованія вошли въ нихъ не непосредственно изъ Слова, а чрезъ Задонщину.

¹⁾ Сказанія изданы Снегиревымъ по пяти спискамъ въ Рус. Ист. Собр. 1838 г. т. III.

Основою этих Сказаній служило Слово о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, царя Русскаго (въ Р. Ист. Сб. т. III), въ которомъ вовсе нѣтъ заимствованій изъ Слова о п. Иг.³⁾ Съ теченіемъ времени въ немъ дѣлались добавки и вставки изъ разныхъ народныхъ разсказовъ, а также и изъ Задонщинъ. Что заимствованія въ сказаніяхъ изъ Слова совершались при посредствѣ Задонщинъ, это видно будетъ изъ сличенія мѣстъ сходныхъ въ тѣхъ и другихъ.

Для большей наглядности представляемъ здѣсь (на слѣдующей страницѣ) параллель мѣстъ сходныхъ или похожихъ одно на другое въ Задонщинахъ, Сказаніяхъ и Словахъ о п. Иг.; представляемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ Задонщинѣ по списку XV в. Кирилло-Бѣлоозерскаго сборника.

³⁾ Обзоръ редакцій этихъ сказаній находится въ статьѣ Назарова, «Сказанія о Момаевомъ побойщѣ» Л. М. Н. Пр. 1858 г. ч. 99 стр. 41—42, 46.

Писаніе Софонія, по Слово о Дим. Ив. по
сп. XV в. сп. XVII в.

1. Запѣвъ, воспоминаніе о Боянѣ.

Лудчи бо намъ брате начати повѣдати иными словесы отъ похвалныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великаго князя....

Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ, не проразимся мыслию, но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, помянемъ вѣщаннаго боярина горазна гудца въ Кіевѣ.

Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша рускимъ княземъ славу.

Первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичу и великому князю Владимиру Все-славьевичу Кіевскому и великому князю Ярославу Володимировичу.

Восхвалимъ вѣщаго (го) Бояна въ Кіевѣ гораздо гудца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златныя персты на живыя струны, пояше славу Русскимъ княземъ.

Первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичъ и ѿ-славу Ярославичу, Ярославу Володимировичу.

2. Характеристика героев: Димитрія Ивановича и Владимира Андреевича.

Поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостію.

Истезавше умъ свои крѣпкою крѣпостію и поостриша сердца свои мужествомъ и наполнили ратнаго духа.

**Сказанія и Повѣданія
о Мамаевомъ побѣ-
нцѣ, по изд. Снегирева.**

Слово о Пол. Игор.

Се повѣдай Уранъ, како
случися брань.... (въ одномъ
сп. Тимк.)

Не лѣпо ли ны бѣшеть
братіе начати старыми сло-
весы трудныхъ повѣстій о
пѣлку Игоревѣ.

Начати же ся тѣмъ пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышленію Бояню.
Боянъ бо вѣщій.... растека-
шется мыслию по древу, сѣ-
рымъ вѣлкомъ по земли....
Боянъ не 10 соколовъ на
стадо лебедѣй пуцапе, нѣ
своя вѣщія прѣсты на жи-
вая струны вѣскадаше; они
же сами княземъ славу ро-
котаху.

Старому Ярославу, храб-
рому Мстиславу, иже зарѣза
Редедю предъ пѣлкъ Ка-
сожьскими, храброму Рома-
нови Святъславличю.

Х а р а к т е р и с т и к а И г о р я.

Иже истагну умъ вѣпо-
стію своею и поостри серд-
ца своего мужествомъ, на-
пльнився ратнаго духа.

3. Воззваніе къ Соловьѣю Бояну

Жаваранокъ птица, въ красныя дни утѣха! взлети подъ синіе облака, пой славу вел. кн. Дмитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондръевичу; они бо взнялися какъ соколи со земли русскыя на поля Половетцѣя.

Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ въ Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенить слава по всей земли русской, чудно стязи стоятъ у Дону великого, па-шутся хоригови берчати, свѣтять^ѣ калантыри зачены (злачены), звонят колоколи вѣчныи в велико^{мъ} в Новѣгородѣ, стоятъ мужи Наугородци у ѣтны Софїи.

Оле, жаворонокъ лѣтняя птица красныхъ дней утѣха! возлети подъ синее небеса воспой славу вел. кн. Дм. Ив. и брату его Владимиру Андреевичу. Цибуря соколы снесетъ изъ земли залѣскія въ поле Полотское.

На Москвѣ кони ржутъ, звенить слава по всей зем-ли русской, въ трубы тру-бить на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стязи у Дзуная великаго;

Звонятъ въ колоколы вѣ-чные въ великомъ Новѣгоро-дѣ у Софїи премудрыя
(при описаніи встрѣчи русскихъ съ татарами:)

Пашутъ бо ся аки живи хоругви, ищутъ собѣ чести и славнаго имени.

4. Рѣчь Дмитрія къ князьямъ

Гнѣздо есмь были едино князя великаго Ивана Данильови^{ча}, досюды есмь бы-ли брате, никуды не изоби-

Гнѣздо есмь были вели-каго князя Владимира Кіев-скаго, не въ обидѣ есмь бы-ли по роженію, ни ястребу,

и описане сбора въ походъ.

О Бояне, соловію стараго
времени! а бы ты сіа плѣкы
ущекоталъ, скача славію по
мыслену древу, летая умою
подъ облакы свивая славы
оба полы сего времени.

Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая.

Тогда же возвѣяша силь-
ны вѣтри по бервицѣ ши-
ротѣ.

Громко въ варганы бьютъ,
тихо съ поволокою ратные
трубы трубятъ, многогласно
и часто кони ржутъ, зве-
нить слава по всей русской
земли;

Комони ржутъ за Сулою,
звенить слава въ Киевѣ,
трубы трубятъ, въ Новѣ-
градѣ,

Великовѣче бьютъ въ ве-
ликомъ Новѣградѣ; стоятъ
жуи Новгородци у Святыя
Софѣи премудрости Божіа.

(При описаніи сраженія):

Стези ревутъ наволоче-
ніи... Хоругви, аки живи
пашутся шеломы на гла-
вахъ златомъ изукрашены.

стоятъ стязи въ Путивлѣ.

Стязи глаголють.

о единствѣ ихъ происхожденія.

Гнѣздо есмь князя Вла-
димера Кіевскаго.

Дремлетъ въ полѣ Оль-
гово хороброе гнѣздо, дале-
ко залетѣло; не было нѣ

жени, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлому кречату, ни тому псу поганому Мамаю. ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю.

5. В т о р о е в о з з в а

Славій птица, чтобы еси О, соловей, лѣтняя птица, чтобы ты, соловей, пощекоталъ славу великому князю Дмитрію Ивановичу. выщекотала сіа два брата.

6. Х а р а к т е р и с т и к а О л ь г е р д о в и ч е й.

Ти бо (Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій) на щитѣ роженъ, под трубами поють (повити?), подъ шеломи възлѣланы, конецъ копія вскоримлены, с востраго меча поены.

Тѣ бо суть вѣдоми полководцы подъ трубами, подъ шеломи злечеными.

(Въ другомъ мѣстѣ вел. кн. Дмитрій говоритъ о своемъ войскѣ:) а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подъ собою имѣемъ добрые кони, а на собѣ злеченные dospѣхи, а шеломи черкаскіе, а щиты Московскіе, а сулицы Нѣмецкіе.... Пашутъ бо ся аки живи хоругови, ищучи собѣ чести и славнаго имени.

обидѣ поражено ни соколу,
ни кречету, ни тебѣ, черный
воронъ, поганый Половчине!

н і е к ѣ С о л о в ѣ ю.

О Бояне, соловію стараго
времени, абы ты сіа плѣкы
ущекоталь, скача... пѣти бы-
ло пѣснь Игоревы.

Характеристика дружинъ — Владимира Андрея и Всеволода.

(Влад. Андр. говоритъ о
своей дружинѣ:) воеводы у
насъ вельми крѣпцы, а рус-
кіе удалцы свѣдоми, имѣють
подъ собою борзые кони, а
доспѣхи имѣють велики твер-
ды, злеченные калантыри, бай-
даны и колчары Фряйска, ко-
рды Лятцкіе, сулицы Нѣ-
мецкіе, щиты червенныя, ко-
пья злеченныя, сабли булат-
ныя, а дорога имъ велики
свѣдома, березы имъ по Оцѣ
изготовлены, хотятъ головы
свои сложити за вѣру хри-
стіанскую и за твою обиду
государя и великаго князя.

А мои ти Куряни свѣдо-
ми кѣмети, подѣ трубами
повити, подѣ шеломы въ-
злелѣяны, конецъ копія въ-
скрѣплены, пути имъ вѣдо-
мы, яругы имъ знаемы, луцы
у нихъ напряжены, тули от-
ворены, сабли изѣострены,
сами скачутъ аки сѣрыя влѣ-
цы, ищучи себе чти, а кня-
зю славу.

7. В ы р а ж е н і е б р а т с к и х ъ

Сама есма два брата, дѣ-
ти Вольярдовы, сядемъ бра-
те на свои борзи комони,
испиемъ брате шеломомъ сво-
имъ воды быстрого Дону.

8. О т вѣ т н а я рѣ ч ь Д м и т р і я .

Сѣдлай брате Ондрей свои
борзы комони, а мон готови,
напереди твои^х осѣдлани.

Сѣдлай брате Андрей
свой добрый конь, а мой
готовъ осѣдланъ.

9. З л о вѣ щ і я п р е д

Уже бо всташа сильніи
вѣтри съ моря, прилѣяша
тучю велику на усть Нѣпра.
Ис тучи выступи кровавыя
облока; а из нихъ пахуть
синіе молнии... быти сту-
ку и грому велику межу
Дономъ и Нѣпромъ.

Уже бо брате возвіяли по
морю на усть Дову и Нѣ-
пра, прилѣяша тучи на Рус-
кую землю; изъ нихъ же
выступали кровавые зори; а
въ нихъ трепещутся силь-
ные молнии. Быти стуку
великому на рѣчкѣ Непрядѣ
межи Дономъ и Нѣпромъ.

Идетъ Хинела на Рускую
земля...

Уже бо скрипѣли телѣги
межу Дономъ и Нѣпромъ, а

ч у в с т в ъ . Ц ѣ л ь п о х о д а .

И рече ему. буй туръ Все-
володъ: одинъ братъ, одинъ
свѣтлый ты, Игорю, оба есѣ
Святъславлича — (Игорь го-
воритъ Всеволоду): а вся-
деиъ, брате, на свои бръзны
комони, да позримъ синего
Дону... Хощу бо, рече, ...
а любо испити шелономъ
Дону.

(Рѣчь Всеволода).

Сѣдлай брате свои бръ-
зны комони, а мои ти гото-
ви, осѣдлани у Курьска на-
переди.

знаменованія природы.

(Въ описаніи сраже-
нія): а трепетали сильніи
молніи отъ облистанія меч-
наго и отъ саблей булат-
ныхъ. Въ тоже время ту-
тошныя рѣки мутно потекли.

Придоша на то мѣсто
мнози волцы, по вся ноци

Другаго дни велики рано
крававы зори свѣтъ повѣ-
даютъ, чръныя туча съ моря
идуть, хотятъ прикрыти 4
соляца, а въ нихъ трепе-
щутъ синіи мълніи, быти
грому великому, итти дождю
стрѣлами съ Дону великаго.
Се, вѣтри, Стри божи вну-
ци, вѣють съ моря стрѣла-
ми; земля тутнеть, рѣки мут-
но текутъ....

Кричатъ тѣлѣгы полуно-
щны. рци лебеди роспущени.

Сѣріе волцы воють....

идутъ Хинелѣ поганья къ
Руской земли. И притекоша
сѣріе волцы отъ усть Дону
и Нѣпра и ставши воють.

Тогда же гуси гоготаше и
лебеди крилы въсплескаша.

Тогда же гуси возгогота-
ли и лебеди восплескаша
крылами своими.

Птицы небесныя пасущесе
то под синіе оболока, воро-
ны грають, галицы свои рѣ-
чи говорить, орли воскле-
кчють,

Волцы грозно воють, ли-
сицы часто брешуть, чають
побѣду на поганыхъ, аркучи
такъ: земля еси руская! какъ
еси была досѣлева за цѣремъ
за Соломоно", такъ буди и
нѣвча за кнземъ великимъ
Дмитріемъ.

А ужъ бѣды ихъ (та-
таръ) пасоша, птицы крыла-
ти подъ облакъ летать, во-
роны часто грають а гали-
цы своею рѣчью часто гово-
рятъ, орли хлѣкчють,

а волцы грозно воють, а
лисицы на костѣхъ бряшуть.
Руская земля то первое еси
какъ за царемъ за Соломо-
номъ побывала.

воють непрестанно. Гроза бо велика есть слышати.

И мнози ворони собраша-ся не обычно, неумолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орлы отъ усть Дону прелетѣша, лисицы на кости брешутъ (въ списк. Оболен. глядячи на золотыя доспѣхи).

(въ другомъ мѣстѣ) Позади татарскихъ полковъ волцы воють вельми грозно, вороны и галицы безпрестанно кричаще, и гуси, лебеди и утята крылами плещутъ не обычно и велику грозу подаютъ (стр. 45—46).

Нѣ часто врани граихуть, трупѣя себѣ дѣляче, а галицы свою рѣчь говоряхуть....

Уже бо бѣды его пасеть пгяць, подобію вльци грозу въсрожать по яругамъ, орлы клеткомъ на кости звѣри зовутъ,

Лисицы брешутъ на чрѣленные щиты.

О Русская земле! уже за шеломянемъ еси! Длѣго. Ночь мркнеть....

10. И з о б р а ж е

Уже бо стукъ стучить и
громъ гремитъ рано предъ
зорею; то ти не стукъ сту-
чить, ни громъ гремит, князь
Володимеръ Ондръевичъ ве-
детъ вой свои.

Что шумить и что гре-
митъ рано передъ зорями?
Князь Владиміръ Андреевичъ
полки перебираетъ.

11. В ы ѣ з д ѣ к н я з я

Тогда же князь велики
Дмитрей Ивановичъ ступи въ
свое златое стремя, всѣдъ на
свой борзый конь ... солнце
ему на востоцѣ ясно свѣтитъ,
путь ему повѣдаетъ.

Тогда кн. вел. Дмитр.
Иван. вступивъ во златое
свое стремя.

Солнце ему на востокъ
сіяетъ и путь повѣдаетъ.

12. О п и с а н і е

Грянуша копія харалуж-
ныя мечи булатныя, топоры

Наѣхали рускіе князи на
силу татарскую и удариша

н і е п о х о д а.

Не стукъ стучить, не
громъ гремить, по зорѣ сту-
чатъ и гремѣть русскіе удаль-
цы. Князь Володимеръ Анд.
возится рѣку на Красномъ
перевозѣ. (Въ др. мѣстѣ)
Не стукъ стучить и не громъ
гремить въ славнѣ градѣ
Москвѣ, стучить рать в. кн.
Дмитріа Ивановича.

Что ми шумить, что ми
звенить давеча рано предъ
зорями? Игорь плѣкы заво-
рочаетъ.

п р е д в о д и т е л я.

Кн. вел. Дмитр Ив. всту-
пи въ златокованное стремя
и сѣде на своего любовнаго
коня;

А солнце съ восхода свѣ-
титъ [въ другихъ списк. со-
лнце ему на востоце ясно
путь подаетъ] и вѣтрець
тихъ и теплъ по нихъ
вѣетъ.

Тогда вѣступи Игорь князь
въ златъ стремя и поѣха
по чистому полю.

Солнце ему тъмоу путь
заступаше.

с р а ж е н і я.

(Предъ началомъ сраже-
нія): Вельми земля стонетъ,
вострепеташа лузи и болота,
рѣки же и озера изъ мѣстъ
своихъ выступиша.

Татарове скликнуша свои-
ми языки и крѣпко ступи-

Земля тутнетъ, рѣки нут-
но текутъ.

Дѣти бѣсови кликомъ по-
ля прегородиша.

легкіе , щиты Московскія ,
шеломы Нѣмецкія.

копье Оараоужными о до-
спѣхи татарскіе, взгремѣли
мечи булатные о шеломы хи-
новскіе.

Тогда поля костыми насѣ-
яны, кровьюю поліано,

Воды воспиша, вѣсть по-
даваша порожнымъ земямъ за
Волгу к желѣзнымъ вратамъ
к Риму....

Черна земля подъ копѣ-
ты, а костыми татарскими по-
ля насѣяша, кровьюю ихъ зе-
мля пролита бысть, а силь-
ніи полки ступишася въ мѣ-
сто и протопташа холми и
луги и возмутишася рѣки,
потоки, озера, и вликнули
быша дивы въ русской зем-
ли, а глава шибла къ же-
лѣзнымъ вратамъ, ли къ
Караначи, Криму и х Сафѣ.

шася, треснуша копія харалужныя, звѣняют доспѣхи злаченыя, стучать щиты черленныя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя. На полѣ Куликовѣ сильніи полки еступишася, изъ нихъ же вытекають кровавыя ручьи, и трепетали сильніи молніи отъ облиставія мечнаго и отъ саблей булатныхъ. Въ то же время тутюшныя рѣки мутно пошли... вострепеташа лузи и болота, озера выступиша изъ мѣстъ своихъ, протопташися холми высокіе, траву же кровью подымвало, льющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны.

Гремлеши о шеломи мечи харалужными; камо туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганныя головы полувекныя.... летять стрѣлы каленныя, гримлютъ сабли о шеломи, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемъ.

Черна земля подъ копыты костьюи была посѣяна, а кровью поляна, тугою взноша по русской земли.

Притрепеталъ своими сильными плѣки и харалужными мечи... притопта холми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганнаго Кобыяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, аки вихрь выторже. Падесе Кобыякъ въ градъ Кіевъ.

Тогда же было не лѣпо
стару помолодиться.

Хоробрыи Пересвѣтъ . . .
свистомъ поля прегороди, ар-
кучи таково слово: лучши
бы есмь сами на свои мечи
наверглися, нежели намъ бѣ
поганныхъ положеннымъ пасти.

И рече Ослебя Пересвѣ-
ту: уже твоей главѣ пасти
на сырую землю на бѣлую
ковылу.

Уже брате пастуси не кли-
чуть, ни трубы не трубятъ,
только часто вороны грають,
зогзици кокують на трупы
падаючи.

И въ это время стару на-
до помолодѣть.

(Пересвѣтъ говорить Дми-
трію:) лутчи бы намъ потѣ-
тымъ быть нежели полоне-
нымъ отъ поганныхъ татаръ.
(Объ немъ еще говорится
здѣсь:)

Пересвѣта черница на су-
женое мѣсто привели... Онъ
поскакиваетъ на своемъ до-
бромъ конѣ, а значеннымъ
доспѣхомъ посвѣчиваетъ.

Ослебя говоритъ Пересвѣ-
ту: летѣти главѣ твоей на
траву ковыль, а чаду твое-
му Іакову лежати на зеленѣ
ковылѣ травѣ.

И въ то время по Резан-
ской земли около Дону ни
ратан, ни пастухи въ полѣ
не кличють, но едины воро-
ны грають трупа ради чело-
вѣческія.

Трава кровью пролита
бысть, а дрѣвеса тугою къ
земли приклонишася.

Дивъ кличетъ врѣху древа,
велитъ послушати земли не-
знаемъ — Влѣзѣ и поморію,
и посулію и Суражу и Кор-
суню и тебѣ Тьмутороканъ-
скій блѣванъ!

Лѣпо бо есть въ то вре-
мя и стару помолодиться, а
молоду храбрости испытати.

А чи диво ся братіе ста-
ру помолодити?

Лице жъ бы потяту быти,
неже полонену быти.

Бориса же Вячеславича
слава на судъ приведе. Камо
туръ поскачаше, своимъ зла-
тымъ шеломахъ посвѣчивая.

И на конину зелену па-
полому постла.

Тогда по русской земли
рѣтко ратаевѣ кивахуть, нѣ
часто врани грахуть, тру-
піа себѣ дѣляче.

Ничить трава жалошамъ,
а древо с тугою къ земли
преклонилось.

(Передъ эпизодомъ о Пересвѣтѣ при исчисленіи убитыхъ татарами пахотятся слѣдующія подробности :) На томъ поли сильные тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молоньи и загремѣли грома величьи, то ти ступишася рускіе удалцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченные, а гремѣли князи рускіе мечьми булатными о шеломахъ хиновскіе.

Тогда же не турп возрыкають... взопаша избіеніи ѿ поганыхъ.

Не турп възгремѣли у Дунаю великаго, но посѣчени князи рускіе.

13. П л а ч ъ

Тогда же всплакаша^ѣ горко жены боярыни по своихъ осподарѣхъ, въ краинѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микулина Марія, аркучи таково слово:

Доне, Доне, быстрый Доне! прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харалужныя, прилелѣй моего Микулу Васильевич

Жена Микулина Оедосья, а жена Дмитріева Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя, аркуютъ тако:

Доне, Доне, быстрая рѣка! прорыла еси ты каменные горы и течеша въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ.

Чръныя тучы съ моря
идутъ а въ нихъ трепещутъ
синіи мѣніи.

Гримлютъ сабли о шелоны,
трещатъ копія харалужныя.

Не турове возревѣша, воз-
ревѣша мнози удалцы, уры-
вающеся на землю подѣ кон-
скіи копыта.

Не ваю ли храбрая дру-
жина рыкаютъ аки тури ра-
нены саблями калеными.

Ж е н ъ.

(Въ одномъ только
Погодинскомъ спискѣ).

Микулина жена Оедосѣя,
да Марѣя Тимофеева жена
рано сташа у Москвы рѣки,
рекоша:

Доне, быстрая рѣка! Про-
текла восквозѣ горы камен-
ныя, а течешь въ землю По-
ловецкую, залелѣяла моего
государя Микулу.

Жены рускія въсплака-
шась аркучи.

Ярославна рано плачетъ
Путивлю городу на заборѣ-
лѣ, аркучи:

О Днепре словутицю! ты
пробилъ еси каменныя горы
сквозь землю Половецкую;
ты лелѣялъ еси на себѣ
Святослава носадѣ до плѣ-
ку Кобыкова: възлелѣй го-

А Тимофеева жена рече тако: се уже веселіе мое пониже... обвѣла намъ солнце померкоста.

И восплакашася жены Коломенскіе, аркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси заглядывала мужей нашихъ отъ насъ въ землю Половецкую, и ркутъ тако: можешь ли господине князь великій весли Нѣпръ запрудить; замкни государь Окѣ рѣкѣ ворота.

На описаніи плача женъ Писаніе Софонія прекращается, въ Словѣ же о Дмитріи продолжается разсказъ о побойцѣ. Въ этомъ описаніи сходны со Словомъ о п. Иг. слѣдующія мѣста.

(Въ описаніи послѣдней схватки:) стези ревутъ; и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша и злечеными до-сигъхами освѣтиша.

Уже бо ста туръ на бо-ронь...

сподине мою ладу ко инѣ, а
быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

И рече Акси́нья: се уже
веселіе наше миновалось, со-
лице наше померче въ слав-
номъ градѣ Москвѣ.

Чему господине мое весе-
ліе по ковылію развѣя? Два
солнца помѣркаста.

И прочія боярыни рано
плакашась тако: Москва, бы-
страя рѣка, зазеліяла еси
мужей нашихъ, а течеша
отъ насъ въ землю Поло-
вецкую; аркучи тако: можно
ли тебѣ государь нашъ вел.
кн. Дм. Ив. о веснѣ прудъ
запрудить, а Донъ рѣку ше-
ломами вычерпати и влити
ту воду въ тотъ прудъ; за-
тѣни государь Москвѣ во-
рота, чтобъ поганіи татаро-
ве на Русь не шли.

Ты бо можеша Волгу ве-
слы раскропити, а Донъ ше-
ломы выльяти.

Затвори въ Дунаю врата,
загородите полю ворота сво-
ими острыми стрѣлами.

(въ началѣ битвы:) тата-
ры скликнуша своими языки
и крѣпко ступишася.

Стязи глаголютъ:... Дѣти
бѣсови кликомъ поля прего-
родиша, а храбрін Русьци
преградиша чръленными щи-
ты.

Яръ туре Всеволоде! сто-
иши на борони.

14. П о с л ѣ д

А трупъми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ рѣки протекли.

Тутъ поганые разлучишася розно и побѣгоша не уготованными дорогами въ лукоморье.

Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тугою покрыша бо сердца ихъ.

Уже бо веселіе наше пониче.

Уже бо рускіе сынове разграбиша татарскіе узорочья и доспѣхи и кони и пр.

н і я б и т в н.

Погані побѣгоша въ поле не уготованными дорогами въ лукоморья, ркущи:

Уже памѣ въ своей земли не бывати, а катунь своихъ не трепати, а дѣтей своихъ не видати.

Застонула земля Татарская, бѣдами и тугою покрывающася.

Уже бо сынове рускіе разграбиша доспѣхи и щиты и всякое узорочье, атласы и бархаты.

(Въ сп. Тимковск.)

Удальцы восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ везучи въ землю уюсы и насычи, бугаи, кони!

Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ; чръна земля подъ копыты костями была посѣяна, а кровію поляна.

Ту ся брата разлучиста... Половцы не готовами дорогами побѣгоша къ Дону великому.

Жены рускія всплакашася аркучи: уже намѣ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо братіе Кіевѣ тугою, а Черниговѣ напастями; тоска разліяся по Руской земли.

Уныша бо градомъ забрали, а веселіе пониче.

Помчаша красныя дѣвки, а съ ними злато и паволоки и драгныя оксамиты; орѣтьями и япончицами и кожухы начаша мосты мостити... и всякими узорочьи половецкими.

Уже жены рускіе воспле-
скаша татарскимъ золотомъ.

Уже бо по русской земли
прострся веселіе и буйство;

Вознесся слава руская по
всей земли, а на поганныхъ
татаръ промчеса злыхъ бу-
сурмановъ хула и пагуба; уже
бо вержено диво на землю,
уже грозы вел. кн. Дм. Ив.
по всемъ землямъ текутъ
грозы.

Уже поганые оружія своя
повергоша на землю, а гла-
вы своя поделониша подъ
мечи рускіе, и трубы ихъ
не трубятъ, и уыша гласи.

Себо Готскія красныя дѣ-
вы воспѣша на брезѣ синему
морю, звоня рускимъ зла-
томъ, поютъ время Бусово,
лелѣють мечь Пароканю.
И великое буйство подасть
Хиновѣ.

(Въ началѣ сраже-
нія) Начаша одолѣвати по-
ганѣи: уже возсѣя хула на
хвалу и вержесѣ диво на
землю.

Уже снесесѣ хула на хва-
лу, уже тресну нужда на
волю; уже врѣжесѣ дивѣ на
землю.

Грозы твоя по землямъ
текутъ.

Половци сулицы своя по-
врѣгоша, а главы своя по-
клониша подѣ тѣмъ мечи ха-
ралужнымъ.

Трубы трубятъ въ Новѣ-
градѣ. Уняли голоса, пони-
че веселіе. Трубы трубятъ
городенскимъ.

Представивъ параллель сходныхъ мѣстъ въ разсма-
триваемыхъ произведеніяхъ, рассмотримъ, — въ какомъ отно-
шеніи находятся сходныя мѣста.

1. Въ заповѣдѣ Слово о Дмитріи больше другихъ
имѣетъ сходства съ Словомъ о п. Иг., въ немъ онъ пол-
нѣе, чѣмъ въ другихъ, говорится и объ иныхъ словесахъ,
вмѣсто старыхъ словесъ, и о повѣданіи по былинамъ, и о
вѣщанномъ бояринѣ, и о князьяхъ, которыхъ этотъ боя-
ринъ пѣлъ. Въ Писаніи только говорится о вѣщемъ Боянѣ
въ Киевѣ гораздо гудѣ. Князья здѣсь перечислены не
одни и тѣже. Писатель Задонщины, видно, имѣлъ въ виду
упрочить за Бояномъ славу пѣвца самыхъ первыхъ рус-
скихъ князей и перечислилъ ихъ согласно съ лѣтописями,
не исказивъ книжныхъ именъ. Авторъ Слова о Дим. писалъ
по памяти съ пропусками и удержалъ народныя названія
(Бяриковичъ и Всеславьевичъ). Въ Сказаніяхъ заповѣда нѣтъ,
но въ одномъ спискѣ (Тимковского) есть обращеніе къ какому-
то Урану, напоминающее только воспомнаніе о Боянѣ
въ "Словѣ.

2. Характеристика главныхъ лицъ ближе къ Слову
въ Словѣ о Дмитріи, чѣмъ въ Писаніи, въ Писаніи она
короче и передѣлана иначе,

3. Вмѣсто обращенія къ Соловью въ Задонщинахъ
обращеніе къ жаворонку, сборъ въ походы въ Задонщинахъ
составленъ по образцу Слова; буквальное заимствованіе есть
только въ Словѣ о Дмитріи: „Ци буря соколы снесетъ изъ
земли...“ но оно не имѣетъ связи съ предыдущими. Сказанія
не имѣютъ обращеній, но сборъ въ походъ изображается
близко къ Задонщинамъ и притомъ ближе къ Писанію: „сто-
ять мужи Новгородци у святыхъ Софѣи.

4. Рѣчь Дмитрія о единствѣ происхожденіи князей
въ Задонщинахъ составлена по образцу изображенія гнѣзда
Ольгова. Въ Писаніи авторъ пользовался источникомъ сво-
боднѣе, въ Словѣ о Дмитріи видно раболѣіе предъ бук-
вой Слова (не въ обидѣ семи по роженію, въ Пис.

эти выраженія опущены.). Сказанія объ обидѣ не говорятъ, а о гнѣздѣ буквально сходятся со Словомъ о Дмитріи.

5. Второе воззваніе къ Соловью тоже показывается раболѣніе предъ буквой въ Словѣ о Дмитріи (о соловей, какъ и выше: оле жаворонокъ пощекоталъ, въ Пис. выщекотала два брата). Въ Писаніи это желаніе выщекотать относится къ Ольгердовичамъ, въ Словѣ къ в. к. Дмитрію.

6. Характеристика Ольгердовичей ближе къ Слову въ Писаніи; въ Словѣ о Дмитріи она короче и только частію напоминаетъ Слово. Но за то въ послѣднемъ довольно подробно характеризуется дружина вел. князя. Эта характеристика составлена въ подражаніе характеристикѣ Курской дружины. По образцу характеристики великокняжеской дружины составлена характеристика дружины Владиміра Андреевича въ Сказаніяхъ. Она—дальнѣйшее развитіе предыдущей характеристики. Въ великокняжеской характеристикѣ еще удержано окончаніе изъ Слова: ищучи собѣ чести и славнаго имени; въ этой: за вѣру христіанскую и за твою обиду. Можетъ быть, послѣдняя взята изъ другихъ варіантовъ Слова о Дмитріи.

7. Выраженія братскихъ чувствъ въ Задонщинахъ нѣтъ, только въ Писаніи—безсознательно сказано: сама есма два брата, дѣти Вольярдовы, кажется, для того, чтобы поставить въ какую нибудь связь слѣдующее мѣсто, въ которомъ ^ѣ говорится о цѣли похода—испитіи шелокомъ изъ Дону. Въ Словѣ о Дим. и этого послѣдняго нѣтъ, тоже и въ Сказаніяхъ.

8. Рѣчь о сѣдланіи коней ближе къ Слову въ Писаніи.

9. Зловѣщія предзнаменованія въ Задонщинѣ напоминаютъ изображенія таковыхъ же въ Словѣ. Въ Словѣ о Дим. и Писаніи они близки другъ къ другу. Касательно буквального сходства, Писаніе ближе къ Слову (синіи молнии, быти грому,) но за то Слово о Дим. ближе, чѣмъ Писаніе, держится плана изложенія, такъ напр., говоря о на-

шествиѣ враговѣ впереди ставитъ мѣсто о скрытѣ телѣгѣ, какъ въ Словѣ. Въ заключеніе этой части въ Задонщинахъ упоминается Соломонъ, вмѣсто „шеломянемъ“ Слова, въ Словѣ о Дим. оно стоитъ особнякомъ, въ Писаніи же приведено въ связь съ предыдущимъ, въ немъ говорятъ о Соломонѣ лисицы.

Въ Сказаніяхъ мѣста Задонщинъ, изображающія предзнаменованія, отнесены къ изображенію сраженія. Сходство ближе къ Слову о п. Иг. (сильніи молніи, своею рѣчью говорятъ, лисицы на кости брешуть).

10. Въ изображеніи похода болѣе приближается къ Слову—Слово о Дмитріи. Писаніе и Сказанія вмѣсто вопросительнаго оборота: что шумитъ, употребляютъ здѣсь сравнительный, въ Писаніи положительное сравненіе, въ Сказаніяхъ — отрицательное. Последнее имѣетъ большое сходство съ сравненіями, какія обычны въ пѣсняхъ о Татарскомъ полонѣ. Здѣсь: не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ, по зорѣ стучать и гремѣть русскіе удалцы. Въ пѣсняхъ:

Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ,

Молодой Турчинъ полонъ дѣлать,

(Кир. прил. къ 7 вып. № 2, стр. 190—193).

Не стукъ стучитъ во чистомъ полѣ,

Не громъ гремитъ во раздольцѣ,

Ѣдетъ старый Илья Муромецъ.

(Кир. прилож. къ 7 вып. № 1 стр. 4).

11. Выѣздъ князя предводителя, весьма близкій въ Задонщинахъ и Сказаніяхъ къ Слову, въ Сказаніяхъ ближе подходитъ къ Писанію, чѣмъ къ Слову о Дмитріи, хотя передѣланъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — вм. золотое, въ Сказ. — златокованное, вм. борзый — любовный.

12. Описаніе сраженія подробнѣе въ Словѣ о Дим., связи въ немъ также больше, чѣмъ въ Писаніи; исключая только одного эпизода о Пересвѣтѣ, который здѣсь поставленъ послѣ перечисленія убитыхъ отъ Татаръ, тогда какъ въ Писаніи онъ стоитъ прежде перечисленія. Сходныхъ вы-

раженій со Словомъ больше въ Словѣ о Димитріи напр. слова Пересвѣта. Сказанія употребляютъ здѣсь выраженія, расходящіяся и съ Словомъ, и съ Писаніемъ, но колоритъ изображенія битвы въ нихъ одинаковъ съ тѣмъ и съ другимъ.

13. Плачъ женъ въ Задонщинахъ и Сказаніяхъ приближается къ плачу Ярославны. Въ Писаніи онъ короче, но онъ поставленъ въ связь съ предыдущимъ: тогда восплакашась и удержано слово—аркучи. Въ Словѣ о Димитріи и именъ боярынь больше, чѣмъ въ Писаніи, и причитаній. Въ первомъ только обращеніе къ Дону, во второмъ кромѣ этого заимствовано кое-что изъ обращенія Ярославны къ вѣтру, обращеніе къ Москвѣ рѣкѣ и еще говорится о запруженіи веслами пруда. Въ Сказаніяхъ (только по одному Погодинскому списку) именъ столько же, сколько и въ Словѣ о Димитріи, хотя они не одинаковы. Причитанія ихъ здѣсь явно передѣланы изъ Слова о Дим., съ искаженіемъ, напр.—вм. веслы—о веснѣ, и съ прибавками, какихъ нѣтъ въ Словѣ о Димитріи.³⁾

14. Въ описаніи послѣдствій битвы Слово о Димитріи имѣетъ двѣ части: печаль Татаръ и радость Русскихъ. Выраженія, которыми рисуется печаль Татаръ, большею частію заимствованы изъ Слова, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изображается печаль Рус. земли послѣ пораженія войскъ Игоря. Многія выраженія этой части перешли въ Сказанія, но въ послѣднихъ есть и мѣста близкія къ Слову, какихъ нѣтъ въ Словѣ о Дим. напр.—уже намъ въ землѣ своей не бывать и пр.

³⁾ Выше, въ описаніи прощанія великой княгини съ Димитріемъ говорится въ Сказаніяхъ; княгиня же великая Евдокья отдаетъ конечное пѣлованіе Государю своему;... а въ слезахъ не можетъ слова промолвить (Р. Ист. сб. т. III стр. 21—22); тоже выраженіе встрѣчается и въ народной поэзіи. Мать короля Задонскаго говорить:

Разилася о сыру землю,

И не можетъ во слезахъ слово молвити.

(Кир. вып I, стр. 13)

Послѣ сопоставленія и сличенія имѣсть Словѣ о Задонщинѣ и Повѣданій о Дмитріи, съ подобными же или похожими въ Словѣ о п. Игорѣ, возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1) всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побойщѣ, разсмотрѣнныя выше, заимствовали нѣкоторыя картины и выраженія непосредственно изъ Слова о п. Игорѣ? 2) можно ли полагать на основаніи этихъ произведеній, что Слово о п. Иг. было уже записано при составленіи ихъ? 3) пользовались ли авторы ихъ Словомъ о п. Иг., записаннымъ, или по памяти, наизусть? и 4) самыя эти произведенія устные ли творенія, или письменныя?

Изъ разсмотрѣнія писанія Софонія, сохранившагося въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ, видно, что автору его хорошо извѣстно было Слово. Софоній ясно представлялъ себѣ планъ Слова, расположеніе частей и связь между ними, увлекался поэтическими картинами и нѣкоторыми отдѣльными выраженіями въ извѣстныхъ ему литературныхъ произведеніяхъ, которыя у него были подъ руками, что видно изъ самаго произведенія; онъ не нашелъ лучше Слова для подраженія и потому взялъ его за образецъ для изображенія близкаго, можетъ быть, современнаго ему событія — битвы Русскихъ съ татарами на Буликовомъ полѣ. Въ началѣ авторъ призываетъ слушателей взойти на горы Кіевскія и восхваляетъ Бояна, славнаго Кіевского пѣвца, который пѣлъ славу первымъ Русскимъ князьямъ; за сими онъ самъ хочетъ восхвалять вел. кн. Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича за ихъ мужество и любовь къ Русской землѣ и православной вѣрѣ. Охарактеризовавши ихъ на подобіе Игоря, Софоній взываетъ къ жаворонку, какъ пѣвецъ Игоря къ Бояну; попытка пѣть въ духѣ Бояна удержана и здѣсь. Въ Словѣ слѣдуетъ характеристика Всеволодовой дружины, въ Писаніи же рассказъ о Новгородскомъ ополченіи, переданный народными выраженіями (на пособѣ не поспѣти), и описаніе сбора другихъ князей, тоже обрисованное красками на-

родной поэзіи (тогда аки орли слѣтошася со всея полуношныя страны, то ти не орли слѣтошасъ, слѣхалися въ бѣзи русскыя, укоупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ памя⁷). Послѣ этого слѣдуетъ второе обращеніе къ Соловию, чтобы онъ выщекоталъ двухъ братьевъ Ольгердовичей, которые характеризуются по образцу Всеволодовой дружины. Въ Словѣ о п. Иг. слѣдуетъ выступленіе въ походъ и изображеніе зловѣщихъ предзнаменованій; то же и здѣсь, при чемъ большая часть описанія заимствована изъ Слова, непосредственно слѣдующее за сими у пѣвца Игоря восклицаніе „о Русская земля, уже за шеломянемъ еси“ и здѣсь находится, но уже въ передѣлкѣ. Въ Словѣ слѣдуетъ первая битва, здѣсь продолженіе похода.

Второй битвѣ Игоря здѣсь отвѣчаетъ описаніе самаго сраженія, эпизоду о Борисѣ Вячеславичѣ здѣсь отвѣчаетъ эпизодъ о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, изображенію бѣдствій при Олегѣ здѣсь отвѣчаетъ изображеніе ихъ послѣ Куликовского побоища. Во всѣхъ этихъ картинахъ краски похожи на Слово о п. Иг. Писаніе оканчивается перечисленіемъ убитыхъ, нѣкоторыхъ Русскихъ князей и бояръ—и плачемъ Русскихъ женъ по убитыхъ.

Планъ у автора Слова о Димитріи и расположеніе частей, за весьма малыми исключеніями, тѣ же, что и у автора Писанія; только вступленіе пообширнѣе, да конецъ длиннѣе. Последнее, впрочемъ, не важно, такъ какъ Писаніе, по всей вѣроятности, не окончено. Во вступленіи сначала говорится, что великій князь Димитрій былъ на пиру у Микулы Васильевича и тутъ услышалъ вѣсть, что Мамай идетъ съ огромнымъ войскомъ на Русь.

Послѣ этого авторъ приглашаетъ слушателей взойти на горы Кіевскія, посмотрѣть оттуда на жребій Симовъ въ землю Татаръ, которые на Калкѣ одолѣли Русь и причинили ей большое уныніе и горе. Описавши жалость Русской земли, авторъ намѣренъ далѣе описать сначала жа-

лость Великаго кн. Дмитрія, а потомъ воздать ему хвалу. Потомъ все дальнѣйшее въ Словѣ дѣлится на двѣ части: въ первой изображается приготовленіе къ походу, походъ, начало сраженія, не совсѣмъ удачное для Руси; во второй части описывается пораженіе Татаръ Русскими.

Первая часть начинается тѣми же словами, что и Сл. о п. Иг., гдѣ авторъ желалъ бы повѣствовать въ другомъ духѣ, но принужденъ описывать по былинамъ; восхваляетъ Бояна, пѣвца первыхъ Русскихъ князей, но подражать хочетъ только Рязанцу Софонію.

Отсель начинается самая повѣсть. Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ характеризуются, какъ Игорь. Послѣ характеристики ихъ слѣдуетъ обращеніе къ жаворонку, попытка пѣть въ духѣ Бояна тоже удержана; за сими слѣдуетъ описаніе съѣзда Новгородцевъ и другихъ князей въ Москву; краски здѣсь почти тѣже, что и въ Писаніи, съ тѣмъ же народнымъ оттѣнкомъ. Послѣ этого второе обращеніе къ птицѣ, но уже къ соловью, что бы онъ пощекоталъ не только двухъ Ольгердовичей, но и Дмитрія и Владиміра; Ольгердовичи характеризуются, подобно дружинѣ Всеволода. Выѣздъ въ походъ, зловѣщія предзнаменованія, первыя стычки съ Татарами изображены подобно какъ и въ Писаніи. Эпизодъ о Пересвѣтѣ стоитъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ Писаніи, именно послѣ перечисленія убитыхъ, за нимъ находится изображеніе слѣдствій побоища и плачъ Русскихъ женъ. На этомъ прекращается Писаніе, но въ Словѣ слѣдуетъ еще описаніе послѣдняго натиска Русскихъ на Татаръ и окончательнаго пораженія послѣднихъ. Тѣ бѣды, которыя постигли Русь послѣ пораженія полка Игорева, здѣсь отнесены къ пораженнымъ Татарамъ. Изображеніе пораженія въ видѣ брачнаго пира, на которомъ Рускіе при Игорѣ—сваты попойша, а сами полегоша за Рускую землю—, здѣсь отнесено къ Татарамъ, къ Мамаю. Разговору Игоря съ Донцами, или разговору Гзнъ съ Кон-

чакомъ здѣсь отвѣчаетъ рѣчь Фряговъ къ Мамаю. ⁴⁾ Заключенію Игоревой пѣсни, въ которомъ изображается радость Русской земли по случаю возвращенія Игоря, и похвалѣ князьямъ и дружинѣ, поборающимъ за Христіанъ на поганне полки, здѣсь отвѣчаетъ послѣдняя глава, въ которой сначала изображается стояніе живыхъ на костяхъ умершихъ на Куликовомъ полѣ, счетъ убитыхъ, хвала Богу Дмитрія и похвала его павшимъ на полѣ за то, что они положили головы свои за святныя церкви, за землю Русскую, за вѣру крестьянскую.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Оно представляетъ три части; въ первой части указаны причины войны, разсказанъ походъ Мамай, изображены дѣйствія Олега Рязанскаго и Ольгерда Литовскаго и приготовленіе къ войнѣ Дмитрія Московскаго. Во второй части описанъ станъ въ Коломнѣ, переходъ черезъ Донъ и канунъ битвы. Въ третьей—сначала изображено время передъ битвою на разсвѣтѣ, когда сходились противныя силы, потомъ самая битва и обстоятельства, непосредственно слѣдовавшія за битвою.

Въ этомъ произведеніи заимствованія изъ Слова о Полку Игоревѣ имѣютъ второстепенное значеніе. Авторъ пользовался Словомъ только для украшенія своего произведенія, но не оно дало ему планъ, не оно служило ему

⁴⁾ Молвяше же ему Орязове: чему ты, поганый Мамай, посылаешь на Рускую землю; то ты била Орда Залѣская, а не бывати тебѣ въ Батия царя, у Батия царя было чотыреста тысячъ кованныя рати, а воевалъ всю Рускую землю отъ востока и до запада; а казнилъ Богъ Рускую землю за своя согрѣшенія. И ты пришелъ на Рускую землю. царь Мамай, съ многими силами зъ девятью ордами и семидесятью князьями; а нынѣ ты, поганый, бѣжишь съиде-вать въ лукоморье, не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовать въ полѣ, нешто тебя князи Рускіе горозно подчивали, ни князей съ тобою, ни воеводъ, не что гораздо упилися у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ. позаденешъ и намъ отъ земли Русской.

образцомъ, какъ историческая повѣсть. ⁵⁾ Совсѣмъ иное видимъ въ первыхъ двухъ произведеніяхъ. Въ нихъ хотя и есть заимствованія изъ другихъ произведеній или народныхъ пѣсенъ, но Слово играло самую большую роль: оно дало общій планъ сочиненія, оно сообщило главные краски, изъ него брались и отдѣльныя выраженія. Если это такъ, то значитъ, что авторы первыхъ двухъ произведеній непосредственно пользовались Словомъ. По отношенію къ 1-му произведенію „Писанію Софонія“ можно сказать утвердительно. Но утверждать тоже самое и относительно втораго „Слова о Дмитріи“ не позволяетъ слѣдующее мѣсто, въ немъ находящееся: „азъ же помяну Рязанца Софонія.“ Изъ этого слѣдуетъ, что въ числѣ источниковъ у автора Слова о Дмитріи главнымъ было сочиненіе Рязанца Софонія, по которому онъ писалъ о Куликовской битвѣ. Самому же ему принадлежитъ подробное введеніе, (впрочемъ вполне не дошедшее до насъ, какъ видно изъ очевиднаго пропуска въ Словѣ), въ которомъ онъ описалъ жалость Русской земли по случаю побѣды Татаръ надъ Русью на Калкѣ, описалъ на основаніи письменныхъ источниковъ: „отъ книгъ приводя,“ какъ говоритъ онъ. ⁶⁾ Подражая Рязанцу Софонію, онъ какъ будто не имѣлъ подъ руками его писанія, что видно во 1-хъ изъ выраженія „азъ же помяну“, т. е. по памяти буду излагать; во 2-хъ изъ тѣхъ разнорѣчій, съ Пи-

⁵⁾ Снегиревъ говоритъ: Повѣданіе есть раболѣпное и часто буквальное подражаніе пѣсни Игоревой (Предисл. къ Пов. стр. V). Дубенскій (предисл. къ Сл о п. Иг., Р. Дост. т. III стр. XXXIV) утверждаетъ, что «Повѣданіе есть подражаніе Слову о п. Иг. и притомъ дѣтское; сочинитель Сказанія о Донской битвѣ видимо набиралъ, наводилъ обстоятельства, соображаясь рабски съ планомъ пѣвца Игорева. Последний приводитъ далѣе доказательства своему мнѣнію, сличая нѣкоторые мѣста Повѣданія съ Словомъ. Но эти сличенія натянуты, равно какъ и другія доказательства пристрастны (см. Ж. М. Н. Пр. т. 99, стр. 57--59, прим. 61-е).

⁶⁾ Назаровъ (Ж. М. Н. Пр. т. 99 стр. 82) говоритъ: «судя по общему ходу изложенія, слѣдовало бы приписать это начало первому составителю сборника. Приступая къ перепискѣ Слова (списавъ),

саніемъ, которыя мы замѣтили, какъ въ расположеніи частей, такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; въ 3-хъ изъ искаженій и перестановки собственныхъ именъ первыхъ князей, которые въ Писаніи перечислены въ историческомъ порядкѣ и записаны вѣрно, въ Словѣ же о Дим. съ пропускомъ и измѣненіями: „первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичю и в. кн. Владимиру Всеволодовичю.“ Но принимая въ расчетъ, что нѣкоторыя выраженія въ Словѣ о Дмитріи ближе подходятъ къ слову, мы должны предположить, что и Писаніе Рязанца Софонія, дошедшее до насъ, не есть оригинальное. Оно, какъ видно, уже копія съ первоначальнаго, записано въ сборникъ Кириллоблгоозерскій тоже по памяти, хотя и носитъ заглавіе „Писаніа“.

Что же касается Повѣданій о Мамаевомъ Побойщѣ, то въ основѣ ихъ лежитъ первоначальное историческое повѣданіе о происшествіи, описанное современникомъ. Мѣста, сходныя съ Словомъ, попали въ нихъ большею частію изъ первоначальнаго писанія Рязанца Софонія. Это видно съ одной стороны изъ того, что въ этихъ мѣстахъ замѣчается больше сходства съ Словомъ о Дмитріи, но не буквальное, а это заставляетъ предполагать другой списокъ, съ другой стороны въ Повѣданіяхъ упоминается тоже о Софоніи или Софроніи, ⁷⁾ которому пока нѣтъ основанія при-

онъ почелъ не излишнимъ помѣстить предъ нимъ, въ видѣ вступленія выбранное изъ книгъ изображеніе горестнаго состоянія Русской земли отъ битвы при Калкѣ до Мамаева побойща. Но о Калкской рати упомянуто, хоть кратко, и въ Писаніи Софонія. Зѣкъ говорится не о перепискѣ, а о составленіи дѣлаго сказанія, одной части по книгамъ, а другой по памяти.

⁷⁾ Назаровъ въ ст. Сказ. о Мамаевомъ побойщѣ сводитъ эти повѣзанія въ слѣд. порядокъ: въ спискѣ, хранящемся въ библиот. гр. Толстаго подъ заглавіемъ: «Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго па я Мамаля» было, по свидѣтельству Караѣзина, означено, что повѣсть эта была сочинена Рязанцемъ, іереемъ Софроніемъ. По Едомскому гѣтописцу, приносимому И. Строевымъ, сочиненіе подъ названіемъ «о Нашествіи Мамаевѣ на Русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побойще великому князю Дмитрію Ивановичю» есть сказаніе Софонія, іерея Рязанца.

писывать написаніе исторической основы *) Повѣданія, а есть основаніе приписать ему написаніе поэтическаго сказанія, изъ котораго и пользовались переписчики повѣданій по частямъ. *) Отъ этого-то и произошло то, что списки Повѣданій главнымъ образомъ и разнятся между собою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ является подражаніе Слову о П. Иг. §) Если бы можно было думать, что между произведеніями о Мамаевомъ побойщѣ нѣтъ никакого отношенія, что каждое изъ нихъ, т. е. Писаніе, Слово и Повѣданія прямо брали нѣкоторые мѣста изъ Слова, то пожалуй можно было бы полагать, что Слово о п. Иг. при составленіи ихъ не было записано, а жило въ устахъ народа, передавалось съ вариантами и даже имѣло разныя расположенія частей. Но показавши взаимное отношеніе произведеній о Мамае-

Въ Тверской лѣтописи сочинитель пространнаго сказанія о Куликовской битвѣ называетъ Софоніемъ Рязанцемъ Брянскимъ бояриномъ. (Ж. М. Н. Пр. 1858 г. т. 99 стр. 73).

Прибавимъ къ этому: Задонщина въ сборникѣ XV в. Кприло-Вѣл. мон. озаглавлена: Писаніе Софонія, старца Рязанца, а въ Словѣ о Дим. XVII в. авторъ говоритъ: азъ же помяду Рязанца Софонія. Предположеніе, что одно лицо составило и Задонщину и Повѣданіе, первую въ мірскомъ званіи боярина, второе въ званіи духовномъ—іерея, старца монаха, сомнительно потому, что имя по постриженіи въ монахи мѣняется.

а) Снегиревъ справедливо замѣтилъ, что несовмѣстно Рязанскому іерею отзываться съ явнымъ негодованіемъ о своихъ землякахъ, называть своего князя безумнымъ предателемъ, отступникомъ Христовымъ, Іудею новымъ, Святополкомъ Окаяннымъ (Ист. Сборн. т. III стр. VI Предисл.).

б) Назаровъ (Ж. М. Н. Пр. т. 99 стр. 84.) говоритъ: можно признать за сочинителемъ Слова о Дмитріи вѣрный поэтический тактъ и довольно сильное дарованіе: избравъ себѣ достойнымъ подражанія образцомъ Сл. о п. Иг., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣлъ воспользоваться бывшими въ его время народными сказаніями о Мамаев. побойщѣ (сказаніе о Новгородскихъ посадникахъ, о пріемѣ Мамаевъ жителями Хаюсты и пр.) и тѣмъ придать своему произведенію характеръ самобытности. Соглашаясь, что авторъ дѣйствительно обладалъ поэтическимъ дарованіемъ, мы не можемъ отвести этого именно къ автору Слова о Дмитріи. и только развѣ къ тому, которому принадлежитъ первоначальная Задонщина. изъ которой заимствовалъ, какъ авторъ Писанія, такъ и авторъ Слова о Дмитріи, оно же служило источникомъ и для переписчиковъ повѣданія.

вомъ побойщѣ относительно заимствованій изъ Слова, мы не вправѣ такъ думать. Наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ слѣдующее: Слово о п. Иг. было записано, и авторъ первой предполагаемой нами Задонщины пользовался имъ въ списокѣ такомъ, который дошелъ до насъ отъ конца XIV или начала XV вѣка. Это видно даже изъ копии 1-й Задонщины т. е. изъ Писанія старца Рязанца Кирилло-Бѣлоозерскаго сборника. При изложеніи содержанія его мы видѣли, что въ немъ удержанъ тотъ же порядокъ частей, тѣже эпизоды и таже связь между частями. Между тѣмъ какъ если бы авторъ Задонщины пользовался Словомъ по памяти, едва ли бы у него вышелъ такой сколокъ, такое близкое подраженіе Слову,—у него было бы болѣе самостоятельности, болѣе свободы въ расположеніи частей, хотя отдѣльныя картины и выраженія были бы близки къ Слову. Второе доказательство представляетъ замѣна выраженія: „о Русская земле, уже за шеломянемъ еси! выраженіемъ: земля еси, русская, какъ еси была досѣля за црѣмъ за Соломономъ“, такъ боуди ннѣча за кнземъ великии“ Дмитріемъ Ивановичемъ. (По Сл. о Дим.: Русская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала). Въ Писаніи оно стоитъ въ тѣсной связи съ предыдущимъ, это — говорятъ лисицы и, можетъ быть, другіе звѣри, предвѣщающіе бѣду. Въ Словѣ о п. Иг. это лирическое воззваніе пѣвца послѣ описанія грозныхъ предвѣщаній, стоитъ въ 1-мъ мѣстѣ за выраженіемъ: лисицы брешутъ на чръленны щиты. Въ Словѣ за нимъ слѣдуетъ опять описаніе зловѣщихъ предзнаменованій, такъ что оно стоитъ особнякомъ, прерываетъ только одну цѣльную картину. Если бы авторъ Писанія подражалъ по памяти, то это отступленіе, эта мелочь, это не существенно нужное въ картинѣ было бы опущено, но оно осталось, да притомъ же приведено въ эпическую связь, изъ лирическаго воззванія сдѣлалось эпическимъ выраженіемъ. Это могъ сдѣлать только тотъ, у

кого былъ списокъ Слова, кто считалъ это мѣсто бессмысленнымъ и захотѣлъ придать ему смыслъ, или же читалъ его такъ: о Русская земля уже за Шоломъ немъ еси долго; т. е. Русская земля, ты подѣ Соломономъ, подѣ властію Соломона долго пребываешь. По характеру передѣлки видно, что авторъ Писанія пребываніемъ до селѣ, до сего времени Русской земли за Соломономъ считалъ Татарскую неволю, а во времена Игоря онъ считалъ набѣги Половцевъ. Такъ боуди ѿнѣча за в. кн. Дм. Ив.-емъ т. е. освободись изъ подѣ власті Соломона. Что же дало ему право сдѣлать такую поправку? Во 1-хъ именно чтеніе Слова въ такомъ спискѣ, какой дошелъ до насъ, или который былъ похожъ на него. По Екатерининскому списку (приложъ къ V т. Зап. Имп. Ак. Н. № 2 стр. 11), въ первомъ мѣстѣ стоитъ за Шоломънемъ. Полагая, что у автора Писанія былъ такой же списокъ, мы вправѣ думать, что онъ не понялъ слова, счелъ эту форму за областной говоръ переписчика, замѣнявшаго с посредствомъ ш и въ другомъ мѣстѣ: шизимъ ви. сизимъ, и потому передѣлалъ въ Соломона. ¹⁰⁾ Какой же онъ придавалъ своей передѣлкѣ смыслъ и какія у него на то были основанія? Отвѣта на это нужно искать въ разныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ, въ которыхъ говорится о Соломонѣ, въ сказаніяхъ, которыя осуждались церковію, но не смотря на то, читались грамотнымъ на Руси людемъ и были значительно распространены между нимъ. ¹¹⁾ Что они должны были быть извѣстны ему, это слѣдуетъ изъ того, что онъ пользовался Словомъ о п. Иг., которое своею мнѣйскою стороною тоже входило въ раз-

¹⁰⁾ Въ Хлѣбн. списокѣ глгописи ви. шелома встрѣчается: соломъ, солъма (см. Мат. для Слов. и Гр. т. I Словъ къ. Ипат. глго. Чернышевскаго).

¹¹⁾ Въ XIV в. въ молитвенникѣ Кипріяна, въ статьѣ о книгахъ запрещенныхъ между другими упоминается и книга о Китоарѣ (Филар. Обзоръ дух. лит. стр. 79 № 75 по 1 изд.), о раннемъ распространеніи на Руси апокрифовъ говорится у А. Веселовскаго

рядъ апокрифовъ, осуждаемыхъ церковію, отчего оно и не сохранилось во многихъ спискахъ, отчего мнѣшескій элементъ отрицался пользующимися имъ, не вносился въ позднѣйшія повѣсти.

Въ памятникахъ старинной русской литературы (изд. Кушел.-Везбородко подъ редакціею Костомарова, стр. 307—308 1860 г. вып. 2-й) напечатана Бесѣда Іерусалимская по сборнику Вуслаева XVII в. Конечно, это произведение болѣе древняго происхожденія.¹²⁾ Въ ней повѣствуется, что большой царь Волоть Волотовичъ—царь-свѣто-Русскій (въ послѣдствіи передѣлавшійся во Владиміра, какъ видно изъ стиха о Голубиной книгѣ), видитъ слѣдующій сонъ: „С тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное кореніе і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречеть бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ (по Писанію Софонія, непосредственно за выраженіемъ Русская земля и пр. слѣдуетъ: „тогда же соколи и кречати, бѣлозерскіе ястребы позвонятъ своими злечеными колоколци,“ по Слову о Дим.: „то уже соколи Бѣлозерскіе и ястребы хваруются.... возгремѣша злечеными колоколы на быстромъ Дону“). Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? Отвѣчаетъ царь Давидъ: у меня царя Давида родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родится Соломонида Волотовна..... а что с тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе серебряное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудръ.... (По

(Слав. сказ. о Соломонѣ и Китовр. стр. 164). Выдержки изъ отреченныхъ книгъ встрѣчаются уже въ Исповѣданіи Христіанской вѣры, будто бы представленномъ нем. кн. Владиміру, въ лѣтописи Нестора, въ Святославовомъ изборникѣ, въ Хожденіи Давида Паломника. См. также у Пыпина. «Къ статьѣ о ложныхъ книгахъ» Лѣт. Арх. ком. т. I.

¹²⁾ См. А. Веселовскаго: о Соломонѣ и Китоврасѣ (съ 165 стр. по 181).

сводному тексту Буслаева: а на верху того древа сидитъ птица-кречетъ бѣла, то у моей царицы сынъ будетъ), а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца, ¹³⁾ і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ.“ Волотъ удовлетворяется отвѣтомъ. ¹⁴⁾

Въ приведенномъ отрывкѣ изъ Бесѣды Давидъ предсказываетъ, что Русское царство должно подпасть подъ власть сына его Соломона. Древнерусскіе книжники, у которыхъ сильно было развито воображеніе, не могли удовлетвориться загадочностью этого предсказанія: оно должно было исполниться, и исполненіе его нужно было приурочить къ чему нибудь. Хотя по христіанскимъ понятіямъ личность Соломона—мудраго ветхозавѣтнаго царя, не могла быть враждебна Русскому православному народу, но для книжниковъ онъ былъ все-таки иноземецъ, не свой, притомъ изъ апокрифовъ имъ извѣстно было, что онъ былъ братомъ Китовраса, ¹⁵⁾ существа сверхъестественнаго, разру-

¹³⁾ Въ Голубиной книгѣ этимъ заканчивается толкованіе, и самый сонъ переданъ короче, чѣмъ въ Бесѣдѣ:

Мнѣ царю Волотоману
Мало спалось, много во снѣ видѣлось:
Какъ въ мозгѣ ли во зеленомъ саду
Выросло дерево сахарное;
Изъ далека изъ чиста поля
Прилетала пташечка малешенька,
Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли...
Ужъ ты можешь ли, царь, про то вѣдати?

(Безс. Кал. пер. т. I стр. 298).

¹⁴⁾ Сводную редакцію см. у Буслаева Христ. 1870 г. стр. 324.

¹⁵⁾ На Новгородскихъ мѣдныхъ вратахъ, сдѣланныхъ въ 1336 году при архіепископѣ Василии и перенесенныхъ при Иванѣ Грозномъ въ Александровскую слободу (нынѣ г. Александровъ Владимир. губ.) между другими изображеніями помѣщено и слѣдующее: увѣнчанный зубчатой короной—Китоврасъ въ правой рукѣ держитъ челоуѣка, также въ зубчатой коронѣ на главѣ, а лѣвую простираетъ къ царю, который вдали сидитъ на престолѣ. Подъ изображеніемъ подписи (не увѣдѣвшая вполне вслѣдствіе позднѣйшей передѣлки воротъ), «товрасъ меце братомъ своимъ наобѣтованну ю землю зр...» (Древн. Росс. Госуд. Отд. 6, стр. 76—77). Въ Древн.

шающаго, имѣющаго одну половину тѣла конскую, а другую человѣческую съ крыльями (Древн. Росс. Госуд. Отд. 6, стр. 80 и Христ. Буслаева 1870 г. стр. 155—156, гдѣ помѣщена сводная редакція апокрифовъ о Китоврасѣ).

Поэтому Соломонъ, какъ братъ такого необыкновеннаго существа въ воображеніи книжниковъ очень легко могъ попасть въ число враждебныхъ лицъ при какомъ либо удобномъ къ тому случаѣ.

Въ фантазіи книжника Соломонъ рисовался въ образѣ кречета съ золотыми колокольцами. Этотъ образъ, можетъ быть, и навелъ на чтеніе—за Соломономъ (по Румянцевск. сборн. XVII в. Соломонъ называется Соломаномъ. См. у Пып. Очеркъ лит. ист. ст. п. и сказ. стр. 109—111 и въ Пам. стар. р. лит. т. III.) вмѣсто шеломянемъ (шоломянемъ, соломянемъ), или на оборотъ: лишь только передѣлыватель Слова вмѣсто шоломянемъ вычиталъ Соломономъ (Руская земля за Соломономъ еси долго), онъ счелъ нужнымъ въ слѣдъ за своей догадкой примѣнить и апокрифическій образъ Соломона—бѣлаго кречета къ кому либо, и примѣнилъ его къ бѣлозерскимъ князьямъ.¹⁶⁾ Такимъ путемъ, по нашему мнѣнію, произошла передѣлка выраженія Слова о п. Иг. за шеломянемъ.

Россійск. Госуд. (Отд. 6, стр. 81) Соломономъ названъ царь, предъ которымъ стоитъ Китоврасъ, а по мнѣнію А. Веселовскаго, маленькая фигурка въ рукахъ Китовраса должна быть названа Соломономъ—братомъ Китовраса (О Солом. и Мар. стр. 137). Последнее мнѣніе вѣрнѣе, такъ какъ въ повиднѣйшей редакціи апокрифа о Китоврасѣ послѣдній названъ братомъ Соломона (Пыпинъ Очерк. лит. ист. пов. и сказ. стр. 111.): обычай же той имѣя царь во дни царствуетъ надъ людьми, а въ ночи же обращается звѣремъ Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми, а по родству братъ царю Соломону (Пам. стар. рус. лит. изд. Куш.-Безб. т. III, стр. 59).

¹⁶⁾ Сопоставленіе образа соколовъ, кречетовъ и ястребовъ, звонящихъ своими золотыми колокольцами (въ Задонщинѣ) съ бѣлымъ кречетомъ, имѣющимъ золотыя колокольца на правой ногѣ (въ повѣсти о Волотѣ Волотовичѣ) можно найти у Буслаева (Хр. 1870 г. Предисл. къ Ур. Сок. пути стр. 303—304).

Отвѣчать на послѣдній вопросъ, послѣ всего сказаннаго уже не трудно. Срезневскій въ предисловіи къ изданію своднаго текста Задонщины (Изв. Им. А. Н. по II отд. т. VI № 22—25), основываясь на разности выраженій и именъ лицъ, на обиліи грамматическихъ неправильностей въ двухъ спискахъ Задонщины, полагаетъ, что въ этомъ видѣ Задонщина была достояніемъ народа, достояніемъ памяти его в устной передачи. Отселѣ онъ дѣлаетъ выводъ и по отношенію къ Слову, : „Защищать, говорить онъ, чистую книжность Слова о п. Иг. не возможно. Тѣмъ менѣе возможно найти поводы думать, что для устнаго поэтическаго пересказа воспоминанія о Куликовской битвѣ нужно было искать образца въ такомъ Словѣ, которое было достояніемъ однихъ книгъ, а не памяти. Опровергнуть, что Сл. о п. Иг. не было достояніемъ однихъ книгъ—задача не легкая. Защищать, что и Сл. о п. Иг. не произносилось или не напѣвалось—задача трудная. Думаю, что и Сл. о п. Иг. принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи. Оно записано ранѣе и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками.“

По отношенію къ Сказаніямъ о Задонщинѣ, мы согласны съ почтеннымъ Академикомъ, что и Писаніе Софонія записано по памяти, и въ Словѣ о Димитріи часть—собственно о Мамаевомъ побоищѣ—тоже записана по воспоминанію. Быть можетъ, что ходило тогда въ устахъ народа и много другихъ подобныхъ сказаній. Но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы и самое первоначальное Сказаніе составилось устно, а не письменно. Тѣмъ менѣе можно думать, чтобы авторъ этого Сказанія пользовался Словомъ по памяти. Мы выше видѣли, что въ копіи Писанія связь между частями удержана, въ Словѣ же о Димитріи, писанномъ по воспоминанію, она теряется. Не отвергаемъ того, что Слово нѣкогда могло распѣваться и произноситься, но не дальше половины XIII в. Съ этого времени начинаются дру-

гія соби́тія, которыя вызывають въ народѣ другія пѣсни. Кому бы пришла охота воспомина́ть тогда о старомъ не важномъ соби́тіи. Притомъ же народная память долго хранитъ только тѣ происшествія, которыя были благопріятны народу, гдѣ народъ выказалъ свою силу, удачу, одержалъ побѣду; все же противное этому скоро забывается. Появленіе въ свѣтъ Писанія Софонія только и можно объяснить тѣмъ, что Слово о п. Иг. было записано, что Софоній могъ изучитъ планъ его, части, связь между ними, поэтическія картины и выраженія. Не будь записаннымъ Слово, не составилось бы и Писаніе, если бы первое дошло устно, то уцѣлѣли бы и вошли бы въ Писаніе немногія картины и выраженія, какъ это видно изъ народной поэзіи, касающейся того времени, т. е. времени Татарскаго полона. Притомъ же между Повѣданіями о Мамаевомъ побоищѣ есть такія, судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, которыя именно основаны на народныхъ разсказахъ.¹⁷⁾ Слѣдовало бы ожидать, что выраженія изъ Слова о п. Иг. въ нихъ займутъ важное мѣсто? Не тутъ то было: въ нихъ нѣтъ почти и намеку на Слово,¹⁸⁾ да и стиль ихъ совершенно иной,¹⁹⁾ чѣмъ въ Задонщинахъ, произведеніяхъ людей книжныхъ, умѣющихъ читать и писать.

Итакъ, хотя Писаніе XV в. записано было по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ у автора его былъ тоже книжный. Слово о Дмитріи—есть произведеніе человека книжнаго, но источники у него были частью книжные, частью устные. Повѣданія несомнѣнно про-

¹⁷⁾ Указаніе на такіе, которые отличаются сказочнымъ характеромъ, есть у Острова (Рукописи Славянскія и Россійскія Царскаго 1848 г. № 310.) я у Карамзина (примѣч. 65-е къ 5 т. Ист. Г. Р.)

¹⁸⁾ Таковы Сказанія въ Никоновской лѣтописи и Синописѣ.

¹⁹⁾ И царь меня спрашивалъ: вѣдомоль моему слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы со мною 12 орлъ и 3 парстна, а князей со мною 33, oprичъ Польскихъ, а моей силы 703,000, и послѣ того числа пришли ко мнѣ великія орды со двѣма двора, и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой всѣхъ насъ употчивать? (Карамз. т. 5 пр. 65/.)

изведенія книжныя и заимствованія изъ Слова вошли въ нихъ не по памяти, а большею частію извлечены изъ рукописей.

Кромѣ Задонщинъ и Сказаній о Мамаевомъ побоищѣ въ послѣдующей Русской литературѣ не замѣчается явнаго подражанія Слову. Не смотря на это, все-таки можно указать на нѣкоторыя произведенія, которыя нѣсколько напоминаютъ тѣмъ или другимъ Слово. И. С. Некрасовъ въ своей книгѣ „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ“ замѣчаетъ: хотя и не многіе, но встрѣчаются такіе эпизоды (въ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ), въ которыхъ сохраняются основныя мотивы Русской народной поэзіи. Таковъ разсказъ о бѣгствѣ изъ татарскаго плѣна съ изображеніемъ сочувствующей природы, что напоминаетъ разсказъ о возвращеніи Игоря изъ плѣна (стр. 156). Еще выше онъ замѣтилъ въ этой книгѣ: въ языкѣ Грознаго не рѣдко слышится тотъ народной образъ выраженія, который напоминаетъ мотивъ Слова о желаніи напиться шлемомъ воды изъ Дона: и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили (стр. 148). Кромѣ этого мы укажемъ здѣсь на два произведенія, которыя имѣютъ отношеніе къ Слову, это: на Псковскую лѣтопись и на Исторію объ Азовскомъ сидѣніи.

Псковскій лѣтописецъ по складу рѣчи и по силѣ поэтическаго одушевленія близко подходитъ къ автору Слова о п. Иг. Можно даже полагать, что онъ знакомъ былъ со Словомъ,²⁰⁾ плѣнялся его красотою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдовалъ ему. Особенно это сходство является въ извѣстіяхъ, касающихся первыхъ годовъ XVI-го вѣка.

²⁰⁾ Припомнимъ, что и Апостолъ 1307 г. съ извѣстной выдержкой изъ Слова найдетъ бытъ въ Псковѣ (см. ч. I о Сл. о п. Иг. примѣч. къ 23-й стр.)

Описывая взятіе Пскова царемъ Васи́ліемъ Ивановичемъ (7018 г. отъ с. 1510 по Р. Хр. когда велик. князь посадниковъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ), лѣтописецъ говоритъ: „и нападе на нихъ страхъ, и трепеть, и туга, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли. Когда посолъ объявилъ имъ государеву волю, чтобы у нихъ не было ни вѣча, ни вѣчеваго колокола, Псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, ано исполнилися быше очи слезъ. Псковичи туто горко заплакали. Како ли зѣнницы не упали со слезами вкупѣ. Како ли не урвалося сердце отъ корени? “Когда нѣкоторымъ изъ гражданъ приказано было переселиться въ Москву, по поволу этого лѣтописецъ восклицаетъ: „И кто сего не восплачетъ и не возрыдаеть? О, славнѣйшій граде, Пскове великій! почто бо сѣтуеши и илачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ, исполнь крылъ львовыхъ когтей и взять отъ мене три кедра Ливанова и красоту мою и богатства и чада моя восхити!“ Это олицетвореніе неодушевленнаго предмета не напоминаетъ ли рѣчи Донца къ Игорю въ Словѣ, или печаль городскихъ забралъ?

Сраженія у Псковскаго лѣтописца описываются съ живостію, какою обладалъ пѣвецъ Игоревъ; такъ напр. подъ 1504 г.: „Того же мѣсяца наѣхали силу нѣмецкую князь Псковскій и воеводы... и начаша Псковичи съ Нѣмцы битися на малъ часъ, и ту ладоша Псковичъ 20 человекъ, а Нѣмецъ и чюди безъ числа. И князь Псковской и съ Посадники Псковскими и воеводы соступишася первое съ Нѣмцы и напустиша бурталники Нѣмецкіе вѣтръ на Псковскую силу и на Московскую, и пылъ изъ пушекъ и изъ пищалей и не бысть пособіе Божіе Псковичамъ, и побѣгоша первѣе Псковичи, и они поганіи навернуша на

Московскую силу пушками и пищальми, и бысть туга велика грозна и страшна отъ стуку пушечного и пищального, и потомъ Москвичи побѣгоша и бѣжачи пометаша своя быта. И бысть въ Псковѣ плачь и рыданіе.“

Наконецъ эта лѣтопись представляетъ намъ одно мѣсто, которое представляетъ осязательное сходство со Словомъ, хотя это мѣсто вошло сюда, можетъ быть, и при посредствѣ Задонщины. Подъ 1514 г. говорится: „Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою, подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы Московскія, и слышати было стуку и грому великому межю Москвичъ и Литвою, и удариша Москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удалъцы, рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копыя Московскія, и гремѣть мечи булатныя о шеломахъ Литовскія! на поли Оршанскомъ—бысть неспособіе Божіе Москвичамъ.“

Въ Задонщинѣ XV в. говорится: быти стуку и грому велику межю Дономъ и Нѣпромъ (въ Словѣ: быти грому великому, въ Словѣ о Дмитріи—быти стуку великому межю Дономъ и Нѣпромъ).

Въ Словѣ о Дмитріи: наѣхали русскіе князи на силу Татарскую и учариша копыя хоралужными о доспѣхъ Татарскіе, возгремѣли мечи булатные о шеломахъ Хиновскіе (въ Задонщ. гремѣть копыя хоралужные, мечи булатные, топоры легкіе, щиты Московскія, шеломахъ нѣмецкіе. Въ Словѣ о п. Иг. гремѣютъ сабли о шеломахъ, трещатъ копыя хоралужныя въ полѣ незнаемѣ. Въ Сказаніяхъ: и крѣпко ступишася, треснуша копыя хоралужныя, звенятъ доспѣхи злеченныя, стучатъ щиты черленныя, гремѣть мечи булатныя. На полѣ Куликовѣ сильніи полки сступишася).

Сличая эти выдержки изъ повѣстей о Мамаевомъ боищѣ и изъ Слова о п. Иг. съ отрывкомъ изъ Псковской лѣтописи, мы замѣчаемъ, что этотъ отрывокъ ближе къ Задонщинамъ, чѣмъ къ Слову и Сказаніямъ. На это

же указывает и выражение — съ дивными удалцы, встречающееся въ Задонщинѣ XV в. и эпитеты при жемахъ: воскричаша и возопиша.

Исторія объ Азовскомъ ендѣіи Донскихъ казаковъ въ 1641 г.²¹⁾, судя по содержанію ея, написана лицомъ довольно начитаннымъ, знакомымъ съ народными былинами и обладающимъ поэтическимъ талантомъ. Составитель ея имѣлъ понятіе о Троянской войнѣ (по мнѣнію Буслаева, она могла быть извѣстна изъ Хронографовъ и изъ Сказанія о взятіи Трои. Христ. стр. 276) и сравниваетъ защиту казаками Азова съ защитой Трои Троянцами (стр. 276). У него встрѣчаются обороты рѣчи, которыя напоминаютъ лѣтописи, напр. птицею ли вамъ изъ Азова летѣти? (Ср. Ип. 430, княже! потѣсь не можешь перелетѣти). Знакомство съ народными былинами замѣтно особенно въ употребленіи одинаковыхъ съ послѣдними эпитетовъ, такъ напр. „Простите насъ лѣса темные и дубравы зеленны! Простите насъ поля чистыя и тихія заводи! Простите насъ море синее и рѣки быстрыя! Прости насъ, государь, нашъ, тихій Донъ Ивановичъ! Уже намъ по тебѣ и атаману нашему съ грознымъ войскомъ не ѣздить, дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливать, въ тихомъ Донѣ Ивановичѣ рыбы не лавливать.“

Что же касается знакомства автора съ Словомъ о полку Игоревѣ, то оно едва ли было непосредственное. Кромѣ указаннаго г. Буслаевымъ олицетворенія Дона и наименованіе его Ивановичемъ и государемъ, какъ Ярославна въ Словѣ называетъ Дидѣпръ Словутичемъ и господи-

²¹⁾ Дошла до насъ въ разныхъ редакціяхъ; однѣ имѣютъ форму историческаго изложенія, другія форму реляціи—официальнаго донесенія. Сводный текстъ по двумъ рукописямъ 17 вѣка съ дополненіями изъ другихъ изданъ Буслаевымъ въ Русской Христоматіи 1870 г. См. также у Рыба. вып. 4 стр. 162—184 и LXV LXX.

номъ (стр. 286), можно указать еще нѣсколько выраженій какъ будто прямо взятыхъ изъ Слова, напр. Крѣпкія, жестокія казачьи сердца ваша (стр. 277), видите вы и сами очима своими (277). Но и эти не многія выраженія, можетъ быть и всего вѣроятнѣе, вошли сюда изъ не дошедшихъ до насъ Задонщинъ.

Всѣ же остальные мѣста, напоминающія Слово о п. Иг., безъ сомнѣнія заимствованы изъ Задонщинъ и Сказаній, какъ это яснѣе будетъ видно изъ сличеній

Въ исторіи:

**Въ Задонщинахъ и
Сказаніяхъ:**

1. Обложеніе Азова.

И крымской царь наступилъ на насъ со всѣми великими Турецкими силами. Всѣ наши поля чистыя Орды Ногайскими изнасяны... Отъ силы ихъ многія и отъ рысканья ихъ конскаго земля у насъ подъ Азовомъ потряслася и погнулася,... изъ рѣки у насъ изъ Дону вода на берега выступила отъ такихъ великихъ тягостей, и изъ мѣстъ своихъ вода на луга пошла.

И почали у нихъ въ полвахъ ихъ быти трубы великія въ трубы большія, и игры многія и писки отъ нихъ въ пол-

А трупами татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ рѣки протекли (о Дим.).

Въ то же время тутошнія рѣки мутно пошли... вострепетали лузи и болота, езера выступиша изъ мѣстъ своихъ. (Сказанія.)

Громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратныя трубы трубятъ (Сказанія.).

кахъ пошли великіе и не-
сказанными голосами страш-
ными, ихъ бусурманскими.

И послѣ того въ полкахъ
ихъ почала быти стрѣльба
пушечная и мушкетная ве-
ликая: какъ есть — стала
гроза великая надъ нами,
страшная, будто громъ
великъ и молнія стра-
шная отъ облакъ бы-
ваетъ съ небеси. Отъ
стрѣльбы ихъ стала огонь
и дымъ до неба... и солнце
померкло въ днѣ томъ и въ
кровь превратилось; какъ
есть наступила тьма темная
(стр. 275). Знамена у нихъ
у всѣхъ яныченей великія,
черныя, яко тучи страшныя,
покрываютъ людей. Набаты
у нихъ гремятъ многіе, и
въ трубы трубятъ и въ ба-
рабаны бьютъ, въ велики
и несказанны.

Ужасно слышати сердцу
всякому ихъ бусурманская
трубля: яко звѣри воютъ
страшны надъ главами на-
шими разными голосами (276).

2. Въ отвѣтъ каза- ковъ туркамъ:

И то вамъ, Туркамъ, са-
мымъ давно вѣдомо.

Трепетали сильніи молніи
отъ облистанія мечнаго и отъ
саблей булатныхъ. (Сказ.)

И загремѣли громы ве-
лицыи (о Дим.).

Грозно и жалостно въ то
время бѣше тогда слышати.
(о Димитріи)

Вѣдомо намъ брате у бы-
страго Дону царь Мамай

Гдѣ его рать то перво пришелъ на Русскую землю.
великая въ поляхъ у насъ, (Слово о Дим.)
ревутъ и славятся, а завтра въ томъ мѣстѣ у васъ
будетъ вмѣсто игоръ вашихъ
горести лютыя и плачи многіе.

И давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаючи клекчутъ орлы сизые и граютъ вороны черныя подлѣ Дону тихаго, всегда воютъ звѣри дивніи, волцы сѣрые, по горамъ у насъ брешутъ лиситы бурныя, а все то склицаючи, вашего бусурманскаго крупа ожидаючи.

Прежде всего накормили мы ихъ головами вашими, какъ Азовъ взяли; а то перво вамъ отъ насъ опять хочется того же, чтобъ плоти вашей мы тѣхъ звѣрей накормили. ²³⁾ (280)

Въ Сказаніи:

Придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно. Гроза бо велика есть слышати. И мнози вороны собрашася не обычно, не умолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орлы отъ усть Дону прилетѣша (въ Словѣ о Дим. хлѣбчутъ, въ Зад. восклекчутъ), лисицы на кости брешутъ (въ Зад. прибавлено: чуютъ побѣду на поганныхъ).

Едины вороны граютъ, трупы ради человѣческія (о Дим.).

²³⁾ Въ «Исторіи Славной» нѣсколько иначе: А какъ мы (казаки) взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашими погаными трупами волковъ сѣрыхъ, лисицъ красныхъ, борзыхъ орловъ, черныхъ воронъ, а послѣ того они давно не ѣдали вашего поганого трупа.
(Рыбн. 4 стр. 164.)

3. Въ изображеніи
приготовленія къ при-
ступамъ и отраженіи
ихъ казаками.

Почали въ трубы трубить
въ великія....

Почали играть добръ жа-
лостно....

Отъ трубъ великихъ и
набатовъ — неизреченный
визгъ; дивенъ и страшенъ
приходъ ихъ подъ Азовъ
городъ.

И уста наши кровью за-
пеклись. (282)

Лише мы, молодцы, ору-
жіе прочистили.

Инымъ намъ васъ потчи-
вать нечѣмъ (283).

Не бывать уже намъ на
святой Руси...

Смерть наша грѣшная въ
пустыняхъ, за вашъ иконы
чудотворныя, за вѣру Хри-
стіанскую, за имя государ-
ское. (286)

Нешто тебя (Мамая)
князи Рускіе горозно подчи-
вали (о Дим.).

Татары говорятъ:
Уже намъ брате въ земли
своей не бывать и дѣтей
своихъ не видать (о Дим.).

То вамъ сужено мѣсто
межъ Дономъ и Нѣпромъ на
полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ
Непрядѣ и положили еста
головы своя за святныя цер-
кви, за землю Русскую, за
вѣру крестьянскую.
(о Дмитріи.)

Хотятъ головы своя сло-
жити за вѣру Христіанскую
и за твою обиду государя и
великаго князя. (Сказ.)

4. Заключение.

Отъ нашей руки малыя
и отъ казачества вольнаго
нигъ бусурманамъ срамота
стала вѣчная отъ всѣхъ зе-
мель, отъ царей и отъ ко-
ролей, а нашему православ-
ному государю царю и ве-
ликому князю Михаилу Тео-
доровичу, всея Россіи са-
модержцу, слава вѣчная во
всѣ орды Бусурманскія, Пер-
сидскія, Еллинскія и нашему
Атаману Науму Васильви-
чу и великому грозному вой-
ску Донскому слава вѣчная.

(289)

Воздадимъ поганому Ма-
шаю побѣду, а Велик. кн.
Дмитрею Ивановичу похва-
лу и брату его Владиміру
Андреевичу (о Дим.).

Вознесется слава Русская
по всей земли, а на пога-
ныхъ татаръ, злыхъ бусур-
мановъ хула и пагуба.

(о Дим.)

5. Отношеніе Слова о полку Игоревѣ къ Сѣверно-русской народной поэзіи и языку.

Отношеніе Слова о П. Иг. къ Русской народной поэзіи было предметомъ очень не многихъ изслѣдованій и замѣчаній; но и эти не многія довольно односторонни и даже не чужды пристрастія. Максимовичъ, который разсматривалъ духъ пѣсни и образъ выраженія ея, привлекалъ къ сравненію преимущественно малорусскія пѣсни и пришелъ къ заключенію, что языкъ пѣсни южнорусскій (2 и 3 ст. Максим. въ Ж. М. Н. Пр. 1837 г.). Кіевскій рецензентъ Максимовичева перевода на Малорусскій языкъ утверждалъ, что переводы на Великорусскій языкъ никогда не передавали и не могутъ передать внутреннихъ красотъ подлинника, которыя просвѣчиваютъ только въ переводахъ на малорусскій языкъ (Кіев. Вѣд. 1856 г. № 26 стр. 181—183). Другой рецензентъ того же перевода говорилъ, что близкое, тѣсное родство украинскаго нарѣчія съ языкомъ Слова слышится въ переводѣ Максимовича въ каждомъ почти словѣ, въ каждомъ оборотѣ (Спб. Вѣд. 1857 г. № 204). Даже Буслаевъ когда-то утверждалъ, что Слово находится въ ближайшемъ сродствѣ съ Русской поэзіей, именно ю ж н о й (О миѣч. выраж. Укр. поэзіи по поводу Сборн. Укр. пѣс. Максим. Москвит. 1850 г. № 18). Въ виду всего этого проф. Ягичъ не иначе называетъ Слово, какъ малорусскою думою, или былиною. ¹⁾

¹⁾ Ягичъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о Славян. народной поэзіи: *Sto je Slovo?—Ništa drugo, van maloruska дума 12—13 stoljeća, ili maloruska bylina. Rekneмо li да је Slovo дума, timi признамо njegovu najbližu svesu u načinu poetskog izlaganja s potonjim dumaма, о tome се послје доказа Maksimovića i Buslaeva не може sumnjati* (Rad jugosl Akad. 1876 г. XXXVI, 102).

Впрочемъ, въ послѣдствіи тотъ же Буслаевъ находилъ заслуживающимъ особеннаго вниманія сближеніе разныхъ мѣстъ Слова съ соответствующими изъ великорусскихъ былинъ, сближеніе, сдѣланное Тихонравовымъ при изданіи Слова (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 2 съ стр. 44); а Максимовичъ, основывавшій сходство его съ южнорусскою поэзіею на основаніи малорусскихъ думъ и пѣсень, въ концѣ своей жизни призналъ не народное происхожденіе многихъ изъ нихъ (Кост. В. Евр. № 12 съ 573 стр.), потому приготовляемое имъ новое изданіе Слова съ обширными объясненіями (сообщено Ив. С. Некрасовымъ), вѣроятно, и не вышло въ свѣтъ.

Во всякомъ случаѣ мнѣніе о сходствѣ Слова только съ малорусскою поэзіею сдѣлалось какъ бы научнымъ положеніемъ и приводится во многихъ исторіяхъ русской литературы и учебникахъ (Галаховъ — 61, Карауловъ — 41, Стоюнинъ — 30).

Между тѣмъ, даже бѣгло просматривая памятники Сѣвернорусской народной поэзіи, всякій замѣтитъ большое сходство ея со Словомъ. И въ Словѣ, и въ Сѣвернорусской народной поэзіи отражаются духъ и черты характера одного и того же народа Русскаго, да и самый способъ выраженія мыслей въ томъ и другой одинаковъ. Въ Велико-русскихъ былинахъ, пѣсняхъ, причитаніяхъ и пословицахъ замѣчается сходство со Словомъ нисколько не меньшее, какое подмѣчено было относительно Малорусской поэзіи. Здѣсь мы имѣемъ въ виду привлечь къ сравненію съ Словомъ выраженія и слова, заимствованныя изъ Велико-русской и Бѣлорусской народной поэзіи и языка, оставляя въ сторонѣ Малорусскую поэзію, такъ какъ сравненія съ нею, сдѣланныя Максимовичемъ и Буслаевымъ, недавно значительно пополнены еще Потебнею (Фил. З. 1877 и 1878 г.).

Въ Словѣ встрѣчаются мнѣшескія намеки и повѣрья, какъ остатки язычества, тоже самое можно найти и въ Великорусской народной поэзіи. Такъ напр. здѣсь находимъ:

1. Вѣрованіе въ оборотничество:

Оберну Добрыню я сорокою,
Оберну Добрыню я вороною,
Оберну Добрыню я свиньею,
Оберну Добрыню я гнѣдымъ туромъ.

(Гильф. Он. б. стр. 833)

Обернула тутъ его да горностаушкомъ,
Взяла горностаина попуживать,
Обернула тутъ она его соколикомъ.

(Гильф. Он. б. стр. 29).

Или:

Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой рыбою ходить ему во глубокихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать ему подъ оболоча,
Сѣрымъ волкомъ рысать да по чистымъ полямъ.

(Гильф. Он. б. стр. 795).

Подобное же изображеніе эпического лица встрѣчается и въ апокрифахъ, въ давнее время заимствовавшихъ его изъ народной поэзіи, изъ какой нибудь пѣсни, подобной теперешнимъ былинамъ.

Когда жена Соломона была увезена, онъ растужился и падъ на землю и полетѣ по поднебесью (подъ небеса— Пам. Ст. л. в. III стр. 67) яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море, и не нашелъ (Весел. о Солом. и Кит. стр. 233).

Всѣ эти изображенія напоминаютъ образъ, въ какомъ рисуется въ Словѣ вѣщій Всеславъ, волкомъ перебѣжавшій путь Хорсу. Да и самой быстротѣ бѣга Всеслава есть соответствующія изображенія въ былинахъ и пѣсняхъ:

Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста то мѣрныхъ верстъ
Промежъ обѣдней и заутренею.

(Кир. III стр. 5).

Стоялъ то я заутрену во Муромѣ,
Поспѣвалъ то къ обѣднѣ въ стольно-Кіевъ градъ.
(Рнб. I стр. 59).

Или:

Милъ садился на коня,
Шевельнулъ уздою,
Коню шпоры подъ бока,
Конь его стрѣлю.

(Шейнъ Р. н. п. стр. 95).

Въ Словѣ одинокая Ярославна кукушкою хотеть не-
стись къ своему отсутствующему милому: полечу зегзицею
по Дунаеву. Отголоскомъ этого мнѣніе-позитивнаго об-
раза въ Великорусской поэзіи является слѣдующее изобра-
женіе одиночества:

Если бы мнѣ молодцу
Имѣть сизы крылышки,
На сизомъ на крылушкѣ
Золотныя перушки,
Вздвинулся бы я высоко,
Полетѣлъ бы я далеко
Къ любушки, сударушки,
Сталъ бы гурковати
Свой голосъ подавати.

(Шейнъ Р. н. п. стр. 307).

Въ Вѣлорусской пѣснѣ:

Бабн я была да пташенька,
Поляцѣла бы да на море.

(Ш. Бр. п. стр. 120).

Или:

Якъ позычу, позычу у зязюленьки крыля.
Якъ полячу, полячу къ матынцы у госци.

(Ш. Бр. п. стр. 239).

2. Вѣрованіе въ вѣщую силу птицъ:

Воронъ-отъ вѣщая птица:

(Гильф. Он. б. 1276.

Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черный воронъ,
Черный воронъ самъ прокрывалъ
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.

(Рыбн. III, стр. 54.)

Въ Словѣ: босуви врани възграаху, предвѣщая не-
счастіе Игоря:

3. Вѣрованіе въ предвѣстіе несчастья или неудачи
какимъ нибудь явленіемъ въ природѣ, напр.
а) появленіемъ тумана (въ Словѣ солнечнымъ затмѣніемъ):

Не по Дюковой пало участи,
Напалъ туманъ съ маревомъ:
Невидно пути-дороженьки.
Сидючиь то Дюкъ самъ дивуется.

(Рыб. II, стр. 136)

Не счастливый выпалъ часъ,
Подымался съ горъ туманъ,
Подымался съ горъ туманъ,
Французъ силу набиралъ.

(Кир. вып. 10 стр. 11).

б) появленіемъ хищныхъ звѣрей и птицъ:

На дубахъ орлы воскрежеталя,
Въ лѣсахъ звѣри засвистали,
Лѣсъ улицы попадалъ:
Раздумался Дюкъ, распечатился.

(Рыб. II, стр. 137)

Въ Словѣ орлы клектомъ звѣри на кости зовуть.

в) сюда же относится и предвѣстіе неудачи тучами,
громомъ и молніею, бывшими въ день пораженія Игорева
войска, а также и представленіе приближающагося врага
или несчастья въ образѣ грозной тучи и вихря:

Нанесло тучу черную
Со громами со трескучими,

Съ молоньями со сверкучима,
Прівязжалъ чужой чужбининъ.
(Рибн. III, стр. 403.)

Или:

Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи молонья сверкать,
Подымалась силушка зла невѣрная.
(Этн. сб. вып. 6 стр. 79)

Въ Вѣлорусской пѣсни:

Узнималась туча грозная,
Снѣговая, непогодливая,
Со дождями, со морозами,
Со вѣтрами, со нятихими;
Дочка у гosci пробиралася
На ломаной цыляжоночки
И на худой кобыленушкѣ.
Шейн. Вѣлор. п. стр. 240)

Или:

Шумъ по дубравѣ
Што и за пыль по дорожѣ?
Иванька воюйтца.
(Ш. Бр. п. стр. 303.)

4. Вѣра въ сочувствіе природы человѣку при его несчастіи или смерти въ Великор. народ. поэзіи выражается очень часто и очень живо, напр.

Пріутихло пріуныло море синее,
Глядючись, смотрячись со черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
И на тѣ на красны бережки,
Пріутихли, пріуныли круты красны бережки,
Пріутихли, пріуныли поля зеленныя,

Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.

(Якушк. Н. р. п. стр. 69)

Я знаю про то вѣдаю:
На Руси то трава растетъ не постарому,
Цвѣты цвѣтутъ не попрѣжнему,
А видно Вольги то живаго нѣтъ.

(Рыбн. I, стр. 4)

Изъ плача по мужѣ:

День ко вечеру теперь да коротается
Лѣса къ земли то теперь да преклоняются,
Красно солнышко ко западу двигается.

(Барс. Причит. стр. 11.)

Я зглянула какъ на рощицы зеленны,
Что уныло стоитъ рощица зеленая,
Вси пруточки на деревьяхъ приломилися,
По сырой землѣ листочки разстилаются,
Пелкова трава въ садѣ развивается,
Вси поблекли эти розовы цвѣточки,
Какъ жупать да теперь птички не попрѣжнему,
Приуныли эти жалки соловеюшки.

(Бар. Пр. стр. 189)

Такое же сочувствіе природы несчастію находимъ и
въ Бѣлорусской народной поэзіи:

Мижъ тѣхъ пташничекъ зязюленька
Слезно, жалосно кукуиць,
Ажны зеленая траука
Къ зямлѣ прилегаиць.

(Шейнъ Вр. п. 473)

Зяленый лясочикъ
Къ зямлѣ приклониуся.

(Ш. Вр. стр. 250)

Все это напоминаетъ то сочувствіе природы, вслѣд-
ствіе чего, по Слову, трава никнетъ отъ жалости и древо
съ тугою къ землѣ приклоняется.

Сочувствіе природы въ Словѣ выражается еще по мутнѣніемъ водъ; (рѣки мутно текутъ, Двина болотомъ течетъ) и стономъ земли: (земля тутнетъ). Этому соотвѣтствуетъ въ Великор. поэзіи:

Какъ бывало ты все бистеръ бѣжишь,
Ты бистеръ бѣжишь все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, сверху донизу.
Ужъ какъ то мнѣ все мутну не быть?
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ.

(Сказ. Сах. стр. 240)

Нонъ я дольщица великой кручинушки,
Половинщица злодѣйной я обидушки.
Мнѣ куды съ горя горюши подѣваться?
Разсадить ли мнѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
Уже тутъ моей обидушки не мѣстечко:
Какъ посохнутъ все кудрявы деревиночки.
Мнѣ разсѣять ли обиду по чистымъ полямъ?
Уже тутъ моей обидушки не мѣстечко:
Задернать да все распашисты полосухи.
Мнѣ спустить ли обиду во быстру рѣку?
Уже тутъ моей обидушки не мѣстечко:
Заболотѣетъ вода да во быстрой рѣченькѣ,
Заволочится травой мило озерышко.

(Барс. Прич. стр. 17)

Въ Бѣлорусской:

Синяя рѣчинька быстра шла,
Назавтра рѣчинька смутненька,
Приписнуу яе лютъ морозъ,
Обняла яе (Тацюшку) чужина

(Шейн. Бр. п. стр. 476)

Нагнано тутъ силы Татарскія,
Что мать сыра земля колеблется,
Колеблется земля, погибается,

Померкло солнышко красное
Отъ того отъ пару отъ татарскаго.
(Рыбн. I, стр. 103—104)

5. Представленіе неодушевленной природы живою,
напр., рѣки:

Рѣка быстра, вода чиста!
Ты возьми горе съ собой.
Рѣка быстра отвѣчала:
Не поидеть горе со мной.

Ш. р. н. п. стр. 295.

Что ты, рѣченъка, ты шумишь, гремишь,
Что ты быстрая молвишь, взговоришь?
Слово молвила, былъ бывалую:
Трехъ враговъ несу съ кровью алою,
Съ кровью алою царю бѣлому.
(Этн. сб. вып. 6 стр. 112)

Закричала она своимъ привычнымъ голосомъ:
Охъ ты стой еси матушка—Дарья рѣка!
Еще есть ли до тебѣ броды легкіе?
(Этн. сб. 6 стр. 92)

Ай ты, матушка, черная рѣчка Смородинка!
Есть ли чрезъ тебя рѣка переходы ты узкіе?
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
Ай ты удалый, дородный добрый молодецъ!
Есть чрезъ меня рѣчку Смородину,
Есть переходы ты узкіе,
Да и нереброды есть мелкіе,
А есть три мосточка калиновы,
А ты повѣжай-ка дородный добрый молодецъ,
Я тебя и такъ топерь пропущу.
(Гильф. Он. 6. стр. 1194)

Такъ точно, по Слову, велъ разговоръ съ Игоремъ
Донецъ, привѣтствовавшій его съ возвращеніемъ изъ плѣна
и содѣйствовавшій его бѣгству.

Въ Словѣ поражение войска Игорева вызываетъ печаль городскихъ стѣнъ: уныша бо градомъ забрагы, а веселіе пониже; такая же печаль приписывается городской стѣнѣ какъ живому существу и въ великорусскихъ пѣсняхъ:

Случилось итти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую.

Оны видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ, чуднымъ чудно:

Подъ тоей ли стѣной городской

Ходитъ дѣвица-душа красная,

Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,

Не столько читаетъ, вдвоемъ она плачетъ.

Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная,

А тутъ плакала стѣна-мать городовая,

Она вѣдала невыгодушку великую.

(Рыбн. I, стр. 174).

6. Мифическое существо въ Словѣ о бѣдѣ, несчастіе, являющееся въ образѣ дѣвы, плещущей лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дона, пробуждая жирныя времена, и въ великорусской поэзіи рисуется въ такомъ же точно образѣ. Здѣсь несчастіе, недоля называется во-первыхъ обидою:

Мнѣ спустить ли обиду въ быстру рѣку?

(Пр. Бар. стр. 17).

Сквозь околенко видяѣветъ кручинушка,

Сквозь другое выглядаетъ зла обидушка.

(Бар. II, стр. 167);

Во-вторыхъ, горе дѣвицы сравнивается съ плаваніемъ птицъ по синему морю:

На синемъ на морѣ двѣ утки плавали,

Въ высокомъ теремѣ двѣ сестрицы плавали.

(Ш. Р. н. п. стр. 532).

На морѣ утушка купалася, полоскалася,

Встрепенувши сѣрая утка вскрикнула:

Какъ мнѣ съ дѣвущками разставатися?

(Ш. Р. н. п. стр. 449).

Здѣсь дѣвица плачетъ о своемъ прежнемъ, обильномъ радостями, дѣвичьемъ житьѣ.

Тоже значеніе имѣетъ купанье въ морѣ и въ Бѣлорусскихъ пѣснахъ:

На морѣ вутка купалася
На бережочку сушилася,
Яжъ молодзенька журилася.

(Ш. Бр. п. стр. 121).

На мори вутка купалася
Млада Кулинка стужилася.

[Ш. Бр. п. стр. 155].

Наконецъ дѣвица сравнивается именно съ крылатою лебедью и ея горе съ крикомъ лебеди:

Енъ (соколъ) все стадо разогналъ.

Одное лебедушку ухваталъ,

Ахъ что лебедушку душу,

Златокрыльцату свою.

(Ш. Р. п. стр. 48).

Ахъ и по морю, морю Хвалынскому

Плыла лебедь, лебедь бѣлая,

Плывши лебедь встрепенулася,

Подъ ней вода всколыхнулася.

Гдѣ ни взялася красна дѣвица—душа...

(Сахар. Сказ. т. I, стр. 54.)

Въ полѣ лебедушка кричала,

Во теремѣ Авдотья плакала.

[Ш. Р. п. стр. 446].

Я снесу тебя на Вогу рѣку

Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ,

Отойду я, лягу, послушаю:

Не кипеть ли лебеди бѣлая?

Не плацетъ ли дѣвья красота?

Кицетъ, кицетъ лебедь бѣлая,

Плацетъ, плацетъ дѣвья красота.

(Ш. Р. п. стр. 556).

7. Вѣра въ сны составляетъ остатокъ язычества. Въ Словѣ сонъ Святослава служить вступленіемъ къ повѣствованію о занимающей его были; тоже и въ великорусскихъ историческихъ пѣсняхъ сны служатъ вступленіемъ къ творческой были о какихъ нибудь важныхъ событіяхъ; напр. вступленіемъ къ былинамъ о Шведской войнѣ служить слѣдующій сонъ дѣвицы съ объясненіемъ его матерью:

Вечоръ то мнѣ, матушка, малымъ мало спалось,
Какъ привидѣлась мнѣ, матушка, крута гора во снѣ,
Что на крутой на горѣ бѣлъ горячъ камень лежитъ,
А на камнѣ выросталъ частъ ракитовый кустъ,
Какъ на кустикѣ сидитъ птица младъ сизый орелъ,
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ черна ворона.
Что возговоритъ родная ея матушка:
Я тебѣ дитя сонъ этотъ расскажу:
Что крута гора, то каменна Москва,
Бѣлъ горячъ камень—то нашъ кремль городъ,
Сизый орелъ—то нашъ батюшка Православный царь,
А черной воронъ—то Шведскій король;
Побѣдитъ нашъ государь землю Шведскую
И самого короля во полонъ возьметъ.

(Кир. вып. 8 стр. 115).

Позднѣ подобнымъ же сномъ открывается кругъ пѣсенъ про войну 1812 г.:

Не спалось дѣвкѣ, не дремалось,
Ничего во снѣ не видалось,
Только видѣлся сонъ несчастный:
Какъ буйны вѣтры подымались,
Сы хоромъ верхи срывали,
Что по самы по окошки.
Только видѣлось дѣвкѣ
Какъ Французъ Москву разораетъ,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли.

(Кир. вып. 10 стр. 3).

Такіе же сны съ толкованіемъ встрѣчаются и въ свадебныхъ и другихъ пѣсняхъ:

Притомилась Доня, притомилась,
На тесовую кровать у спать ложились,
Не пріятель сонъ Донѣ пригрезился:
Мой любезненькій во дали живетъ.
(Ш. Р. п. стр. 296).

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночки не спалось:
Бабы въ избищѣ старыя углы прочь отбивались,
По той по избушкѣ шла гусыня сыпучая,
На кроваткѣ въ углушкѣ двѣ лебедки бѣлыя.....
Я твой сонъ весь разсужу, по словесно разскажу:
Избища старая—то чужая сторона,
Углы прочь отвалилися—незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая—то свекровь лихучая,
Лебедушки бѣлыя—то невѣстки бѣдныя.
(Шейн. Р. п. стр. 552).

Послѣднему сну есть соответствующій въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Охъ матынка, матынка!
Что я за сонъ видѣла:
Дле печи, матынка,
Гусочка гагаука,
Средь хаты, матынка,
Ластауки касатня,
А за печью, мытынка,
Двѣ голубки бѣленькихъ.
Дочушка, дочушка!
Я твой сонъ разгадаю:
Гусочка гагаука,
Свикроука ягаука,
Ластауки касатня—
Золуки щекатня,

Двѣ голубки бѣленькихъ—
Двѣ невѣсты бѣдненькихъ.

(Ш. Бр. п. стр. 236)

8.) Въ Словѣ есть еще намекъ на повѣріе, что пятница—несчастный день для начала дѣла,—по Слову, въ этотъ день началась битва съ Половцами, другіе дни битвы не названы, не названъ даже день пораженія, говорится только въ третій день. Это повѣрье у Влкр. народа и въ поэзіи его сохранилось до сихъ поръ:

Породила меня матушка

Во безчастной день во пятницу.

Сак. Ск. т. I стр. 203.)

Или вдова жалуется:

Мы съ тобой, свѣтъ да спорядная сосѣдшка,

Во несчастный день—во пятницу засіяны.

(Барс. Пр. стр. 10)

Вѣлинскій въ своемъ разборѣ Слова, считая его поэтическимъ отпечаткомъ поэтическаго и человѣческаго духа южной Руси, произнесъ вѣстѣ съ этимъ очень строгій приговоръ надъ сѣверной Русью, находя въ ней лишь грубость и дикость, и отсутствіе нѣжныхъ родственныхъ отношеній. По его мнѣнію, только Малороссіи свойственно, что братъ кротко и нѣжно высказываетъ брату свою родственную къ нему любовь, только Малороссіи свойственно, чтобы въ укорахъ отца слышался не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви, чтобы жена глубоко любила мужа и мужъ умѣлъ цѣнить такую женщину. Такой приговоръ надъ цѣлымъ народомъ крайне несправедливъ и стоитъ въ совершенномъ противорѣчій какъ съ жизнью (исключенія въ расчетъ не принимаются), такъ и Сѣверно-русскою народною поэзію.

Уже въ былинахъ крѣпость и прочность кровныхъ братскихъ узъ изображается въ такъ называемомъ —названномъ братствѣ, основанномъ на свободной душевной привязанности. Богатыри, оставивъ родину и разлучившись съ

своими кровными, не могли заглушить въ себѣ потребности имѣть привязанность къ близкому, родному человѣку, и потому каждый изъ нихъ считалъ непремѣнною обязанностію найти хоть названнаго брата:

У нихъ крестамъ побраталось,
Владена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны—
Слухатъ большому брату меньшаго,
А меньшому брату большаго.

(Рыбн. I, стр. 96)

Этимъ они обязывались стоять другъ за дружку и не давать кого либо въ обиду, что всенепремѣнно и выполняли:

Илья есть мнѣ братецъ названный,
Онъ мнѣ есть братецъ большій,
А я ему братецъ меньшій.
Я за своего братца хочу постоять.

(Рыб. III, стр. 31)

Въ историческихъ пѣсняхъ встрѣчается прекрасный образецъ выраженія нѣжной братской любви,—это въ пѣснѣ „изъ Крыму изъ Ногаю“.

А ѣхали два братца родимые,
Подъ большимъ то братомъ конь уставаеъ,
А меньшей за большаго умираеъ.
А и гой еси, мой братецъ родимой,
А я тебя братецъ посверстѣе,
А пѣша ту дороженьку повиду.

(Древн. р. ст. стр. 213) *)

Братская любовь и взаимная помощь рисуются и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ, какъ напр.:

*) По малорусскимъ пѣснямъ «О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова» меньшей—пѣшій оставленъ старшими—конными одинъ въ полѣ, на произволъ судьбы, и погибъ въ пустой степи отъ изнеможенія, отъ голода и жажды (Ист. и. Мал. и. Антон. и Драгом. т. I, стр. 106—134 и 331 и пр.).

Какъ братецъ къ братцу въ гости приходилъ.
Родимый ты мой братецъ, пожалуй ты мнѣ коня!
Пожалуй ты мнѣ коня съѣздить до села.
Родимый ты мой братецъ, бери безъ проша,
Бери безъ проша, ступай куды хощь.
Родимый мой братецъ поѣдемъ со мной
Сватать за меня, другую за тебя.

(Шейнъ р. н. п. стр. 330)

Лучшій нашъ знатокъ былинъ и обогатившій науку весьма обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о нихъ О. Миллеръ свидѣтельствуетъ, что власть родительская не представляется въ нихъ принудительною, деспотическою, и богатыри не рабски слушаются родителей, а любятъ и уважаютъ ихъ (Оп. ист. обзор. стр. 229).

Тоже отношеніе родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ находимъ въ другихъ видахъ народной великорусской поэзіи. Въ пѣсняхъ нѣжность родительской любви рисуется словами дѣтей:

Какъ первый то свѣтъ—родимый мой батюшка,
А другой то свѣтъ—радость моя матушка.

(Ш. р. н. п. стр. 446)

Но особенно глубокая любовь дѣтей высказывается въ плавчахъ; она могла быть вызвана только такою же любовью самихъ родителей:

Ужъ скажи тео красно солнышко,
Ты родитель да мой батюшка!
Мнѣ ка въ комъ искать желаньца?
Какъ у меня бѣдной горюшницы
Подъ угломъ да нѣту тетуски,
Во сусѣдахъ нѣту дядюшки.

(Барс. Пр. стр. 47)

Изъ приведенныхъ словъ плача видно, что опорой для младшаго поколѣнія служатъ не только родные, но и родственники—дядя и тетка. Это служить доказательствомъ, что родственная любовь очень сильна въ великорусской семьѣ.

Тоже нужно сказать и о супружеской любви. Уже въ былинахъ находимъ ее въ обѣтѣ Потока Михайлы Ивановича съ женою, данномъ ими при вѣнчаніи и въ точности исполненномъ обоими.

Кто перво умереть,

Второму за нимъ живому въ гробъ идти.

(Др. р. ст. стр. 151)

Между пѣснями есть такія, въ которыхъ изображается любовь мужа къ женѣ и жены къ мужу:

1. Стелется—вьется

По лугамъ травка зеленая,—

Андрей жену цѣлуешь,

Васильевичъ милуешь.

(Ш. р. н. п. стр. 422)

Я за стрѣчу добрую—сошью тебѣ кунью шубу,

Я за слово ласково—сошью тебѣ златъ перстень.

(Ш. р. н. п. стр. 529)

Какъ уѣдешь ты, родитель родной баюшка,

Со своей да ты семьей—женой любимой...

(Бар. Пр. стр. 86)

2. Не примаю, не примаю, другъ, коня

За великую за грубость за твою

Часто ѣздишь ты у гости безъ меня,

А постелюшка простыла безъ тебя...

Возголовнице заиндѣвѣло,

Подушечки потонули у слезахъ.

(Ш. р. н. п. стр. 422.)

Думать мнѣ думушку со милымъ дружкой,

Та мнѣ думушка и крѣпка и вѣрна.

(Ш. р. н. п. стр. 464.)

Не съ кѣмъ мнѣ молодѣть

Ночку ночевать,

Безъ мила дружка

Обуяла грусть тоска,

Грусть тоска беретъ,
Далеко милый живетъ.

(Ш. р. н. п. стр. 173)

Особенно же любовь жены сказывается въ многочисленныхъ плачахъ по мужѣ, который часто называется милой ладушкой:

Ой не дай же, Боже Господи,
Также жить бѣдной горющицѣ
Безъ тебя да мила ладушка.

(Бар. Пр. стр. 36)

Бѣлинскій замѣчаетъ еще, что и въ духѣ богатырскаго удалства Слово имѣетъ сходство съ Малорусскими думами; при этомъ онъ Сѣвернорусскую поэзію обходитъ молчаніемъ. Между тѣмъ ознакомленіе съ послѣднею показываетъ, что и въ этомъ отношеніи Слово имѣетъ сходство съ былинами. Въ нихъ удалъ прежде всего выражается въ добровольномъ выѣздѣ богатырей изъ родительскаго дома для того чтобы —

Вхатъ въ Киевъ градъ ко князю Володимеру
На поможение и сбереженіе.

(Кир. I стр. 25).

Здѣсь богатыри составляли дружину князя и искали, какъ Игоревъ и Всеволодова дружина, себѣ чести, а князю славы. Они то по просьбѣ Владиміра выѣзжали на борьбу со врагами, то добровольно вызывались на бой:

Я могу служить — стоять за Кіевъ градъ.

(Рыб. I стр. 81).

Говорить Илья Муромецъ, и за то —
Ильюшѣ слава не минуется.

(Рыб. I стр. 85.)

Въ былинахъ, какъ и въ Словѣ, богатыри отличаются прямою характера и неустрашимостію предъ опасностями:

Не честь, хвала то мнѣ богатырская
Ѣхать дорожкой окольной,
А я поѣду дорожкой прямоѣзжею.

(Рыб. III, стр. 26.)

Посмотрѣлъ Ермакъ на силушку великую,
Его сердце богатырское не ужаснулося.
Вѣхалъ онъ во силушку великую,
Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
Конемъ топтать, коньемъ козлотъ.

(Рыб. I, стр. 11¹.)

Послѣдніе стихи напоминаютъ изображеніе Всеволода:
камо туръ поскачаше, тамо лежатъ поганья головы Поло-
вецкія, поскепаны саблями калеными шеломи оварскія; въ
былинахъ еще:

И зачалъ издолиной помахивать,
Куды махнетъ—тутъ улочки,
А взадъ отмахнетъ—тамъ переулочки.

(Рыб. III, стр. 37).

Здѣсь кстати укажемъ и на другія бытовныя стороны
въ Словѣ, которыя одинаково изображены и въ Сѣверно-
русской поэзіи.

а) Въ словѣ есть намѣкъ на бой изъ-за дѣвицы или
невѣсты: Всеславъ кинулъ жребій о дѣвицу себѣ любую;
въ былинахъ:

Кощей говорить Ивану Годинovichу:
Станемъ ка, Иванъ, бой держать,
Кому въ бою будетъ Божья помощь,
Кому владѣть Настасьей, дочерью Митріевою.

(Рыб. III, стр. 115).

б) Въ Словѣ входы на русскую землю и выходы обе-
регались князьями и назывались вратами: затворивъ Ду-
наю ворота, отворяши Кіеву врата; въ былинахъ эта
охрана лежала на обязанности богатырей:

Что по край было синя моря,
На богатырской на заставѣ,

Стояли тутъ пять богатырей:
Первой—Илья муромецъ,
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Пошелъ Илья на Днѣпръ рѣку....

(Кир. I, стр. 7).

Тамъ была застава великая,
Было сорокъ человѣкъ да разбойниковъ.
Все сильныи могучіе богатыри,
Заперта была земля латинская,
Не было не выходу, не выѣзду...

(Рыб. III, стр. 46).

Да тутъ темныи лѣсы, что Смоленскіе,
А широки врата да Чигиринскіе.

(Гильф. Он. б. стр. 283).

в) Князя, по Слову, кромѣ военныхъ подвиговъ, занимались охотою: Игорь стрѣлъ гусей и лебедей къ заутроку, обѣду и ужину; тоже занятіе свойственно богатырямъ и пѣсеннымъ героямъ:

Ѣздитъ (Добр.) по тихимъ заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернату утку.

(Рыб. I, стр. 76).

На мори, на синемъ озеріи
Тамъ Иванъ бѣлыхъ лебедей стрѣляиць

(Ш. Бр. п. стр. 202)

г. По Слову, побѣда сопровождалась пѣснями побѣдителей: поютъ славу Святославу, готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю; въ былинахъ тоже:

Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ—

Синему морю на тишину,

А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Рыб. III, стр. 15)

Синему морю на утѣшенье,

Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.

(Др. р. ст., стр. 20)

Самыя пѣсни иногда заканчиваются пѣніемъ славы
главнымъ героямъ, какъ въ Словѣ:

Слава Игорю, Всеволоду и Владиміру, княземъ слава,
а дружинѣ аминь. Въ пѣсняхъ каликъ:

Мы славу поемъ

И Давиду и Евсеевичу.

И во вѣкъ его слава не минуется,

И во вѣки вѣковъ аминь.

(Безс. Кал. перех. I, стр. 323).

А мы вѣкъ большимъ царямъ славу поемъ,

Имъ вѣкъ слава не минуетъ,

Во вѣки вѣковъ аминь.

(Б. К. п. стр. 292).

Слава ему (Роману) вѣкъ по вѣку не минуетъ.

(Рыб. I, стр. 438).

д) Пѣсни, по Слову, сопровождались игрою на гус-
ляхъ: Боянъ свои вѣщія персты накладывалъ на живыя
струны, и они княземъ славу рокотаху. Тоже находимъ
въ былинахъ и пѣсняхъ:

Сталъ тутъ Ставръ гуселокъ налаживать.

(Рыб, II, стр. 101.)

Натягивалъ тетивочки шелковыя

На тѣя струночки золоченныя,

Учелъ по стрункамъ похаживать,

Учелъ онъ голосомъ поваживать.

(Рыб. I, стр. 136)

Онъ самъ гусямъ приговариваетъ:

Ай вы гусли, мои гусли звончатія,

Ахъ вы струны мои, струны золотыя,

Ай вы мысли, мои мысли молодецкія.

(Ш. р. н. н. стр. 354)

Ня пуцу дзяцятка

Гусликъ послушаецъ

И пѣсинькѣ научицца:

Тне цябе гусильки
Молоду зъ ума звядуць,
Тне цябе пѣсинки
Молоду состаріюць.

(Ш. Бѣлор. п. стр. 131)

е) Наконецъ пораженіе или плѣнъ сопровождался, по слову, плачами: жены русскія въсплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни душою слухати, а злата и сребра ни мало того потрепати. Яро-славна рано плачетъ на заборолѣ, зегницею не знаеъ рано кычеть.

Въ сѣвернорусскихъ историческихъ пѣсняхъ плачи жены по умершемъ мужѣ обыкновенныя явленія:

Подошла она (царица) къ гробницы бѣлой аспидной,
Стала она плакать и рыдать.

(Кир. вып. 6, стр. 208)

Тутъ бѣлая лебедушка жалко воскликнула,
Милосердна наша государыня слезно восплакнула.

(Кир. в. 8. стр. 278)

Но особенно напоминаютъ плачи слова причитанія Сѣвернаго края, записанныя Е. Барсовымъ. Въ нихъ найдемъ и старое названіе мужа ладой, и обращеніе къ вѣтрамъ, и роняніе слезъ въ воду, и жалобу на солнце:

Отворитесь очи ясныя,
Погляди-тко моя ладушка
На меня, да на побѣдную.

(Бар. Пр. 35).

Все я думала побѣднымъ буйнымъ разумомъ:
Я подумаю то крѣпкой съ нимъ вѣдь думушки.
На глаза ко мнѣ мой свѣтъ да ты не явишься,
На сговоры мнѣ побѣдной не сдаваешься,
Видно, нѣтъ тебѣ тамъ вольной этой волюшки,
Видно, вѣкъ мнѣ ка горюшѣ не видать буде,
Видно, на слыхъ побѣдной не слыхать буде.

(Пр. 31).

Ты во свѣ нонь не покажешься,
На яву мнѣ не привидишься.

(Пр. стр. 163).

Я просить буду побѣдная головушка:
Війте вѣтры, війте вѣтры, столько вѣтрушки,
Столько війте вы, буйны вѣтероченьки,
На эту могилу на умершую.

(Пр. стр. 28.)

Вы подуйте съ горь, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые.

(Кир. вып. 8, стр. 279)

Сосѣдка совѣтуетъ вдовѣ:

Ты повыбери свободну пору -- времячко,
Ты выдь-ко тамъ ко быстрой ко рѣченькѣ,
Сядь, побѣдвушка, на крутой этотъ бережокъ,
Тутъ пвыскажи обидную обидушку,
Руги слезушки, горюша, во быстру рѣку.

(Прич. стр. 14)

Распекаетъ красно солнышко
Среди да лѣта теплаго,
Не согрѣетъ сиротинушки....

(Прич. стр. 69)

Внѣшняя форма поэтическаго представленія — эпическій складъ или стиль Слова имѣетъ также полное сходство съ Сѣвернорусскою поэзіею. Сюда относятся слѣдующія эпическія формы:

1. Уподобленіе сраженія посѣву и уборкѣ хлѣба, напр.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
А вострыми Мурзавецкими копыями,

Не бороною была пашенка взборнована,
А конскими рѣзвыми ногами,
Не рожью посѣяна была пашня, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьиими буйными головами,
Не поливой она исполивана,
Ни осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всеноливана была пашенка
Казачьиими горячими слезами.

(Сахар. Сказ. т. I стр. 243)

Не обманывай, красный молодецъ!
Казань городъ во крови стоитъ,
А Казанка рѣчушка кровью бѣжитъ.
По горамъ, горамъ все головушки,
Все головушки, да все буйныя;
По лугамъ, лугамъ все черны кудри,
Все черны кудри молодецкія.

(Кир. в. 6 стр. 14)

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатскою бѣлою грудью,
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами,
Воронена Шведская пашня
Солдатскими руками,
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами,
Поливана новая пашня
Горячею солдатскою кровью.

(Кир. вып. 8 стр. 173)

Не чернымъ то зачернѣлось,
Зачернѣлось Турецкое чистое поле,
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,

Засѣяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.
(Бир. вып. 9 стр. 220)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

У насъ сѣгодня вайна была:
Усе поля звоивали,
Усе жита попожали
И у копы поклали.

(Шейнъ, Бѣлор. п. стр. 213)

Всѣ эти картины очень близки къ тѣмъ въ Словѣ, въ которыхъ рисуется, что черная земля подъ копытами копытъ была посѣяна и кровію полита, что на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными, вѣютъ душу отъ тѣла, кровавыя березы Немизи не бологомъ были посѣяны, а посѣяны копытъ русскихъ сыновъ.

2) Въ Словѣ смерть на полѣ брани, называемая судомъ Божиимъ, уподобляется брачному пиру, на которомъ сражающіеся упиваются виномъ. Тоже уподобленіе находимъ и въ Сѣверно-русской поэзіи, равно какъ и названіе смерти судомъ, судомъ Божиимъ, напр.:

И тутъ то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку.

(Рыб. III стр. 31).

Устрашились, видно, скорой вы смеретушки.
Отъ суда Божія, родъ, да мы не дѣнемся.

(Барс. Прич. стр. 120).

Ѣдетъ Алѣша пьянъ, шатается....

Говорилъ я тебѣ, Алѣша, наказываль:

Не пей зелена вина,

Не ѣшь сладки кушанья.

Отвѣчалъ Алѣша Ильѣ Муромцу:

Радъ бы я не пить зелена вина

И не ѣсть сладки кушанья,

Напойлъ то меня добрый молодецъ допьяна,

Накормилъ онъ меня досыта
Той шелепугой подорожною.

(Кир. вып. I стр. 9).

Или:

Ты зачѣмъ такъ, чадо, наливаешься,
До сырой то земли все преклоняешься
И за травушку, за ковылушку все хватаешься?
Какъ взговорить добрый молодецъ родной матушкѣ:
Я не самъ такъ добрый молодецъ наливаюсь;
Напоилъ то меня Турецкій царь тремя пойлами,
Что тремя то было пойлами, тремя разными:
Какъ и первое то пойло сабля острая,
А другое то пойло — копье мѣткое было,
Его третье то пойло — пуля свинчатая.

(Сахар. Сказ. т. I стр. 240).

Въ послѣдствіи этотъ поэтический образъ смерти повторяется въ пѣснѣ о Суворовѣ:

Мать говоритъ ему:

Ты почто такъ крѣпко уливаешься,
Съ зелена вина забываешься?

Суворовъ отвѣчаетъ:

Что не самъ то я наливаюсь,
Напоилъ меня злой прущкой король,
Напоилъ меня онъ свинцовымъ порохомъ,
Опохмѣдилъ онъ изъ мѣдной пушечки,
Что Суворова ли князя на рукахъ несутъ.

(Этногр. сб. вып. 6 стр. 206).

Въ казацкихъ пѣсняхъ смерть уподобляется брачному союзу:

Казаки наказываютъ коню:

Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
На другой женѣ, мать-сырой землѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,

Насъ сосватала—сабля острая
Положила спать калена стрѣла.

Въ Бѣлорусскихъ *) пѣсняхъ смерть тоже уподобляется опьяненію и браку:

Пришли вѣсци отъ милаго,
Што милый убиты.
Ци ты миленьки упиуся,
Ци зъ коня звалиуся?

(Шейнъ Бр. п. стр. 227).

Сыночикъ мой миленьки!

Куды же выражаешься,
У якую дороженьку?
Къ какой же дѣвонькѣ ѣдешь у сваты?
А твоя жъ веселія не веселая,
А твоя жъ свадьба не пріятная.

(Ш. Бр. стр. 372).

Замѣтимъ при этомъ, что представленіе акта смерти одинаково въ Словѣ и въ Сѣвернорусской поэзіи: Изяславъ Васильковичъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ злато ожереліе. Въ причитаньяхъ Сѣвернаго края этому отвѣчаетъ:

Какъ душа да съ бѣлыхъ грудей выходила,
Очи ясныя съ бѣлымъ свѣтомъ прощалися,
Подходила тутъ скорая смеретушка.

(Барс. Пр. стр. 2).

3) Уподобленіе героевъ свѣтиламъ небеснымъ, встрѣчающееся въ Словѣ (хотятъ прикрыти четыре солица), очень часто встрѣчается и въ Сѣвернорусской поэзіи:

Ой сси ты, багюшка, Владиміръ князь!
А свѣтлое солнце нашъ Кіевскій.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 99).

*) Объ уподобленіи смерти брачному ложу у Славянъ См. Котляревскаго (О погреб. Обыч. язык. Слав. стр. 193).

Не красное солнце катилось,
Пошелъ государь, православный царь.
(Пѣсни запис. Джем. Бусл. Хр. стр. 1033).

Вося идетъ грозна туча,
За тучей свѣтель мѣсяць,
За свѣтлымъ мѣсяцемъ красно солнышко,
За краснымъ солнышкомъ ясна зоренька,
За ясной зоренькой часты звѣздочки.
Что вося, что вося?
То въ насъ друженька,
Грозна туча то подружничекъ,
Что свѣтель мѣсяць—то молодой князь,
Что красно солнышко—то молодая княжна.

(Исслѣд. и Мат. стр. 187 кн. II Этн.)

Самъ то Павелъ—свѣтель мѣсяць,
Его жонушка—красно солнышко,
Его дѣточки—часты звѣздочки.

(Шейнъ. Р. п. стр. 391.)

Въ Бѣлорусскихъ:

Ясень мѣсяць—самъ Иванька,
Ясна зоря—яго жонка,
Дробны дзвядзы—яго цурки.

[III. Бр. п, стр. 46.]

Стояли, свацили мѣсячки чатыры:
Первый мѣсячка—маладый Василька,
Другый мѣсячка—маладый Паулючокъ,
Треци мѣсячка—млады Захарка,
Четвертый мѣсячка—маладый Иванька.

(III. Бр. п. стр. 53).

Уподобленіе смерти помраченію или заходу свѣтила
небесныхъ есть и въ Словѣ: два солнца померкоста, оба
багряная стлѣпа погасоста, а съ нимъ молодая мѣсяца; и
въ былинахъ:

А лежить же тутъ Добрыня во чистомъ поли,
А плеча его да испрострѣлены,

Голова его да испроломлена,—
Закатается да младъ свѣтелъ мѣсяцъ.

(Гильф. Он. 6. стр. 43.)

4) Символика птицъ и звѣрей въ Словѣ также, что и въ Сѣвернорусскихъ пѣсняхъ.

Въ Словѣ соколъ служитъ символомъ героя; соколомъ названы въ немъ Игорь и Всеволодъ, далеко зашелшіе въ погонѣ за врагами и прибывающіе птицъ [Половцевъ] къ морю: Святославъ, высоко взбивающій птицъ и не дающій своего гнѣзда въ обиду, Романъ и Мстиславъ, высоко плавающихъ на дѣло въ буести, какъ соколы на вѣтрахъ и др. Тоже находимъ и въ былинахъ:

Онъ (Волхъ) обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бѣгъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей.

(Рyb. I стр. 14).

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

[Джемсъ Хр. Вусл. 1033].

Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлой кречеть перепархивалъ,
Пріѣзжалъ добрый молодець.
Старый казакъ—Илья Муромецъ.

(Этн. сб. вып. 6, стр. 99).

Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда рано слетаетъ,
Молодой казакъ со квартирушки долой съѣзжаетъ.

(Этн. сб. вып. 6, стр. 76).

Пѣсенный герой — добрый молодець (женихъ)—тоже постоянно называется соколомъ:

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки,
Скачетъ молодець по дороженьки.

(Ш. р. п. стр. 302)

На калинушеѣ сидитъ самъ весель соколъ,
Сидѣлъ онъ да посвистывалъ, да жалко выговаривалъ,
Меня, красну дѣвушку, все подговаривалъ.

(Ш. р. п. стр. 317)

Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ.

(Ш. р. п. стр. 437)

Въ Словѣ молодой Владиміръ, котораго Гза и Кон-
чакъ хотятъ опутать красною дѣвицею, названъ соколи-
чемъ, сокольцемъ, какъ и въ былинахъ мужъ, — Илья Му-
ромецъ говоритъ Владиміру про Данилу Денисьевича:

Изведешь ты ясна сокола,
Не пымать теѣ бѣлой лебеди.

(Кир. в. Ш, стр. 34)

б) Лебедь у пѣвца Слова служить символомъ пѣнія
и звука: Боянъ пушалъ 10 соколовъ на стадо лебедей и
которой достигалъ, та (струна—лебедь) и пѣснь пѣла.
Половецкія телѣги кричатъ, какъ лебеди разогнанныя. Въ
былинахъ:

Не бѣлая лебедушка прокырчила,
Говорила то Катерина Микулична.

(Рыб. Ш стр. 137)

Въ пѣсняхъ:

Станетъ (Иванъ) рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричитъ.

(Ш. р. п. стр. 437)

в) Символомъ пѣвца въ Словѣ служитъ соловей; Бо-
янъ—соловей своимъ щекотомъ воспѣвалъ славу князей;
соловей же своими веселыми пѣснями возвѣщалъ и появле-
ніе свѣта. Въ Сѣверно-русскихъ пѣсняхъ соловей—пѣвецъ
веселія и онъ же провозвѣстникъ утренняго свѣта:

Посадили его въ клѣточку
Что заставили пѣсни пѣтъ;
Ужъ ты пой, воспѣвай, мой соловей,

При кручинѣ, спотѣшай молодца,
При великой разговаривай его.
(Ш. р. п. стр. 299)

Соловей въ саду онъ рано вставалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.
(Ш. р. п. стр. 458)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:
Соловейка, ты добрая пташынѣка!
Ня щибячи ранюшинѣка у далини,
Ня будзи моего милого у пырини.
(Ш. Бр. п. стр. 152)

Руби комору щитнюсенѣка,
Просикай воконце низюсенѣка,
Кабъ къ намъ солоуи литали,
Кабъ насъ молодыхъ пробужали.
(Ш. Бр. п. стр. 206.)

г) Пареніемъ подъ небеса сизаго орла выражается въ Словѣ полѣтъ поэтического ума или замышленія Боянова. Присущность такого представленія Сѣверно-русскому народу можно засвидѣтельствовать пословицей: „Видомъ орелъ, а умомъ тетеревъ“ (Слов. Доля).

д) Кукушка въ Сѣверно-русскихъ пѣсняхъ всегда является символомъ сироты, или вдовы, или жены, тоскующей въ одиночествѣ, какъ и въ Словѣ одинокая Яро-славна хочеть зегзицею — кукушкою. летѣть къ своему ладѣ.

По пѣснямъ, кукушка — побѣдная птица (Гильф. стр. 1276), а побѣдной въ Причитаньяхъ называется вдова:

Покидать меня побѣдную головушку.
(Пр. Вар. стр. 1)

Не кукушка во сыромъ лѣсу куковала,
А жена горевала (Слов. Даля).
Ты объ чемъ, моя кукушечка,
Ты объ чемъ кукуешь?

Одинъ былъ у меня милый другъ,
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня младшеньку,
Одное меня покидаетъ.

(Ш. р. н. п. стр. 310)

Вскинусъ я, взброшусъ я
Букушечкою,
Полечу на свою сторону
На бабушкину.

(Ш. р. н. п. стр. 339)

Не кукуй, кукушка, во сыромъ борочкѣ,
Не горюй, горюша, на сухомъ дубочкѣ,
Не давай назолы молодымъ казакамъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 112)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Ляцѣли пташечки
На три стадошки,
Зязюля напередѣ.
Пташечки сѣли,
Пѣсню запѣли,
А зязюля закуковала:
Маша заплакала.

(Ш. Бр. п. стр. 313)

е) Воронъ служить символомъ жадности, прожорства;
въ образѣ его представляются враги, — по Слову — Половцы,
по былинамъ — Невѣжа богатырь, по Причитаніямъ — смерть.

Илья Муромецъ говоритъ:
Бился, рубился съ Невѣжей богатыремъ,
Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ.

(Рыбн. III стр. 70)

Добрыня говоритъ мать:
Невѣжа то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ:
Верегись ты отъ Невѣжи черна ворона.

(Рыб. II стр. 14 и 16)

Чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла (т. е. Смерть.
Пр. В. стр. 8)

На пути она (смерть) летала чернымъ ворономъ.
(Бар. Пр. стр. 167)

ж) Галки и сороки—предвѣстницы несчастія, слу-
жать, и по Слову, и по былинамъ, символомъ врага, не-
пріятели и болтливости: въ Словѣ—галицы свою рѣчь го-
воряхуть, сороки не троскоташа. Въ былинахъ:

Стала тутъ сорока (Маринка) да выщекотывать,
Взяла тутъ сорока выговаривать.
(Гильф. Оп. б. стр. 28)

Въ пословицахъ: Всякая сорока отъ своего язычка
погибаетъ.—Сорока даромъ не щекочетъ, либо къ гостямъ, ли-
бо къ вѣстамъ.—Сорочій язычекъ болтливый (Слов. Даля).
Галки, лѣтая стаями (стады бѣжать) по Слову—служать
еще олицетвореніемъ сборища, толпы людей. Этому отвѣ-
чаетъ въ пѣсняхъ слѣдующее:

Будто галицы летать, за ней старицы идутъ,
По правую руку идутъ сорокъ дѣвицъ,
Да по лѣвую руку другое сорокъ,
Позади ея дѣвицъ и смѣты нѣтъ.
(Др. р. ст. стр. 267)

Пословица: Деньги, что галѣ, все въ стаю сбиваютъ-
ся (Слов. Даля).

Изъ звѣрей

а) Волкъ служить символомъ быстроты бѣга по
землѣ и въ Словѣ, и въ былинахъ:

И обернулся онъ князь Романъ Дмитріевичъ
Сѣрымъ волкомъ запольнымъ.

(Рыб. III стр. 280)

Эпитетъ его по былинамъ—рысучій—быстрый на бѣгу.
(Рыб. III словарь)

А самъ онъ обернулся сѣрнить волкомъ,
Это началъ онъ, вѣдь, по полю побѣгивать,
Это началъ онъ по чистому порыскивать.

(Гильф. Оп. 6. стр. 328)

б) Тоже значеніе быстрого бѣга имѣютъ въ Словѣ
—пардусъ, какъ названы Половцы, и горностаѣ. Въ При-
читаньяхъ:

Обсиротилъ насъ побѣдныхъ головушекъ,
Да какъ растить то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ?
Надо подсаки держать да горностаевы.

(Пр. Бар. стр. 13)

Въ былинахъ горностаѣ—символъ щегольской походы:

Не бѣлый горностаѣ слѣды прометывалъ,
Ходилъ де гулялъ купавъ молодецъ
На ния Чурила, сынъ Пленковичъ.

(Рыб. III стр. 137.)

Названію Половцевъ въ Словѣ пардужинъ гнѣздомъ
соотвѣтствуетъ въ старой рукописи слѣдующее мѣсто:

Куманинъ [т. е. Половчинъ] пардосъ есть (памят.
отр. лит. т. II стр. 447).

в) Туръ въ Словѣ—символъ храбрости, силы и бы-
строты: Камо туръ (Всеволодъ) поскачаше, тамъ лежатъ
поганыя головы Половецкія. Тоже значеніе его въ были-
нахъ:

Онъ [Волхъ] обернулся гнѣднѣ туромъ золотые рога,
Побѣжать онъ къ царству Индѣйскому.
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ—не могли найти.

(Др. Р. ст. стр. 33).

На поглядъ якая турица, а молока мало даецъ (Вѣло-
рус. слов. Носовича).

Различныя формы сравненій, употребленныя въ Словѣ,
всѣ находятся и въ Сѣвернорусской поэзіи.

Въ Словѣ находимъ:

1) Положительное сравненіе, выраженное творительнымъ падежомъ: Игорь полетѣ соколомъ, поскочи горностаемъ.

Въ былинахъ:

Царь Афромей Афромеевичъ
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ.

(Др. Р. стих. стр. 98).

Въ историческихъ пѣсняхъ:

Онъ на кошечко садился сизымъ голубемъ,
Подъ столомъ сидѣлъ Прусской король сѣрымъ котикомъ,
Онъ изъ терема вылетывалъ вольной пташечкой,
На черную грязь садился чернымъ ворономъ,
Во синее море бросался бѣлой рыбицей,
На стровочекъ выплывалъ сѣрой утицей,
На корабликъ онъ садился добрымъ молодцомъ,
По кораблику разстился бѣлымъ жемчугомъ.

(Кир. вып. 9 прим. къ стр. 155).

Подобное сравненіе встрѣчается и въ апокрифахъ о Соломонѣ, куда оно вошло въ давнее время, безъ сомнѣнія, изъ русской народной поэзіи: и царица рече: поити тебѣ со мною по землѣ, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подымешь меня на пчелиныя крылья, и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ (Пам. ст. р. л. вып. III стр. 67).

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Яжъ къ табѣ шилая
Соколомъ ляту.

(Ш. Бр. п. стр. 201).

2) Положительное сравненіе выражается при посредствѣ союзовъ и въ Словѣ (аки тури, яко соколъ, рци лебеди) и въ Сѣвернорусской поэзіи:

Конь мой лошадь, аки лютый звѣрь.

Рнб. III стр. 150)

Атаманъ рѣчи говорилъ,
Будто въ трубу трубилъ.

(Др. Р. стих. стр. 295).

Ужь какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ,
Сестра то ли плачетъ, какъ ручьи кипятъ.
Жена плачетъ, какъ роса падетъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 88).

3) Последній видъ положительнаго сравненія — это простое сопоставленіе сходныхъ предметовъ, параллелизмъ. Въ Словѣ: солнце свѣтитъ на небеси, Игорь князь на русской земли. Въ былинахъ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ,
Одинъ Донской казакъ на святой Руси,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

(Рыбн. III стр. 140).

Въ пѣсняхъ:

Цвѣли, цвѣли цвѣточки, да поблекли,
Любилъ меня милый другъ да покинулъ.

(Этн. сб. в 6 стр. 70).

Въ Бѣлорусскихъ:

Цемная игла къ землѣ прилигла,
Наша княгинька ракой прицикла.

(III. Бр. п. стр. 466)

4) Отрицательное сравненіе въ Словѣ: А не сороки вътростоташи, на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Ёзакъ съ Бончакомъ.

Въ пѣсняхъ великорусскихъ:

А не сильныя тучи затучились,
А не сильные громы грянули,
Буде ѣдетъ собака Крымскій царь.

(Изъ пѣс. Джемса Хр. Бусл. 1861 г. стр. 1033).

Не трубушки трубятъ рано по зари,
То Марьюшка плачетъ по русой востѣ.

(Этн. сб. вып. I стр. 228).

Не сбуи вѣтры навѣяли,
Не званые гости на дворъ взѣхали.
(Ш. Р. п. стр. 454).

Ни княгиня тутъ идзе, ни боярина,
Тутъ идзе бѣдная горюша съ горацимъ слизамъ.
(Ш. Бѣлор. п. стр. 483).

5) Наконецъ въ Словѣ есть еще положительно-отрицательное сравненіе: Боянъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, но онъ пускалъ не 10 соколовъ, а свои вѣщіе персты на живны струны накладывалъ. Тоже есть и въ Сѣвернорусскихъ пѣсняхъ:

Скачетъ гуздочекъ по ельничку,
Ищетъ гуздочекъ бѣляночку,
Не гуздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ,
Не бѣляночки ищетъ—дворяночки.
(Ж. М. Н. Пр. 1837 г. № 2 ст. Макс.)

Ай рано, рано по зарѣ
Поймалъ соловей кукушечку.
Не сизу кукушечку—красну дѣвицу.
(Ш. Р. н. п. стр. 465).

По окошку голубъ ходить,
Со голубкою воркуить,
Не съ голубочкой воркуить,
Самъ дѣвочку будить.
(Ш. Бр. п. стр. 233).

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Ишла тучка волочебная.
А не тучка то шла—волочебники.
(Безсон. Бѣлор. п. стр. 3).

Часто встрѣчающееся въ Словѣ тождество (тавтологія), какъ напр.: мосты мостити, думою сдумати, мыслію смыслити, суды судити, трубы трубятъ—очень обычно и въ Великорусской поэзіи и Бѣлорусской:

Рукой онъ (Илья) коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить.

(Рыбн. I стр. 47).

Яжъ табѣ милая
Мосты мошу.

(Ш. Вр. п. стр. 201).

Въ Москву съѣхавши
Суды судить
Та рады радить.

(Ш. Р. н. п. стр. 367).

Юнъ же уиѣтъ да суды судить.

(Бесс. Бѣлор. п. стр. 7).

И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую.

(Кир. I стр. 21.)

Смирная Авдотья на думахъ сидѣтъ,
Думаеъ Авдотья думу крѣпкую.

(Ш. Р. п. стр. 413).

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачетъ Михайловна по русой косѣ.

(Ш. Р. н. п. стр. 454)

Отличительную, характеристическую черту живописи Игорева пѣвца составляютъ постоянныя эпитеты; эти же эпитеты и въ Сѣвернорусской поэзіи обыкновенныя явленія. Въ Словѣ встрѣчаются:

а) сабля острая и красныя дѣвицы или дѣвки; въ пѣсняхъ:

Онъ узалъ, узалъ востру саблю,
Онъ стращалъ, стращалъ красну дѣвку.

(Ш. р. п. стр. 132).

Въ былинахъ:

На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица.
Тутъ ходила, гуляла душа красна-дѣвица.

(Др. Р. ст. стр. 209).

б) волкъ сѣрый, воронъ черныи; въ былинахъ:

Нагнало то силушки чернымъ черно,
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Черну ворону этой силы не обграяти.

(Рыбн. I стр. 438).

Къ другой то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ.

Др. Р. ст. стр. 31).

в) орелъ сизый; въ былинахъ:

Ниотколь взялся младъ сизой орелъ.

(Др. Р. ст. 257).

Въ Бѣлорус. пѣсняхъ:

На тымъ древцѣ сядзиць пташка,
Сядзиць пташка да сизой орелъ.

III. Бѣлор. п. стр. 109).

г) Море синее, гоголь бѣлый; въ былинахъ—арый:

А не арие гоголи на синее море выплыли.

(Др. р. ст. стр. 74).

Эпитетъ же бѣлый въ былинахъ придается кречетамъ:

Вотъ тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

Вотъ тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ.

(Кир. II стр. 85).

Въ Бѣлор. пѣсняхъ:

Владыкыны дѣйци

Хочуць поляцѣци

На синяя моря.

(III. Бѣл. п. стр. 8).

д) Дружина хоробрая, стрѣла каленая;
въ былинахъ:

Волхъ понялъ, корнилъ дружину хоробрую.

(Др. Р. ст. стр. 32).

У тутыхъ луковъ тетивки накусывалъ,

У каленныхъ стрѣлъ желѣзцы повинивалъ.

Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорообрна.

(Др. Р. ст. стр. 33—34).

А накладывалъ тутъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ стрѣлочку во Соловья.

(Гильф. Он. 6. стр. 18).

е) Т р а в а з е л е н а я; въ былинахъ:
Выведи меня во чистое поле,
Пусти меня на травы зеленны,
Накорми меня травой шелковою.

[Кир. III стр. 3].

ж) К о н ь б о р з ы й; въ пословицахъ:
Кто на борзомъ конѣ жениться
Поскачетъ, тотъ скоро поплачетъ [Слов. Даля].

з) З а р я — с в ѣ т ѣ; въ пѣсняхъ:
Не свѣтъ зорюшка просвѣтилася.
Въ Бѣлор. пѣсняхъ:

А свѣтъ свитанць, заря займанць,
Ахъ, рана, рана заря займанць.

(Ш. Бр. п. стр. 331).

и) З в ѣ р ь л ю т ы й; въ былинахъ:
Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь.

(Рнб. III ттр. 150).

і) П о л е ч и с т о е, ш и р о к о е, в е л и к о е; въ бы-
линахъ:

Сѣрныи волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.

(Кир. II стр. 9).

Въ загадкахъ: Широко поле карагайское, на немъ
много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягода.
Велико поле колыбанское, много въ немъ скота астрахан-
скаго, одинъ пастухъ, какъ ясеонецъ. [Слов. Даля].

к) Д о н ѣ въ Словѣ имѣеть эпитетъ с и н і й, въ пѣ-
сняхъ—тихій:

Ты прости, прощай, славный тихій Донъ.
(Кир. вын. 10 стр. 104).

При постоянныхъ эпитетахъ есть еще украшающіе эпитеты; въ Словѣ:

а) *Теремъ златоверхій*; въ былинахъ:
Поводить въ свой теремъ златоверховатый.

(Рыб. П стр. 20).

Въ пѣсняхъ:

Во этомъ во тыну
Стоить три терема,
Стоить три терема
Златоверхіи.

(Ш. Р. п. стр. 366).

б) *Струи серебряныя*; въ Словарѣ живаго Великорусскаго языка занесены Далемъ выраженія:

Посеребренные луною струйки, струя мелкоструйчатая, серебряная.

в) *Кровать тисовая*; въ пѣсняхъ:

Какъ подъ той ли подъ грушей
Да кровать тесовая,
На той на кровати
Перина пуховая,
На той ли на кровати
Одѣяло теплое,
Лежитъ мой милый дружочикъ.

[Ш. Р. п. стр. 401].

Да у мене вѣтка новая,
А кровать тисовая.

[Безс. Вѣлор. п. стр. 41].

Къ живописи рѣчи относятся также разныя изобразительныя обозначенія криковъ звѣрей и птицъ; такія изображенія, встрѣчающіяся въ Словѣ, всѣ есть и въ Сѣвернорусскомъ языкѣ.

Въ Словѣ -- врани граяхуть, влѣци грозу всерожать.
въ былинахъ:

Черныиъ воронамъ все на граянье
А и сѣрымъ волкамъ все на военье.

(Гильф. Он. 6. стр. 917),

Черныиъ воронамъ на пограянье

(Рыб. III стр. 53)

Въ Причитаньяхъ:

Черныиъ вороны талагъ знатъ приограили,

(Пр. Бар. стр. 7).

г) *Звѣри свищутъ* [свисть звѣринъ], *соловьи щекочутъ* [пощекоталъ]; въ былинахъ:

Защекоталъ то по соловьиному.

Неужель не слыжалъ крыку звѣринаго,

Свисту звѣринаго и щекотанья соловьиного?

(Рыб. III стр. 26).

Въ лѣсахъ звѣри засвищали.

(Рыб. II стр. 137).

в) *Орлы клекчутъ* (орлы клектоу на кости звѣри зовутъ); въ пословицахъ: орелъ клекчетъ, крови ищетъ. (Даль.)

г) *Туры рыкаютъ*, въ Словарѣ Великор. языка Даля рыканье придается звѣрямъ и приводится загадка: Рыкнулъ волъ на семь селъ; а туръ, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ дикій волъ, быкъ (Сл. Даля).

д) *Галицы юворяхуть*. Въ Великор. языкѣ это свойство приписывается вообще птицамъ:

Орелъ птица говорящая.

(Рыб. III стр. 391).

Въ пословицахъ: и сорока говорить [Слов. Даля].

е) *Сороки троскочутъ*, въ Великор. яз. сорокъ приписывается сокотъ: сорока сокоchetъ, гостей пророчить [Сл. Даля]; сокотать знач. болтать безъ умолку; ему соотвѣствуетъ тростить -- повторять одно и тоже: Онъ знаи свое тростить (Слов. Даля).

ж) *Лисицы брешутъ*; въ Великор. яз. этотъ эпитетъ придается вообще собачьей породѣ: Собакъ вольно и на свой хвостъ брехать. Въ Бѣлор. п.

Собаки брешутъ прилегаючи,
А вороны кричать налетаючи.

(Ш. Бр. п. стр. 499)

з) Дятламъ приписывается *тектъ*. Въ пѣснѣ:

На морѣ дятель онъ плотникъ:

Кажное дерево пытается (т. е. тыкая въ него носомъ).

(Гильф. Он. 6. стр. 1232).

и) *Лебеди кричатъ* (кричатъ телеги полунощи рци лебеди ропущени; кукушки кичуть [зегзицею кичеть]. Въ Великорусской поэзіи крикъ прямо приписывается лебедамъ:

Станетъ рѣчи говорить,

Точно лебедь прокричить.

[Ш. Р. п. стр. 437]

Ей же приписывается: кырчать, гнѣвать и кичать:

Не бѣлая лебедушка прокырчала,

Говорила Катерина та Микюлична.

[Рыб. III стр. 137].

Какъ бѣлы лебеди гичуть.

(Рыб. III стр. 186).

Якъ намъ сестру загукаци?

Ци голосомъ загукаци?

(Ш. Бр. п. стр. 238).

Кичеть, кичеть лебедь бѣлая.

(Ш. Р. п. стр. 556).

Кукушка кукуетъ горе вѣщаетъ (Слов. Даля).

Скрипъ или шумъ Половецкихъ телегъ въ Словѣ приравнивается къ крику лебедей; въ былинахъ между тѣмъ этотъ самый скрипъ служить для сравненія съ нимъ богатырского соннаго храпа:

Онъ спитъ старый, храпить,

Какъ телѣга ордынская гремитъ. (Рыб. I стр. 80).

Въ Словѣ о п. Иг. встрѣчается частое повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій. Это зависѣло вовсе не отъ

бѣдности фантазіи пѣвца, а отъ любви его къ удачнымъ образамъ, которыя, разъ составившись, твердо держатся въ памяти, дѣлаются любимыми и потому часто повторяются и даже обращаются въ пословицы. Въ Словѣ: испить шело-
момъ Дону два раза; столько же—ищючи себѣ чти, а кня-
зю славы,—О Русская земле, уже за шеломянемъ еси! А
Игорева храбраго полку уже не кресити.

Три раза—за землю русскую, за раны Игоревы, бу-
его Святъславича.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на заборолѣ ар-
кучи.

Тоже самое и въ Сѣвернорусской поэзіи; напр. въ пѣ-
сняхъ о Егоріѣ храбромъ по нѣскольку разъ повторяется—

Тутъ Егорій побѣждаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Вусурманскую вѣру побѣждаючи.

(Безс. Кал. пер. т. I съ 393 стр.)

Описаніе пировъ Владиміра во множествѣ былинъ
изображается почти буквально одинаковыми красками.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На могучихъ богатырей.

(См. у О. Милл. Илья М. и богатырь. Кіев. стр. 330).

Наконецъ Слово, не будучи цѣликомъ стихотворнымъ
произведеніемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ и
довольно правильный стихотворный размѣръ, т. е. болѣе
или менѣе однообразное воспроизведеніе по нѣскольку разъ
повышеній и пониженій голоса; напр. два раза повышается
голосъ въ слѣдующихъ строкахъ:

Комони ржутъ за Сулою
Звенить слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
Стоять стязи въ Путивлѣ.

Или:

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
Омочу бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Послѣднему четырехстишію, по размѣру, отвѣчаютъ слѣдующіе стихи похороннаго причитанья:

Припадѹ я сиротинушка ко сырѡй землѣ,
Побужѹ я сиротинушка слово то чаду милова.
Разскажѹ я ему свое злодѣй-горе
Какъ живѹ я сиротинушка..

(Ш. Р. п. стр. 562).

Въ другихъ мѣстахъ Слово представляетъ тоже довольно мѣрную рѣчь, но она отличается свободой, чуждою однообразію. Здѣсь чувствуется созвучіе, но одинаковости стопъ нѣтъ. Въ народныхъ произведеніяхъ встрѣчается очень много видовъ подобнаго созвучія (ритма); изъ нихъ въ Словѣ особенно выдаются:

а) Начатіе предложенія тѣмъ же словомъ, какимъ оканчивается предыдущее:

Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посяни,
Посяни костью Русскихъ сыновъ.

Въ былинѣ этому соответствуетъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу.

Или:

Не покину вѣру христіанскую,
Не буду вѣровать латинскую,
Латинскую, бусурманскую.

б) Аллитерація

Съ заранія въ лѣтѣ потопташа поганныя лѣкы
Половецкыя и рассушася стрѣлами по полю помчаша красныя дѣвки //оловецкыя. Или:

По Руской земли рѣдко ратаевѣ викахуть, нѣ часто
врани граяхуть, трупіа себѣ дѣлаче, а галицы свою рѣчь
говорахуть (еще примѣры см. у Вяз. Изслѣд. о вар. стр.
29—30).

в) Постановка глаголовъ въ концѣ:

Заря свѣтъ запала,
Мыгла поля покрыла,
Щекоть славій успе,
Говоръ галичь убуди...

Или:

Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти,
А себѣ славы искати;
Нѣ нечестно одолѣте,
Нечестно кровь поганую проліясте;
Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована,
А въ буети закалена.
Всеславъ князь людемъ судаше,
Княземъ грады радаше,
А самъ въ ночь вѣткомъ рыскаше.

г) Постановка глаголовъ въ началѣ:

Стоиши на борони,
Прыщеши на вои стрѣлами,
Гремлеши о шеломи мечи харалужными.

Какъ этимъ видамъ ритма, такъ и многимъ другимъ,
находящимся въ Словѣ и дѣлающимъ рѣчь его благозвучною,
можно поставить въ соотвѣтствіе художественный рассказъ
„о встрѣчѣ Петра I съ Шведскимъ королемъ на Ладож-
скомъ озерѣ“. Этотъ рассказъ, хоть и не стихотворный, но
представляетъ рѣчь очень благозвучную, весьма близко под-
ходящую къ музыкальной. Издатель этого рассказа — Е.
Барсовъ *) справедливо замѣтилъ, что въ русской повѣст-
вательной литературѣ ему подобно только Слово о п. Иг.

*) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ. Сѣв. Край,
Е. Барсова (Москв. 1872 г. и Рус. Б. 1872 г. № V).

„Досюль, еще насъ на свѣтѣ не было да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были да на свѣтѣ не жили, ¹⁾ а и народа то на земли была малость мальская, цари въ ту — поръ дѣлили межъ собой владѣнія. Въ ты поры давнія, наше мѣсто ни завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ человекомъ удалимъ, ²⁾ а въ лѣсу звѣря разводило сѧ, что ни кустъ — лисица съ кунницею, что ни пенъ — медвѣдь съ волчищемъ; а и рыбы наплодилосѧ, хошъ рукой и май, аль карцѣмъ черпай. ³⁾ Полюбилось то наше мѣсто, привольное царю свейскому. А и Пѣтра руской царь заприимѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долгиѧ — широкіѧ, ⁴⁾ а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способніѧ; снарядится самъ на поиски на своей лодки крашеной, серебромъ пораскладеной, золотымъ рулемъ приправленою, съ боярами да вельможами. А Свейской — то царь заспѣсивался, не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою и лѣса со зверемъ всякимъ, чтобъ владѣть ему по вѣки. ⁵⁾ Ъдетъ — ватитъ Пѣтра царь на поиски по морю Ладожскому, на лодкѣ съ боярами, да съ вельможами, а и самъ сидитъ въ кормѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ въ лодкахъ писанныхъ съ шелковой покрывкой алою.

„Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую; не лебедь смутилъ воду синюю, — то летятъ, воду рубятъ лодки свейскіѧ на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, свистомъ порывающіѧ; въ мелкой черенъ искрошить хотятъ цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ рускій царь, понасунилъ, очи ясныя поразсвѣтили и румя-

¹⁾ Глаголы въ концѣ.

²⁾ Прилагательныя въ концѣ.

³⁾ Глаголы въ концѣ.

⁴⁾ Прилагательныя въ концѣ.

⁵⁾ Аллитерація.

нецъ сталъ во всю щеку; а и крикнеть онъ баръ—вельмо-
жамъ своимъ: поубавишь что ли спѣси у Свейскаго царя?
(Илой ли стугбитъ ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пу-
чинистымъ? Промолвили тутъ бояра: а и что, царь, брать
грѣха на душу хоть и некрещеную, да человѣческую, пусть
они умрутъ отъ вѣтра—сивера, да валовъ разсыпчатыхъ.
Лишь промолвили бояра, какъ тутотка взялъ царь—отвя-
залъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ сторо-
ны громкимъ голосомъ. Разносился голосъ по морямъ
далекимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ
тѣмень Божія, собиралися вѣтры въ тучу густую, рас-
х о д и л и с ь воды яря—валъ вала подталкиваетъ, греб-
ни—вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посры-
валъ покровы алые, побросалъ платье по морю, ⁶⁾ а тутъ
нагнала ихъ вода ярая—валъ живой горой идетъ—тянется,
бѣлымъ гребнемъ отливается. ⁷⁾ Подошелъ тутъ первый
валъ, приподнялъ стоймя лодки свейскія, ⁸⁾ а второй валъ
понакрѣнилъ ихъ, а и третій ужъ какъ тутъ и былъ—
захлестнулъ на вѣкъ начальниковъ. ⁹⁾ Разступилась вода
на двое, ушли камнемъ въ топь глубокую ¹⁰⁾ души грѣш-
ныя, некрещеныя.

Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажиной годъ
на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ—душа крещеная: собира-
ютъ то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ.

Въ послѣдней части рассказа два періода, въ первой ча-
сти каждаго слышится повышение голоса съ глаголомъ въ
началѣ нѣсколькихъ предложеній, во второй понижение съ
глаголомъ въ концѣ. Такое же движеніе голоса замѣчаемъ
во многихъ мѣстахъ Слова о п. Иг., напр. въ повѣствованіи

⁶⁾ Глаголы въ началѣ.

⁷⁾ Повышеніе.

⁸⁾ Пониженіе.

⁹⁾ Повышеніе.

¹⁰⁾ Пониженіе.

ніи о Святославѣ Кіевскомъ: притрепеталъ своими сильными полки, наступи на землю половецкую, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота [повышеніе], а поганого Кобяка изъ лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вѣтръ выторже [пониженіе]. Поютъ славу Святославу, каютъ князя Игоря (повышеніе), иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣки Половецкія, русскаго злата насыпаша (пониженіе).

Въ заключеніе нужно сказать, что и всѣ тѣ слова въ Словѣ, которыя, по мнѣнію Максимовича (Ж. М. Н. Пр. 1837 г.) и Прыжова (Фил. Зап. 1869 г.), составляютъ принадлежность только Малорусскаго нарѣчія, встрѣчаются и въ Сѣвернорусскомъ, — таковы:

1) Т у г а, встрѣчающееся въ Остр. Ев. въ значеніи тоски, есть и въ великор. пѣсняхъ: чужая сторона, она тугою орана, слезали засѣяна (Слов. Даля), въ Бѣлор. н.: туга на сердцу лежиць (Слов. Носов.).

2) С м а г а, въ Велик. н.: грѣшники въ аду въ смагѣ висятъ, да въ смолѣ кипятъ (Слов. Даля); въ Бѣлор. н.: смага — сухость губъ, или накупъ на губахъ отъ жару, трудовъ и болѣзни, жажда (Ш. Бр. п. Слов.). Губы смагою покрылись; дай воды смагу прогнаць (Слов. Носов.).

3) Я р у г а, въ Тульской г. буеракъ, оврагъ, ручей въ оврагѣ (Сл. Даля).

4) Ж и р ъ въ значеніи довольства, богатства, очень употребительно въ Великор. н., чему доказательствомъ служить много пословицъ (см. Слов. Даля): на чужомъ жиру не далеко уѣдешь. Въ Сѣвер. причит. употребляется въ значеніи вообще житья-бытья и дома.

Вѣдь ты растишь сиротныхъ также дѣтушекъ,

Во маетной, во бобыльской растишь жирушекъ.

(Б. пр. стр. 10).

Большака нѣту ко дому настоятеля,

Ко крестьянской нашей жирушекъ правителя.

(Б. пр. стр. 14).

Ты зови да ихъ во крестьянскую во жирушку,
Ты къ себѣ проси ихъ въ домъ на угощеніе.

(Б. пр. стр. 297).

Ваша думушка, родители, часовая,
Мнѣ же жирушка, желаннне, вѣковая.

(Рнб. III стр. 353)

Но въ Причитаньяхъ жирушка употребительно и въ
значеніи довольства, богатства.

Видно, въ живности, надежная головушка,
Ты въ прохладной живешь да видно жирушкѣ.

(Барс. Пр. стр. 9)

Въ Палеѣ—о жири с я—разбогатѣль.

(Весел. о Сол. и Кит. стр. 81)

Въ Вѣлор.: жируется въ чужомъ добромъ (Слов. Носов.).

5. Болонъ въ Вр.—предмѣстье, слобода, околица,
обаполье (Слов. Дал.); въ Бр. обширное, открытое мѣсто
при селеніи, или въ полѣ, поляна. Пусти меня на болону
(Сл. Носов.).

6. Припѣшать. Соколъ съ обрубленными крыль-
ями называется пѣшии: ужъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ
соколъ. (Пам. В. н. стр. 113)

7. Котора́—вражда, ссора, распра, довольно упо-
требительно теперь на сѣверѣ, съ производными которать-
ся, коториться, которливый. которникъ и которница (Слов.
Дал.).

8. Трудъ—въ значеніи болѣзни, печали на сѣве-
рѣ очень употребительно (Сл. Дал.). Трудный въ Прич.
(Бар. Сл.) значитъ близкій къ смерти; въ Вѣлор. тру-
дный кромѣ обыкновеннаго значенія,—еще—скучный, до-
садный, несносный (Сл. Носов.).

9. Цвѣлти: Почто нынѣ разцвѣли (огорчила)
сердце мое? (Тих. Стр. лит. т. I стр. 50); расквѣлю дѣти
свои (Весел. о Солом. и Кит. стр. 86). Въ Тверск. губ.
Цвѣлиться — плакать о дѣтахъ (Слов. къ Сл. Тихонр.);

въ большой же части сѣверныхъ губерній—квелить—дра-
знить, сердить, не давать покою (Слов. Дал.); кволенкѣй
— печальный, жалостный (Тург. Нов. стр. 215).

10. Сулица—употреблялось на сѣверѣ въ XIII в.
въ догов. грамотѣ Смоленскаго князя съ Ригю.

11. Хотѣ—въ Словѣ жена, по дохристианскимъ по-
нятіямъ; въ христианскій періодъ древней Руси. понятію
законной жены давалось названіе водимой, а наложницы
—хоти (Обол. Лѣт. Пер.-Сузда. стр. 86).

Съ послѣднимъ значеніемъ слово хотѣ и теперь упо-
требительно въ Вр. яз.—въ Арх. Ирк. г. въ значеніи лю-
бовницы (Слов. Тихонр. при Сл.).

12. Лада—мужъ. Въ пѣсняхъ:

Я сама пойду,
Милу ладу найду.

Въ былинахъ:

Гой еси ты мой любезной ладушка,
Молодой Дунай, сынъ Ивановичъ.

(Др. стих. стр. 68)

Въ причитаньяхъ:

Ой, не дай Боже Господи
Какъ сина моря безъ камышка,
Какъ чиста поля безъ кустишка,
Также жить бѣдной горющицѣ
Безъ тебя да мила ладушка.

(Прич. Б. стр. 36)

13. Комонь—въ Влр. н. очень часто употребляет-
ся; въ былинахъ:

Добры комони стоятъ, все не ѣздятся.

(Рыб. П стр. 104)

Будемъ держать да добрыхъ комоней.

(Гильф. Оп. 6. стр. 197)

Въ пѣсняхъ:

Подожлю куманей,
Чтобъ покрали комоней. (Ш. р. п. стр. 408)

Стояли комони, пошибши головы,
Не ѣли комони сѣна зеленого, овса ядренаго,
Не пили комони воды студеной,
Слышали комони дальнюю дорожку.

(Ш. р. п. стр. 563)

14. Стягъ въ Вкр. больше въ значеніи длиннаго
шеста, потомъ кабацкаго флага: кабаку-то стягъ, валится
всякъ; наконецъ военнаго знамени: языкъ стягъ — дружину
водитъ (Слов. Даля).

15. Къ м е т ъ Вкр. парень, крестьянинъ (Слов. Даля).

16. Ш е л о м я очень часто въ былинахъ:

Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимофеевичъ —

Со тоя горы, со высокія,

Со того шеломя со оскатнаго.

(Рнб. I стр. 104)

Пойдешь ты на шеломя на оватисто,

А по русскому на гору да на высокую.

(Данил. Игн.)

17. Ч е л к а — въ Вкр. н. у лошадей — волоса между
ушами на дбу:

Целка у него съ коня была до поздрей.

(Рнб. II стр. 137)

18. Р а т а й въ былинахъ очень часто:

Ореть въ полѣ ратай понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ.

(Рнб. I стр. 18)

19. Г о д и н а въ Вкр. Тяжкая была година, прихо-
ди вечерней годиной, подъ злую годину (Слов. Даля.); въ
Вѣлор. г о д з и н а — часть (Ш. Слов. въ Б. п.).

20. К р е с и т и въ Вкр. Упрямаго креси, а онъ въ
могилу лѣзетъ (Слов. Даля.).

21. Б р е ш у т ь есть и въ Вкр. и Вѣлор. Пе-
стрня ворота изъ-подъ собакъ б р е ш у т ь (Слов. Даля.).
На вулица курта бреше (Ш. Бр. п. стр. 272).

22. Рассушась кор. су=сов; въ Вкр.

Куда весь народъ разсовался? (Слов. Дал.)

И тутъ воры разбойники испугалися

По дикой степѣ разстрѣлялися. (Кир. I стр. 21)

Втапоры Настасья засовалася,

Хочетъ прямо скочить. (Др. р. ст. стр. 137)

Къ этимъ словамъ прибавимъ еще такія изъ найденныхъ нами въ сѣвернорусскихъ памятникахъ языка, которыя, встрѣчаясь въ Словѣ, рѣдки въ литературномъ языкѣ, или употребляются въ послѣднемъ въ иномъ значеніи, или же наконецъ соввучны съ непонятными или недостаточно уясненными словами въ Словѣ:

а б ѣ — что бы (Слов. къ Бр. п. III.)

а к с а м и т ѣ:

На старомъ шубочка соболя была

Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ.

(Руб. III стр. 122)

Въ Бѣлор. а к с а м и т ѣ (Слов. къ Бѣлор. п. III.)

Б о с у в и, Б у с о в о:

Согниетъ нонь цвѣтно платице,

Забусіють жемчуги нонь перебраные.

(Бар. Пр. стр. 120)

Котора была мѣдъ аравитская,

Никогда они ни бусѣла и не ржавѣла.

(Гильф. О. б. стр. 1169)

Г р и д н и ц а и нечестно:

По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ.

(Кир. III стр. 4)

Б е з ч е с т н о:

Марьи пѣсенку не безчестно слышати.

(III. р. п. стр. 471)

Нечестно за столомъ сидить,

Нечестно хлѣба съ солью ѣсть,

По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ....

(Др. Р. ст. стр. 130)

Дунай въ значеніи рѣки вообще:

Отъ краснаго города отъ Волынца,
По привольной рѣкѣ по Дунаеву,
Идетъ удалый добрый молодецъ,
Боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ
Ко Святому граду, ко Кіеву.

(Рыб. II стр. 130)

Протекала Дунай рѣка
Ко городу ко Кіеву.

(Рыб. II стр. 50)

Вы пойдете на Дунай вѣнки бросать—бросьте и мой,
Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды—а мой потонуть,
Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли—а мой не
бывалъ.

(III. р. п. стр. 397)

Послала мене маца
На Дунай воды браца.

(III. Бр. п. стр. 119)

Черезъ Дунай досочка
Тонка, гибка ляжала,
Никто по ней не ходиць,
На Дунай слезъ не рониць.

(Бр. п. III стр. 136).

З а с а п о ж н и к и. Засожникъ-охотничій ножъ, по-
симный въ сумочкѣ, пришитой къ голенищу, въ Нижегород-
г. Макар. уѣзд. (III. Доп. къ Сл. Д.)

З е г з и ц а—кукушка.

Налетятъ да птички ластушки,
Съры малыя загозочки.

(Прич. Б. стр. 29).

Боровая зязюлька!

Чаму рано не кукуешь?

(Безс. Бѣлор. п. стр. 158).

З в о н ь с л ы ш а:

Звонили звонны—въ Данковѣ градѣ.

Звонили звонны—свѣтъ Марья душа.

Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ,

Звону ея онъ заслушался,

Красоту ея онъ засмотрѣлся.

(Ш. Р. п. стр. 468).

К а р о в а т ь (?) цѣловаться молча.

(Прич. Бар. слов.)

К о л и — когда, въ Влкр. народ. языкѣ почти постоянно вм. когда.

Коли жъ ты спишь,

Такъ Богъ съ тобой.

(Ш. Р. п. стр. 391).

Коли разойдуся....

Якъ заря у поли погаснишь.

(Ш. Бр. п. стр. 485)

К р ы л ь ц а — плечи, спина.

(Колос. Зам. о яз. и нар. п. № 4 стр. 79).

Л е л ь я т ь:

Разлилась, разлелѣялась

По лугамъ вода вешняя.

Унесло, улелѣяло

Чадо милое, дочь отъ матери.

(Сахар. Ск. I стр. 142).

А лелѣйка сполелѣй да сине море,

А какъ не долго синю морю лелѣявати.

(Рыб. III стр. 452).

Какъ вешняя вода по лугамъ разливалась,

Облелѣяла сила поганая

Вокругъ острогу Бомарскаго.

(Др. Р. ст. стр. 223).

Тамъ на морѣ дый на сининькииъ,

Лелѣя вода на морѣ.

(Ш. Бр. п. стр. 122).

Лукоморья:

Изъ-за славна синя моря Волыискаго,
Изъ-за того Кадоляскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго.

(Риб. I стр. 318).

Лѣпный—красивый въ Олонецк. губ. (Этн. сб. вып. 6 стр. 11).

Море вм. озеро:

Да ты дайко теперь Боже, дайко Господи!
Тиху тишиньку на синемъ на Оябгушеѣ,
Благодать да ты на кругломъ этомъ морюшеѣ.

(Б. Пр. стр. 254).

Насадъ—большая лодка (Этн. сбор. вып. 6 Слов. Ол. г. стр. 14).

Незнаемъ:

Прилетали перелетны малы птиченьки,
Малы птиченьки летѣли то незнаемья.

(Бар. Пр. стр. 26).

Отня стола...

Не храбры сыновья растутъ безъотніи.

(Бар. Пр. стр. 2).

Желѣзніи папорзи...

Поперсье—нагрудникъ у сѣдла (Этн. сб. вып. 6 стр. 28)

У тебя, кормилецъ батюшка,
Знать, съ укладу сердце складено,
Со желѣза груди скованы.

(Б. Пр. стр. 53).

Полозію ползоша (В. Мил. ?)

Полазъ—змѣй, по повѣрію жителей Уваровской станции на берегу Иртыша, оставляетъ послѣ себя тропу какъбы выжженную огнемъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 125).

Поросъ ? быкъ.

(Бар. Пр. Слов.)

Путини желѣзны:

Связали Михайла ручки бѣлыя
Во путини шелковныя,
Какъ расправилъ Михайла ручки бѣлыя,
Поразломали путини шелковныя.

(Рнб. III стр. 110 111).

Распущени отъ распудить.

... упудиться въ Тверск. г. испугаться (Этн. сб. в. I стр. 246).

... пудзиць—пугать (Ш. Слов. къ Бѣр. п.).

Рано позвониша заутреню, рано плачетъ.

Рано зазвонили къ заутрени.

(Др. Р. стих. стр. 152).

У нядзелю рано

Жана мужа пропытала.

(Ш. Бр. п. стр. 253).

**Рыскать—поганные нарищуще—въ знач. скоро, быстро
набѣгать—въ Влкр. очень употребительно.**

У кого конь порнскучае?

(Кир. I стр. 8)

Это началъ онъ по чистому порнскивать.

(Гильф. О. б, стр. 328).

Рѣчь говоряхуть:

Дѣвица съ молодежъ рѣчи говорила.

(Др. Р. ст. стр. 259).

Овлуръ свисну за рѣкою:

Иванъ свищиць

Коней ищиць

Хочиць ѣхаць

Ды за рѣчоньку (Ш. Бѣл. п. стр. 169).

Свычай:

Тутъ спускалися они съ добрыхъ коней,

Какъ Илья свыченъ, догадивъ былъ.

(Рнб. I стр. 83).

Смысленный—

На словахъ была побѣдна смысловатая,
Разговорная съ народомъ, людьми добрыми.
(Бар. Пр. стр. 280)

Софія—вообще большая церковь.

Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
Учудной Софіи премудрыя:
У того ли то у Ивана у Великаго
Завсегда звонятъ во царь-колоколь.
(Др. Р. стих. стр. 71)

Стремены:

Вязалъ Соловья Рахматова
Онъ ко лѣвою ко стремени.
(Гильф. Он. 6. стр. 18)

Хоботы:

Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ...
(Др. Рус. стих. стр. 271)

На этомъ ли сараѣ колесистомъ,
На этомъ ли дворѣ хоботистоемъ...
(Бар. Пр. 21 стр.)

Тебя брали во кружки да хоботистыи (хороводы, из-
вивающіеся подобно хвосту Б. Пр. стр. 93); ухоботье
—охвостки колосьевъ

Хути́ть? хоронить (Пр. Бар. Слов. и Этн. сб. в. 6
Слов. Ол. г.)

Чаюшка—водоплавна (Гильф. Об. 1232).

Это не оправдываетъ перестановки, сдѣланной г. По-
тебнею: чайцами на вѣтрѣхъ (Ф. З. 1878 г. II, 127).

Чернядь—жирная черная утка въ Арх. г. (Ш.
доп. въ Сл. Дал.).

Чили:

Чи спишь ляжишь, аль спочиваешь?
(Въ Псков. г. III. Р. п. стр. 391)

Слауный пане Иванька!

Ци спишь, ляжишь,

Ци отпочиваешь?

(Ш. Бр. п. стр. 45)

Ч р ь л е н ь: На томъ на черленомъ кораблѣ...

(Рыб. I стр. 318)

Исполадимъ ка насадъ черлений.

(Рыб. II стр. 278)

А увидѣли козаки тѣ корабли червленныя (Др. Р. ст. стр. 74).

Чирвоныхъ ягодокъ ня урожу...

(Ш. Вѣлор. п. стр. 195).

Ш е л о м ъ:

Полагала шеломъ на буйну голову.

(Рыб. I стр. 350).

А и гой еси, сударыня матушка!

А не пеленай во пелену червчатую,

А не пояси въ пояся шелковныя,—

Пеленай меня, матушка,

Въ крѣпки латы булатныя,

А на буйну голову клади златъ шеломъ.

(Др. Рус. ст. стр. 31.)

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ ВО II ВЫПУСКѢ.

Напечатано:	должно быть:
Стр. строк.	
12—19 напечаталибъ - - - - -	- напечатали бы
13 - 32 въ палеографическихъ . - -	- палеографическихъ
15—27 нсьмо - - - - -	- письмо
18— 2 тогда - - - - -	- (тогда
- —20 всего - - - - -	- сего
19—18 Помѣтокъ- - - - -	- Попытокъ
23—23 стренмень - - - - -	- стремень
24—34 рассушасъ - - - - -	- рассушасъ
25—15 япончицами - - - - -	- япончицами, Япо- слову (не опечатка ли?)
27—11 стряпъ - - - - -	- стряпа
28-- 1 Володимира (1) - - - - -	- Володимира (1), Владимира (4), воронъ (1)
30—послѣ 10 строки пропускъ -	щъ в. ж: розпущени.
58—16 нужно - - - - -	- нужно бы
71— 1 Точно также и пр. нужно бы	напечатать съ но- вой строки.
84 - 21 Въгрожатъ - - - - -	- въсрозжатъ
88—35 Канины - - - - -	- канины
89— 2 канины - - - - -	- Канины
109—12 и здѣсь - - - - -	- здѣсь
117—23 Беславъ - - - - -	- Всеславъ
124—23 угубъ - - - - -	- сугубъ
126—32 Затво и - - - - -	- Затвори
130— 8 въ Словѣ - - - - -	- въ словѣ—
132—14 Святославича - - - - -	- Святославича
135—15 Словъ - - - - -	- Словъ и
136— 5 второе - - - - -	- второе

137—17	о Мамаевомъ	- - - -	- о Мамаевомъ
140—10	Половетція	- - - -	- Половетція
144—21	земля....	- - - -	- землю....
145—26	Стри божи	- - - -	- Стрибожи
150—11	земь	- - - -	- землянь
151—16	притопташися	- - - -	- притопташеса
157 - 6	солице	- - - -	- солнце
162— 6	въ другихъ,	- - - -	- въ другихъ;
163—20	каріантовъ	- - - -	- варіантовъ
164— 2	Въ заключеніе	- - - -	- Въ заключеніи
165— 4	одинаковъ	- - - -	- одинаковъ
168—17	выраженіями въ извѣстныхъ	выраженіями. Въ из-	вѣстныхъ ему
— —19	произведенія;	- - - -	- произведенія,
168—34	съ Донцами,	- - - -	- съ Донцемъ,
173—20	велики"	- - - -	- великим"
180 - 6	Не стотря	- - - -	- Не смотря
182—23	у ариша	- - - -	- удариша
196—16	скликаючи	- - - -	- скликаючи
186—17	крупа	- - - -	- трупа
— — 1	п омутѣніемъ	- - - -	- помутѣніемъ
199—29	на Вогу	- - - -	- на Вагу

ПОПРАВКИ КЪ 1-му ВЫПУСКУ.

Стран. Строчки.

55 —	съ 11-й строки „и что лучше,“)	вовсе не нужно.
	по 14 „версть“ - - - -)	
—	33 вѣ. Знаніе Сербскаго яз-)	Пониманіе духа
	ка - - - - - нужно:)	Сербскаго языка.

Опечатки во 2 выпускъ.

Стр.	Строк.		
21	— 2	подченены	подчинены
34	— 7	предъ	предл.
37	— 15	Глѣбовны.	Глѣбовны, красны дѣвице,
41	— 15	подаеть	подасть
43	— 12	омъ	амъ
45	— 1	какоукъ	кокоують
45	— 9	сочитаются	сочетаются
49	— 28	предлагалось	предлагались
58	— 27	жемчужину	жемчужну
72	— 19	и ни съ лѣтописью	и съ лѣтописью
80	— 13	трехъ	четырехъ
97	— 1	режост	режоста
98	— 1	порсиченными	испорченными
116.	— 1, 2	и 3 строки вовсе ненужны	
116	— 16	къ ненужно	
120	— 30	имъ	«имъ»
129	— 23	сокорамъ	сорокамъ
163	— 4	рабогѣнне	рабогѣнне
164	— 1	враговъ	враговъ,
171	— 7	Всеволодовичу	Всеславьевичу
208	— 17	стрѣлъ	стрѣлялъ
213	— 14	коровыя берези Немизи	коровыя берега Немиги
226	— 9	Та	Да
235	— 17	заспѣсивался	заспѣсивился
241	— 24	они	она
	26	Гридница и нечестно	Гридница
	29	Безчестно	Безчестно и нечестно

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Въкъ рукописи и характеръ письма	1
2. Языкъ Слова со стороны звуковъ и формъ, какии онъ является по изданію М. Пушкина	19
3. Исправленіе первопечатнаго текста	49
4. Судьбы Слова о п. Иг. въ послѣдующей Русской литературѣ	133
5. Отношеніе Слова о п. Иг. къ Сѣвернорусской народной повѣи и языку	189



THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

